

ИСТОРИЯ СССР

АКАДЕМИЯ
НАУК
СССР

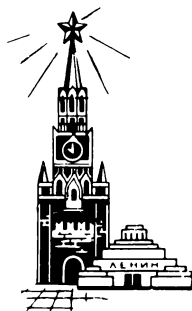
ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ
СССР

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В МАРТЕ
1957 ГОДА

ВЫХОДИТ
6 РАЗ В ГОД

6 · 1990

НОЯБРЬ · ДЕКАБРЬ

МОСКВА
· НАУКА ·

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

К. Ф. ШАЦИЛЛО (*и. о. главного редактора*),
Б. В. АНАНЬИЧ, В. И. БОВЫКИН, Г. А. ГЕРАСИМЕНКО, В. Я. ГРОСУЛ,
В. П. ДМИТРЕНКО, А. П. КОРЕЛИН, Н. Е. КОРОЛЕВ, Ю. С. КУКУШКИН,
В. С. ЛЕЛЬЧУК, Б. Г. ЛИТВАК, Л. В. МИЛОВ, Л. Н. НЕЖИНСКИЙ,
А. П. НЕНАРОКОВ, Е. И. ПИВОВАР (*зам. главного редактора*),
Ю. А. ПОЛЯКОВ, М. А. РАХМАТУЛЛИН (*зам. главного редактора*),
А. Н. САХАРОВ, С. В. ТЮТЮКИН, В. А. ФЕДОРОВ, Я. Н. ЩАПОВ

Адрес редакции:

103031, Москва, К—31, Кузнецкий мост, 19, тел. 925-34-61

Ответственный секретарь *Ю. В. Мочалова*, тел. 924-29-31

EDITORIAL BOARD

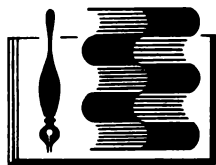
K. F. SHATSILLO (*Editor—in—chief ad interim*)
B. V. ANAN'ICH, V. I. BOVICKIN, G. A. GERASIMENKO, V. Ia. GROSUL,
V. P. DMITRENKO, A. P. KORELIN, N. E. KOROLEV, Iu. S. KUKUSHKIN,
V. S. LEL'CHOUK, B. G. LITVAK, L. V. MILOV, L. N. NEZHINSKII,
A. P. NENAROKOV, E. I. PIVOVAR (*Assistant editor-in-chief*),
Iu. A. POLYAKOV, M. A. RAKHMATULLIN (*Assistant editor-in-chief*),
A. N. SAHAROV, S. V. TIUTIUKIN, V. A. FEDOROV, Ia. N. SCHAPOV

Address

19, Kuznetsky Most. Moscow, U. S. S. R. Tel. 925-34-61

Managing Editor *Iu. V. Mochalova*, tel. 924-29-31

РУКОПИСИ ПРЕДСТАВЛЯЮТСЯ В РЕДАКЦИЮ В ДВУХ ЭКЗЕМПЛЯРАХ ОБЪЕМОМ НЕ БОЛЕЕ 1,5 АВТОРСКОГО ЛИСТА (36 СТР. МАШИНОПИСИ ЧЕРЕЗ ДВА ИНТЕРВАЛА). В СЛУЧАЕ ОТКЛОНЕНИЯ РУКОПИСИ АВТОРУ ВОЗВРАЩАЕТСЯ ОДИН ЭКЗЕМПЛЯР, ДРУГОЙ ОСТАЕТСЯ В АРХИВЕ РЕДАКЦИИ.

С Т А Т Ь И

© 1990 г.

М. Н. ГУБОГЛО

К ИЗУЧЕНИЮ СОВРЕМЕННОЙ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В СССР

Исследование этнополитической ситуации как некоего синхронного состояния функционирующих в определенном политико-административном образовании этнических и общественных единиц и движений, взаимосвязи между ними можно рассматривать как самостоятельное научное направление, имеющее прикладной характер.

Подобно этнодемографии¹, этногеографии², этносоциологии³, это — синтетическое направление. Вместе с тем по своим целям и задачам, предметной области и применяемым методам оно близко к получившей известность в зарубежных странах этнополитологии, к опыту которой надо внимательно присмотреться. И прежде всего надо обратить внимание на его предметную область, включающую общетеоретические или описательные материалы об этнической политике и этнополитической ситуации, данные прикладных исследований о реальных этнополитических процессах в тех или иных конкретных регионах, документы и материалы, в том числе политические программы этнических, национально-освободительных и национально-возрожденческих движений, специальные материалы об этнополитическом статусе и судьбах исчезающего аборигенного населения национальных меньшинств, иммигрантов.

Наше отставание в этнополитологических исследованиях особенно резко бросается в глаза на фоне непрекращающихся сегодня межэтнических конфликтов в стране. Без преувеличения можно сказать, что мы до сих пор не вышли из тупика, в который попали из-за непонимания и недооценки того, как политизированная этничность способна дестабилизировать климат межэтнических взаимоотношений и провоцировать конфликты.

Нужно признать, что изученность политизированной этничности в СССР находится в эмбриональном состоянии. Хотя справедливости ради надо отметить, что в несколько иной терминологической упаковке круг сходных проблем — национально-государственного строительства, межнациональных отношений, культурного и языкового развития — постоянно был в поле зрения многих советских ученых.

На изучении этой области общественных явлений тяжелейшим образом сказалась профанация науки в период культа и застойные годы. Многие работы были написаны без учета хода реальных процессов, без анализа ведомственной,

---

Губогло Михаил Николаевич, доктор исторических наук, заместитель директора Института этнографии АН СССР.

государственной статистики, без специальных обследований и, как правило, носили начетнический или заздравный характер. Исключение составляли этносоциологические исследования 70-х — начала 80-х гг по всесоюзному проекту «Оптимизация социальных и культурных условий развития и сближения наций в СССР» (автор проекта Ю. В. Арутюнян). Эти исследования получили широкое признание, переведены на ряд иностранных языков. Они высоко оценены советской и мировой научной общественностью, хотя и несли на себе черты исторически обусловленной ограниченности.

На пороге последнего десятилетия XX в. межнациональные отношения в СССР приобрели кризисный характер, что вызвано последствиями догматических подходов к реализации социалистической идеи, культа Сталина, сложившихся в стране командно-административных методов управления территориями, когда интересы проживающего в национальных регионах населения почти не принимались во внимание, а экстенсивное развитие экономики, бесконтрольные урбанизационные процессы расширили и ускорили экспансию ведомств и министерств в республики.

Разрушается природная среда обитания жителей многих районов страны. Нарушенная экология, в свою очередь, искажает многие нормальные процессы развития народов, что ведет к денационализации, способствует эрозии интернационализма⁴ Вместо «национальных» приоритетными стали аппаратно-ведомственные интересы. Дело шло к тому, что вместо многонациональной страна постепенно превращалась в мультиведомственную.

Следует учитывать также, что многонациональный состав населения союзных республик серьезно осложняет воплощение в жизнь декларированного КПСС принципа национального самоопределения. По переписи 1959 г., в 14 союзных республиках проживало 31,9% некоренного населения, в 1970 г. — 32,8%, в 1979 г. — 32,5%, в 1989 г. — 31,8%. Вследствие многонационального состава и стремления наций, образующих республики, к однонациональной государственности складывается взрывоопасная этнополитическая обстановка. Надо отметить, что не лишены такого рода противоречий и передовые страны Запада, новые афро-азиатские государства, присущи они и странам, переосмысливающим построенный ими социализм. Достаточно в этой связи напомнить, что 3—3,5 тыс. народов мира расселены в пределах не более 170 самостоятельных государств.

В СССР в ряде случаев многонациональность союзных республик дополняется некоторой внутринациональной этнической или точнее этнополитической неоднородностью. Даже в составе национальностей, имеющих свою союзную республику и неограниченные возможности для воспроизводства своей этничности, есть часть населения с неустойчивой или частично размытой этничностью. Речь идет, в частности, о тех группах населения, для которых родным стал язык другой национальности. По переписи 1970 г. и 1979 г., эта доля населения составляла среди русских в союзных республиках 0,9%, среди нерусского населения СССР в 1959 г. — 12,4%, в 1970 г. — 13%, в 1979 г. — 14,4%. Кроме того, часть некоренного населения союзных республик была ориентирована на адаптацию в систему национальной культуры и языка союзно-республиканских наций. Именно национальные группы и национальные меньшинства находятся в настоящее время фактически в бесправном положении. В нашей стране социальная инфраструктура районов СССР, населенных ими, значительно хуже, чем в районах обитания коренной национальности союзных и автономных республик. Ущемляются их экономические и социально-культурные интересы. Нет общесоюзных программ по оказанию целенаправленной помощи в подготовке специалистов различных отраслей народного хозяйства, художественной интеллигенции. Неоднократные перекройки административно-территориального деления внутри союзных республик дестабилизировали такой нациеобразующий фактор, как чувство «родной земли», и серьезно затруднили в конечном счете нормальное развитие консолидационных процессов среди национальных меньшинств.

Серьезными остаются перекосы в кадровой политике республиканских ведомств в районах, где имеются нацменьшинства. Социальная структура здесь напоминает пирамиду с инациональной (главным образом коренной национальностью) остроконечной вершиной. Все это вызывает у малочисленных народов чувство социальной несправедливости. Конечно, за годы перестройки наметились некоторые позитивные сдвиги в решении давно назревших социально-культурных проблем, однако коренных перемен в статусе национальных меньшинств все же не произошло⁵

Развернувшаяся в условиях перестройки справедливая борьба народов, имеющих свои союзные республики против диктата ведомств и министерств за свое национальное возрождение, создание ими сильных новых формальных структур по обслуживанию преимущественно своих интересов, к сожалению, сопровождается в ряде случаев ущемлением прав инационального населения республик, национальных меньшинств. В этом суть теоретически нерешенной и практически непредсказуемой противоречивости двух тенденций современной этнополитической ситуации в СССР. Жизненные потребности инациональных групп союзных республик игнорируются. В новой форме осуществляется старая, доставшаяся от прошлого, от времен сталинизма и послевоенных лет дискриминация меньшинств, по существу, их ассимиляция (исключением был короткий промежуток времени конца 50-х — начала 60-х гг., когда были предприняты отдельные меры по удовлетворению потребностей малочисленных народов и национальных групп в развитии их самобытных культур и языков)

Нынешний кризис этнополитической ситуации во многом определяется также действием двух взаимосвязанных тенденций: ослаблением формальных структур, в частности, падением престижа Компартии, отказом ее от монополии на власть и выходом на политическую арену свежих сил — различных неформальных организаций.

По мере социального «вызревания» общественных, в том числе национальных, движений в Прибалтике, Молдавии, Белоруссии, на Украине, в некоторых республиках Средней Азии отчетливее проясняются их стратегические замыслы и тактические действия. Прежде всего проявляет себя стихийная тенденция к размежеванию населения по национальному составу, а также навязываемая этническим большинством республик тенденция разгосударствления образа жизни проживающих в них национальных меньшинств.

Политизация этничности национального большинства в республиках может иметь прогрессивный характер для судеб самого большинства, но одновременно стать причиной регресса меньшинства, поскольку последнее обрекается на неизбежную маргинальность, или оцепенелую нейтральность. Причем порой эти процессы протекают не обязательно в явной (открыто насильственной) форме. Так, например, введение обязательного экзамена по государственному языку, на первый взгляд, вполне объяснимое требование с точки зрения большинства. Но для ряда меньшинств этот экзамен, означающий по сути переход от добровольного двуязычия к обязательному трехязычию есть скрытая дискриминация, серьезное препятствие во всех сферах жизни, в том числе в социально-профессиональной карьере.

В свете этого попытки деполитизации возникающих, еще маломощных движений национальных меньшинств за свое национальное возрождение, попытки парт- и госаппарата союзных республик порой вкуче с народными фронтами национального большинства направить энергию и требования меньшинств в русло национально-культурных ассоциаций и обществ представляют собой дискриминацию этих меньшинств. К сожалению, права национальных групп и малочисленных народов пока не учтены ни в Конституции СССР, ни в национально-государственном устройстве страны, ни в каких-либо законодательных актах. Особо бросается в глаза неравноправное положение национальных групп по сравнению с остальными народами, нередко значительно меньшими по численности, но имеющими свои национально-государственные образования.

В рассмотренном Верховным Советом СССР в первом чтении проекте Закона «О свободном национальном развитии граждан СССР, проживающих за пределами своих национально-государственных образований или не имеющих их на территории СССР», предусматривается удовлетворение национальных запросов национальных меньшинств, но лишь на основах национально-культурной автономии. 24 апреля 1990 г. депутаты Совета Союза Верховного Совета СССР торпедировали три важнейшие статьи этого закона, посвященные национальным административно-территориальным единицам, отказав национальным группам и национальным меньшинствам в праве: 1) создавать свои национальные административно-территориальные единицы (национальные районы, национальные поселки и национальные сельсоветы), 2) участвовать в представительных органах власти, 3) иметь представительство в исполнительных и распорядительных органах, 4) использовать родной язык во всех сферах деятельности, 5) развивать национальную культуру, традиции и быт, 6) получать информацию на родном языке. Все это расширяет основания для эскалации межнациональных напряжений. Речь идет об отказе в удовлетворении национальных прав не только тем 7 млн. представителей национальных меньшинств, которые не имеют своих республик и автономных образований, но и тем 25,3 млн. русских, которые проживают в 14 союзных республиках, и еще 18,8 млн. человек нерусской национальности, отколовшимся от своих этносов.

Объективные закономерности экономического и социального развития нашей страны ведут к неуклонному росту численности городского населения. При этом столь же неизбежно и практически повсеместно происходит рост его многонациональности. Формой реализации национально-культурной жизни для различных национальных групп городского населения могли бы стать соответствующие национально-культурные ассоциации-землячества с культурными центрами. Как известно, система землячеств (или близких по типу объединений) с культурными центрами, национальными обществами и т. п. действует во многих странах (в некоторых восточноевропейских государствах эта система создана для народов, не имеющих территориальных автономий). Все эти и подобные проблемы чрезвычайно остры сегодня, и дальнейшее молчание общественных наук, отсутствие в этой сфере каких-либо прогнозов далее недопустимо.

Явления политизации этничности национального большинства и попытки (сверху) деполитизации этничности меньшинства, бесспорно, усиливают внутреннюю дифференциацию современных этнополитических процессов и выдвигают в повестку дня ряд новых исходных принципов их изучения. Большое практическое значение имеет определение состояния этнополитической ситуации, форм этнополитических процессов, знание перспектив и масштабов реализации национальной идеи, ее взаимосвязи с политическими факторами. Необходимо изучение причин межэтнических конфликтов, их классификация и типологизация, поиск подходящих конкретных рецептов-рекомендаций для преодоления кризисных явлений. В современной этнополитической ситуации противоречия рождаются во взаимодействии двух тенденций — консолидации национальностей и их интеграции. Мы, похоже, уже сделали шаг вперед от бесплодных дискуссий застойного времени о приоритетности одной из них к признанию того, что действие этих тенденций не протекает без противоречий и без борьбы. В связи с этим встает задача изучения по крайней мере трех групп противоречий: 1) между развитием отдельных национальностей и многонациональным сотрудничеством (межреспубликанские); 2) между формированием и реализацией национальных и общесоюзных интересов и потребностей; 3) между коренной нацией или национальностью, имеющей свое национально-государственное образование и национальными группами, проживающими в данной республике, и не имеющими национально-государственного либо национально-автономного образования.

Пока есть национальности, всегда будут иметь место неравномерные темпы их экономического и социально-культурного развития. В этом также заложен источник межнациональной напряженности. И его необходимо изучать.

Объектами этнополитического исследования выступают этнические единицы, формальные и неформальные политические организации, система взаимо-

отношений между первыми и вторыми, а также взаимосвязи внутри них.

В нынешней сложной обстановке, в условиях, когда с большим надрывом идет реформа политических институтов, возрождение национальной культуры, языка и обновление образа жизни, перед отдельным человеком встают порой очень не простые вопросы этнической идентификации. Поляризация мнений, усиление противостояния, последовательное «оформление» оппозиции — эти и другие факторы ужесточают проблему выбора, повышают значимость этнической идентификации личности.

Еще совсем недавно межнациональные браки интерпретировались в нашей науке как убедительный реальный пример интернационализации, свидетельства дружбы народов. В большинстве случаев так оно и было. Симпатии распределялись не по-национальному, а по более высокому, общечеловеческому признаку. Сегодня межэтнические конфликты нередко разрывают прочные семейные узы, внося раскол как раз в ту сферу, которая создавалась без какого-либо указания сверху.

Рамки и масштабы маргинальности в этнической сфере в основном нам были известны. Это не только 15% национально-смешанных браков в стране, но и значительные контингенты лиц с расшатанным или раздвоенным национальным сознанием, когда, например, национальность и родной язык не совпадали. Так, по переписи 1989 г., 7,7% всего населения страны указало родным язык не своей, а иной национальности.

Сегодня, когда нарастает плюрализм гражданских, политизированных движений, особую актуальность приобретает политическая идентификация, политическое самоопределение личности. Маргинальность на политической арене — для нас совершенно новое явление. Мы давно от нее отвыкли. О ее масштабах свидетельствует, в частности, пример Литвы, где в начале 1990 г. в ходе размежевания Компартии около 100 тыс. коммунистов заняли выжидательную позицию⁶. Совершенно очевидно, что этнополитический анализ не может пройти мимо этой массы людей.

Нуждается в серьезной проверке ряд аксиоматических утверждений, кочевавших совсем недавно из одной книги в другую. Так, например, специалисты в области национальных процессов некритически восприняли из хорошо известной на Западе теории коммуникации идею о том, что интенсификация межнациональных контактов однозначно приводит скорее к взаимопониманию, нежели к взаимному отчуждению. Эта теория в известной мере нашла подтверждение и в эмпирических данных в ходе этносоциологических исследований, хотя именно этносоциологи не дали себя ввести в заблуждение. Было обнаружено, что на практике наращивание интенсивности контактов порой вело к обратному эффекту. В условиях роста этнического самосознания и пробудившейся этнической активности, когда консолидационные процессы пошли опережающими темпами по сравнению с процессами общегосударственной интеграции, учащение контактов дало обратный эффект. Пример тому — Прибалтика. Расширение зоны межнациональных контактов за счет последовательного роста удельного веса неэстонского, нелатышского населения, при одновременном росте национального самосознания эстонцев и латышей привело к открытой межэтнической конфронтации. В связи с этим возникает задача углубленного исследования теории коммуникации.

В перестройке общественных отношений, в совершенствовании политических институтов и условий существования этнических организмов важное место принадлежит факторам, определяющим интенсивность, масштабность и основные направления деятельности национальных движений.

Пока нет сколько-нибудь удовлетворительного теоретического обоснования многовариантности самого понятия «национальное возрождение». Для одних народов — это политическая борьба за достижение независимости, суверенитета, вплоть до выхода из состава Советского Союза, для других — лишь удовлетворение культурно-языковых запросов на началах или в форме культурно-

автономных образований. Общими для всех народов являются требования социальной справедливости, восстановления нарушенного экологического баланса, экономического, национального и культурного суверенитета. Перед национальными группами, национальными меньшинствами, расселенными в союзных республиках, возникла задача по сохранению своей самобытности в условиях консолидирующейся инациональной среды. Депортированные народы повели борьбу за восстановление прежних форм государственности, возвращение на места прошлого обитания и возмещения им понесенного материального урона. Все эти явления нуждаются в изучении.

Социально-этнический, половозрастной, культурно-образовательный состав участников национальных движений отличается крайней неустойчивостью и неоднородностью. Разнообразие и внутренняя их дифференциация во многом предопределяются политической зрелостью народов, масштабами причиненного им урона, совокупностью и глубиной накопленных деформаций, зрелостью исторически сложившихся демократических институтов и рядом других обстоятельств. Потребуется новые методы сбора, систематизации, интерпретации разнообразной информации, в том числе сбор ведомственной статистики, организация и проведение массовых и локально ограниченных экспресс-опросов, интервьюирование, систематический, по возможности фронтальный контент-анализ периодики (газет, журналов), информационных бюллетеней, издаваемых органами национальных движений. Объектом исследования должны стать непосредственные носители и выразители проявившегося в ходе перестройки социального противоречия — участники и лидеры национальных движений.

Уже сегодня наблюдатели фиксируют зачатки новых наряду со старыми, как мир, тенденций в среде этих движений. Начав свою деятельность под броскими лозунгами борьбы с бюрократическими пережитками имеющихся властных структур, неформальные движения, в свою очередь, сами начали формализоваться. Уже немало примеров того, что они создают свои руководящие органы, правления, думы, сеймы, координационные советы и центры, свои печатные органы. Развенчивая неэффективные методы идеологической работы партии, многие из этих движений сами ведут идеологическую обработку населения для пополнения рядов своих сторонников.

Национальные движения в СССР набирают политический опыт. Совершенно очевидно, что обществоведы, особенно работающие в центральных учреждениях, серьезно отстают в осмыслении и, пожалуй, в понимании происходящих событий. И если это отставание в какой-то мере было терпимо и как-то оправдано, когда эти движения только зарождались, теперь, по истечении некоторого времени, когда появились программы и другие документы этих движений, отставание должно быть преодолено. Более того, представляется, что неформалы точно так же нуждаются в науке, как и научные работники в информации о неформалах. Взаимная заинтересованность проистекает из того факта, что в нынешней непрочной этнополитической ситуации как формальным, так и неформальным структурам явно недостает профессионализма, компетентности в расчетах и прогнозах, учета реальной ситуации и текущего момента, конкретных позитивных мер. Без этого демократия превращается в пустоцвет. На ее ниве произрастают всходы разрушения и нет урожая созидания.

Осуществление теоретических исследований, выработка рекомендаций сегодня немислимы без обширной информационной базы, без систематически организованного сбора сведений, материалов и документов.

Надо не упустить из поля зрения информационные материалы, освещающие место национальных движений в жизни как нации, давшей название республике, так и остальных народов, населяющих ее, в межнациональных (межреспубликанских) и внутриреспубликанских отношениях.

Аннотированная информация о предпосылках и о текущей истории национальных движений может собираться по таким направлениям:

- 1) Объективные и субъективные предпосылки возникновения националь-

ного движения; причины: экономические, исторические, правовые, демографические, экологические; национальная культура, национальный язык, национальная символика,

2. Текущая история национального движения, организационные мероприятия, в том числе: гражданские инициативы, самостоятельные организации, инициативные группы, совещания, конференции, съезды, принятые документы организационных мероприятий, публикации активистов, идеологов движения, программы, платформы, резолюции, решения, манифесты, обращения, лозунги; формы борьбы, массовые действия и акции.

3. Цели, задачи, требования национальных движений: средства борьбы, численность, состав участников, лидеры.

4. Идеология национального движения и уровень разработки ее методологических постулатов, в том числе соотношение национальной идеи с общечеловеческими ценностями.

Идеологические параметры национально-политических и национально-культурных движений нуждаются в серьезном изучении. Для того, чтобы представить себе в более или менее полном объеме линию пересечения интересов формалов и неформалов, надо знать состав альтернативного движения. В одной только Москве насчитывают свыше 150 неформальных структур. Кто кому противостоит, кто с кем против кого объединяется? Затруднительно получить ответ на эти вопросы как по Москве, так и по стране в целом, не классифицировав движения по политическим течениям, в числе которых ныне выделяются: социал-демократическое, либеральное и неолиберальное, национал-демократическое, национал-патриотическое, популистское, анархо-синдикалистское, экологическое, христианско-демократическое и др.

5. Развитие организационных форм движения (т. е. формализация неформалов) — от «кружка друзей» до создания партии, от вспыхнувшего интереса к изучению происхождения своего народа, его языка и культуры до движения широких масс за национальное возрождение.

6. Структура движения, его печатные органы (является ли их наличие условием признания самого движения); теоретические семинары (краткий перечень или примеры обсужденных тем); рабочие секции: дискуссионный клуб, библиотека, архив, летопись; рабочие органы движения: постоянные собрания, съезды фиксированных членов.

7. Функции движения: *этнизация* — проявление роста национального самосознания: *политизация* как способ выработки гражданской позиции; *социализация* — приобретение и реализация нового мышления, укоренение новых социокультурных навыков и норм поведения; *деидеологизация* и *переидеологизация* (новая оценка национальной идеи); *демократизация* — освобождение от старых догм и изживших себя социокультурных норм, обретение новых типических черт гражданского общества; *активизация* — влияние на формирование общественного мнения путем анализа ситуации, критики; состоятельность с формальными структурами, например, контроль за их деятельностью, этикой аппаратчиков и т. д.; партнерство — соучастие в выработке ориентиров национальной и социальной политики, участие в разработке и реализации управленческих решений.

Изучение этнополитической ситуации требует углубленной разработки теории, методологии, понятийно-терминологического аппарата, выработки новых подходов в ее историографическом освещении и источниковедческом оснащении. Едва ли не первым шагом в этом отношении должно быть определение рамок «внешней истории» и внешней среды этнополитических процессов, в которую входят следующие факторы: 1) этнодемографическая база, т. е. население, характеризующееся по полу, возрасту, семейному положению и иным демографическим показателям; 2) этнотерриториальная панорама, показывающая пространственное расположение, расселение этнических образований и рассредоточение формальных и неформальных структур по городам и селам, по администра-

тивными единицам; 3) этносоциальная база, определяемая, с одной стороны, социал-профессиональной структурой этносов, в том числе потенциалом интеллигенции, способной отражать и выражать их (этносов) национальные интересы, а с другой — культурной базой, отражающей уровень развития культуры, представленной всеми материальными и духовными результатами человеческой деятельности; 4) сеть учреждений этнополитического «обслуживания» населения, деятельность которых прямо или косвенно связана с выполнением функции этнизации и политизации, этнического функционирования и политической деятельности, например, институты реализации национальной политики (гос- и партаппарат, школа, книгоиздательские и книготорговые структуры, средства массовой информации и т. д.); 5) кадры (в том числе лидеры и идеологи), профессионально выражающие интересы той или иной этнической единицы; 6) национальная политика, являющаяся частью социальной и экономической политики, осуществляемой как государством, так и исповедуемой или частично уже реализуемой неформальными структурами.

При определении основных направлений изучения современной этнополитической ситуации представляется важным изучать общественное мнение относительно готовящихся решений инстанций и реакций на них, учет в практической деятельности национальных особенностей, национальных потребностей разнообразных групп населения.

Организация и проведение опросов в соответствии с программой научных исследований по фиксации общественного мнения, в том числе о целесообразности тех или иных мероприятий и т. д., требуют значительных средств (для оплаты оперативных опросов, подготовки материалов к вводу в машину, обработки накопленной информации).

Без самостоятельной информационной базы, являющейся непременным условием конкретно-социологического изучения современных национальных процессов, трудно ручаться за результативность, практичность выводов и рекомендаций.

Основу информационного банка данных по этнополитической ситуации и этнополитическим процессам могут составить: 1) материалы переписей населения; 2) данные государственной и ведомственной статистики; 3) документы формальных и неформальных структур и движений; 4) итоги специальных исследований (микрореперисы); 5) систематически накапливаемые данные периодики; 6) методические разработки и пакеты программ, а также стандартные методы и инструментально-исследовательские технологии; 7) отраслевая библиография; 8) терминологический банк данных. Сегодня важно на высоком историографическом уровне оценить имеющуюся литературу, и в первую очередь литературу на языках коренных национальностей республик.

В глубоком изучении нуждается, например, реформа федерации. Историографический обзор призван показать весь диапазон мнений по этому вопросу. Согласно точке зрения одной группы авторов, уже сегодня надо взять курс на разгосударствление национальной государственности, поскольку существующая ныне четырехчленная иерархическая структура национально-государственного устройства включает в себе фактическое неравноправие народов. Отсюда вывод: надо отказаться от принципа национальной государственности и перейти на территориальный федерализм. Эта концепция питается идеями, идущими от анализа мировых тенденций интеграции, интернационализации и глобализации этнополитических процессов.

Полярная, прямо противоположная концепция исходит из необходимости исчерпывающей реализации в национально-государственном устройстве принципа национального самоопределения. В основе этого подхода поддержанная депутатами межрегиональной группы Верховного Совета СССР идея равноправного огосударствления всех без исключения народов Советского Союза. В завершённой форме эта идея отражена в проекте Конституции СССР, предложенной А. Д. Сахаровым.

Критики иногда передергивают отдельные положения этой концепции, приписывая, в частности, ей то, что она якобы предполагает создание в рамках советской федерации более 100 самостоятельных, суверенных союзных республик. Смешение двух принципов — идеи единой национальной государственности и разнообразных форм ее реализации, ведет к ошибкам в объяснении самой концепции.

Между двумя крайними парадигмами — разгосударствления и огосударствления народов (национальностей) — в литературе высказывается немало вариантов федеративного устройства, имеющих гибридный характер, и основанных на сочетании принципов национальности, территориальности, государственности, а в самое последнее время и на принципах культурной автономии.

Сейчас преждевременно предлагать какие-либо рецепты. Еще нет уверенности в постановке точного диагноза по каждому конфликтному случаю. Можно лишь согласиться с теми парадигмами, согласно которым полное огосударствление всех существующих на земле этносов — утопия. Но это не означает немедленной деполитизации этносов уже сегодня. Видимо, применительно к нашей стране путь к деполитизации этничности лежит через промежуточный этап полной политизации всех тех многочисленных народов, которые история распорядилась разместить в рамках одного многонационального государства. Нельзя искусственно организовать прыжок через этот промежуточный этап. История нас уже сурово наказала за субъективизм, за то, что благодаря нам некоторые народы, например, народы Средней Азии и Казахстана, «прыгнули» из феодально-патриархального состояния, а народы Крайнего Севера и Дальнего Востока из родоплеменного строя — прямо в «развитой социализм». Чем это обернулось — перестройка высветила довольно наглядно: для первых — сращиванием коррумпированной части парт- и госаппарата с реанимированными патриархально-феодальными структурами, для вторых — как ни прискорбно констатировать — угрозой депопуляции.

Нынешние рекомендации к немедленной деполитизации этнического фактора означают на деле призыв к организации еще одного исторического прыжка и напоминают известный идеологический штамп «догоним и перегоним». Тактически, с учетом особенности этногенеза и этапов этнической истории народов СССР (большинство из них, как известно, являются автохтонными, в отличие от населения американского континента, где значительная доля — иммигранты) призыв к полной деполитизации следует признать несостоятельным. Даже, если смотреть на этнополитическую ситуацию нашей страны широко, не через привычные очки советцентризма, а с учетом опыта общемировых этнополитических тенденций, все равно у нас нет оснований допустить, что национальная идея полностью себя исчерпала. Судя по целому ряду международных документов, моральная сила принципа национального самоопределения весьма авторитетна и дает постоянно о себе знать.

Дальнейшее усиление общественных функций национальных языков, а дело идет именно к этому, уже в недалеком будущем еще в большей мере актуализирует проблему обмена опытом. В условиях, когда нет возможности (да, пожалуй, и необходимости) переводить всю республиканскую литературу на русский язык, актуальными становятся другие формы взаимопереливания ценностей: реферирование, историографические описания, составление двуязычных тезаурусов, словарей, глоссариев, терминологических справочников и т. д.

В современных условиях, накануне грядущей компьютеризации систем информационного обеспечения, немаловажное значение имеют и учет передового мирового опыта, и разработка применительно к собственным условиям методов и форм обработки, оперативности получения и выдачи библиографической информации, и доступность ее для широкого круга исследователей и читателей. Нуждается в серьезном изучении понятийно-терминологическая сторона дела. Обществоведам нужны новые одноязычные, дву- и многоязычные отраслевые словари. К созданию таких словарей стремятся представители всех

гуманитарных наук: уже появились словари: философский, социологический, демографический, литературоведческий и т. д. Увидели свет первые книги 10-томного свода этнографических понятий и терминов. Создан первый Глоссарий по этничности и этническим процессам. Представляется, что было бы целесообразным создать такой глоссарий и по этнополитической ситуации и этнополитическим процессам.

Разработкой проблем этнополитической ситуации в СССР занимается ряд зарубежных центров. Надо менять наше отношение к зарубежному опыту. Надо использовать интересные методики, ценный инструментарий. Чрезвычайно привлекательной кажется идея об организации серийного издания на русском языке наиболее ценных итогов зарубежных исследований по этнополитической ситуации.

По договоренности со специальными службами ЮНЕСКО целесообразно было бы организовать получение текущей информации о новейшей мировой литературе по ряду «этнополитических» тем. Можно сэкономить значительные средства, закупая в некоторых западных издательствах литературу, уже переведенную на русский язык.

Приходится констатировать, что сегодня у нас нет практически специалистов, которые могли бы на должном профессиональном уровне компетентно вести исследования и выработать серьезные рекомендации по экономическим, этноязыковым, демографическим, психологическим, экологическим и другим проблемам этнополитической ситуации. Незначительные научные коллективы по историко-партийным, историческим и философским проблемам национальных отношений (работающие соответственно в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, в институтах истории СССР и философии АН СССР) нуждаются в серьезном укреплении кадрами. Созданные в 1988 г. в Институте государства и права, в Институте психологии АН СССР новые подразделения смогут начать проводить серьезные исследования не ранее, чем через 2—3 года, т. е. когда будут подготовлены соответствующие специалисты. Недостаток кадров и средств мешает быстро развернуть широкоплановые работы и Центру по изучению межнациональных отношений АН СССР

Особую озабоченность вызывает положение с кадрами специалистов по национальным отношениям в некоторых союзных и автономных республиках, и особенно с традиционно мусульманским населением. По данным опроса, проведенного в сентябре 1988 г. Центром по изучению межнациональных отношений АН СССР, в Киргизской ССР, Таджикской ССР и Туркменской ССР очень мало специалистов, готовых на высоком профессиональном уровне анализировать состояние этнополитической ситуации, межнациональных отношений.

До сих пор мнение специалистов как экспертов по современным национальным процессам не принимается серьезно в расчет. Аналитические записки, подготовленные в институтах АН СССР и представляемые органам, принимающим решения, как правило, в этих решениях учитываются без достаточной гласности⁷ На XIX Всесоюзной партийной конференции, на сентябрьском (1989 г.) Пленуме ЦК КПСС большинство выступающих затрагивали вопросы межнациональных отношений. Не было лишь выступлений известных в стране специалистов. Ни в составе делегатов, ни даже в числе гостей партийной конференции и Пленумов ЦК КПСС не было профессионалов по национальной проблематике. Шаг вперед сделал Верховный Совет, на заседания которого стали приглашать экспертов для участия в разработке ряда законопроектов по вопросам межнациональных отношений.

Второй шаг был сделан на XXVIII съезде КПСС, в работе которого наряду с другими делегатами приняли участие профессионалы-обществоведы, в том числе этнограф Ю. И. Мкртумян, избранный членом ЦК КПСС, и этнополитолог В. А. Тишков, включенный в состав «Комиссии по подготовке проекта Программы КПСС», образованной XXVIII съездом КПСС.

Принятая съездом резолюция «Демократическая национальная политика —

путь к добровольному союзу, миру и согласию между народами», несмотря на ряд редакционных шероховатостей, все же значительно выигрывает при сопоставлении с Платформой ЦК КПСС «Национальная политика партии в современных условиях», принятой на сентябрьском (1989 г.) Пленуме ЦК КПСС. В резолюции выявлены противоречия современных национальных процессов и, пожалуй, впервые указан конкретный путь выхода из нынешнего тупика. Этот выход может состояться только в том случае, если в процессе преобразования СССР из унитарного государства в подлинное содружество народов основой политической стратегии партии в национальной сфере станет «безусловное признание права как каждого народа, так и личности на самоопределение»; если конкретная работа по комплексному разрешению социально-политических и национально-культурных проблем начнется «с проявления особой заботы о судьбе малочисленных народов, национальных меньшинств, тех, кто был лишен в прошлом своего статуса и исторической родины»; если ЦК КПСС и ЦК компартий союзных республик сделают все, чтобы претворение в жизнь принципов суверенитета «включало в себя защиту прав всех граждан, такие формы самоуправления и программы культурной автономии в республиках, краях, областях и округах, которые обеспечивали бы права и интересы национальных меньшинств и малочисленных народов». Если общесоюзные законодательные акты, принятые в последнее время, создадут необходимые предпосылки для решения фундаментальной проблемы — подготовки и заключения нового Союзного договора»⁸

В усиливающемся внимании советского общества к межнациональным отношениям заложен глубокий гуманистический смысл. К представителям всех национальностей должно вернуться подлинное чувство хозяина, вера в демократические принципы нашего образа жизни, что является одной из предпосылок свободного развития в единении всех национальностей Советского Союза.

Примечания

¹ Козлов В. И. Этническая демография. М., 1977. С. 53.

² Брук С. И., Козлов В. И., Левин М. Г. О предмете и задачах этнографии // Советская этнография. 1963. № 1.

³ Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Кондратьев В. С., Сусоколов А. А. Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследования. М., 1984.

⁴ См., например, обстоятельное обсуждение темы: «Большие проблемы малых народов», проведенное газетой «Советская культура» (1988, 11 февраля).

⁵ См., напр.: Губогло М. Н. Национальные группы и меньшинства в системе национальных отношений в СССР // Советская этнография. 1989. № 1; его же Национальные группы в СССР // Коммунист. 1989. № 10.

⁶ Известия. 1990. 17 февраля.

⁷ См. об этом подробнее: Что делать? В поисках идей совершенствования национальных отношений в СССР. М., 1989.

⁸ См.: Правда, 1990. 15 июля.

БЫЛА ЛИ ВОЕННАЯ УГРОЗА СССР В КОНЦЕ 20-Х — НАЧАЛЕ 30-Х ГОДОВ?

Рожденная перестройкой живительная, творческая атмосфера в общественно-политической и научной жизни нашей страны позволяет и требует по-новому взглянуть на разные стороны истории советской внешней политики, неразрывно связанной с общей историей международных отношений XX в., дать более полные, а при выявлении новой аргументации, существенно измененные оценки и выводы по различным ее этапам, вехам и сюжетам. Накопившихся проблем и нерешенных задач здесь много. Одна из них связана с необходимостью, на мой взгляд, переосмысления и уточнения оценки международного положения Советского Союза в конце 20-х — начале 30-х гг.

В советской научной и учебной литературе длительное время был широко распространен тезис о том, что одной из причин, побуждавших руководство СССР в конце 20-х — начале 30-х гг. к ускоренной индустриализации страны и коллективизации деревни, милитаризации всей экономики являлась якобы постоянно возрастающая прямая военная угроза Советскому Союзу со стороны капиталистического окружения. Но существовала ли реально такая угроза? И какие страны были ее непосредственными носителями? И можно ли считать, что СССР пребывал тогда в сплошь враждебном, однозначно не желавшем иметь с ним какие-либо дела капиталистическом окружении? Мы не располагаем пока серьезными научными трудами, которые давали бы возможность доказательно и всесторонне ответить на эти вопросы. В предлагаемой читателю статье делается попытка лишь поставить эти проблемы и по возможности приступить к их анализу.

* * *

Происхождение тезиса о «непосредственной военной угрозе» связано, на мой взгляд, с некритическим восприятием оценок международной ситуации, содержащихся в трудах И. В. Сталина, в материалах XV съезда партии (декабрь 1927 г.) и последующих Пленумов ЦК ВКП (б). 28 июля 1927 г. в «Правде» были опубликованы «Заметки на современные темы» Сталина. Начинались они такими словами: «Едва ли можно сомневаться, что основным вопросом современности является вопрос об угрозе новой империалистической войны. Речь идет не о какой-то неопределенной и бесплотной „опасности“ новой войны. Речь идет о реальной и действительной угрозе новой войны вообще, войны против СССР — в особенности»¹ Сталинские установки легли в основу партийных решений того времени. Уже в резолюции объединенного Пленума ЦК и ЦК ВКП(б) (29 июля — 9 августа 1927 г.) подчеркивалось: «Опасность контрреволюционной войны против СССР есть самая острая проблема текущего периода»². В резолюции XV съезда ВКП(б) говорилось, что «капиталистическое развитие в целом обнаружило тенденцию сократить исторические сроки мирной „передышки“, приблизить новую полосу больших империалистических

Нежинский Леонид Николаевич, доктор исторических наук, заведующий отделом истории внешней политики Советского государства Института истории СССР АН СССР.

войн и ускорить революционную развязку мировых конфликтов»³ Для Советского Союза это означало «прежде всего нарастающую напряженность отношений с буржуазными государствами, политика которых, несмотря на ряд внутренних противоречий между государствами и отдельными группами буржуазии, затрудняющих пока создание единого капиталистического фронта, становится все более и более враждебной по отношению к СССР и создает прямую угрозу империалистического нападения извне»⁴ Состоявшийся в ноябре 1928 г очередной Пленум ЦК ВКП(б), отметив необходимость «догнать и перегнать в технико-экономическом отношении капиталистические страны», что возможно «только при напряженном темпе развития индустрии и индустриализации страны вообще», особо подчеркнул: «Международная обстановка, крупнейшие технические успехи капиталистических государств, военная угроза делают осуществление этих задач совершенно неотложными»⁵ Впоследствии такого рода оценки и характеристики были еще более «заострены» и «усилены» в сталинском «Кратком курсе истории ВКП(б)». В нем конфликтные ситуации, действительно имевшие место во взаимоотношениях СССР с Великобританией, Китаем и некоторыми другими странами в 1927 г., подаются как едва ли не спланированный империалистами коллективный нажим на Советский Союз, поскольку «в укреплении социалистического хозяйства СССР капиталистические страны видели угрозу для существования капиталистической системы»⁶ Дальше — больше. Когда после «разгрома троцкистско-зиновьевского блока» империалисты, по утверждению Сталина, узнали о появлении в ВКП(б) «бухаринско-рыковской антипартийной группы», то, полагая, что «новые раздоры в партии являются признаком ослабления партии, они **«делают новую попытку втянуть СССР в войну и сорвать еще не окрепшее дело индустриализации страны»**⁷ (подчеркнуто мною. — Л. Н.), т. е. говорится о непосредственной угрозе войны, якобы возникшей в 1929 г К сожалению, эти совершенно необоснованно, на мой взгляд, выдвинутые «великим кормчим» постулаты на долгие годы были внедрены в научную и учебно-политическую литературу⁸ И лишь в последнее время начинают раздаваться голоса ставящие под сомнение такие оценки и выводы⁹

Нам представляется, что в истории международных отношений (по крайней мере XIX—XX вв.), когда речь шла об усилении непосредственной военной угрозы со стороны одного государства по отношению к другому, под этим, как правило, понималось доказанное наличие у стороны, готовящейся к нападению, следующих компонентов: а) отработанных стратегических планов предстоящей военной кампании; б) отмобилизованных и готовых к боевым действиям крупных воинских контингентов; в) потенциальных и реальных союзников в будущей войне. В связи с этим уместно поставить следующие вопросы: существовали ли в конце 20-х — начале 30-х гг. в какой-либо из граничащих с СССР стран или же в таких государствах, как Германия, Великобритания, Франция, Италия, США, Япония, основательно разработанные генеральными штабами планы развертывания в ближайшие годы войны против СССР с соответствующим экономическим, военным и политическим обеспечением такой войны? Обнаружил ли кто-либо из советских или зарубежных политиков, исследователей, разведчиков тогда или позже достоверные документы или иные сведения, подтверждающие наличие таких планов? Насколько мне известно, не обнаружил. Стало быть, версия о непосредственной военной угрозе СССР со стороны капиталистического окружения в конце 20-х — начале 30-х гг. повисает в воздухе.

А что же было? Нельзя сказать, чтобы на европейском пограничье (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша, Румыния) сохранялось полное затишье. Были и отдельные пограничные инциденты и периодические обострения по дипломатической линии в отношениях между СССР и этими странами. Печать с обеих сторон была заполнена нескончаемыми взаимными обвинениями и разоблачениями, далеко не всегда правдивыми и объективными, вызванными

чрезвычайной «заидеологизированностью» внешней и внутренней политики оппонентов. (Мы не касаемся здесь вопроса об освещении в зарубежной печати нарастающего вала репрессий, обрушенного на советских людей Сталиным и его приспешниками. Эта тема требует специального исследования.) В целом можно лишь сказать, что те зарубежные политики, публицисты и журналисты, которые в сталинских беззакониях усматривали проявление черт авторитарно-тоталитарного режима, имели для этого весомые основания.

По-разному складывались двусторонние отношения СССР с его соседями. Краеугольным камнем в отношениях Советского Союза с самым северным соседом — Финляндией служил советско-финляндский Юрьевский (Тартуский) мирный договор от 14 октября 1920 г., который, однако, по-разному оценивался в СССР и Финляндии. Правящие круги Финляндии рассматривали Тартуский мир как временное соглашение, которое рано или поздно (лучше раньше) следует пересмотреть в направлении вымогательства дальнейшего (притом очень существенных) территориальных уступок от Советского Союза. В основе такого подхода лежала набиравшая силу в 20-е гг. и широко культивируемая в Финляндии в 30-е гг. националистическая идея «Великой Финляндии», а также идеология и практика активного антикоммунизма. Отсюда то усиливавшееся, то затихавшее напряжение во взаимоотношениях между СССР и Финляндией в рассматриваемые годы. Советская сторона видела в Юрьевском договоре основу для построения нормальных, добрососедских отношений между двумя странами и стремилась их формировать и развивать именно в этом направлении. В целом же тогдашнее восприятие советским руководством характера отношений с Финляндией весьма точно сформулировал, на наш взгляд, исследовавший эти проблемы В. В. Похлебкин. «Было бы ошибочно утверждать, — пишет он, — что в то время у советского руководства существовал особый оптимизм по поводу дальнейшего развития советско-финляндских отношений, но нельзя также и утверждать, что возникал и особый пессимизм, поскольку в 20-х гг. отношение буржуазной Финляндии к СССР еще не столь резко отличалось в худшую сторону от отношения других капиталистических стран к Стране Советов. Если что и могло насторожить, так это особая последовательность, непрерывность и известная целеустремленность антисоветского курса Финляндии, отсутствие серьезных намеков на спад этого курса, что отмечалось в других странах»¹⁰

Отношения Советского Союза с прибалтийскими республиками этого периода — Эстонией, Латвией, Литвой — можно охарактеризовать в целом как нормальные. Их фундаментом служили мирные договоры между РСФСР и Эстонией, Литвой, Латвией, подписанные в 1920 г. Предпринятые в 1925—1926 гг. Польшей и Англией попытки втянуть прибалтийские страны в антисоветский блок успеха не имели. В 1926—1927 гг. советской дипломатии удалось заключить ряд соглашений, открывавших дорогу для дальнейшего развития отношений СССР с указанными странами в направлении добрососедства и сотрудничества. В сентябре 1926 г. был подписан договор о взаимном ненападении и нейтралитете между СССР и Литвой¹¹, в марте 1927 г. парафирован текст аналогичного договора с Латвией, в июне заключен советско-латвийский торговый договор, предоставивший обоим странам особые льготы в области экономических отношений¹²

Не просто складывались во второй половине 20-х гг. отношения СССР с Польшей. Мир, заключенный 18 марта 1921 г. в Риге между советскими республиками Россией, Украиной и Белоруссией, с одной стороны, и Польшей — с другой, открывал перед ними возможность наладить добрососедские отношения и сосредоточить внимание на решении неотложных внутренних проблем. Однако эта возможность в значительной мере нейтрализовывалась весьма сдержанным поведением правительственных кругов Польши, занимавших в первой половине 20-х гг. по отношению к Советскому государству позицию «ни мира, ни войны». Процесс нормализации советско-польских отношений

наталкивался на многочисленные трудности, одной из главных причин которых было неприязненное, а порой и откровенно враждебное отношение (по социальным мотивам) государственно-политического руководства Польши к СССР и то влияние, которое оказывали на внешнюю политику Польши Франция и Англия. Ситуация начала меняться с осени 1925 г. Обеспокоенные уступками со стороны Англии и Франции в отношении побежденной Германии, в условиях тяжелого внутриэкономического положения Польши правительство В. Грабского проявило готовность к улучшению отношений с восточным соседом. В сентябре 1925 г. состоялся первый за послевоенные годы официальный визит наркома иностранных дел СССР Г. В. Чичерина в Варшаву, доброжелательно воспринятый общественностью и официальными кругами Польши¹³. В январе 1926 г. Советский Союз посетила делегация польского сейма, а Польшу — советская экономическая делегация. В феврале польский сейм наконец ратифицировал польско-советскую консульскую конвенцию, подписанную еще в июле 1924 г.¹⁴ Предложенный Советским правительством в августе 1926 г. проект Советско-польского пакта о ненападении послужил основой для переговоров между Москвой и Варшавой по этому вопросу. Переговоры продвигались нелегко, а в июне 1927 г. и вовсе прервались в связи с убийством в польской столице советского полпреда П. Л. Войкова. Убийцей оказался молодой сотрудник выходившей в Вильнюсе газеты «Белорусское слово» Б. Коверда, сын российского белогвардейца. Думается, что до сих пор мы не имеем четкого представления о подлинных мотивах этого убийства. Было ли это «одно из проявлений систематической и планомерной борьбы против Советского Союза со стороны темных сил реакции и противников мира»¹⁵, как было сказано в ноте от 11 июня 1927 г. Советского правительства правительству Польши, злодеяние, которое, по словам Сталина, было организовано «агентами британской консервативной партии» и которое «должно было сыграть по замыслу его авторов роль убийства в Сараево, втянув СССР в военный конфликт с Польшей»¹⁶, или же это был поступок, обуяемого жаждой мести молодого монархиста, до которого дошли сведения о причастности Войкова к расстрелу царской семьи Романовых в июле 1918 г. в Екатеринбурге, как это предполагает А. И. Солженицын?¹⁷ Все эти вопросы нуждаются в дальнейшем изучении и исследовании. Здесь же отметим, что в любом случае это было преступление, которое, разумеется, привело к резкому обострению советско-польских отношений. Убийство Войкова вызвало волну возмущения не только в Советском Союзе, но и среди прогрессивной общественности других стран, в том числе и Польши¹⁸. В отместку за Войкова в СССР были расстреляны «двадцать террористов и поджигателей из рядов русских князей и дворян», что, по словам Сталина, было «необходимой мерой самообороны революции»¹⁹.

Польское правительство в ноте правительству СССР выразило искреннее сожаление и возмущение в связи с убийством П. Войкова²⁰. Б. Коверда был предан суду и осужден на пожизненное заключение. В дальнейшем правительство Польши предприняло усилия, направленные на быструю ликвидацию конфликта, вызванного убийством советского полпреда.

В сентябре 1927 г. возобновились советско-польские переговоры о заключении пакта о ненападении. Однако продвигались они туго. К соглашению по ряду причин прийти не удавалось²¹. Новые возможности для польско-советского сближения появились в связи с подписанием пакта Бриана—Келлога. Польша была первым государством, которому Советское правительство предложило подписать дополнительный протокол о немедленном вступлении в силу пакта. Польское правительство ответило согласием, и такой протокол — о досрочном введении в жизнь пакта Бриана—Келлога был подписан в Москве 9 февраля 1929 г. представителями Советского Союза, Польши, Эстонии, Латвии и Румынии. Чуть позже к нему присоединились Литва, Персия и Турция²². Подписание Московского протокола отражало ослабление напряженности между

Москвой и Варшавой и рождало надежду на сохранение перспективы в отношении заключения двустороннего пакта о ненападении.

В рассматриваемые годы продолжали оставаться неурегулированными отношения между СССР и Румынией. (Дипломатические отношения между СССР и Румынией были установлены лишь в июне 1934 г.) Камнем преткновения служило стремление румынских правителей во чтобы то ни стало добиться от Советского Союза признания «окончательного закрепления» за Румынией захваченной ею в 1918 г. Бессарабии. Острота, с которой вставала эта проблема на пути нормализации отношений между двумя странами, все же не была чревата ее перерастанием в военное столкновение между сторонами.

В октябре 1924 г. СССР был де-юре признан Францией. Между ними установились нормальные дипломатические отношения. Все это означало отход французских правящих кругов от того непримиримо враждебного курса, которого они придерживались в отношении Советской России в предшествующие годы. Однако дальнейшее развитие советско-французских отношений, особенно торгово-экономических, в значительной мере осложнялось настойчивыми требованиями французской стороны решить положительно вопрос об уплате царских долгов и возврате (или компенсации) собственности, национализированной после Октябрьской революции в России. Не способствовало нормализации отношений и обостренное идеологическое неприятие некоторыми влиятельными французскими политиками советского строя.

Западные державы, особенно Великобританию и Францию, весьма беспокоило советско-германское сотрудничество, установившееся после подписания в 1922 г. Рапалльского договора. По инициативе английской дипломатии в октябре 1925 г. в г. Локарно состоялась международная конференция с участием представителей Англии, Франции, Германии, Италии, Бельгии, Чехословакии и Польши. Результатом конференции стало подписание Рейнского пакта — гарантийного договора между Францией, Великобританией, Германией, Бельгией и Италией, а также ряда других соглашений, гарантировавших статус-кво определенных Версальским мирным договором 1919 г. западных границ Германии и открывших перед ней двери в Лигу Наций. Однако в Локарно не было зафиксировано никаких гарантий относительно восточных границ Германии, что вызывало справедливую обеспокоенность в Москве, Праге и Варшаве и давало основания полагать, что одной из целей устроителей Локарнской конференции было обезопасить себя от реваншистских устремлений Германии на Западе и переориентировать их на Восток. Правительство СССР предприняло активные шаги, чтобы по возможности нейтрализовать такую направленность локарнских соглашений. С этой целью были начаты интенсивные переговоры с Берлином, завершившиеся подписанием 26 апреля 1926 г. Договора о нейтралитете между СССР и Германией. Продолжая линию Рапалльского договора, советское и германское правительство брали обязательства «поддерживать дружественный контакт с целью достижения соглашения всех вопросов политического и экономического свойств, касающихся совместно обеих стран»²³ Советско-германский договор о нейтралитете в течение нескольких лет служил стабилизирующим фактором в отношениях между СССР и Германией и для европейской обстановки в целом.

Во второй половине 1926 г. резко обострились англо-советские отношения. Почвой для этого служило недовольство значительной части британской промышленно-финансовой буржуазии, беспокоившейся за судьбу своих капиталовложений в Индии и Китае, усилением национально-освободительной борьбы в этих странах. Представители британских деловых кругов и политического истеблишмента полагали, что размах, приобретаемый революционным движением в этих странах (особенно в Китае), не в последнюю очередь вызван влиянием Советского Союза. Давало себя знать и раздражение бывших кредиторов и владельцев национализированных предприятий в России, осозна-

вавших, что их надежды вернуть утраченные капиталы и имущество, чем дальше, тем больше становятся эфемерными. Активизировались и те сторонники агрессивного курса в отношении СССР из рядов консервативной и либеральной партий, которые всегда считали, что установление в 1917 г. Советской власти в России — это нонсенс, «гримаса истории», которые рано или поздно следует исправить.

Одним из непосредственных поводов для обострения отношений послужила помощь, оказанная советскими рабочими в 1926 г. бастовавшим английским горнякам. По данным ВЦСПС, с мая 1926 г. по 1 марта 1927 г. эта помощь составила 16 млн. руб.²⁴ Английское правительство квалифицировало эту помощь как факт советского вмешательства во внутренние дела Великобритании. Подлила масла в огонь также публикация в июне 1926 г. британским правительством «Синей книги», содержавшей документы, якобы захваченные в помещении компартии Великобритании во время обыска, учиненного лондонской полицией в октябре 1925 г. Публикация имела целью доказать участие советского торгпредства и других советских организаций в Англии в «поддержке» и «подстрекательстве» революционного движения в стране. Британская сторона выдвигала также претензии по поводу соблюдения Советским Союзом условий советско-английского торгового соглашения 1921 г.

В советской историографии давно обоснован вывод, что инициатором и главным возбудителем обострения и разрыва в 1927 г. отношений между Англией и СССР выступили английские консерваторы²⁵ Этот вывод вряд ли будет поколеблен. Вместе с тем, если отойти от догматической в своей основе концепции «непогрешимости» советской внешней политики, пронизывающей многие наши труды, издававшиеся в течение ряда десятилетий, то нельзя не поставить вопросы, на которые советская научная литература ответа пока не дает. Так ли уж «чиста» и «непорочна» была позиция советской стороны в этом конфликте? Всё ли предприняло тогда советское руководство и советская дипломатия, чтобы не дать никакого повода другой стороне довести дело до разрыва? Приведем лишь один пример.

Как уже упоминалось, британское правительство резко отрицательно реагировало на финансовую помощь, оказанную советскими профсоюзами бастующим английским горнякам. В меморандуме правительства Великобритании, переданном 12 июня 1926 г., говорилось: «Всеобщая стачка была незаконным и неконституционным актом, представляющим серьезную угрозу установленному порядку, и специальная акция, предпринятая советским Комиссариатом финансов в ее пользу, не способствует дружественному улаживанию вопросов, стоящих между обеими странами, о стремлении к которому заявляет Советское правительство»²⁶ Конечно, ни в 1926 г., ни сегодня нельзя ставить под сомнение право на выражение международной солидарности (в том числе и материализованное) не только между рабочими, но и другими классами, слоями и группами существующих в мире различных общественных структур. Но все дело в том, насколько конкретные формы выражения этой солидарности соответствуют фундаментальным демократическим нормам межгосударственного общения, главная из которых — полное невмешательство во внутренние дела других государств. Применительно к 1926 г. напомним, что помощь советских рабочих их английским собратьям возникла не спонтанно. Она была организована. В начале мая 1926 г. ВЦСПС обратился с призывом ко всем членам профсоюзов СССР отчислить четвертую часть дневного заработка в фонд помощи пролетариату Англии²⁷ Зная о полном подчинении в те времена советского профсоюзного руководства всех уровней партийно-государственному руководству страны, можно утверждать, что это была акция государственная, а не профсоюзная. Это подтверждает и факт публикации 7 мая 1926 г. Московским Советом и 12 мая Ленинградским Советом (т. е. уже не профсоюзными, а официальными органами государственной власти) обращения с призывом к трудящимся СССР принять активное участие в оказании материальной и

моральной помощи английским рабочим²⁸ В этой связи содержавшееся в ноте временного поверенного в делах СССР в Великобритании английскому министру иностранных дел О. Чемберлену от 12 июня 1926 г. заявление о том, что «Советское Правительство... не могло вмешиваться в право Российских профессиональных союзов распоряжаться фондами, принадлежащими им, или деньгами, специально собранными для этой цели»²⁹, воспринимается как дипломатическая уловка. Известно, что руководство генсовета британских тред-юнионов отказалось принять помощь ВЦСПС, расценив ее как вмешательство во внутренние дела английского рабочего движения.

Тогда была предпринята попытка направить деньги непосредственно бастующим горнякам, минуя генсовет. Одновременно, 7 июня 1926 г., ВЦСПС принял обращение «ко всему международному пролетариату», в котором клеймил лидеров лейбористской партии и генсовета как «предателей» забастовки английских рабочих³⁰ Декларация вызвала резкий протест не только со стороны руководителей генсовета, но и со стороны руководства компартии Великобритании, обратившейся в этой связи с письмом в ЦК ВКП(б). В ответ Сталин выступил 7 августа 1926 г. на заседании Президиума ИККИ с речью, в которой взял полностью под защиту упомянутую декларацию ВЦСПС и, в свою очередь обрушившись на «предателей» из генсовета, в менторски-назидательной манере поучал «немарксистов» из английского рабочего движения, что следует делать, чтобы линия партии была «правильной» и чтобы «массы усвоили эту линию и приняли ее как правильную»³¹ И здесь возникают вопросы: насколько продуманными были все эти акции с советской стороны в условиях и без того возрастающего напряжения в советско-английских отношениях? Соответствовали ли они действительным интересам всего советского общества или же отражали настроения какой-то его части? Социологические опросы с анонимным анкетированием тогда не практиковались, поэтому выявить сегодня подлинные настроения разных категорий, например, рабочих, представляется затруднительным. А вот о настроениях и интересах крестьянства, составлявшего и в конце 20-х гг. примерно четыре пятых всего населения страны, кое-что можно сказать. По сведениям из разных источников, подавляющее большинство крестьянства мало волновали идеи пролетарского интернационализма и вообще, вопросы поддержки и развития «мировой революции». Тамбовского хлебопашца, украинского гречкосея, узбекского дехкана заботило другое: вырастить и выгодно пристроить хороший урожай, жить в мире с соседними странами, иметь возможность покупать у себя дома и у них добротные товары. Казалось бы, реалистично мыслящим профессиональным политикам надлежало учесть и трансформировать подобные настроения в соответствующие решения, в том числе и в области внешней политики. Но на деле получалось по-другому. Идеино-политические установки набиравшего силу, а затем и узурпировавшего власть партийно-административно-государственного аппарата, руководствовавшегося во всех областях жизни, включая и внешнеполитическую, своекорыстными, групповыми интересами, прикрываемыми заботой о «революционных интересах диктатуры пролетариата», превалировали над всем, нередко и над здравым смыслом.

Возможна и такая гипотеза: а как бы реагировали в Москве, если бы, к примеру, группа английских бизнесменов, обеспокоенная материальными затруднениями некоторых советских нэпманов, собрала солидную денежную сумму и открыто переправила бы ее их российским собратьям? С формальной точки зрения это тоже ведь была бы своего рода акция «интернациональной помощи!» Наконец, если пойти еще дальше, то, думается, уместны и такие вопросы: а было ли вообще оправданным возведение пролетарского интернационализма в ранг внешней политики СССР, если вспомнить, что провозглашенные К. Марксом и Ф. Энгельсом принципы интернационализма в сфере международного общения по сути своей являются принципами общественных, а не межгосударственных отношений, т. е. отношений классов, социальных

групп, партий, но не государств (о чем нам справедливо напомнил Э. Поздняков)³². И, видимо, правы в этой связи те зарубежные исследователи истории советской внешней политики, которые давно уже подметили функциональную несовместимость между провозглашаемой советским руководством со времен Ленина линией на мирное сосуществование с капиталистическими странами и пролетарским интернационализмом, осуществляемым на государственном уровне, который в сталинские (да и в хрущевские и брежневско-сусловские) времена тесно увязывался с идеей «революционного мессианства», суть которого в том, что якобы только Советскому Союзу известно, как устроить человеческое счастье на Земле, поэтому именно ему «предначертано» самой историей содействовать дальнейшему распространению революции по всему земному шару и заодно судить, что есть добро и что есть зло в других странах и государствах. Представляется, что все эти вопросы еще ждут своих вдумчивых и внимательных исследователей. Но вернемся к перипетиям советско-английских отношений тех лет.

Несмотря на официальные заявления советской стороны о возможности и желательности улучшения политических и экономических отношений с Англией, британское правительство после налета полиции на АРКОС и советское торгпредство в Лондоне, заявило о разрыве дипломатических и экономических отношений с СССР. В заявлении зам. наркоминдела СССР М. М. Литвинова представителям советской печати эта акция была квалифицирована как проявление «форсированной подготовки войны»³³. В печати обеих стран развернулась ожесточенная кампания взаимных нападок и обвинений. В Советском Союзе нагнеталась атмосфера, призванная создать впечатление надвигающегося на страну непосредственного военного нападения. В июне 1927 г. К. Е. Ворошилов заявил, что «после разрыва англо-советских отношений логическим шагом являлось бы военное наступление против нас»³⁴. В опубликованном 1 июля 1927 г. обращении ЦК ВКП(б) ко всем рабочим и крестьянам страны говорилось, что разрыв отношений между Англией и СССР раскрывает карты английского империализма как «вдохновителя и организатора анти-советского империалистического похода»: «Мы не знаем и не можем знать, когда враг открыто нападет на СССР со штыком. Но не подлежит никакому сомнению, что английский империализм все усерднее готовит приближение этих сроков»³⁵.

На волне возникшей напряженности в отношениях между Англией и СССР британская дипломатия действительно пыталась сколотить своего рода блок государств против СССР с привлечением в него прежде всего Польши, Германии и Франции. Однако из этой затеи ничего не получилось ввиду отказа названных стран участвовать в таком блоке. Не увенчались успехом и попытки Лондона посорить с Советским Союзом Литву, Латвию и Эстонию. Между тем в самой Англии все большему числу людей становились ясными бессмысленность, бесперспективность и прямой вред для британцев разрыва отношений с СССР. Среди различных слоев населения, в политических кругах поднималась волна требований восстановить отношения с Советским Союзом. Особое беспокойство сложившаяся ситуация вызвала в английских деловых кругах, наблюдавших, как ловко перехватывают крупные советские заказы германские промышленники и американские бизнесмены. Под давлением всех этих факторов пришедшее к власти после очередных парламентских выборов в мае 1929 г. второе лейбористское правительство во главе с Р. Макдональдом, повело переговоры с советским правительством о восстановлении отношений с СССР. 3 октября в Лондоне был подписан протокол о процедуре урегулирования спорных вопросов между Советским Союзом и Англией. В декабре 1929 г. советско-английские дипломатические отношения были официально восстановлены и конфликт, таким образом, урегулирован.

Как известно, Советский Союз на протяжении нескольких тысяч километров граничит с Турцией, Ираном и Афганистаном. Отношения Советского Союза с этими странами в конце 20-х — начале 30-х гг. были не только нормальными, но в немалой степени и дружественными. Они покоились на лояльном в целом соблюдении с обеих сторон заключенных в феврале 1921 г. советско-иранского и советско-афганского договоров об установлении дружественных отношений между РСФСР и Ираном, РСФСР и Афганистаном, а также подписанного 16 марта 1921 г. Договора о дружбе и братстве между РСФСР и Турцией. Эти соглашения были дополнены подписанием в декабре 1925 г. советско-турецкого договора о дружбе и нейтралитете и в 1927 г. — советско-турецкого торгового договора; в августе 1926 г. — советско-афганского договора о нейтралитете и ненападении; в октябре 1927 г. — договора о гарантии и нейтралитете, торгового и других соглашений экономического характера между СССР и Ираном. В рассматриваемый период правящие круги Турции, Ирана и Афганистана справедливо полагали, что участие их стран в каких-либо вариантах антисоветского блока противоречило бы их национальным интересам.

Сложнее складывались отношения с великим дальневосточным соседом — Китаем. После длительных и трудных переговоров между советским и пекинским правительствами в мае 1924 г. было подписано «Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между СССР и Китайской Республикой», предусматривавшее установление нормальных дипломатических и консульских отношений между Советским Союзом и Китаем. Был урегулирован ряд проблем, связанных с КВЖД. Однако через некоторое время не без подстрекательства Лондона и Вашингтона, обеспокоенных революционизированием Китая и поддержкой Советским Союзом национально-освободительной борьбы китайского народа, отношения между Москвой и Пекином обострились. В апреле 1927 г. китайская полиция совершила налет на здание советского представительства в Пекине. Одновременно было совершено нападение на советское консульство в Шанхае. Поводом для этих акций послужили выдвинутые китайской стороной утверждения об усилившемся вмешательстве Советского Союза во внутренние дела Китая. Однако никаких доказательств, подтверждающих эту версию, среди захваченной советской документации налетчики обнаружить не смогли. Тем не менее в китайской и английской печати развернулась широкая кампания, призванная создать атмосферу возмущения действиями СССР в Китае. Летом 1929 г. вспыхнул конфликт в районе Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), находившейся в соответствии с соглашением 1924 г. под совместным управлением СССР и Китая. Попытки советской стороны урегулировать конфликт мирным путем успеха не имели. В середине ноября китайские войска вторглись на советскую территорию в районе Приморья и Забайкалья. Но, получив отпор со стороны Особой Дальневосточной армии под командованием В. К. Блюхера, вынуждены были убраться на свою территорию. В последующие годы подобных провокаций с китайской стороны не наблюдалось.

В январе 1925 г. после почти двухлетних переговоров была подписана конвенция об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией, положившая начало нормализации отношений между ними³⁶. Установив дипломатические и консульские отношения, стороны заявили о принимаемых взаимных обязательствах не вмешиваться во внутренние дела друг друга и воздерживаться от всякой враждебной деятельности против другой стороны. Конвенция 1925 г. открывала перед Советским Союзом пути к длительной передышке на Дальнем Востоке. В конце 20-х — начале 30-х гг. экспансионистские вождедения японской военщины были направлены в основном в сторону Китая. Осенью 1931 г. Япония напала на Китай, приступив к реализации захватнической программы, изложенной еще в 1927 г. и известной под названием «мемо-

рандума Танака». Оккупация японцами Маньчжурии вызвала справедливое беспокойство Советского Союза. Но до прямого столкновения с японцами было еще далеко.

* * *

Что касается США, то здесь в те годы наблюдалась сильно выраженная тенденция к изоляционизму во внешней политике. Во всяком случае никто из крупных, имеющих реальный вес политиков о войне против СССР не помышлял. Да, в 20-е гг. «изоляционистские» кабинеты Гардинга, Кулиджа, Гувера упорно проводили линию на «непризнание» Советского Союза, полагая, что такая политика, как писал впоследствии американский исследователь Ф. Р. Даллес «будет подстрекать к восстанию против большевизма, а в конце концов приведет Россию в лоно демократического капитализма»³⁷ Как известно, США установили дипломатические отношения с СССР только осенью 1933 г., после того, как президентом США стал Ф. Рузвельт. Да, в 1927—1929 гг. США вместе с Англией и Францией попытались было использовать переговоры вокруг известного пакта Бриана—Келлога для изоляции Советского Союза, но из этого ничего не получилось благодаря продуманным действиям советской дипломатии. И тем не менее это не мешало тому, что во второй половине 20-х гг. США занимали второе место среди зарубежных поставщиков товаров в СССР, а в 1930 г. вышли на первое место, обогнав Германию³⁸

Таким образом, при всей сложности взаимоотношений Советского Союза с другими странами, мы не можем обнаружить серьезных доказательств, готовившейся в конце 20-х гг. широкомасштабной интервенции со стороны капиталистического мира против СССР. Конечно, было бы неверно впадать в другую крайность утверждая, что все капиталистические страны едва ли не с распростертыми объятиями воспринимали Советский Союз. Нет! Этого не было. Настороженность, социальное неприятие, а то и откровенная враждебность по-прежнему были неотъемлемыми чертами позиций и действий значительной части правящих кругов ведущих капиталистических держав по отношению к СССР. Но ведь все это имело место и раньше, в период «полосы признаний» СССР, когда под давлением реальных обстоятельств многие правительства вынуждены были пойти на признание Советского государства и установить с ним официальные дипломатические отношения. И все это не помешало тогда советскому руководству взять курс на развитие широких политических, экономических и культурных контактов с капиталистическим миром.

Что же изменилось, что произошло во второй половине 20-х гг., в результате чего тезис о «непосредственной военной угрозе СССР со стороны капиталистического окружения» столь основательно вошел в партийные и государственные документы самого высокого ранга? Думается, что ответ на этот вопрос следует искать не в международной сфере, а во внутривнутриполитических обстоятельствах жизни советского общества. На это уже обратили внимание исследователи. В. С. Лельчук и Л. П. Кошелева, детально проанализировав все обстоятельства принятия и хода выполнения первой советской пятилетки, пришли к выводу, что в противовес Н. И. Бухарину, ратовавшему за соблюдение темпов индустриализации в соответствии с решениями, принятыми на высшем партийном форуме в 1927 г., Сталин начиная с 1928 г. открыто порвал с этими решениями и толкал страну к насильственной ломке нэпа, к ускорению индустриализации с помощью административно-командного нажима, став на путь, как он сам выразился, «подхлестывания» страны³⁹ Идея о военной угрозе со стороны капиталистического окружения играла в этом «подхлестывании» не последнюю роль. Для внедрения этой идеи в стране существовала и определенная общественно-психологическая питательная среда. И в городе, и в деревне многие из тех, кто считал защиту Советской власти своим кровным делом, хорошо помнили, какую роль сыграла зарубежная буржуазия в организации интер-

венции против Советской России и в гражданской войне. Из памяти населения не выветрились также рефлексy, рожденные «ультиматумом Керзона» и аналогичными акциями Запада в отношении Советов. Учитывая все, что мы теперь знаем о побудительных мотивах действий Сталина и тех людей, кто его поддерживал в то время, есть основания утверждать, что именно этой группе принадлежит инициатива конструирования и быстрого внедрения на всех уровнях тезиса об «усилении непосредственной военной угрозы СССР», с тем чтобы: а) в дальнейшем, опираясь на него уже как на аксиому, обосновать необходимость сверхускоренной, ни с чем не считающихся индустриализации и коллективизации, во имя интересов «безопасности и выживания» государства; б) «закрутить гайки» внутри страны по всем направлениям и, играя на чувствах естественного патриотизма населения («страна в опасности!», «враги вот-вот нападут!»), создать такую обществено-политическую обстановку, в условиях которой любое отклонение (не говоря уже о несогласии) от насаждаемых сверху идеологических догм воспринималось бы как «контрреволюционные происки, льющие воду на мельницу классовых врагов»; в) персонально Сталину убрать с дороги всех, в ком он видел или подозревал возможных противников или соперников, и тем самым закрепить режим своей личной власти; г) подпиравшему Сталина партийно-чиновничьему аппарату закрепить свое привилегированное положение в обществе и государстве, отбросив все «игры в демократию».

В основе такого курса лежали игнорирование подлинных интересов основной массы трудового населения страны и стремление к удовлетворению кастово-групповых интересов пришедшей к власти партийно-государственной «элиты», доведенный до абсурда «ультраклассовый» подход ко всем явлениям внутригосударственной и международной жизни, подмена реальной и реалистичной политики догматическо-идеологическим суррогатом, замешанным на принципе: видеть и воспринимать явления и процессы, в том числе и в других странах, не такими, какими они были на самом деле, а такими, какими хотелось бы их видеть. В докладах, выступлениях и эпистолярных трудах Сталина второй половины 20-х гг. весьма четко обоснованы концепции и идеи, в нарастающей степени определявшие внешнеполитический курс страны. Их суть: вооруженное столкновение двух миров — капиталистического и социалистического — фатально неизбежно, поскольку это предопределено самой историей. Отсюда, невзирая ни на что, две главные задачи советской внешней политики: а) всемерно обезопасить страну (имея в виду прежде всего укоренившуюся в ней государственно-политическую систему) от надвигающегося капиталистического нашествия, б) всеми способами содействовать мировому революционному процессу, поскольку только с полным уничтожением капитализма на земле в результате победы мировой революции окончательно могут быть уничтожены и сами войны. При этом проблема возможных путей предотвращения войны, как правило, отодвигалась на второй план, и если иногда и поднималась, то в основном как пропагандистское прикрытие для достижения двух указанных целей⁴⁰. Тем самым фактически снималась с повестки дня даже сама постановка вопроса о налаживании долговременных отношений с буржуазными странами. В основе таких подходов лежало упрощенное восприятие капиталистического строя — только как паразитического, загнивающего, умирающего, как исторически предопределенного кануна социалистических революций, игнорировалась способность капитализма к дальнейшему саморазвитию и приспособлению к меняющимся внутренним и внешним условиям существования.

Одновременно черно-белое видение окружающего мира лишало советскую внешнюю политику ее главной функции — служить в области внешних сношений средством обеспечения интересов трудового населения страны, в массе своей тяготевшего к созидательному образу жизни, к таким общечеловеческим ценностям, как свобода личности, возможность иметь и сохранить дом,

очаг, семью, наличие условий для нормального и рационально оплачиваемого труда, для удовлетворения нравственно-эстетических и иных потребностей каждого человека. Сталинские безальтернативные установки лишали советскую дипломатию (во всяком случае принуждали ее к этому) гибкости, маневренности, реалистичности, стремления увидеть и закрепить возможных, пусть даже и не стопроцентных, и не всегда последовательных, союзников на пути к достижению своих внешнеполитических целей. Сталинизм во внешней политике исключал компромиссы с учетом не только собственных интересов СССР, но и интересов другой стороны. А без этого, как известно, вообще не может осуществляться процесс налаживания и поддержания межгосударственных связей, если учесть, что в нем всегда участвует не менее двух сторон. Умение идти на компромиссы как раз и составляет суть политики мирного сосуществования государств с различным социальным строем, о которой считали целесообразным иногда напоминать Сталин и его сподвижники. Рядясь в тогу «верного ленинца», Сталин на деле игнорировал оправдавшие себя исторически ленинские подходы к внешней политике, неоднократные призывы и рекомендации Ленина «исходить не из абстрактных положений, а из явлений конкретной действительности»⁴¹, учитывать наличие различных течений и группировок в рядах буржуазии, расхождения во взглядах на формы борьбы против Страны Советов и контакты с нею, в частности, влияние кругов, заинтересованных в развитии торговли и экономических связей с Советским государством, принимать во внимание и такие факторы, как давление прогрессивных сил на буржуазные правительства, воздействие пацифистских кругов, необходимость в определенных случаях компромиссов с правительствами капиталистических стран⁴²

Есть основания полагать, что против искусственного обострения с советской стороны отношений с капиталистическими странами и манипулирования в общественном сознании идеи о «непрестанно усиливавшейся военной угрозе» со стороны «капиталистического окружения» выступал в конце 20-х гг. Г. В. Чичерин. И в этой связи действительно одолевавшие и мучившие его болезни были, видимо, не единственной причиной его ухода в 1930 г. с поста наркоминдела СССР. В послевоенные годы об этом впервые нам поведал А. А. Громыко, высокое положение которого в партийно-государственной иерархии позволило ему ознакомиться с документами, в частности, с письмами Чичерина членам Политбюро ЦК ВКП(б), доступ к которым нетитулованным исследователям затруднен вплоть до сегодняшнего дня⁴³.

В ноябре 1926 г. Чичерин выехал из Москвы в Германию, а затем на французскую Ривьеру для лечения. Внимательно следя за событиями, он не мог оставаться равнодушным к тому, что происходит на родине, и в Европе в целом. 18 февраля 1927 г. Чичерин отправляет письмо Сталину и А. И. Рыкову в котором резко критикует Н. И. Бухарина за его, по мнению Чичерина, «антигерманские» выступления, что было особенно опасно в условиях обострения советско-английских отношений. «... Именно теперь, — писал Чичерин, — когда английские силы работают всюю против нас, мы должны особо бережно относиться к нашим позициям. Мы должны сохранить за собой и развивать благоприятные нам факторы, а в Германии они еще сильны»⁴⁴ 3 июня 1927 г. Чичерин направляет Сталину и Рыкову новое письмо, в котором отмечает, что в последнее время в ущерб советско-германским отношениям был допущен «ряд нелепых инцидентов, срывающих эти отношения». Чичерин возмущался, что «теперь, когда ради существования СССР надо укреплять положение прежде всего в Берлине», некоторые товарищи «не находят ничего лучшего, как срывать всю нашу работу выпадами против Германии, портящими все окончательно. Я еду в Москву с тем, чтобы просить об освобождении меня от должности наркоминдела»⁴⁵ Вернувшись на родину, Чичерин довольно быстро разобрался, кто и почему в Москве столь активно преувеличивал враждебные намерения Запада против Советского Союза. Л. Фишер, автор одной из опуб-

ликованных в США книг по истории советской внешней политики, приводит такое высказывание Чичерина: «Я вернулся домой из Западной Европы в июне 1927 г. <...> В Москве все говорили о войне, я пытался их разубеждать. Никто не собирался нападать на нас, говорил я. Потом один сотрудник просветил меня. Он сказал: Тсс! Нам это известно. Но мы должны использовать эти слухи против Троцкого!»⁴⁶ В июне 1927 г. Сталин не принял отставку Чичерина. По каким мотивам это было сделано — исследователям еще предстоит выяснить. Известно, что Чичерину пришлось приложить немалые усилия, чтобы как-то нейтрализовать ущерб, нанесенный советско-германским отношениям в его отсутствие. Не оставлял он таких попыток и в последующем, в частности, во время так называемого «Шахтинского дела» 1928 г., когда наряду с советскими были необоснованно арестованы и судимы 5 немецких инженеров и техников, которых, в конце концов, пришлось советским властям освободить.

В сентябре 1928 г. Чичерин снова выезжает в Германию на лечение. И вновь не дают ему покоя оплошности, допускаемые, по его мнению, Москвой в отношении европейских дел⁴⁷

Не выяснены до конца обстоятельства дальнейшего пребывания Чичерина в Германии. Во всяком случае в Москву возвращаться он явно не спешил, и, похоже, прогрессирующая болезнь была не единственной тому причиной. Например, известный германский дипломат Г. Дирксен в свое время утверждал, что «Чичерин хотел остаться в Германии навсегда, хотя Кремль все настойчивее требовал его возвращения»⁴⁸ Сегодня трудно сказать, так это было или не так. Осенью 1929 г. в Висбаден был направлен доктор Л. Левин — медицинское светило Кремля, чтобы на месте обследовать состояние здоровья Чичерина и по возможности попытаться уговорить его возвратиться в Москву. В конце ноября «экспедиция» была усилена: в Германию прибыл «сам» зам. наркоминдела Л. М. Карахан, чтобы доставить Чичерина на родину. Однако ему удалось «транспортировать» Чичерина домой только в начале января 1930 г. В июле 1930 г. Чичерина официально заменил на посту наркоминдела СССР М. М. Литвинов. По сведениям Л. Фишера, Чичерин узнал о своей отставке из газет⁴⁹ В вышеупомянутой статье А. А. Громыко, приуроченной к 90-летию со дня рождения Чичерина, отмечалось: «В годы культа личности имя Г. В. Чичерина, и его выдающаяся роль в советской дипломатии по существу были преданы забвению»⁵⁰

Что же касается утверждений о намерениях Запада едва ли не пойти войной на СССР и тем самым разрешить свои внутренние проблемы в разгар мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. (в решениях прошедшего в марте 1931 г. VI съезда Советов СССР говорилось, что «все факты» свидетельствовали «о подготовке империалистических сил к прямой вооруженной интервенции против Советского Союза»⁵¹), то их недоказанность и надуманность, на мой взгляд, очевидны в не меньшей степени, чем кризис о «нависшей угрозе войны» в предкризисные годы. Не только сегодня, но и в те бурные времена любой объективный автор взявшийся всесторонне проанализировать обстановку в ведущих капиталистических странах, не мог бы не заметить, что никто из имеющих реальный вес в этих странах политиков о войне против СССР и не помышлял, поскольку все усилия правящих кругов этих стран были сосредоточены лишь на одном: во чтобы то ни стало устоять, выжить, сохранить существующий строй и потом уже решать, что делать дальше. Как говорится, было не до жиру, быть бы живу. Предпринять в этих условиях сколько-нибудь серьезные военные акции против СССР было бы самоубийством. И это хорошо понимали в Лондоне, Париже, Берлине, Вашингтоне и многих других столицах. Представляется, что в общем-то, когда дело касалось реальной политики, а не конструирования идеологических жупелов для одурманивая масс, это сознавали и в Москве. Не случайно именно эти годы отмечены большой активностью советской дипломатии, увенчавшейся результатами, которых раньше достичь не удавалось. Речь идет о подписании в июне 1931 г. в Москве Протокола

о продлении Договора о нейтралитете между СССР и Германией от 24 апреля 1926 г., о заключении в 1932 г. двусторонних пактов о ненападении СССР с Финляндией, Латвией, Эстонией, Польшей и Францией. Подписание этих пактов стало важным фактором поддержания мира в Европе.

На протяжении длительного времени одним из устоявшихся клише советской историографии, призванных доказать «чрезвычайность» международного положения СССР в годы мирового экономического кризиса 1929—1933 г., вытекавшую из наличия «непосредственной военной угрозы» для Советской страны, служил тезис о «крестовом походе» против Советского Союза, к которому призвал западные страны в феврале 1930 г. папа римский⁵²

Действительно, 2 февраля 1930 г. папа Пий XI обратился с письмом к генеральному викарию в Риме кардиналу Помпили, в котором выражал большую обеспокоенность «ужасными и святотатственными преступлениями против бога и против души, повторяющимися и усиливающимися с каждым днем среди бесчисленного населения России»⁵³ После описания этих преступлений в последние годы его святейшество объявил о своем намерении совершить 19 марта в Риме в соборе св. Петра «мессу искупления и исправления за столь многие и столь ужасные посягательства против божественного сердца, равно как и за благополучие столь многих душ, подвергающихся таким тяжелым и таким тягостным испытаниям, и за облегчение положения нашего возлюбленного русского народа...», и призвал весь христианский мир присоединиться к этому молению⁵⁴ Заканчивалось послание папским благословением «всем тем, кто объединится с нами в этом **крестовом походе молитв**»⁵⁵ (подчеркнуто мною. — *Л. Н.*). На последние три слова хотелось бы обратить особое внимание читателя. Дело в том, что все наши комментаторы этого документа сознательно или несознательно опускали слово «молитв». В итоге получалось будто папа римский призвал христианский мир к вооруженному «крестовому походу» против Советского Союза, подобно тому как средневековые рыцари отправлялись в свое время на освобождение «гроба господня». Но ведь из папского послания совершенно ясно, что речь шла о молитвах, а не о вооруженной борьбе. 9 февраля папское письмо было опубликовано в органе Ватикана «Оссерваторе романо», после чего перепечатано многими газетами Европы и Америки. Послание папы Пия XI не осталось без внимания. Его поддержали церковные круги Австрии, Великобритании, Венгрии, Ирландии, Польши, США, Швейцарии. Во многих городах были организованы собрания и молебствия в защиту преследуемых в СССР верующих. В печати развернулась кампания в «защиту цивилизации» от «советского безбожия». Глава английской церкви архиепископ Кентерберийский поднял даже вопрос о нецелесообразности дальнейшего поддержания дипломатических отношений между Великобританией и СССР

Глава Православной церкви в СССР митрополит Сергей и еще четыре члена Синода в интервью представителям советской печати 15 февраля 1930 г. заявили, что гонений на религию в СССР «никогда не было и нет», а сведения, публикуемые в зарубежной печати, относительно жестокостей, чинимых представителями Советской власти по отношению к отдельным священнослужителям, это «сплошной вымысел и клевета»⁵⁶ Правда, отцы русской церкви признали, что «сейчас, благодаря тому, что хозяйство страны претерпевает коренные изменения, сводящиеся к смене старых форм хозяйствования новыми <...> происходит ухудшение положения церкви». Обращение папы римского было квалифицировано как «излишнее и ненужное», поскольку «... папа римский в данном случае идет по стопам старых традиций католической церкви, натравливая свою паству на нашу страну и тем поджигая костер для подготовки войны против народов СССР»⁵⁷ По-видимому, по причине отсутствия дипломатических отношений с Ватиканом официального ответа на послание папы Пия XI со стороны советского руководства не последовало. В донесениях советских дипломатов в Москву, в беседах и переписке представителей Наркомата

иностранных дел СССР с высокопоставленными зарубежными дипломатами и политиками сведения, содержащиеся в папском послании, квалифицировались как «нелепые слухи», а само послание как «антисоветское», как «неслыханное вмешательство в наши внутренние дела»⁵⁸ Реакцию на все это Москвы ярко иллюстрирует статья в «Известиях» от 11 марта 1930 г., в которой говорилось: «Бешеная кампания против СССР, развиваемая мракобесами, попами, реакционерами, твердолобыми, фашистами, социал-демократами и продажной прессой всех стран, имеет своей непосредственной целью обработку мирового общественного мнения с целью подготовки вооруженной интервенции»⁵⁹ Вот так! Ни больше и не меньше. По приказу властей весной 1930 г. по всей стране были организованы «демонстрации и митинги трудящихся» с протестами «против происков мировой реакции». Был организован также сбор средств на постройку самолетов: «Наш ответ папе римскому».

Конечно, с позиций необходимости соблюдения общепринятых норм международного права упомянутая энциклика папы Пия XI представляла собой неудачный документ. Призывать к походу, даже и к «походу молитв», против крупного суверенного государства означало вступить на весьма скользкий (к тому же противоречащий не только международно-правовым нормам, но и высшим канонам религиозной морали) путь построения взаимоотношений между странами и народами. Но зададимся вопросом: такими ли уж обосновательными и «клеветническими» были протесты главы католической церкви и поддержавших его других представителей церковной иерархии в связи с гонениями против верующих в СССР в конце 20-х — начале 30-х гг.? Ведь новая, притом широкомасштабная, волна гонений действительно была предпринята в то время Сталиным и его окружением и она, естественно, не могла пройти незамеченной за рубежом. И в этой связи сильно лукавили митрополит Сергей и его коллеги по Синоду. Уж кому-кому, а им то хорошо было известно, что параллельно и в ходе сталинской коллективизации деревни по всей стране (в сельской местности в первую очередь) развернулась кампания административного преследования местных священников и заодно поддерживающих их или сочувствовавших им верующих.

В середине 1929 г. в ЦК ВКП(б) состоялось совещание, обсудившее вопросы усиления антирелигиозной работы среди населения, а вскоре был проведен Второй Всесоюзный съезд воинствующих безбожников. После этого антицерковный террор, не прекращавшийся и в предшествовавшие годы, принял особенно широкий размах. Булгаковские «шариковы» и их собратья в своих действиях не церемонились. Даже самое робкое выражение протеста местного батюшки (а таких было немало) против варварских методов «раскрестьянивания» оборачивалось для него и его семьи в лучшем случае высылкой в Сибирь, а в худшем — отправкой «в мир иной». В Москве и многих других старинных городах России, на Украине и в Белоруссии разрушались и сносились ценнейшие памятники церковной архитектуры и культуры. Не изменила ситуации и такая по существу уступка мировому общественному мнению, как признание в опубликованном 15 марта 1930 г. известном постановлении ЦК ВКП(б) факта административного закрытия церквей местными властями «недопустимым искривлением» партийной линии «в области борьбы с религиозными предрассудками»⁶⁰ По сведениям Р. А. Медведева, к концу 1930 г. было закрыто около 80% всех сельских храмов страны; значительная часть духовенства попала в разряд «раскулаченных»⁶¹ Такова была действительная подоплека мифа об «обработке мирового общественного мнения с целью подготовки вооруженной интервенции» против СССР.

Требуют спокойного анализа и гневные филиппики представителей сталинского ареопага, а вслед за ними и ряда советских авторов против «империалистов и их прислужников», которые распространяли «грубую ложь» о применении в Советском Союзе «принудительного труда» и организованного на этой основе «советского демпинга» в начале 30-х гг.⁶² Мы не располагаем всеми

источниками, дающими возможность внести полную ясность в эти вопросы. Но и то, что известно, заставляет усомниться в праведности гнева наших предшественников. Все-таки существовал в Советском Союзе принудительный труд. Это прежде всего рабский труд заключенных. По некоторым (нуждающимся в проверке) официальным данным, только в лагерях и исправительно-трудовых колониях ГУЛАГа (в том числе промышленных, включая лесоразработки, и сельскохозяйственных) их насчитывалось: в 1930 г. — 190 тыс., в 1931 г. — 245 тыс., в 1932 г. — 275 тыс., в 1933 г. — 456 тыс.⁶³ и т. д. Кроме того, фактически на полурабском положении находились миллионы тружеников, занятых в промышленном и сельскохозяйственном производстве, заработная плата которых (даже при невысокой производительности труда) составляла лишь малую толику стоимости производимого ими прибавочного продукта. Сегодня трудно установить, какова была в целом доля такого труда в общем объеме производимых в стране материальных благ. Историкам и экономистам еще предстоит серьезно заняться этой проблемой. Думается, что специальные исследования позволят с большей уверенностью ответить на вопрос: имел место или нет советский экономический демпинг в начале 30-х гг., против которого предприняли оградительные меры правительства США, Франции, Англии, Бельгии и ряда других европейских стран, что квалифицировалось в Советском Союзе как проявление «экономической агрессии» против СССР?

В 1933 г. в условиях складывания новой конфигурации политических сил в Европе, связанной прежде всего с приходом к власти в Германии фашизма, в советской внешней политике произошел определенный поворот, выразившийся, помимо всего прочего, в отходе (по крайней мере на некоторое время) от восприятия и интерпретации «капиталистического окружения», как некой монолитной суммы империалистических государств, которые все до одного спят и видят, как бы побыстрее стереть с лица земли «первое в мире государство рабочих и крестьян». В конце 1933 г. в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) НКВД СССР разработал развернутый план создания системы коллективной безопасности в Европе, который 19 декабря 1933 г. был одобрен Политбюро ЦК ВКП(б). Историкам предстоит еще детально выяснить все обстоятельства и мотивы, побудившие Сталина и его окружение прийти к такому решению, проанализировать роль М. М. Литвинова и его соратников в обосновании этой идеи, попытаться раскрыть надежды и замыслы советского руководства, связанные с выработкой подобного плана, их соответствие (или несоответствие) интересам и чаяниям разных слоев советского общества. Мы же можем констатировать, что с этого времени начался новый этап в истории советской внешней политики.

Примечания

¹ Сталин И. В. Соч. Т. 9. М., 1954. С. 322.

² КПСС в резолюциях... Т. 4. М., 1984. С. 175.

³ Там же. С. 258.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 369.

⁶ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М. 1952. С. 269.

⁷ Там же. С. 282.

⁸ См.: История внешней политики СССР. Т. 1. 1917—1945 гг. М., 1986. С. 249; История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1985. С. 369, 371 и др.

⁹ См.: Вопросы истории. 1988. № 9. С. 31—32; Советское славяноведение. 1989. № 5. С. 20; Шетин Ю. А. Режим личной власти Сталина: к истории формирования // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1989. № 3. С. 11.

¹⁰ Похлебкин, В. В. СССР — Финляндия. 260 лет отношений. М., 1975. С. 274—275.

¹¹ Документы внешней политики СССР Т. IX. М., 1964. С. 446—448.

¹² Там же. Т. X. М., 1965. С. 76—78. 267—279.

¹³ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. IV. М., 1966. С. 413—420.

¹⁴ Там же. С. 433—435, 443—447, 506.

- ¹⁵ Документы внешней политики СССР. Т. X. С. 295.
- ¹⁶ Сталин И. В. Соч. Т. 9. С. 326.
- ¹⁷ Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ // Новый мир, 1989. № 8. С. 29.
- ¹⁸ См.: Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. V М., 1967. С. 159—162.
- ¹⁹ Сталин И. В. Соч. Т. 9. С. 330.
- ²⁰ Документы внешней политики СССР. Т. X. С. 290.
- ²¹ О ходе переговоров см.: Дашкевич В. Польско-советские отношения. 1921—1932 гг. // Очерки истории советско-польских отношений. 1917—1977. М., 1979. С. 111—123.
- ²² Документы внешней политики СССР. Т. XII. М., 1967. С. 68—70.
- ²³ Там же. Т. IX. С. 251.
- ²⁴ Правда. 1927. 16 марта.
- ²⁵ См., напр.: Попов В. И. Англо-советские отношения (1927—1929). М., 1958. С. 46—72; Трухановский В. Г. Новейшая история Англии. М., 1958. С. 159—162; Никонова С. В. Антисоветская политика английских консерваторов. 1924—1927. М., 1963. С. 164—191; Рыжиков В. А. Советско-английские отношения. Основные этапы истории. М., 1987. С. 39—43.
- ²⁶ Документы внешней политики СССР. Т. IX. М., 1964. С. 310.
- ²⁷ Там же. С. 728.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же. С. 305.
- ³⁰ Правда. 1926. 8 июня.
- ³¹ Сталин И. В. Соч. Т. 8. С. 200.
- ³² См.: Поздняков Э. Национальное и интернациональное во внешней политике // Международная жизнь. 1989. № 5. С. 7.
- ³³ Документы внешней политики СССР. Т. X. С. 241.
- ³⁴ Ворошилов К. Е. Статьи и речи. Партиздат. 1937. С. 138.
- ³⁵ Правда. 1927. 1 июля.
- ³⁶ Документы внешней политики СССР. Т. VIII. М., 1963. С. 70—77.
- ³⁷ Dulles F. R. The Road to Teheran. The Story of Russia and America, 1781—1943. Princeton. 1944. P. 169.
- ³⁸ См.: Торговые отношения СССР с капиталистическими странами. М., 1937. С. 56—62.
- ³⁹ См.: Урок дает история. М., 1989. С. 183—231.
- ⁴⁰ См.: Сталин И. В. Соч. Т. 7. С. 91—101, 261—297; Т. 8. С. 60—74; Т. 9. С. 20—28, 139—141; Т. 10. С. 46—51, 133—135, 271—291; Т. 11. С. 152—153, 295—298; Т. 12. С. 235—261.
- ⁴¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 41. С. 241.
- ⁴² Там же. Т. 35. С. 245, 402; т. 36. С. 323; Т. 39. С. 209; Т. 41. С. 65; Т. 42. С. 24, 339, 347; Т. 43. С. 121—122, 147—149, 165—182; Т. 44. С. 300, 383; Т. 45. С. 34—40, 63—64, 70—71, 240; Т. 54. С. 171—183.
- ⁴³ См.: Громыко А. Дипломат ленинской школы: К 90-летию со дня рождения Г. В. Чичерина. // Известия. 1962. 4 декабря.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Fischer L. Russia's Road from Peace to War: Soviet Foreign Relations, 1917—1941. N. Y., 1969. P. 172.
- ⁴⁷ See: Scheffer P. Seven Years in Soviet Russia. N. Y., 1932. P. 329.
- ⁴⁸ Dirksen H. von. Moscow, Tokyo. Twenty Years of German Foreign Policy. University of Oklahoma Press, 1952. P. 80.
- ⁴⁹ Fischer L. Op. cit. P. 201.
- ⁵⁰ Громыко А. Указ. соч.
- ⁵¹ Съезды Советов СССР в постановлениях и резолюциях. М., 1935. С. 435.
- ⁵² См., напр.: История внешней политики СССР. Т. 1. 1917—1945 гг. С. 251.
- ⁵³ Международная политика в 1930 г. Договоры, декларации и дипломатическая переписка. М., 1932. С. 225.
- ⁵⁴ Там же. С. 227.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Известия. 1930. 16 февраля.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Документы внешней политики СССР. Т. XIII. С. 65, 89, 103.
- ⁵⁹ Известия. 1930. 11 марта.
- ⁶⁰ КПСС в резолюциях... Т. V. М., 1984. С. 103.
- ⁶¹ Медведев Р. О Сталине и сталинизме: Исторические очерки // Знамя. 1989. № 3. С. 159.
- ⁶² См.: История внешней политики СССР. Т. 1. 1917—1945. С. 251; История дипломатии. Т. III. М., 1965. С. 529.
- ⁶³ Аргументы и факты. 1989. № 45(474). С. 6—7.

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ «ЛИКВИДАЦИИ КУЛАЧЕСТВА КАК КЛАССА»

(осень 1930—1932 гг.)

О кулаке, политике раскулачивания в последнее время немало говорят и пишут. Громче и оперативнее — публицисты, писатели, реже, менее оперативно — ученые-обществоведы, в том числе историки. Известный вклад вносят в освещение этой проблемы наши исторические журналы¹ Опубликован первый документальный сборник, непосредственно посвященный вопросам раскулачивания и классовой борьбы в деревне² Оживленный обмен мнениями, порой острые дискуссии вызывают проблемы, связанные с освещением ряда конкретных вопросов, по которым ученые не располагают еще необходимыми документальными материалами, в связи с чем споры нередко носят абстрактный, умозрительный характер, высказываемые суждения и выводы не подкрепляются убедительными конкретными данными.

В настоящей статье делается попытка осветить с привлечением новых документальных материалов, в частности из фондов ЦГАНХ СССР, некоторые актуальные вопросы, связанные с осуществлением политики ликвидации кулачества с осени 1930 г., когда начался так называемый «новый подъем» колхозного движения, вплоть до конца первой пятилетки. В этот период кулак в основном уже был ликвидирован в важнейших сельскохозяйственных районах страны, однако политика «ликвидации кулачества» действовала и весьма активно, решая уже совершенно иные задачи. Мы попытаемся раскрыть механизм этой политики, показать ее антикрестьянский, открыто репрессивный характер, яростное противодействие ей со стороны крестьянства, ее конечные результаты применительно к деревне и сельскому хозяйству. В статье используются некоторые документы, конкретные данные западных советологов, в частности, введенные в оборот нашими коллегами-аграрниками Р. Конквестом и С. Максудовым³

* * *

После лавинного «отлива» коллективизации, массовых выходов крестьян из колхозов весной 1930 г., на что вынуждены были дать «добро» «ретиные коллективизаторы», дабы не довести дело до открытой крестьянской войны⁴, в деревне наступает кратковременное «затишье», своеобразная стабилизация, когда «низы» добровольно не хотели возвращаться в колхозы, а тем более вступать вновь, а растерявшиеся «верхи» не решались организовать новый штурм «бастионов капитализма» в деревне «Весной мы обожглись на коллективизации, больше не хотим», — заявили руководители Болотнинского района Новосибирской обл. «Прилива в колхозы нет потому, что теперь коллективизация добровольная. Вот и боишься: то перегиб получится, то недогиб», — говорил секретарь партийной ячейки одного из сел Сальского района Северо-Кавказского края⁵

Сталина и его сообщников, разумеется, не могли удовлетворить ни спад,

¹ Зеленин Илья Евгеньевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории СССР АН СССР.

ни застой коллективизации, ни отказ местных руководителей от ее дальнейшего подталкивания. Уже в сентябре 1930 г. ЦК ВКП(б) направил всем крайкомам, обкомам и ЦК компартий республик директивное письмо «О коллективизации», в котором резко осуждалось пассивное отношение к «новому приливу» в колхозы со стороны партийных организаций. Партийным органам предлагалось развернуть политическую и организационную работу среди крестьянства с тем, чтобы «добиться нового мощного подъема колхозного движения»⁶ Подкреплением этой директивы явилось утверждение декабрьским (1930 г.) Пленумом ЦК и ЦКК ВКП(б), а также Третьей сессией ЦИК СССР (январь 1931 г.) жестких заданий («контрольных цифр») по коллективизации на 1931 г. для всех регионов страны. Речь шла о «полной возможности» коллективизировать в течение года «не менее половины» всех крестьянских хозяйств страны, а по главным зерновым районам — не менее 80%, что означало для них «завершение в основном сплошной коллективизации и ликвидацию кулачества как класса»⁷ Установление таких сроков для крестьянских хозяйств всей огромной страны, а тем более придание им силы государственного закона само по себе являлось грубейшим нарушением ленинских принципов кооперирования, основанных на постепенности этого процесса, строгой добровольности вступления в кооперативы. Более того, в марте 1931 г. Сталин «разъяснил» местным партийным организациям, что им «не только не возбраняется, но, наоборот, рекомендуется перевыполнять задание по коллективизации»⁸ Таким образом, снова был взят курс на ее всемерное форсирование, на подготовку нового наступления на крестьянство.

Правда, после грозной весны 1930 г., поставившей деревню на грань гражданской войны, правящей партийно-советской верхушке пришлось маневрировать. Стало очевидно, что одного насилия недостаточно, необходимы и меры, экономически стимулирующие вступление единоличников в колхозы. К их числу можно отнести усиление материально-технической базы колхозного строительства, расширение сети МТС, распространение более рациональных форм организации и оплаты труда и т. д. В то же время насильственные методы продолжали оставаться основными, решающими. Особенно широко использовался такой рычаг принуждения, как налогообложение, который в руках правящей верхушки все больше и больше превращался в специфическую форму давления на «инакомыслящего» единоличника, не желавшего вступить в колхоз.

Рассмотрим этот сюжет на примере так называемого индивидуального обложения, применявшегося к кулацким или тем хозяйствам, которые были объявлены кулацкими. Именно финансовым органам стала принадлежать пальма первенства при определении социальной принадлежности крестьянского хозяйства. 21 мая 1929 г., в преддверии сплошной коллективизации, СНК СССР определил признаки кулацких хозяйств (систематическое применение наемного труда, наличие мельницы, маслобойни, крупорушки и других предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции, систематическая сдача внаем сложных с.-х. машин, наличие нетрудовых доходов и др.)⁹ Эти признаки были несколько уточнены при разработке Закона о едином сельскохозяйственном налоге на 1930 г.¹⁰

Однако этого было недостаточно, поскольку политика ликвидации кулачества, наиболее активно проводившаяся в начале 1930 г., привела к тому, что большинство кулацких хозяйств (а наряду с ними и немало середняцких и даже бедняцких) было экспроприровано, некоторые самоликвидировались, распродав свое имущество, перебрались в город или на стройки; в конце 1930 — начале 1931 г. в важнейших сельскохозяйственных районах страны ликвидация кулацких хозяйств в основном уже завершилась. В таких условиях выявление новых кулаков становилось нелегкой задачей для финансовых органов. ЦИК и правительство в конце 1930 г. попытались по-новому определить признаки кулацких хозяйств в Законе о едином сельскохозяйственном налоге на 1931 г., но эта попытка не увенчалась успехом. «Старые признаки кулачест-

ва, — сетовал «всесоюзный староста» М. И. Калинин, — почти отпали, новые не появились, чтобы их можно было зафиксировать»¹¹. Было принято «соломоново решение» — поручить местным властям самим найти выход из этой, казалось бы, тупиковой ситуации. В постановлении ЦИК и СНК СССР от 23 декабря 1930 г., а затем в Законе о едином сельскохозяйственном налоге на 1931 г. указывалось: «... признаки кулацких хозяйств устанавливаются совнаркомом союзных республик, краевыми и областными исполкомами применительно к местным условиям»¹²

Местные «соломоны» с честью вышли из создавшегося положения, усилив произвол и беззаконие по отношению к крестьянству. Характерно в этой связи постановление Президиума Северо-Кавказского исполкома от 1 января 1931 г., предлагавшее дополнить перечень признаков кулацких хозяйств такими, как получение дохода от занятия извозом с применением наемной силы, содержание постоянного заезжего двора и чайного заведения и т. д. и т. п.¹³ Социальные грани между кулачеством и зажиточными слоями крестьянства при таком подходе размывались, на первый план все больше и больше выступали имущественные различия.

Разница в налоговом обложении различных социальных групп крестьянства достигала астрономических размеров. Так, в 1931 г. по расчету на один двор единоличник платил налог в 10 раз больше, чем колхозник (соответственно 31 и 3 руб.), а кулак — в 140 раз больше (418 руб.). Размер обложения кулацкого двора по сравнению с 1929/30 г. повысился в 2,2 раза (со 189 до 418 руб.)¹⁴. Альтернативой вступлению в колхоз для семьи крестьянина-единоличника были полное разорение или раскулачивание, нередко с последующим выселением.

Не случайно, конечно, что «новый подъем» коллективизации совпал с «новой волной» раскулачивания и выселения крестьян. Любопытная деталь: в соответствии с указаниями правительства, Наркомфин СССР и его органы на местах при налогообложении на 1930/31 г. стали исходить из того, что «в районах, где кулацкие хозяйства еще не ликвидированы», их число «должно составлять 3% общего числа крестьянских хозяйств», в отличие от указаний на 1929/30 г., когда руководствовались тем, что число кулацких хозяйств «не должно превышать 3% общего числа крестьянских хозяйств»¹⁵. По данным Наркомфина СССР, в 1929/30 г. в индивидуальном порядке было обложено (т. е. отнесено к кулацким) в целом по стране 708,1 тыс. (2,8%) хозяйств, в том числе в РСФСР — 492,7 тыс., на Украине — 115,2 тыс., в Белоруссии — 20,5 тыс., в Закавказье — 16,7 тыс., в Туркмении — 3,5 тыс., в Таджикистане — 2,3 тыс.¹⁶ К осени 1930 г. было ликвидировано около 400 тыс. хозяйств и примерно 200—250 тыс. «самораскулачились»¹⁷

Директивное указание на 1930 г. о числе раскулаченных, которое «должно составлять 3%» (не менее, во всяком случае), аргументировалось задачей быстрой ликвидации кулачества как класса, «более усиленным наступлением на кулака»¹⁸ Здесь преследовались две цели: полностью, а может быть, с превышением, выполнить план по индивидуальному обложению в деревне; еще раз «нажать» на единоличника, под угрозой раскулачивания побыстрее загнать его в колхоз. Жесткая ориентировка на 3% поставила в трудное положение местные органы. Требование постановления от 23 декабря 1930 г. завершить выявление кулацких хозяйств и обложение их индивидуальным налогом до 15 января 1931 г. не было выполнено. Республиканские наркомфины в своих информациях союзному наркомату сетовали на то, что на местах «недооценивается политическое значение индивидуального обложения», что «в связи с перегибами, допущенными зимой и весной 1930 г., на местах сложилось убеждение, что кулака больше нет», что повсеместно происходит «самоликвидация кулацких хозяйств», что многие кулацкие хозяйства «ликвидируют внешние признаки для индивидуального обложения», «скрывают нетрудовые доходы, проникают в колхозы»¹⁹

Эти объяснения не принимались всерьез. На места шли грозные предписания «немедленно усилить работу по выявлению кулака и обложению его в индивидуальном порядке»; «форсировать реализацию описанного у кулака имущества, преодолевать нерешительность и неповоротливость местных органов»; «под личную ответственность обеспечить довыявление кулацких хозяйств и взыскание с кулаков платежей»; «выявлять конкретных виновников, привлекать их к строгой административной или судебной ответственности» и т. д. и т. п. При этом разъяснялось, что выявление кулацких хозяйств для обложения их в индивидуальном порядке является важнейшим и ответственным политическим участком; что «к этой работе должно быть приковано внимание всех советских, партийных и общественных организаций, всей партии и актива деревни». Руководители ряда районов, отстававших в выявлении кулацких хозяйств, были обвинены в проведении «правооппортунистической линии»²⁰.

Огромное силовое давление центральных и республиканских властей на местные партийные, советские и хозяйственные органы возымело свое действие. Так, уже к середине января 1931 г. Наркомфин Белоруссии докладывал союзному наркомату, что были приняты все меры, чтобы преодолеть оппортунистические убеждения об отсутствии кулака в деревне, внести перелом в эти настроения. Три раза вопрос ставился в СНК республики, а также в других директивных органах БССР, давались строгие письменные указания, систематически посылались в районы работники Наркомфина, через печать «брались под обстрел» провинившиеся районы. Два заврайфо были отданы под суд, в 42 районах председатели сельсоветов получили выговор, 19 сняты с работы, 40 преданы суду. В общей сложности 22,2% работников сельсоветов получили взыскания. «Перелом» намечался в конце 1930 г.: почти в 1,5 раза за период с ноября 1930 г. по январь 1931 г. возросло число хозяйств, обложенных индивидуальным налогом, дополнительно взыскано около 500 тыс. руб. налога. За 2,5 месяца было дополнительно выявлено более 1 тыс. хозяйств, отнесенных к кулацким²¹.

В соответствии с указанием сверху местными работниками активно использовался и такой «источник» выявления кулацких хозяйств, а следовательно, и объектов индивидуального обложения, как колхозы. Так, по данным весенней переписи колхозов 1931 г., 26,6% всех колхозов страны исключили «кулацкие хозяйства» (с юридической точки зрения это были уже бывшие кулацкие хозяйства). В Нижне-Волжском крае «кулацкие хозяйства» были выявлены в 68,9% колхозов, в Средне-Волжском — в 45,3%, в Казахстане — в 47,2%, на Северном Кавказе — в 21,5% колхозов и т. д.²² Исключенные хозяйства немедленно облагались индивидуальным налогом, а если они не в состоянии были его уплатить, против них применялись репрессивные меры, вплоть до выселения в отдаленные районы страны.

В целом по стране к январю-февралю 1931 г. было выявлено и обложено индивидуальным налогом 272,1 тыс., или 1,3% всех крестьянских хозяйств СССР²³, в то время как в октябре-ноябре 1930 г. этот показатель составлял 0,65% (в РСФСР — 0,61%, в УССР — 0,45, в БССР — 0,12, в ЗСФСР — 0,8, в Туркмении — 0,6%)²⁴. Таким образом, на протяжении 2—3 месяцев численность хозяйств, подлежащих индивидуальному обложению, в целом по стране удалось поднять в 2 раза. Однако «контрольной цифры» (3%) достигнуть все же не удалось. Можно предположить, что из выявленных и довыявленных в конце 1930 — начале 1931 г. 272,1 тыс. хозяйств, отнесенных к кулацким, признаками таких хозяйств обладали, как следует из ранее приведенных документов, не более половины (примерно 130—135 тыс.).

С мест в центральные органы непрерывно поступали жалобы от крестьян на то, что финансовые органы в нарушение действующего законодательства распространяли индивидуальное обложение на многих середняков и даже на бедняков и «лишенцев». Приводились, например, факты, когда основанием для индивидуального обложения служило наличие в хозяйстве крестьянина

ручной молотилки, сепаратора, даже продажа им на рынке продукции, произведенной в личном подсобном хозяйстве²⁵.

Несмотря на то, что численность хозяйств, обложенных индивидуальным налогом в 1930/31 г., уменьшилась примерно вдвое, общая сумма налога по этому виду обложения сократилась ненамного, поскольку была значительно повышена прогрессия обложения кулацких хозяйств (более чем в 2 раза — со 189 до 418 руб.). Такое увеличение никак не вытекало из экономических факторов, поскольку в годы сплошной коллективизации доходы единоличных крестьянских хозяйств, а тем более зажиточных, непрерывно снижались.

Осенью 1930 г. возобновилось выселение раскулаченных крестьян. Так, ЦК КП(б) Украины в августе 1930 г. дал указание местным организациям немедленно приступить к переселению ранее раскулаченных хозяйств с тем, чтобы закончить его до окончания осеннего сева. Аналогичные решения были приняты партийными организациями Поволжья, ЦЧО, Северного Кавказа, республик Средней Азии. Из раскулаченных к концу 1930 г. в целом по стране примерно 400 тыс. хозяйств около 20% (77 975) были выселены на европейский Север, на Урал, в Сибирь, Казахстан²⁶.

В марте 1931 г., когда была создана специальная комиссия во главе с заместителем Председателя СНК А. А. Андреевым (в состав комиссии входили также П. П. Постышев и Я. Э. Рудзутак), процесс раскулачивания получил новый импульс. Комиссия осуществляла общее руководство и контроль за раскулачиванием. В центре ее внимания были вопросы выселения крестьян и использования их бесплатной рабочей силы. Ее решения были обязательны для всех советских и партийных органов²⁷.

Весной 1931 г. в Западной Сибири было экспроприровано и выселено в северные районы края около 40 тыс. крестьянских хозяйств, отнесенных к особо социально опасной категории²⁸. В Калмыкии раскулачивание и выселение проходило с 15 июня по 15 июля 1931 г. Из 1323 хозяйств было выселено 1121 хозяйство (6157 человек). На местах прежнего жительства было оставлено лишь 202 хозяйства (611 человек) — 3,1% всех крестьянских хозяйств автономной области²⁹.

В республиках Средней Азии весной 1931 г. ликвидация байских хозяйств проводилась в ряде районов Узбекистана и Туркмении. Раскулачивание и выселение байских хозяйств осуществлялись и в Казахстане³⁰. Всего из республик Средней Азии было выселено 6944 бая и кулака, а из Казахстана — 5500³¹.

В целом по стране на протяжении 1931 г. было раскулачено около 200 тыс. хозяйств а за 1930—1931 г.— 569,3 тыс. Из них в отдаленные районы вывезено 381 тыс. семей. С весны 1932 г. массовое выселение раскулаченных было прекращено³².

Насилие, произвол и беззакония по отношению к крестьянству, характерные для всего периода сплошной коллективизации, не могли не вызвать его сопротивления, проявившегося в самых различных формах. В этом сопротивлении, разумеется, были и элементы классовой борьбы, порой искусственно разжигаемой и подогреваемой действиями центральных и местных органов власти. Но не классовая борьба, как нам представляется, определяла сущность, направленность и характер выступлений в деревне. Крестьянство в целом, его отдельные слои и группы порой осознанно, а чаще стихийно ожесточенно боролись против произвола и насилия, отстаивая свое право на землю, право быть на ней хозяином.

Пресса начала 30-х гг., документы архивов полны сообщений о таких средствах активной борьбы крестьян против колхозов, как порча общественного имущества, поджоги хлебов, террористические акты против колхозного актива и хлебозаготовителей. Приводилось немало фактов и документальных свидетельств о дерзких нападениях на колхозные обозы с хлебом, о распространении прокламаций с угрозами против колхозов и их руководителей. Порой эти угрозы

осуществлялись. Немало было случаев убийства председателей колхозов, секретарей партийных ячеек, уполномоченных по хлебозаготовкам³³

В деревне происходили мятежи, организаторами и основными участниками которых считались кулаки. Так, в Западной Сибири в конце 1930 г. было ликвидировано 537 «банд»³⁴. По данным органов госбезопасности Нижне-Волжского края, в 1931 г. здесь было раскрыто и ликвидировано несколько десятков «террористических групп» и организаций с общим числом участников около 3 тыс. человек. В январе—мае 1931 г. против колхозов Таджикистана было совершено 172 «террористических акта»³⁵

Термины «банды», «бандформирования», «террористические группы» и т. п. были широко распространены как в печати, так и в закрытых донесениях того времени, и сами по себе уже свидетельствовали об официальной (весьма далекой от объективной) оценке характера и содержания крестьянских выступлений и волнений периода коллективизации. Нельзя, конечно, отрицать, что в ряде случаев кулаки, нередко уже бывшие, выступали инициаторами тех или иных антиколхозных и антисоветских акций, широко используя при этом естественное недовольство крестьянских масс. Но преобладали все же стихийные выступления трудового крестьянства, мстящего за издевательства и насилия, попранные права, отобранное имущество, скот и инвентарь, нажитые многолетним честным трудом.

По данным весенней переписи колхозов 1931 г., подверглось нападению 15,8% колхозов страны, причем на многие хозяйства было совершено по 4 и больше нападений. В ряде национальных районов процент колхозов, подвергшихся нападению, был гораздо выше, чем в среднем по СССР. Так, в Северо-Осетинской автономной области их было 25,5%, в Коми АССР — 24,3% и т. д.³⁶

О характере нападений можно судить по таким данным: из 100 нападений 21,9% составляли поджоги, 7,4% — отравление скота, 35,1% — «террористические акты против актива», 15,4% — порча машин. В национальных автономиях преобладали «террористические акты». Так, в Чувашской АССР на их долю приходилось 52,3%, в Удмуртии — 50, в Адыгейской автономной области — 70, в Черкесской — 51% и т. д.³⁷

Ряд документальных данных о выступлениях крестьян против коллективизации в конце 1930 — весной 1931 г. приводит Р. Конквест. В частности, он сообщает, что продолжались широко распространившиеся в деревне весной 1930 г. «бабьи бунты». В июне 1931 г. на подавление крестьянского бунта в селе Михайловка на Подолье был брошен кавалерийский полк, применена артиллерия. После «восстановления порядка» все мужское население села в возрасте свыше 15 лет было арестовано, 300 мужчин и 50 женщин отправили в лагеря. В некоторых районах Украины и Северного Кавказа для подавления крестьянских волнений использовались военные самолеты³⁸.

По данным архивных источников, летом 1931 г. вооруженное выступление более 700 крестьян произошло в Дзержинском районе Восточно-Сибирского края. Их недовольство вызвали беззакония и произвол, допущенные при проведении раскулачивания. Многие жалобы крестьян после проверки райисполкомом были признаны обоснованными. Более 30 хозяйств середняков, подвергшихся раскулачиванию, были восстановлены в правах, однако изъятого имущества и средств производства им не вернули, что и вызвало возмущение селян. Выступление происходило под лозунгом «партизанского крестьянского движения». Его организаторами считались кулаки, но участвовали и «многие середняки, бедняки, бывшие красные партизаны»³⁹

Взрывоопасная обстановка сложилась в кишлаках республик Советского Востока. Байство в кочевых и полукочевых районах этого региона пользовалось более сильным влиянием среди дехкан и играло большую экономическую роль, чем кулачество центральных и южных сельских районов России. Кочевые районы Средней Азии и Казахстана являлись центральным местом концентрации

антисоветски настроенных националистических элементов. Среднеазиатские баи поддерживали тесные контакты с бандами басмачей, скрывавшимися за границей, предпринимали совместные террористические акции, вплоть до масштабных контрреволюционных выступлений (например, вторжение весной 1931 г. отрядов Ибрагим-бека на территорию Советского Таджикистана). В то же время оживление в начале 30-х гг. басмаческого движения не было случайным; оно, несомненно, отражало недовольство широких масс декханства насильственной коллективизацией. Именно на них опирались руководители повстанческого движения. В 1931—1932 гг. только на территории Узбекистана действовало 350 банд басмачей. Ими было предпринято 164 попытки (в ряде случаев небезуспешных) организовать массовые восстания и волнения, в которых участвовало около 13 тыс. человек, и 77 тыс. «антиколхозных инцидентов». Одно из восстаний в районе Сырдарьи продолжалось три недели ⁴⁰

В разгроме банд басмачей, возглавляемых Ибрагим-беком, принимали участие регулярные войска Красной Армии, что было оправдано сложившимися обстоятельствами (вторжение вооруженных отрядов из-за рубежа). В то же время вооруженные силы страны, как уже отмечалось, использовались и для подавления выступлений крестьян, нередко стихийных, в ряде районов Северного Кавказа и Украины. Против разрозненных групп повстанцев, вооруженных в большинстве случаев «подручными средствами» (палками, кольями, ножами, реже дробовиками), применялось армейское огнестрельное оружие, иногда даже артиллерия и авиация «На Северном Кавказе и в некоторых областях Украины,— свидетельствует А. Орлов ⁴¹,— в их подавлении (восставший крестьян.— И. З.) участвовали вооруженные силы, вплоть до военной авиации... Впрочем, Красная Армия сама в значительной мере состояла из сыновей крестьян, которые понимали: в то время, как они подавляют восстания в одной части страны, в другой ее части армейские подразделения точно так же брошены против их отцов и братьев. Неудивительно, что было много случаев перехода мелких подразделений армии на сторону восставших крестьян. На том же Северном Кавказе одна из авиационных эскадрилий отказалась вылетать на подавление восставших казачьих станиц. Она была немедленно расформирована, а половина ее личного состава расстреляна... Десятки тысяч крестьян были расстреляны без суда, сотни тысяч — отправлены в ссылку, в сибирские и казахстанские концлагеря, где их ждала медленная смерть» ⁴²

Это были самые убедительные «аргументы» в пользу коллективизации. Крестьяне окончательно «убедились» в том, что означает для них «раздумывать на своем клочке земли» выгоден или невыгоден им колхоз. Поистине промедление уже было смерти подобно. Примечательно, что задания по коллективизации, определенные декабрьским (1930 г.) Пленумом ЦК и ЦКК ВКП(б) на весь 1931 г., были выполнены уже к июню 1931 г., что зафиксировал июньский (1931 г.) Пленум ЦК ВКП(б). К июню в целом по стране было коллективизировано более половины (52,7%) крестьянских хозяйств, в том числе в основных зерновых районах — более 80%. К сентябрю 1931 г. в колхозах числилось уже почти 60% (59,9%) бедняцко-средняцких хозяйств, на которые приходилось не менее 75% посевных площадей. Это означало (в соответствии с установленными критериями) завершение в основном сплошной коллективизации в важнейших сельскохозяйственных районах страны.

«Решающих сдвигов» в ходе коллективизации удалось добиться менее чем за полгода (в конце 1930 г. уровень коллективизации ненамного превышал 20%) ⁴³ Политике ликвидации «кулачества» в этих «достижениях» несомненно принадлежит важнейшая роль. Известное положение Сталина о «ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации» на практике действовало в обратной зависимости: ликвидация кулачества (а заодно и многих середняцких хозяйств) осуществлялась, как правило, со значительным опережением в целях «стимулирования» коллективизации.

Посмотрим, как реализовывалась эта политика в 1932 г.— последнем году

первой пятилетки, когда она уже потеряла свою остроту. Сопротивление крестьян было в основном сломлено, они вынуждены были смириться с тем, что колхозы для них единственная, «столбовая дорога к социализму». Отпала необходимость в тех же масштабах проводить «раскулачивание» и депортацию крестьян. Правда, неожиданные для центральной власти в начале 1932 г. новые и притом значительные выходы крестьян из колхозов ряда районов, возобновившиеся в период хлебозаготовок, потребовали «подкрепить» коллективизацию и особенно хлебозаготовки новой волной репрессий. Кардинальный пересмотр политики ликвидации кулачества был на некоторое время отложен.

Финансовые органы на всем протяжении 1932 г. продолжали ревностно «выявлять» и «довыявлять» кулацкие хозяйства, однако их усилия не приносили ожидаемого результата (несмотря на то, что определенная правительством общая сумма индивидуального обложения была снижена более чем наполовину (с 70 млн. руб. в 1931 г. до 30 млн. 1932 г.)⁴⁴. Так, Наркомфин Украины в ноябре 1932 г. докладывал Наркомату финансов СССР, что поступление финансовых платежей от кулаков «недопустимо слабое», вместо ожидаемого к 1 ноября полного выполнения плана удалось взыскать только 850 тыс. руб., или 35,3% от необходимой суммы⁴⁵. Сходное положение создалось на Урале, Северном Кавказе, в Поволжье, Белоруссии, Казахстане⁴⁶.

Реакция Наркомфина СССР на эту ситуацию оставалась прежней. Снова и снова на места шли директивы о необходимости усилить работу по выявлению кулацких хозяйств, строжайшей ответственности исполнителей за невыполнение четких указаний центральных органов, в том числе и самого наркомата, и т. д. и т. п.⁴⁷ К осени 1932 г. финансистам удалось выявить не более 80 тыс. хозяйств для индивидуального обложения⁴⁸, из которых к кулацким, видимо, можно отнести не более 40—50 тыс. Согласно расчетам, основанным на размерах посевных площадей, в конце 1932 г. в стране насчитывалось около 60 тыс. кулацких хозяйств⁴⁹, в действительности же, вероятно, не более 30—35 тыс.

Комиссия Андреева продолжала свою деятельность, но почти исключительно в плане распределения спецпереселенцев по требованиям главков и ведомств. Все запросы, как правило, удовлетворялись. Так, на заседании комиссии 30 июля 1931 г. были приняты решения «удовлетворить заявки» Востока стали на 14 тыс. «кулацких семей», Цветметзолота — на 4600, Востокугля — на 7 тыс., Кизел- и Челябинск-угля — на 5 и 7 тыс., торфоразработок — на 3 тыс. семей и т. д.⁵⁰

Основная часть спецпереселенцев направлялась в малонаселенные, часто почти непригодные для жизни районы страны — на Урал, в Сибирь, в Казахстан, северные районы. Как указывалось в записке председателя ОГПУ Г Ягоды Сталину, к январю 1932 г. в этих районах было расселено около 1,4 млн. человек, в том числе на Урале — 540 тыс., в Сибири — 375 тыс., в Казахстане — более 190 тыс., в Северном крае — свыше 130 тыс., и т. д.⁵¹ Большинство их работало на лесоповале, в горнодобывающей промышленности, меньшая часть использовалась в сельском хозяйстве. На севере Сибири, например, им было выделено 855 тыс. га малопригодных для земледелия земель⁵². Положение спецпереселенцев было крайне тяжелым. «Опеку» над ними осуществляло ОГПУ, а «поселки» мало чем отличались от концлагерей. Оперуполномоченный ОГПУ по Уралу А. С. Кирюхин и начальник областного комендантского отдела Н. Д. Баранов сообщили вышестоящему начальству, что из-за отсутствия надлежащего питания и медицинского обслуживания большая часть спецпереселенцев потеряла трудоспособность и не могла обеспечить выполнения плана лесозаготовок. Руководство леспромхоза стало привлекать к работе стариков, женщин и детей 12-летнего возраста, установив для них норму выработки 2—2,5 кубометров в день при средней норме для взрослого 3 кубометра. Чтобы выполнить эту норму, многие оставались в лесу целыми сутками, нередко замерзали, обморачивались, тяжело заболели. В каждом спецпоселке были

арестантские помещения, куда за небольшие проступки заключались люди всех возрастов⁵³

Положение не изменилось и в 1932 г. В начале 1933 г. заместитель наркома лесной промышленности СССР сообщал правительству об ужасном положении людей в сибирских леспромхозах: «На почве недоедания спецпереселенцев и в особенности их детей свирепствуют цинга, брюшной и сыпной тиф, принимая формы эпидемического характера с массовой смертностью. В одном только Гаинском леспромхозе за апрель месяц убыло 175 человек и имеется больных цингой и опухших от голода 285 человек». Автор записки вторично ходатайствовал об отпуске 500 т муки для питания 45 тыс. детей, чтобы спасти их от голодной смерти⁵⁴.

Многие спецпереселенцы предпринимали отчаянные попытки бежать, но, как правило, эти попытки заканчивались трагично: беглецов либо пристреливали по дороге, либо возвращали в лагеря. Тем не менее, только в сентябре-октябре 1931 г. было зарегистрировано более 37 тыс. побегов⁵⁵. По оценкам западных советологов, погибло в общей сложности от четверти до трети депортированных крестьян⁵⁶. Многие погибли в пути, не доехав до лагерей. С. Максудов в этой связи приводит такие данные: из выселенных в 1930—1931 гг. около 413 тыс. крестьянских семей прибыло на места 370 тыс.⁵⁷

3 июля 1931 г. спецпереселенцам была «дарована» «перспектива прощения». Президиум ЦИК СССР принял постановление «О порядке восстановления в гражданских правах выселенных кулаков», согласно которому они по истечении пяти лет с момента выселения (т. е. не ранее 1935—1936 гг.) восстанавливались во всех гражданских правах при условии их лояльного отношения к колхозам и Советской власти и в том случае, если «покажут себя на деле честными и добросовестными тружениками»⁵⁸. Последняя фраза в свете всего изложенного выше звучит издевательски. Условия жизни и работы большинства спецпереселенцев, включая женщин, детей, стариков, были такими, что при всем желании «честно и добросовестно» работать было невозможно: люди все время находились на грани между жизнью и смертью, боролись за свое выживание.

С весны 1932 г. массовое выселение крестьян было прекращено, комиссия Андреева в марте этого года распущена. Однако «раскулачивание», как мы уже видели, проводилось и в дальнейшем. Продолжалось и выселение, осуществлявшееся в порядке особых разнарядок сверху и принявшее ограниченный характер.

В 1932 г. в печати продолжалась публикация материалов о классовой борьбе в деревне, о вредительских действиях кулачества против колхозов. При этом подчеркивалось, что, проникая в колхозы, кулацкие элементы не всегда сами выступали в качестве непосредственных исполнителей преступных замыслов. Гораздо чаще они действовали через своих сообщников, в том числе так называемых подкулачников, стараясь играть на мелкособственнических настроениях крестьян, «развязать мелкособственническую стихию в колхозах»⁵⁹. К аналогичным выводам приходили и ученые, проводившие свои обследования в колхозах различных регионов страны, в частности, экспедиция Аграрного института Коммунистической академии и Колхозного института, обследовавшая в начале 1932 г. ряд колхозов Северного Кавказа⁶⁰

Много конкретных данных приводилось о расхищении и разбазаривании колхозного урожая, о вредительстве в животноводстве⁶¹. 7 августа 1932 г. ЦИК и СНК СССР приняли Закон об охране социалистической собственности, вводивший в качестве наказания за хищение колхозного имущества крайнюю меру — расстрел, а при смягчающих обстоятельствах — лишение свободы до 10 лет с конфискацией всего имущества⁶². На январской сессии ЦИК 1933 г. отмечалось, что этот закон был вызван крайней необходимостью, поскольку хищения и разбазаривание общественного добра в колхозах и совхозах дости-

гли высшего предела⁶³ По приблизительным подсчетам, в РСФСР среди имущественных преступлений хищения социалистической собственности составили в 1931 г. 33,5%, в первой половине 1932 г. — 40 и во второй половине — 60%, причем большинство из них было совершено в деревне⁶⁴.

Однако закон от 7 августа не отличал злостного расхитителя от укравшего хлеб, чтобы не умереть с голоду. А последние в условиях советской деревни 1932—1933 гг. преобладали. Правда, в первое время после принятия закона суды пользовались статьей 51 Уголовного кодекса РСФСР, дававшей им право в виде исключения смягчать предусмотренную законом меру наказания, причем делали это «не в исключительных случаях, а как правило». Однако бдительный прокурор РСФСР А. Я. Вышинский быстро разгадал этот прием судей, у которых «не поднималась рука» осудить крестьянина на 10 лет за «кражу» хлебных колосков. Он расценил эти действия как «громадную политическую недооценку декрета» и позаботился, чтобы были «своевременно приняты меры к исправлению этой ошибки»⁶⁵

Массовые репрессии, обрушившиеся на крестьян Северного Кавказа, Украины, Поволжья в период хлебозаготовок 1932/33 г., насилие и произвол сталинских коллективизаторов в животноводческих районах Казахстана и других республик Советского Востока⁶⁶ — основной источник недовольства и сопротивления (в ряде случаев — пассивного) крестьянства в это время. Так, летом и осенью 1932 г. в ряде кубанских колхозов упала трудовая дисциплина, наблюдались невыходы колхозников на работу. В 8 колхозах Константиновского района работало в среднем не более 30% колхозников; в колхозе «Труд» Каменского района в уборке принимало участие всего 40% трудоспособных⁶⁷

В сводке Колхозцентра о ходе хлебозаготовок на 22 сентября 1932 г. отмечалось, что на Украине и Северном Кавказе в августе — сентябре были отмечены случаи, когда целые бригады и даже колхозы отказывались от работы. На Северном Кавказе снова появились повстанческие организации. Руководитель одной из них, действовавшей в Благодарненском районе, заявил: «К восстанию все готовы — и колхозники и единоличники. Запятая в том, что нужно знать, пойдут ли рабочие за крестьянами»⁶⁸ По данным Р. Конквеста, осенью 1932 г. было несколько случаев открытых выступлений крестьян на Украине, сопровождавшихся роспуском колхозов⁶⁹. Роспуски колхозов наблюдались также на Северном Кавказе и в Казахстане. В сводках ОГПУ сообщалось, что в конце 1932 — начале 1933 г. на Украине и Северном Кавказе росло массовое недовольство крестьянства. Многие колхозники выступали против навязанных им хлебозаготовительных планов, отказывались выходить на работу. Дело доходило до прямых антисоветских выступлений⁷⁰

Однако масштабы и характер крестьянских выступлений во второй половине 1932 — начале 1933 г. изменились. Под влиянием жестоких репрессивных мер, беспощадных расправ с противниками хлебозаготовительных реквизиций, но главным образом в связи с начавшимся в ряде районов страны (Украина, Северный Кавказ, Поволжье, Казахстан) голодом открытые выступления крестьян постепенно ослабевают, приобретая характер пассивного сопротивления (порча колхозного имущества, хищения, отказ от работы и т. д.). Но следует при этом иметь в виду, что хищения урожая («стрижка колосков») в большинстве случаев совершались голодными людьми, нередко детьми, а на работу многие из них не могли выходить из-за ослабления организма, дистрофии, эпидемических болезней. Эта ситуация была оценена в известном «теоретическом» обобщении Сталина как переход классового врага, прежде всего кулачества, к «новой тактике» — «от прямой атаки против колхозов к работе тихой сапой» (речь «О работе в деревне» на Пленуме ЦК партии в январе 1933 г.).

Подчеркнем еще раз, что политика ликвидации кулачества, основанная на массовых репрессиях, насильственных выселениях крестьян в отдаленные районы страны, по существу, себя исчерпала к концу первой пятилетки. Первый шаг на пути ограничения ее применения был сделан весной 1932 г., когда была

распущена комиссия Андреева, значительно снизились массовые депортации «раскулаченных» крестьян. Однако волна массовых репрессий вновь захватила деревню страны в период хлебозаготовок 1932—1933 гг., а Казахстан — несколько раньше. Разгул вакханалии в деревне продолжался вплоть до весны 1933 г. А когда жизнь постепенно вновь стала входить в нормальную колею, была поставлена точка над «и» в отношении политики ликвидации кулачества. Речь идет о секретной директиве Сталина и Молотова от 8 мая 1933 г., направленной «всем партийно-советским работникам и всем органам ОГПУ, Суда и Прокуратуры». Ввиду принципиальной значимости этого документа остановимся более подробно на его содержании и оценке⁷¹

В директиве-инструкции не только давались конкретные указания местным работникам, но и делалась попытка «теоретически» и конкретно-исторически обосновать необходимость проведения «новой линии» в деревне. В документе утверждалось, что «применение Советской властью массовых арестов и острых форм репрессий в виде массового выселения кулаков и подкулачников в северные районы и дальние края» было вызвано отчаянным сопротивлением кулачества колхозному движению трудящихся крестьян, развернувшемуся с конца 1929 г. Это сопротивление проявлялось сначала в форме поджогов и террористических актов «против колхозных деятелей», а потом — во вредительстве, массовых хищениях колхозного и совхозного имущества, вскрытых в 1932 г. и потребовавших «дальнейшего усиления репрессивных мер против кулацких элементов, воров и всякого рода саботажников». 1930—1932 гг. характеризовались как «годы борьбы за ликвидацию кулачества и победу колхозов». И общий вывод: «Три года борьбы привели к разгрому сил наших классовых врагов в деревне». В деревне создается «новая благоприятная обстановка», дающая возможность «прекратить, как правило, применение массовых выселений и острых форм репрессий». Наступил момент, «когда мы уже не нуждаемся в массовых репрессиях, задевающих, как известно, не только кулаков, но и единоличников и часть колхозников».

В то же время указывалось, что в ЦК и СНК продолжают поступать заявки на «немедленное выселение из областей и краев около ста тысяч семей», что «массовые беспорядочные аресты в деревне» все еще продолжаются. Откровенно говорилось о «механизме» осуществления репрессий: «Арестовывают председатели колхозов и члены правлений колхозов. Арестовывают председатели сельсоветов и секретари ячеек. Арестовывают районные и краевые уполномоченные. Арестовывают все, кому не лень, и кто, собственно говоря, не имеет никакого права арестовывать. Не удивительно, что при таком разгуле практики арестов органы, имеющие право ареста, в том числе и органы ОГПУ, и особенно милиция, теряют чувство меры и зачастую производят аресты без всякого основания, действуя по правилу: „сначала арестовать, а потом разобраться“».

Однако критика местных работников, допустивших «ошибки и отклонения от линии партии», была весьма и весьма сдержанной (в отличие, скажем, от критики, содержавшейся в статье Сталина «Головокружение от успехов»). За инициаторами и исполнителями кровавых экзекуций сохранялся даже титул «товарищи». «Эти товарищи», говорилось в документе, «не поняли новой обстановки и все еще продолжают жить в прошлом», «цепляются за отжившие формы работы, уже не соответствующие новой обстановке, уже изжившие себя». Сами «методы» в принципе не осуждались; речь шла о том, что они потеряли актуальность в «новой обстановке». Однако тут же делалась недвусмысленная оговорка: «Было бы неправильно думать, что наличие новой обстановки и необходимость перехода к новым методам работы означает ликвидацию или хотя бы ослабление классовой борьбы в деревне. Наоборот, классовая борьба в деревне будет неизбежно обостряться». «Наша борьба должна быть всемерно усилена, наша бдительность — всемерно заострена».

Далее давались конкретные указания по трем группам проблемы: 1) о прекращении массовых выселений крестьян, 2) об упорядочении производства

арестов, 3) о разгрузке мест заключения. Здесь опять немало фарисейских и двусмысленных формулировок. Так, предписывалось, например, «немедленно прекратить всякие массовые выселения крестьян» и в то же время разрешалось (надо, видимо, понимать в порядке исключения) выселение 12 тыс. хозяйств из ряда республик и регионов страны (с Украины — 2 тыс. хозяйств, Северного Кавказа, Нижней и Средней Волги, ЦЧО, Западной Сибири, Восточной Сибири — по 1 тыс. хозяйств и т. д.). Арестовать в принципе не возбранялось, если обвинение предъявлялось по делам о контрреволюции, вредительстве, бандитизме, совершении террористических актов и т. д. Но подобного рода стандартные обвинения трактовались весьма широко и практически могли быть применены к любому задержанному (например, любая поломка трактора неопытным трактористом могла квалифицироваться как вредительство).

Что касается «разгрузки мест заключения», установления определенного лимита для контингента лиц, содержащихся в местах заключения НКЮ, ОГПУ и Главного управления милиции (кроме лагерей и колоний), — 400 тыс. (фактически содержалось в то время 800 тыс.), то суть, видимо, состояла в том, что места заключения были чрезмерно переполнены, среди заключенных распространялись эпидемии (директива предписывала в месячный срок ликвидировать в местах заключения сыпнотифозные заболевания). Да и слишком накладно для государства было держать в заточении значительный контингент трудоспособных людей, большинство из которых не совершили никаких преступлений, стали жертвами массовых репрессий.

Анализируемый документ интересен прежде всего тем, что содержит ряд откровенных оценок и признаний в связи с осуществлением политики раскулачивания, сделанных высшими руководителями партии и государства втайне от народа, поскольку этот документ с самого начала его появления не только не предназначался для печати, но и на долгие годы был надежно защищен от истории и историков грифом «секретно, не для печати». Авторы документа, по существу, признают, что все три года сплошной коллективизации (1930—1932) деревня сотрясалась от непрекращающихся выступлений крестьянства, отстаивающего свое право на землю, на человеческую жизнь. Только с помощью жесточайших репрессий, массовых арестов и депортаций, о чем красноречиво свидетельствует документ, удалось «преодолеть позиции единоличного хозяйства», «обеспечить полную победу колхозного строя».

Авторы директивы, в сущности, не осудили применения в деревне «методов» массовых репрессий и террора против крестьянства, их выселения в отдаленные районы страны, не поставили вопрос о привлечении к ответственности виновных. Их беспокоило прежде всего то, что дальнейшее применение «острых форм репрессий» может «свести к нулю влияние нашей партии в деревне», «уронить авторитет Советской власти». Для подобных опасений, разумеется, оснований было более чем достаточно. Видимо, это обстоятельство и сыграло решающую роль при разработке данного документа.

Невозможно предположить, что, обнажая механизм репрессий, сетуя на то, что в деревне продолжают массовые беспорядочные аресты, именитые руководители страны не отдавали себе отчета в том, что основная масса арестованных и депортированных за годы коллективизации крестьян не совершила никаких преступлений, что их наказывают за нежелание идти в колхоз, сдать заготовителям весь свой урожай, за отсутствие средств для выплаты налогов и т. д. и т. п., и не могли не сознавать своей собственной вины и ответственности за то, что происходило в деревне, за миллионы загубленных жизней. Именно поэтому прежде всего реальное положение деревни и сельского хозяйства тщательно маскировалось, желаемое выдавалось за действительное.

Лично Сталин и Молотов немало «потрудились» для того, чтобы с помощью различного рода статистических манипуляций и прямых фальсификаций превратить неудачи в достижения, провалы — в выдающиеся победы, кризисную ситуацию в сельском хозяйстве выдать за выполнение и перевыполнение пяти-

летнего плана, нищету и бедствия крестьян — за кардинальные улучшения их жизни. Секретная майская директива 1933 г., адресованная местной управленческой элите, — редкий случай реалистических оценок сложившейся ситуации в деревне, признаний и полупризнаний содеянного, определения мер, направленных на стабилизацию положения, ослабление репрессивного вала в деревне, умиротворение крестьянства.

Каковы же результаты осуществления «политики ликвидации кулачества как класса» к началу второй пятилетки? Как надо оценить «опыт» Сталина и его соратников в решении «проблемы кулака»? Заметим в этой связи, что формулировка названия этой политики содержит ряд неточностей принципиального характера. Начнем с того, что сам термин «раскулачивание», во всяком случае применительно к рассматриваемому периоду, неправомерен, поскольку кулака в это время в основном уже ликвидировали, «раскулачивали», как правило, зажиточных крестьян, середняков, даже некоторых бедняков. Далее. Определение «ликвидация как класса» не отражает сущности процесса. С самого начала ликвидировали не столько класс кулаков, сколько расправлялись с конкретными представителями этого класса, а заодно и с «подкулачниками», причем не только путем «экспроприации основных средств производства», но и нередко изъятия у них всего имущества. Политической выдумкой Сталина явился тезис «на основе сплошной коллективизации». В действительности, как мы уже отмечали, все было наоборот: ликвидация кулачества значительно опережала коллективизацию, стимулируя ее экономически (передача колхозам средств производства и имущества раскулаченных хозяйств) и психологически (фактор «последнего предупреждения» и устрашения единоличников).

В связи с состоянием статистики непрым является вопрос о динамике численности кулацких хозяйств и конечном рубеже их ликвидации. Финансовые органы, как уже отмечалось, продолжали выявлять кулацкие хозяйства и в 1931-м, и в 1932 г. с тем, чтобы обложить их индивидуальным налогом, сумма которого определялась заранее. Этим данным в принципе доверять нельзя, но какую-то часть выявленных для индивидуального обложения хозяйств все же можно отнести к кулацким, поскольку в стране сохранялись еще районы, не охваченные сплошной коллективизацией. На наш взгляд, в конце первой пятилетки в стране насчитывалось не более 30—35 тыс. кулацких хозяйств. На конец 1933 г. официальная статистика ЦСУ (основанная, по-видимому, на тех же данных налогового обложения) установила наличие в стране 149 тыс. кулаков вместе с семьями⁷² Это примерно 30 тыс. хозяйств, а с учетом коэффициента поправки — не более 15—20 тыс. Среди неколлективизированных крестьянских хозяйств удельный вес этих хозяйств составлял 0,2%. Это был уже не класс и даже не слой, а отдельные разрозненные группы хозяйств, разбросанных по отдельным районам страны (некоторые национальные районы Средней Азии, Северного Кавказа, Якутии, сибирского Севера и Дальнего Востока). Таким образом, 1932—1933 гг. можно, на наш взгляд, определить как завершающую грань («статистический рубеж») ликвидации кулачества в СССР.

Обратимся к общей статистике. В 1927 г. в стране насчитывалось примерно 900 тыс. кулацких хозяйств (4,5 млн. человек). К началу сплошной коллективизации в связи с осуществлением политики ограничения и вытеснения кулачества и применением чрезвычайных мер при хлебозаготовках число кулацких дворов сократилось до 600—700 тыс. (2,5—3% от общего числа кулацких хозяйств). Историки не располагают еще точными данными о численности раскулаченных хозяйств и пострадавших при этом людей в годы сплошной коллективизации (такие данные хранятся в архивах ОГПУ — НКВД, не доступных пока исследователям). Сведения имеются только о высланных (депортированных) в 1930—1931 гг. в отдаленные районы страны крестьянах, отнесенных к первой и второй «категориям» кулаков, а именно 381 тыс. семей (115 231 семья в 1930 г. и 265 795 семей в 1931 г.). Часть кулацких семей (200—250 тыс.)

«самораскулачилась». В 1932 г. и в последующие годы общее число высланных из деревни составило примерно 100 тыс. дворов⁷³.

По пути самоликвидации пошли многие из 400—450 тыс. семей, которые были отнесены к третьей «категории» кулаков и должны были расселяться отдельными поселками в пределах краев и областей прежнего проживания. Это не что иное, как «бегство мужика из деревни в город», что так решительно отрицал Сталин в 1931 г., сравнивая ситуацию до Октября 1917 г. и после начала коллективизации⁷⁴. Деревня сверх всякой разумной меры отдавала городу свои людские ресурсы. За годы сплошной коллективизации не менее 10 млн. крестьян пополнили ряды рабочего класса⁷⁵. Таким образом, в период сплошной коллективизации в ходе «раскулачивания» было ликвидировано примерно 1,1—1,2 млн. хозяйств (5,5—6 млн. человек), из которых к собственно кулацким можно, по-видимому, отнести около половины, или 6—8% крестьянских хозяйств.

В публицистической литературе нередко фигурирует цифра 15%, но ссылка при этом на постановление ЦК ВКП(б) от 14 марта 1930 г. неправомерна, ибо в нем сказано, что «в некоторых районах процент „раскулаченных“ доходит до 15 ...»⁷⁶. В этой связи мы разделяем точку зрения Н. Рогалиной⁷⁷. Ближе к истине в своих расчетах, на наш взгляд, Д. Волкогонов, исходящий из того, что «около шести-восьми процентов крестьянских хозяйств оказались захваченными штурмом раскулачивания»⁷⁸.

В. Тихонов в дискуссии, организованной журналом «История СССР», попытался обосновать введенные им ранее в оборот цифры — 3 млн. раскулаченных хозяйств, 15 млн. людей, пострадавших от этой акции, уменьшив, правда, первую из этих цифр до 2,7 млн.⁷⁹ Н. Михайлов и Н. Тепцов увеличивают цифру пострадавших от раскулачивания крестьян и членов их семей до 20 млн., а долю раскулаченных хозяйств от общего числа крестьянских дворов — до 12—16%⁸⁰.

Суть проблемы, конечно, не в количестве раскулаченных и пострадавших от этой акции крестьян, хотя это тоже очень важно. Думается, что каждая из приводимых цифр при нынешнем состоянии источниковой базы должна быть в той или иной степени принята во внимание. Однако центр тяжести, видимо, должен быть перенесен на всестороннюю оценку этой акции как таковой, ее последствий для деревни, всего общества. Морально-этическая и политическая сторона «раскулачивания» довольно точно охарактеризована И. Эренбургом. «Ни один из них, — писал он, имея в виду всех пострадавших, — не был виноват ни в чем, но они принадлежали (точнее — „были отнесены“.— И. З.) к классу, который был виновен во всем»⁸¹. А о последствиях раскулачивания для русской, например, нации можно судить по такому заключению А. И. Солженицына в «Архипелаге Гулаг»: «Искореняли сотни самых трудолюбивых, распорядливых, смысленных крестьян, тех, кто и несли в себе остойчивость русской нации»⁸².

Председатель Комиссии ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, А. Н. Яковлев в выступлении на XXVIII съезде партии охарактеризовал эту акцию как «самое чудовищное преступление, когда сотни тысяч крестьянских семей изгонялись из деревень, не понимая за что же выпала им такая судьба, погибель от власти, которую они сами установили. Никто не принес столь массовых и трагических жертв на алтарь сталинизма, как российское крестьянство»⁸³.

Сущность рассматриваемого явления определяется прежде всего результатами социально-экономического развития сельского хозяйства, деревни в целом. Есть все основания утверждать, что с завершением к концу первой пятилетки сплошной коллективизации в важнейших сельскохозяйственных районах страны особенно отчетливо, зримо проявился кризис аграрного производства в СССР. Его можно охарактеризовать такими чертами: разрушение основных производительных сил деревни, полная дезорганизация и упадок сельскохозяй-

*Сельскохозяйственное производство в СССР в годы первой пятилетки
(план и реальность) **

	Фактические показатели		По плану 1932/33 г.
	1928 г.	1932 г.	
<i>Посевные площади, млн. га</i>			
Всего	113,0	134,4	141,3
в т. ч. зерновые	92,2	99,7	111,4
<i>Валовой сбор, млн. т.</i>			
Зерновых	77,3	69,9	105,8
Хлопка-сырца	0,79	1,27	1,91
Сахарной свеклы	10,1	6,6	—
Льноволокна	0,3	0,5	—
<i>Урожайность, ц</i>			
Зерновых	7,9	7,0	
Хлопка	8,5	5,9	
Сахарной свеклы	131,8	43,0	повысить на 35%
Льноволокна	2,4	2,0	
Картофеля	81,8	71,0	
Овощей	132,0	79,0	
<i>Поголовье скота, млн. гол.</i>			
Крупный рогатый скот	60,1	33,5	80,9
в том числе коровы	29,3	19,4	35,5
Лошади	32,1	17,3	около 38
Свиньи	22,0	9,9	34,8
Овцы	97,3	34,0	—
<i>Производство продукции животноводства</i>			
Мясо, млн. т.	4,9	2,8	—
Молоко, «	31,0	20,6	—
Шерсть, тыс. т.	182,0	69,0	—
Яйца, млрд. шт.	10,8	4,4	—

* Сельское хозяйство СССР: Ежегодник 1935. М., 1936. С. 203, 212, 213, 217; Коммунист. 1987. № 18. С. 85

ственного производства, «раскрестьянивание» и массовая гибель основного производителя деревни в связи с репрессиями, депортациями, от голода, болезней, непосильного труда ⁸⁴

Рассмотрим некоторые итоговые данные о выполнении пятилетнего плана в области сельского хозяйства (см. табл.).

Бросается в глаза, что задания первой «сталинской» пятилетки по развитию сельскохозяйственного производства, которые предполагалось значительно превзойти в связи с «великим переломом», **ни по одному показателю** не были выполнены, причем разрыв был весьма значительный, особенно в животноводческой отрасли. Более того, почти по всем показателям (за исключением посевных площадей, производства хлопка и льноволокна) произошло **снижение производства** по сравнению с 1928 г. Правда, был еще один показатель, свидетельствующий о перевыполнении плана (более чем в 3 раза!), — показатель обобществления крестьянских хозяйств, их коллективизации. Но именно в результате бездумного форсирования этого процесса, сведения его к «революции сверху» произошло то, о чем мы говорили.

Выигрыш от расширения посевных площадей (на 21,4 млн. га, или на 19%) в значительной степени был сведен к минимуму из-за крайне низкой урожайности, огромных потерь при уборке и хранении урожая. Невосполнимые потери понесло животноводство, лишившись половины поголовья скота и недобравшее примерно столько же продукции. Правда, государственные заготовки зерна выросли почти в 2 раза. Этот «феномен» объясняется просто: превратив колхозы по существу в «филиал» своих предприятий, выхолостив из них почти все

кооперативное, государство стало проводить хлебозаготовки по принципу разверстки, методами «военного коммунизма», выгребая нередко из скудных крестьянских амбаров в пользу города и для экспорта почти весь собранный урожай до последнего зерна. В этом — главная причина голода крестьян, неотступно преследовавшего их почти на всем протяжении сплошной коллективизации и принявшего катастрофические размеры в год ее завершения.

Подчеркиваем, что декларированные в документах партии и правительства, в выступлениях Сталина и других руководителей цели сплошной коллективизации и ее практические результаты разошлись, вступили в резкое противоречие. В самом деле, если проанализировать основополагающие документы партии и Советского государства начиная с декабря 1927 г., когда на XV съезде ВКП(б) впервые в качестве «основной задачи партии в деревне» была выдвинута задача «объединения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы»⁸⁵, и вплоть до январского (1933 г.) Пленума ЦК и XVII съезда партии, подводивших итоги «реконструктивного периода» в сельском хозяйстве, нетрудно убедиться, что основная цель проводившихся преобразований, как было записано в документах, состояла в том, чтобы поднять жизненный уровень крестьянства и значительно увеличить производство сельскохозяйственной продукции (решить зерновую, а затем животноводческую проблему, добиться «хлопковой независимости» и т. д.). И, казалось бы, все это укладывалось в представления о ленинском кооперативном плане, исходило из определенных преимуществ крупного социалистического производства. Однако эти стратегические задачи не могли быть решены, поскольку в конце 20-х — начале 30-х гг. начался кардинальный отход от принципов кооперативного строительства, заложенных в последних работах Ленина и базирующихся на фундаментальных научных разработках выдающихся русских экономистов-аграрников (Чаянова, Кондратьева и др.), переход к необузданному насилию по отношению к крестьянству, ликвидации низовой сети кооперации, «насаждению» колхозов. Одна из основных причин этого «поворота» — попытка с помощью чрезвычайных, «военно-коммунистических» методов преодолеть хлебозаготовительный кризис конца 20-х гг., обеспечить выполнение волюнтаристской программы индустриализации, в кратчайшие сроки путем объединения крестьян в колхозы осуществить построение социализма (в понимании того времени) как в городе, так и в деревне.

Кризис сельскохозяйственного производства в стране — это прежде всего результат и следствие сталинской коллективизации, политики ликвидации кулачества, поправшей не только ленинские, но и все разумные принципы кооперативного строительства. Сталинская антикрестьянская, преступная «революция сверху» пожалала свою «жатву скорби», привела к гибели миллионов кормильцев огромной страны, превращению крестьян, перенесших эту трагедию, в том числе и тех, кому удалось вернуться из переселенческих лагерей, пережить «террор голодом», в «колхозников» — подневольных работников сельскохозяйственных предприятий полугосударственного типа. Был разрушен весь уклад деревенской жизни, подрублены социально-экономические и генетические корни не только воспроизводства, но и существования класса крестьянства как такового.

Следует отметить все же, что сталинское руководство не оставалось совершенно глухим к кризисной ситуации в деревне, провалу первой пятилетки в сфере сельского хозяйства, к полному неприятию крестьянами сплошной коллективизации. Выше уже отмечалось, что в мае 1933 г. была дана команда на ослабление репрессий в деревне и прекращение массовых депортаций крестьян (директива Сталина — Молотова). В 1932 г. некоторые члены ЦК партии указывали на необходимость возвращения к принципам ленинского нэпа. Так, И. Стецкий на XVII партийной конференции в связи с обсуждением директив плана второй пятилетки говорил: «Новая экономическая политика в ее новом виде и с новым содержанием будет существовать и в течение второй пятилетки...

нам предстоит развивать советскую торговлю, советский рынок»⁸⁶ Некоторые участники сентябрьско-октябрьского (1932) Пленума ЦК ВКП(б) предлагали «преодолеть левацкое перепрыгивание к прямому продуктообмену», «овладеть процессом обращения», развивать товарооборот между городом и деревней и т. д.⁸⁷ Даже Сталин на январском (1933 г.) Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) говорил о необходимости дополнить производственную смычку между городом и деревней товарной, через торговлю⁸⁸

Однако принятые весной 1932 г. решения о колхозной торговле и некотором снижении размеров хлебопоставок по колхозно-крестьянскому сектору имели больше символическое, чем реальное значение: в условиях кризисной ситуации в деревне и начавшегося голода крестьян в южных районах страны провести эти решения в жизнь практически было почти невозможно.

Более осязаемо элементы «неонэпа» в деревне стали проявляться в годы второй пятилетки, особенно после введения Устава сельскохозяйственной артели 1935 г. При этом следует подчеркнуть, что сущность административно-командной системы в сельском хозяйстве не изменилась. По-прежнему ее основное назначение состояло в том, чтобы, используя внеэкономические, а иногда и чрезвычайные методы (как это было в 1933—1934 гг. в период деятельности политотделов МТС), перекачивать из деревни в город продукты питания и сырье, людские ресурсы. Вынужденные отступления от этих методов, внедрение некоторых элементов товарно-денежных отношений (например, закупки хлеба) делало эту систему более гибкой, позволяло соблюдать ею же установленные «правила игры» в деревне, предотвратить проявления открытого недовольства со стороны крестьянства.

Только в условиях современной революционной перестройки общества корни административно-командной системы в деревне, политики «раскрестьянивания» стали расшатываться и рушиться, но новые процессы развиваются с огромным трудом, крайне медленно.

Примечания

¹ См., напр.: «Круглый стол»: Советский Союз в 20-е годы // Вопросы истории. 1988. № 9; «Круглый стол»: Коллективизация: истоки, сущность, последствия // История СССР. 1989. № 3; Михайлов Н., Тепцов Н. Чрезвычайщина // Родина. 1989. № 8 и др.

² Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927—1932 гг. / Под ред. В. П. Данилова и Н. А. Ивницкого. М., 1989.

³ См.: Конквист Р. Жатва скорби: Советская коллективизация и террор голодом. Лондон, 1988; Максудов С. Потери населения СССР. Вермонт, 1989.

⁴ В закрытом письме ЦК ВКП(б) от 2 апреля 1930 г. «О задачах колхозного движения в связи с борьбой с искривлениями партийной линии» говорилось: «Поступившие в феврале месяце в Центральный Комитет сведения о массовых выступлениях крестьян в ЦЧО, на Украине, в Казахстане, Сибири, Московской области вскрыли положение, которое нельзя назвать иначе как угрожающим. Если бы не были тогда немедленно приняты меры против искривлений партлинии, мы имели бы теперь широкую волну повстанческих крестьянских выступлений, добрая половина наших „низовых“ работников была бы перебита крестьянами, был бы сорван сев, было бы подорвано колхозное строительство и было бы поставлено под угрозу наше внутреннее и внешнее положение» (Документы свидетельствуют... С. 390). Заметим, что это письмо, содержащее объективную оценку обстановки в деревне весной 1930 г., носило сугубо секретный характер, рассылалось по особым спискам с требованием возвращения в ЦК ВКП(б). Только спустя почти 60 лет с момента появления оно стало доступно историкам.

⁵ ЦГАНХ СССР. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 39. Л. 2; Оп. 16. Д. 73. Л. 14.

⁶ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4. Кн. 2. М., 1971. С. 158. Имеются сведения, что это письмо в конце сентября — начале октября 1930 г. обсуждалось в обкомах и крайкомах партии и было принято к неуклонному руководству и исполнению (см.: ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 678. Л. 133; Д. 2659. Л. 74; Ф. 62. Оп. 1. Д. 2387. Л. 116 и др.).

⁷ КПСС в резолюциях... Т. 5. М., 1971. С. 233—234; Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства. 1927—1935. М., 1957. С. 351.

⁸ Правда. 1988. 16 сентября.

⁹ Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления... С. 163—164.

¹⁰ СЗ СССР. 1930. № 13. Ст. 143, 144.

¹¹ Цит. по: Мошков Ю. А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации. М., 1966.

С. 176. Это высказывание Калинина нуждается в комментарии. Первая часть его фразы может быть подкреплена ссылкой на постановление ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г. (под ним стоит и его подпись), согласно которому в районах сплошной коллективизации было отменено действие Закона о разрешении аренды земли и о применении наемного труда в крестьянских хозяйствах. Разрешалась полная конфискация имущества кулаков и выселение их за пределы районов проживания (СЗ СССР. 1930 г. № 9. Ст. 105). Это постановление можно считать юридическим рубежом осуществления политики ликвидации класса кулаков. Разумеется, нужно было определенное время для его реализации. К тому же были и районы, еще не охваченные сплошной коллективизацией. Далее. Не совсем понятно, на появление каких «новых признаков» кулачества рассчитывал Калинин. По-видимому, он имел в виду возможную приспособляемость кулака к новым условиям, его мимикрию. Все эти вопросы должны были решаться в ходе выполнения названного постановления. И от «всесоюзного старосты» это зависело не в последнюю очередь.

¹² СЗ СССР. 1931. № 1. Ст. 6; № 19. Ст. 171.

¹³ ЦГАНХ СССР. Ф. 7733. Оп. 8. Д. 192. Л. 186.

¹⁴ Там же. Д. 193. Л. 57.

¹⁵ Там же. Д. 185. Л. 108, 109.

¹⁶ Там же. Ф. 7733. Оп. 8. Д. 185. Л. 109.

¹⁷ И в н и ц к и й Н. А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М., 1972. С. 245.

¹⁸ ЦГАНХ СССР. Ф. 7733. Оп. 8. Д. 185. Л. 17.

¹⁹ Там же. Л. 33—35, 39.

²⁰ Там же. Ф. 7733. Оп. 8. Д. 192. Л. 76, 77, 93; Оп. 10. Д. 330. Л. 59.

²¹ Там же. Ф. 7733. Оп. 8. Д. 185. Л. 33.

²² Колхозы весной 1931 года. М.; Л., 1932. С. 104—106.

²³ По данным налогового обложения, в феврале 1931 г. в стране насчитывалось 26 055,8 тыс. крестьянских хозяйств, в том числе 6609,8 тыс. бедняцких, 13 773,7 тыс. середняцких, 272,1 тыс. кулацких и 5400,2 тыс. колхозных.

²⁴ ЦГАНХ СССР. Ф. 7733. Оп. 8. Д. 185. Л. 110; Д. 192. Л. 110.

²⁵ Там же. Д. 206. Л. 2, 20.

²⁶ История советского крестьянства. Т. 2. М., 1986. С. 219.

²⁷ Там же. С. 222; Родина, 1989. № 8. С. 32—33.

²⁸ Г у щ и н Н. Я., И л ь и н ы х В. А. Классовая борьба в сибирской деревне. Новосибирск, 1987.

С. 247.

²⁹ О г л а е в Ю. О. Осуществление ленинского кооперативного плана в Калмыкии (1917—1937).

Элиста, 1987. С. 110, 113.

³⁰ История советского крестьянства. Т. 2. С. 223—224.

³¹ Ленинский кооперативный план и борьба партии за его осуществление. М., 1969. С. 143.

³² Вопросы истории КПСС. 1975. № 5. С. 140; Правда. 1988. 16 сентября.

³³ ЦГАНХ СССР. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 39. Л. 29, 31; Оп. 16. Д. 77. Л. 31; Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1931. № 1. С. 74.

³⁴ Г у щ и н Н. Я., И л ь и н ы х В. А. Указ. соч. С. 235.

³⁵ История СССР. 1958. № 6. С. 20; Очерки истории Таджикистана. Т. 1. Сталинабад, 1957.

С. 141.

³⁶ ЦГАНХ СССР. Ф. 7446. Оп. 14. Д. 187. Л. 22.

³⁷ Там же. Оп. 13. Д. 48. Л. 154—155.

³⁸ Конквест Р. Указ. соч. С. 235, 237.

⁴⁰ См.: Поляков Ю. А., Чугунов А. И. Конец басмачества, М., 1976. С. 156; Конквест Р. Указ. соч. С. 284.

⁴¹ А. Орлов — один из руководителей НКВД, перешедший в 1938 г. на Запад.

⁴² Огонек. 1989. № 47. С. 18.

⁴³ См.: История советского крестьянства. Т. 2. С. 188—191.

⁴⁴ ЦГАНХ СССР. Ф. 7733. Оп. 10. Д. 327. Л. 104.

⁴⁵ Там же. Д. 328. Л. 89.

⁴⁶ Там же. Д. 330. Л. 59—60.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ История советского крестьянства. Т. 2. С. 226.

⁴⁹ История СССР с древнейших времен до наших дней, т. 8. М., 1967, С. 572.

⁵⁰ Родина. 1989. № 8. С. 33.

⁵¹ История СССР. 1989. № 3. С. 44.

⁵² Гос. архив Новосибирской обл. Ф. 54. Оп. 4. Д. 306. Л. 8, 37—39; Д. 329. Л. 86.

⁵³ Родина. 1989. № 8. С. 34.

⁵⁴ ЦГАНХ СССР. Ф. 8040. Оп. 8. Д. 11. Л. 365.

⁵⁵ Документы свидетельствуют... С. 47—48.

⁵⁶ См.: Конквест Р. Указ. соч. С. 218.

⁵⁷ М а к с у д о в С. Указ. соч. С. 46, 48.

⁵⁸ Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления... С. 391.

⁵⁹ Социалистическая реконструкция сельского хозяйства, 1932. № 9. С. 48.

⁶⁰ ЦГАНХ СССР. Ф. 7446. Оп. 1. Д. 240. Л. 93—95.

- ⁶¹ См. там же. Ф. 7486. Оп. 1. Д. 237. Л. 306.
- ⁶² СЗ СССР. 1932. № 62. Ст. 360.
- ⁶³ 3-я сессия ЦИК СССР 6 созыва. Бюллетень 18. С. 12.
- ⁶⁴ Лепешкин А. И. Местные органы Советского государства (1921—1936). М., 1959. С. 279.
- ⁶⁵ Вышинский А. Я. Революционная законность на современном этапе. М., 1933. С. 102.
- ⁶⁶ См.: Зеленин И. Е. О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации // История СССР. 1989. № 2.
- ⁶⁷ Архив Ростовского обкома КПСС. Ф. 8. Оп. 1. Д. 55. Л. 50.
- ⁶⁸ Там же; ЦГАНХ СССР. Ф. 7486. Оп. 1. Д. 237. Л. 392.
- ⁶⁹ Конквест Р. Указ. соч. С. 348—349.
- ⁷⁰ ЦГАНХ СССР. Ф. 7486. Оп. 1. Д. 237. Л. 392, 403—405.
- ⁷¹ Этот документ, извлеченный из Смоленского архива, был опубликован С. Максудовым (см.: Максудов С. Указ. соч. С. 283—286).
- ⁷² Социалистическое строительство СССР. М., 1936. С. XXX.
- ⁷³ История СССР. 1989. № 3. С. 34—35; Правда. 1988. 16 сентября (данные В. П. Данилова).
- ⁷⁴ См.: Сталин И. В. Соч. Т. 13. С. 53.
- ⁷⁵ Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР. М.; Л. 1934. С. 197.
- ⁷⁶ КПСС в резолюциях... Т. 4, С. 395.
- ⁷⁷ Роголина Н. Л. Коллективизация: уроки пройденного пути. М. 1989. С. 143.
- ⁷⁸ Волкогонов Д. Триумф и трагедия. Октябрь. 1988. № 11. С. 101.
- ⁷⁹ История СССР. 1989. № 3. С. 6, 29—30.
- ⁸⁰ Родина. 1989. № 8. С. 35.
- ⁸¹ Цит. по: Конквест Р. Указ. соч. С. 218.
- ⁸² Новый мир. 1989. № 11. С. 145.
- ⁸³ Правда. 1990. 4 июля. В указе Президента СССР М. С. Горбачева «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20—50-х годов» от 13 августа 1990 г. сказано: «Признать незаконными, противоречащими основным гражданским и социально-экономическим правам человека репрессии, проводимые в отношении крестьян в период коллективизации... и полностью восстановить права этих граждан».
- ⁸⁴ В советской и зарубежной литературе называются различные цифры потерь населения СССР в связи с коллективизацией — от 6—7,5 млн. человек (Б. Ц. Урланис, С. Уиткрофт, С. Максудов) до 10 млн. («Московские новости». 1987. 29 марта) и даже 14,5 млн. (Р. Конквест). Численность умерших от голода определяется в пределах 2—7 млн. человек. Все эти данные нуждаются в проверке и уточнении на основании использования новых источников и более обстоятельной разработки материалов переписи населения СССР 1937 и 1939 гг.
- ⁸⁵ КПСС в резолюциях... Т. 4. М., 1970. С. 57.
- ⁸⁶ XVII конференция ВКП(б): Стеногр. отчет. М., 1932. С. 193.
- ⁸⁷ См.: История. СССР. 1989. № 6. С. 14.
- ⁸⁸ Сталин И. В. Соч. Т. 13. С. 203.

ПОЛКОВНИК АКАСИ И ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ (1904—1905 гг.)

В июне 1906 г. в Петербурге в издательстве А. С. Суворина вышла в свет брошюра «Изнанка революции. Вооруженное восстание в России на японские средства». В ней были воспроизведены фотокопии писем, которыми в первой половине 1905 г. обменивался бывший японский военный атташе в России полковник М. Акаси (в источниках и ранее в литературе — «Акаши», или «Акаси») с К. Циллиаксом и Г. Г. Деканозовым. Первый из них был организатором и руководителем Финляндской партии активного сопротивления, образованной в ноябре 1904 г., второй — одним из лидеров созданной в апреле того же года Грузинской партии социалистов-федералистов-революционеров. Опубликованная переписка касалась главным образом закупки и нелегальной отправки в Россию большой партии оружия для революционных организаций. «И японцы, и русские революционеры, — указывалось в предисловии к брошюре, — в циничном безразличии в выборе средств борьбы оказались достойны друг друга. Одни славу своего оружия запятнали грязью подкупа, другие великое слово свободы осквернили продажей своей родины».

Это была не первая попытка обвинить участников освободительного движения в корыстных связях с противником России в недавно закончившейся войне. Еще в начале 1905 г. неким Череп-Спиридовичем был пущен подхваченный правыми газетами и черносотенцами, но оказавшийся вздорным слух об огромной денежной поддержке, которую японское правительство якобы оказало бастовавшим в России рабочим. Такого рода обвинения нередко использовались и местными российскими «держимордами» для организации погромов демократической интеллигенции, как, например, в Курске в феврале 1905 г.¹ «...Как только русская армия стала терпеть неудачи в борьбе с Японией, — вспоминал в этой связи И. И. Петрункевич, — прислужниками правительства тотчас же был пущен слух о подкупе японцами русских общественных деятелей и печати в расчете перенести ответственность военной и гражданской власти за поражение на общество и его деятелей. Конечно, этому слуху никто не верил, и истинный смысл его был всем понятен»²

Вероятно, поэтому опубликованные в 1906 г. документы были встречены современниками с недоверием. «... Когда мы говорили, что деньги для русской революции получались из-за границы, — записал издатель брошюры в своем дневнике через год после ее публикации, — над этим смеялись»³ В отклике на выход брошюры «Изнанка революции», помещенном в газете «Наша жизнь», известный публицист В. В. Водовозов охарактеризовал ее как «попытку кого-то из истинно русских людей показать изнанку революции и вместе свой «патриотизм» с той стороны, с какой он только и показывался в последнее время, — как патриотизм клеветнический»⁴ При этом, однако, он признал, что опубликованные материалы «не оставили бы ни малейшего сомнения в справедливости вышепри-

Павлов Дмитрий Борисович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИМЛ при ЦК КПСС.

Петров Сергей Александрович, старший преподаватель Московского института радиотехники, электроники и автоматики.

веденного обвинения в адрес «русских революционеров», если бы их достоверность была установлена. В ответной публикации суворинское «Новое время» предложило авторам обнародованных писем оспорить их подлинность⁵, но на это предложение никто не отозвался. И немудрено: в брошюру вошли фотокопии, сделанные заграничным агентом Департамента полиции с оригинальных документов, а отчасти и их подлинники. Эти и другие материалы образовали особое дело «О предосудительной против России деятельности японского полковника Акаши и его сотрудников Деканози, Зельякуса и др.», начатое Департаментом полиции еще в ноябре 1904 г.⁶

Имя полковника Акаши надолго исчезло со страниц русской периодики. Не находим мы его и в многочисленных дореволюционных исследованиях по истории русско-японской войны⁷, включая специально посвященные разведке⁸. Их авторы, как правило, ограничивались общими рассуждениями о беспрецедентно широких размерах японского «шпионства», о «неуловимой и огромной сети» японских тайных агентов, опутавшей Россию накануне и в годы войны и т. п. Относительно же связи японцев с освободительным движением в России здесь можно встретить лишь глухие упоминания⁹.

В советской историографии и мемуарной литературе деятельность Акаши в 1904—1905 гг. нашла отражение в изучении истории Конференции революционных и оппозиционных партий (Париж, 1904 г.)¹⁰, а также в рассмотрении перипетий экспедиции по доставке оружия в Россию на пароходе «Джон Графтон» летом 1905 г.¹¹ Интересные сведения о контактах польских революционных и буржуазно-националистических организаций с японским правительством в годы русско-японской войны содержит недавно опубликованная коллективная монография сотрудников Института славяноведения и балканистики¹². Важные сами по себе, эти сюжеты, однако, далеко не исчерпывают всей картины взаимоотношений японцев с представителями общественного движения в России в 1904—1905 гг.

Значительно большее внимание интересующему нас вопросу уделяет зарубежная историография. Авторы уже первых работ по истории русской революции, появившихся в 1918—1919 гг., комментируя бесспорный для них факт получения большевиками германских денег в 1917 г., историческую аналогию этому ищут в событиях 1904—1905 гг., когда, по словам Артура Булларда, «большинство российских революционных партий принимало японскую помощь»¹³. Именно благодаря японским деньгам, утверждает другой американский автор этого периода, Эдвард Диллон, революционная пропаганда в России в период русско-японской войны получила столь «поразительный размах»¹⁴.

Характерной особенностью изучения интересующего нас вопроса в Финляндии явились сбор и публикация мемуарного материала. Из работ этого ряда особый интерес представляют воспоминания Циллиакуса, в которых он откровенно рассказал о своих контактах с Акаши и признал, что вышеупомянутая парижская (1904 г.) конференция была организована им с одобрения и за счет японского правительства¹⁵. Едва не закончившуюся успехом попытку ввоза оружия в Россию в 1905 г., к которой Циллиакус имел самое непосредственное отношение, мемуарист еще раньше (в 1912 г.) назвал «глупейшей и фантастичнейшей»¹⁶. Поскольку эти и другие воспоминания вышли в свет на финском или шведском языках, долгое время содержащиеся в них сведения оставались известны лишь очень узкому кругу специалистов. В широкий научный оборот они были введены лишь в 1963 г. благодаря книге английского исследователя М. Футрелла, посвященной связям скандинавского подполья с русскими революционными организациями во второй половине XIX — начале XX в. Футрелл, в частности, сумел подробно проследить всю эпопею «Джона Графтона», начиная с ее предыстории — состоявшегося в феврале 1904 г. знакомства Циллиакуса с Акаши и вплоть до взрыва судна в начале сентября следующего года в водах Балтики¹⁷.

В вышедшей в 1964 г. фундаментальной работе профессора Принстонского университета Дж. Уайта, посвященной дипломатической истории русско-япон-

ской войны, интересующая нас ее страница впервые освещается с использованием архивных материалов — документов МИД Японии, и в их числе — одного из списков доклада Акаси о своей деятельности в Европе, известного под названием «*Rakka guusui*»¹⁸ Уайт разделяет общепринятую в русской и советской, а также и в зарубежной историографии точку зрения о высокой эффективности и масштабности деятельности японской разведки в ходе русско-японской войны. Считая главной ее фигурой Акаси, он отводит ей роль одного из трех основных факторов, обеспечивших победу Японии над ее могучим соседом¹⁹ В работе американского исследователя заметно стремление отойти от примитивных и, главное, ни на чем не основанных утверждений Диллона о прямой обусловленности революционного движения в России характером и масштабами японской помощи²⁰ Позднее позиция Уайта получила в историографии дальнейшее развитие.

В 60—80-е гг. в Финляндии и Японии после длительного перерыва было продолжено изучение деятельности Акаси²¹ В частности, в 1966 г. японский исследователь М. Инаба опубликовал один из трех известных вариантов «*Rakka guusui*». Другой список доклада Акаси, прокомментированный Ч. Инаба, вышел в свет в 1986 г. Наконец, в 1988 г. в серии, издаваемой финским историческим обществом, были опубликованы выдержки из наиболее полного, третьего списка этого доклада вместе с извлеченной из японских архивов перепиской Акаси с руководителями военного ведомства и МИД Японии за 1904—1905 гг. Кроме того, в сборник вошли написанные на основе широкого круга документов из архивов Японии, Финляндии и США статьи наиболее видных на сегодняшний день зарубежных специалистов по рассматриваемому вопросу — Ч. Инаба, А. Кюяла и О. Фалта²²

Таким образом, в научный оборот был введен обширный пласт документов, которые дают возможность проследить историю контактов Японии с представителями российского освободительного движения в годы русско-японской войны. До сих пор невостребованными, однако, оставались документы советских архивохранилищ, содержащие богатый материал по интересующим нас сюжетам. Восполнить этот пробел, уточнить и дополнить картину, нарисованную нашими зарубежными коллегами, и призвана настоящая статья.

Наибольший интерес среди используемых нами архивных материалов представляет комплекс документов российской охранки, прямо или косвенно связанных с деятельностью Акаси и его агентов. Кроме вышеупомянутого специального дела Департамента полиции, в котором весьма полно отражены обстоятельства слежки за японским полковником с осени 1904 до лета 1905 г., сюда также следует отнести разнообразную жандармскую переписку, посвященную деятельности в эти годы российских революционных и оппозиционных партий (межпартийным конференциям, переправке оружия в Россию и т. д.). Многократно перепроверенные еще в момент появления упомянутых документов и отчасти подтверждаемые сообщениями других источников, эти сведения в основном заслуживают доверия. Рассмотрение ряда частных сюжетов, главным образом по истории российской социал-демократии и партии социалистов-революционеров в интересующие нас годы потребовало привлечения материалов Архива Дома Плеханова (Ленинград), ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС и Международного института социальной истории (Амстердам). Были также использованы мемуары и дневники непосредственных участников описываемых событий и некоторые другие источники.

Прежде чем приступить к исследованию, необходимо хотя бы кратко ознакомить читателя с основными вехами биографии главного героя повествования. Кадровый офицер Мотодзиро Акаси (1864—1919) в 80-е гг. XIX в. окончил в Токио военные Академию и Колледж. После недолгого пребывания на Тайване и в Китае он с 1901 г. занимал пост японского военного атташе во Франции, а с 1902 по 1904 г. — в России. В 1906 г. он продолжил военно-дипломатическую службу в Германии, однако, скомпрометированный публикацией своей пере-

писки с Деканозовым и Циллиакусом в уже известной нам брошюре, был вскоре отозван на родину. В течение семи последующих лет (с 1907 по 1914) Акаси возглавлял полицию Кореи, с 1905 г. находившейся под протекторатом Японии, а в годы первой мировой войны являлся заместителем начальника японского Генерального штаба. Последние годы жизни Акаси прошли на Тайване, где он был командующим японскими вооруженными силами и одновременно генерал-губернатором острова. Умер он, имея чин полного генерала и баронский титул.

Судя по его докладу, первые месяцы своего пребывания в России Акаси посвятил ознакомлению с общественно-политической обстановкой в стране и, главным образом, поиску контактов с представителями оппозиции²³. Дело, однако, шло туго. Ему мешали и незнание русского языка, и полная оторванность от жизни русского общества. Попытки приобрести нужные знакомства через студента Петербургского университета Уедо Сентаро также не увенчались успехом²⁴. В контакт с лидерами оппозиции (финской) Акаси удалось войти лишь в феврале 1904 г., когда в связи с началом войны все японское представительство в России выехало из Петербурга через Берлин в Стокгольм. Уже в ходе их первой беседы, состоявшейся в доме видного финского конституционалиста И. Кастрена, украшенном портретами японского императора и датского принца Фредерика, Циллиакус обещал снабжать Акаси общеполитической информацией о внутреннем положении России, но от имени партии (пассивного сопротивления) наотрез отказался от роли японского агента. Тогда Кастрен познакомил японца с упомянутыми шведскими офицерами²⁵. В своем донесении Департаменту полиции начальник Выборгского охранного отделения через два месяца после отъезда лионского дипломатического представительства из Москвы отмечал: «...японская миссия в Петербурге после разрыва дипломатических отношений с Россией избрала себе местожительство именно в Стокгольме. Есть основания полагать, что это сделано с тою целью, чтобы удобнее следить за всем тем, что происходит теперь в России... Ближайшими помощниками японцев для получения необходимых сведений из России могут быть высланные за границу финляндцы, проживающие ныне в Стокгольме; для последних же добывание этих сведений не может составить большого затруднения». В Департаменте нашло полную поддержку предложение об организации «более тщательного наблюдения за теми из финляндских обывателей, которые известны своей близостью с высланным элементом»²⁶.

Тем не менее в Департаменте вовремя не разглядели потенциальную опасность контактов японцев с финнами. Этим охранка была «обязана» своему заграничному агенту, Л. А. Ратаеву, который равнодушно встретил сообщение о переезде японского представительства в Швецию и в феврале 1904 г. вместе с российским консулом в Стокгольме В. А. Березниковым был занят организацией подкупа высших полицейских чинов шведской столицы с тем, чтобы они приняли меры для «задержания провозимых через Стокгольм транспортов революционных изданий» (имелась в виду главным образом эсеровская «Революционная Россия»)²⁷.

Знакомство Акаси с финскими оппозиционерами действительно оказалось для него чрезвычайно полезным. Они имели обширные, давние и прочные связи в русских и польских революционных и либеральных кругах и сразу ввели его в самую гущу событий. Благодаря финнам Акаси впервые осознал, что ему предстоит иметь дело не с каким-то бесформенным движением русских «нигилистов», как он считал до сих пор²⁸, а с целым букетом сформировавшихся партий и групп, находившихся к тому же в весьма не простых взаимоотношениях друг с другом.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют с точностью установить, когда и при каких обстоятельствах у Акаси возник план оказания финансовой помощи революционерам с тем, чтобы ускорить начало вооруженного восстания в России. Судя по его докладу, впервые эта проблема обсуждалась им с финнами уже в феврале 1904 г.²⁹ Во всяком случае, какое-то время

такого рода переговоры Акаси вел, не имея на то санкции не только Токио, но даже и кого-либо из находившихся в Европе старших по должности японских официальных лиц. В конце концов его план получил поддержку со стороны посла Японии в Лондоне Т. Хаяси, а затем и японского Генштаба³⁰

В начале марта 1904 г. с рекомендацией Кастрена на руках Акаси отправился в Краков на встречу с Романом Дмовским, журналистом и членом Тайного совета националистической Лиги народной, с которой финны поддерживали тесные контакты с 1903 г. Обсуждение возможности участия Лиги в вооруженном восстании закончилось вручением Дмовскому рекомендательных писем к заместителю начальника японского Генштаба генералу Г. Кодама и одному из руководителей японской разведки — генералу Я. Хукусима³¹. В середине мая 1904 г. Дмовский (формально в качестве корреспондента центрального органа Лиги журнала «Пшеглэнд вшепольски»³²), прибыл в Токио, где по просьбе Кодама составил две обширные записки о внутреннем положении России и польском вопросе. Исходя из стремления руководства Лиги воспрепятствовать любой попытке организации «польского фронта» в тылу России, Дмовский попытался убедить военное руководство Японии в ошибочности расчетов на использование польского национального движения в целях ослабления империи³³ и предлагал ограничиться ведением пропаганды среди находившихся в Маньчжурии польских солдат с призывом сдаваться в плен.

Иную позицию занимала Польская социалистическая партия (ППС). В феврале 1904 г. ее руководство выпустило воззвание, в котором осудило захватническую политику царской России и выразило пожелание победы Японии. В расчете на то, что поражение царизма создаст ситуацию, благоприятную для выхода Польши из состава России, Центральный революционный комитет (ЦРК) ППС взял курс на подготовку восстания в союзе с другими революционными национальными партиями³⁴. Уже в середине марта 1904 г. член ЦРК В. Иодко представил план такого восстания Хаяси. В числе прочего план предусматривал широкое распространение революционных изданий среди польских солдат русской армии, разрушение мостов и железнодорожного полотна по линии Транссибирской магистрали и т. д.³⁵ В апреле ППС предложила регулярно доставлять японской стороне основные на сообщениях печати сводки о передвижениях русских войск, состоянии русской армии и т. д.³⁶

Несмотря на то, что на телеграмму Хаяси и японского военного атташе в Англии Т. Утсунумия, в которых излагались предложения Иодко, из Токио ответа получено не было, в начале июля для продолжения переговоров в Японию отправился Ю. Пилсудский. В представленном им в японский МИД меморандуме предлагалось создать японо-польский (в лице ППС) союз и была повторена прозвучавшая еще в марте просьба о предоставлении Японией материальной поддержки партии на вооруженное восстание³⁷. Контршагом со стороны Дмовского, все еще находившегося в Японии, явилось составление новой записки, в которой была подтверждена его прежняя позиция. Адресованная министру иностранных дел Комуре, она была передана им в Генштаб и рассмотрена на заседании гэнро³⁸. В результате Пилсудскому было объявлено о нежелании японского правительства быть втянутым в польские дела, но для проведения разведывательной работы и диверсий в тылу русской армии ему было выделено 20 тыс. фунтов стерлингов (200 тыс. руб.)³⁹. Такая позиция руководства ППС уже в 1904 г. вызвала критику со стороны левого крыла партии и в конечном счете привела к ее расколу в 1906 г. на ППС-«левицу» и ППС — «революционную фракцию»⁴⁰. Последняя, по словам В. И. Ленина, «свернула себе шею на бесильной партизанщине, терроре и фейерверчных вспышках»⁴¹.

Тем временем сотрудничество Акаси с Циллиакусом продолжалось. Еще до начала русско-японской войны Циллиакус проявлял большой интерес к токийским делам, пристально следил за наращиванием японской военной мощи, посещал Японию и даже некоторые свои статьи подписывал псевдонимом «Самурай». В речи, произнесенной в начале февраля 1904 г. в Стокгольме на вечере

памяти поэта И. Рунеберга, Циллиакус предсказал победу Японии в ее конфликте с Россией, подчеркнув, что поражение царизма в войне может до такой степени усилить революционное движение в стране, что российская монархия падет и откроет дорогу независимости Финляндии⁴²

Циллиакус одним из первых среди финских оппозиционеров осознал всю пагубность их изоляции от русского освободительного движения. Еще в 1902 г. с присущей ему энергией и целеустремленностью сначала в частной переписке, а затем и со стороны редактировавшейся им газеты «Фриа Урд» («Свободное слово») он убеждал своих соратников в необходимости практического взаимодействия с русскими революционерами и, не теряя времени, самостоятельно приступил к осуществлению этого намерения. В частности, используя свой собственный опыт по транспортировке финской нелегальной литературы из Швеции в Финляндию, с осени того же 1902 г. Циллиакус начал оказывать аналогичного рода услуги российским социал-демократам (и, по отзыву одного из них, «отлично выполнял свои обязательства»⁴³). Ко второй половине 1903 г. Циллиакусу удалось в значительной степени переломить скептическое отношение к своим начинаниям и в самом руководящем органе партии пассивного сопротивления — Гражданском комитете. На состоявшейся летом 1903 г. в Стокгольме конференции «финляндских сепаратистов», докладывая Ратаев директору Департамента полиции, его участники пришли к выводу, что «изолированная кучка финляндских агитаторов бессильна для борьбы с русским самодержавием» и приняли решение «объединиться с русскими революционерами»⁴⁴. В конце 1903 — начале 1904 г. по заданию Комитета Циллиакус предпринял поездку по европейским эмигрантским центрам, в ходе которой встретился с социал-демократом Л. Г. Дейчем, видными эсерами И. А. Рубановичем, Ф. В. Волховским, Н. В. Чайковским, анархистом князем П. А. Кропоткиным, представителями польского общественного движения Р. Дмовским и Л. Балицким. Помимо установления (или возобновления) связей с российской революционной эмиграцией цель этой поездки Циллиакуса заключалась также в организации «финляндского бюро прессы» для усиления агитации «против русского правительства»⁴⁵. Что касается поляков, то, если верить Ратаеву, речь шла об «обсуждении условий соглашения» их с финнами и «выработке программы объединенной совместной деятельности»⁴⁶

«К концу июня [1904 г.], — пишет в своем докладе Акаси, — отношения между Циллиакусом и основными оппозиционными партиями созрели. Он и я почти одновременно отправились в Париж, где вместе с представителем партии „Сакартвело“ Деканози и партии „Дрошак“ (имеется в виду партия „Дашнакцутюн“. — Авт.) графом Лорис-Меликовым совещались по поводу плана организации беспорядков в России. Затем Циллиакус отправился в Лондон на переговоры с Чайковским. После этого с моей рекомендацией на руках он встретился с Утсуномия, чтобы затем повидаться с Хаяси. Поскольку Утсуномия получил ответ от заместителя начальника Генерального штаба, я обещал Циллиакусу, что выплачу ему 3000 иен на печатание прокламаций»⁴⁷

Вдохновленный обещанием финансовой поддержки со стороны Японии, Циллиакус с утроенной энергией включился в организацию межпартийной конференции. Ее цель, объяснял он Акаси весной 1904 г., должна заключаться в выработке совместного печатного воззвания, а затем и в проведении демонстраций⁴⁸. В конце апреля — начале мая 1904 г. Циллиакус получил принципиальное согласие на участие в конференции от социал-демократов (в лице Г. В. Плеханова) и либералов (П. Б. Струве). Дело, однако, шло не совсем гладко. Во-первых, потому, что умеренное крыло финских оппозиционеров, ориентированное на русских либералов, стремилось отеснить Циллиакуса от организации конференции и поддержало просьбу Струве об ее отсрочке, и, во-вторых, в связи с неожиданно возникшими колебаниями партий, уже высказавшихся за участие в ней (например, эсеров)⁴⁹. Эти сравнительно небольшие затруднения, впрочем, не меняли отношения представителей российского общественного движения

к самой идее созыва такой конференции, которое оставалось по-прежнему благоприятным во многом потому, что о связях Циллиакуса с японцами никто не подозревал, и активность финна выглядела как естественное стремление реализовать свои ранее высказанные намерения. О том, кто стоял за спиной Циллиакуса, к началу лета 1904 г. кроме поляков знал лишь эсер Волховский⁵⁰

13 июня 1904 г. (все даты приводятся по новому стилю) предложение Циллиакуса было впервые рассмотрено на заседании Совета РСДРП. В трактовке Г. В. Плеханова, цель работы проектировавшейся конференции должна была заключаться в совместной выработке «манифеста против войны»⁵¹ Совет единоголосно высказался за участие в конференции, но в специально принятой инструкции своим делегатам подчеркнул, что она должна ограничиться лишь «принципиальным заявлением солидарности всех революционных и оппозиционных партий в борьбе с царизмом»⁵² В дальнейшем что-то заставило Плеханова усомниться в целесообразности участия социал-демократов в работе этой конференции, но Циллиакусу во время их второй личной встречи, состоявшейся в Амстердаме 19 августа, удалось, по словам Ратаева, «сломить упорство» своего собеседника⁵³

Кроме переговоров с Плехановым, в Амстердаме Циллиакус провел ряд встреч с представителями других социалистических партий, съехавшимися на конгресс II Интернационала, на котором сам он фигурировал в качестве гостя. На состоявшемся 18 августа обеде в присутствии эсеров Е. Азефа, Е. К. Брешко-Брешковской, Волховского, Рубановича и В. М. Чернова, а также делегата от Бунда Ц. М. Копельзона Циллиакус развил свой план действий, который в «стенографическом» изложении Ратаева выглядел следующим образом: «В самом непродолжительном времени необходимо собрать конференцию делегатов от всех российских и инородческих революционных и оппозиционных групп. Делегаты должны обсудить текст общего манифеста против войны и выработать план общих совместных и одновременных действий для понуждения всеми мерами, хотя бы самыми террористическими, прекратить войну. Такими мерами могут быть одновременные в разных местностях вооруженные демонстрации, крестьянские бунты и т. п. Если понадобится оружие, добавил Циллиакус, то финляндцы берутся снабдить оружием в каком угодно количестве. Все согласились на этот план»⁵⁴ Как видим, планы Циллиакуса относительно характера совместных действий революционных и оппозиционных партий претерпели изменения за счет перенесения центра тяжести из области пропагандистской («манифест против войны») в сферу революционной практики под флагом, правда, все той же антивоенной кампании.

По окончании Амстердамского конгресса в подготовительную работу по созыву конференции активно включился Акаси. Он действовал в полном согласии с Циллиакусом и лишь однажды усомнился в его правоте, когда речь вновь зашла о приглашении на конференцию либералов (Акаси опасался, что их присутствие парализует ее работу). Однако Циллиакус сумел настоять на своем, несмотря на то, что совсем недавно (в начале августа) в письме Плеханову сам недвусмысленно высказался против присутствия либералов на конференции⁵⁵ Совместными усилиями Циллиакусу, Акаси и Утсунумия удалось преодолеть возникшие было в конце августа в руководстве ППС сомнения относительно участия в конференции, вызванные опасениями быть скомпрометированными в связи со слухами о контактах Циллиакуса с японцами⁵⁶ «К середине сентября, — сообщает Акаси, — и другие партии объявили о своей готовности участвовать в работе конференции»⁵⁷ К этому времени была обеспечена и финансовая сторона дела. «100 000 иен, — телеграфировал 31 августа в ответ на запрос Акаси заместитель начальника японского Генштаба Г. Нагаока, — будет вполне дешево, если цель будет определенно достигнута... Однако обеспечить взаимодействие между всеми оппозиционными партиями нелегко, и вы должны позаботиться о том, чтобы деньги не попали в руки только нескольким партиям»⁵⁸

3 сентября вопрос об участии в конференции был вновь поднят на заседании

Совета РСДРП. Приглашенный в качестве докладчика по этому вопросу Ф. Дан, возвращаясь к целям конференции, в принципе повторил сказанное Циллиаксом на обеде 18 августа (кроме упоминания о терроре и вообще о совместных вооруженных выступлениях). Коснувшись предложения финнов на собрании представителей социал-демократических партий — участников Амстердамского конгресса, состоявшегося 22 августа, он со ссылкой на некоего «латyšского товарища» сообщил о факте «сознательного или бессознательного» «сношения с японским правительством» инициаторов конференции, на основании чего Совет единогласно проголосовал против участия в ней⁵⁹. По предложению Глебова (В. А. Носкова), с этим постановлением было решено ознакомить местные комитеты РСДРП. 7 сентября копию этого постановления получил и Ленин, не участвовавший в заседании Совета в знак протеста против изменений в составе ЦК, произошедших в июле этого года⁶⁰.

Это решение Совета РСДРП проложило резкую грань между российской социал-демократией и другими социалистическими партиями, к тому времени уже осведомленными об источнике финансирования будущей конференции и тем не менее согласившимся на участие в ней. Подобная позиция проистекала из общего отношения меньшевиков к войне, выраженного в отказе от «пораженчества», в выдвигании лозунга немедленного мира и как средства его достижения — созыва Учредительного собрания⁶¹. Этот лозунг, безусловно, не был тождествен призывам к обороне «своего» отечества, как считает Ю. И. Кораблев⁶², а общая тактическая линия меньшевиков, вопреки распространенному в советской историографии мнению⁶³, принципиально отличалась от тактики либеральной буржуазии. Меньшевики, говоря словами Дана, считали, что «рабочий класс не может, сложа руки, ждать той свободы, которую принесет ему военный разгром России»⁶⁴, и строили вполне конкретные планы развертывания революционной борьбы за свержение самодержавия⁶⁵. В то же время они, как впоследствии писал Мартов, всячески предостерегали от обнаружившегося в революционной среде «известного „японофильства“ и идеализации роли, которую в данной войне играл японский империализм»⁶⁶.

Иной точки зрения на ход и перспективы русско-японской войны придерживались большевики. В отличие от своих постоянных оппонентов, выступавших под лозунгом немедленного прекращения войны, Ленин видел в ней мощный (и едва ли не главный) революционизирующий массы и одновременно ослабляющий самодержавие фактор. «... В случае поражения [России], — писал он в феврале 1904 г., — война приведет прежде всего к падению всей правительственной системы»⁶⁷; «развитие политического кризиса в России, — читаем в его статье, опубликованной в начале 1905 г., — всего более зависит теперь от хода войны с Японией. Эта война всего более... толкает на восстание истстрадавшие народные массы»⁶⁸. Поэтому указания меньшевистской «Искры» о неуместности «спекуляций» по поводу победы японской буржуазии Ленин считал «пошлыми», а фразы о мире — «банальными»⁶⁹. Если Плеханов говорил о поражении России в войне лишь как о «наименьшем» (по сравнению с ее победой) «зле» с точки зрения перспектив освободительного движения в стране⁷⁰, то Ленин ставил свержение царизма в прямую зависимость от военных неудач России, поскольку был убежден, что «дело русской свободы и борьбы русского (и всемирного) пролетариата за социализм очень сильно зависит от военных поражений самодержавия»⁷¹. В этой связи следует отметить и тот живой интерес, который Ленин проявлял в 1904 г. (особенно во второй его половине) как к ходу русско-японской войны, так и к внутреннему положению Японии⁷².

Одним из направлений деятельности большевиков в годы войны явилась организация распространения революционных изданий среди русских пленных, находившихся в Японии. В мае 1904 г. заведующий экспедицией РСДРП В. Д. Бонч-Бруевич (а не Ленин, как предположил П. П. Топеха⁷³) обратился в газету японских социал-демократов «Хэймин Симбун» («Газета простого народа») с просьбой помочь в переправке социал-демократической литературы

русским военнопленным⁷⁴ Редактор «Хэймин Симбун» весьма сочувственно отнесся к этому предложению (письмо Бонч-Бруевича было даже опубликовано в одном из июньских номеров газеты) и в начале июля известил Ленина об отправке полученной литературы по назначению⁷⁵ Такого рода услуги российским революционерам редакция «Хэймин Симбун» продолжала оказывать и в дальнейшем. В начале 1905 г. газета опубликовала перечень из 50 наименований полученных ею русских брошюр и прокламаций, включавший как социал-демократическую, так (в небольшом количестве) и эсеровскую литературу⁷⁶

Еще не был получен ответ от японских социалистов, как в Женеве поползли слухи о связях экспедиции РСДРП с правительством Японии, уличавшие заведующего экспедицией в том, что позднее (в сентябре) было названо Мартовым «попытками завести сношения с японским агентом в Вене для снабжения его литературой»⁷⁷ В этой связи в июле 1904 г. меньшевистский ЦК специальным постановлением категорически предписал Бонч-Бруевичу прекратить «высылку партийной литературы токийскому правительству как компрометирующую партию»⁷⁸, а вскоре и вообще отстранил его от руководства экспедицией⁷⁹ Еще раньше незадачливому заведующему экспедицией пришлось объясняться на этот счет с Плехановым, содержание разговора с которым Бонч-Бруевич воспроизвел в своих воспоминаниях. В ответ на прямо поставленный Плехановым вопрос: «Вы от нашей партийной экспедиции вошли в сношение с японским правительством?» — Бонч-Бруевич, предварительно выразив свое негодование подозрениями в подобных «политических гнусностях», заявил, что литература распространяется среди военнопленных с помощью доктора Русселя (который, добавим от себя, начал действовать в Японии лишь через год после этого разговора — летом 1905 г.)⁸⁰ «Если бы мы имели возможность войти в самые тесные сношения с японской рабочей партией и через нее повести еще более энергично нашу пропаганду среди пленных, то мы обязательно это сделали бы, — сообщил он далее Плеханову. — Но, к нашему величайшему сожалению, пролетарская организация Японии столь слаба, что и пытаться это сделать не имеет смысла»⁸¹

Если указание Бонч-Бруевича на Русселя еще можно отнести на счет забывчивости мемуариста, то отрицание им контактов с японскими социалистами выглядит как преднамеренное стремление скрыть истинное положение вещей. Это тем более бросается в глаза, что уже через полгода после описываемых событий во втором номере большевистской газеты «Вперед» М. С. Ольминский, вспоминая июльское постановление ЦК в отношении Бонч-Бруевича, обвинил меньшевиков в неумении «заметить разницу между японскими социал-демократами и токийским правительством»⁸² и, таким образом, подтвердил факт контактов экспедиции РСДРП с японской рабочей партией летом 1904 г.

Не проясняет эту историю и то немаловажное обстоятельство, что в отчетах экспедиции РСДРП за 1904 г., отложившихся в ЦПА ИМЛ, нет никаких следов отправки литературы на Дальний Восток. На это, кстати, тогда же обратил внимание Носков⁸³ Спрашивается, зачем понадобилось Бонч-Бруевичу скрывать правду о своих связях с японцами, если она действительно была столь «прекрасна и хороша», как он пишет в своих воспоминаниях?⁸⁴ В этом контексте фраза Бонч-Бруевича, завершающая его рассказ о беседе с Плехановым летом 1904 г. («Я тотчас же обо всем рассказал Владимиру Ильичу, и он от души смеялся над „меньшевистскими дурачками“») ⁸⁵, приобретает совсем не тот смысл, который хотел вложить в нее мемуарист.

Последнюю точку в этой запутанной истории в 1915 г. поставил сам Плеханов. В разговоре, воспроизведенном его собеседником, Г. А. Алексинским, со ссылкой на «признания» Бонч-Бруевича, он сообщил, что «знает, что уже во время русско-японской войны Ленинский центр не брезговал помощью японского правительства, агенты которого в Европе помогли распространению ленинских изданий»⁸⁶

Итак, на первой в истории российского освободительного движения конфе-

рениции революционных и оппозиционных партий, проходившей в Париже с 30 сентября по 4 октября 1904 г., социал-демократы представлены не были (кроме РСДРП от участия в ней отказались Социал-демократическая партия Польши и Литвы, Украинская революционная партия и Бунд). «На конференции, — пишет со слов Циллиакуса в своем докладе Акаси, — было решено, что каждая партия может действовать своими методами: либералы должны атаковать правительство с помощью земства и газетных кампаний; эсерам и другим партиям следует специализироваться на крайних методах борьбы; кавказцам — использовать свой навык в организации покушений; польским социалистам — опыт в проведении демонстраций»⁸⁷ Как показал К. Ф. Шацилло, всем этим далеко идущим планам не суждено было сбыться, и практические результаты достигнутых соглашений оказались весьма скромными⁸⁸ Тем не менее и непосредственные участники конференции, и японцы остались вполне удовлетворены ею. О ходе работы конференции и содержании ее итоговых документов в Токио узнали из телеграммы Акаси и посла во Франции И. Мотоно (первый отправил соответствующую депешу в Генштаб, второй — в МИД)⁸⁹

Надежды Акаси на возможность направить активность революционеров на практическую борьбу с русским правительством подкрепила состоявшаяся сразу после парижской конференции встреча тех ее участников, которые, по его словам, «использовали чрезвычайные меры» (т. е. придерживались революционной тактики)⁹⁰ Если верить Акаси, главным итогом этой встречи было решение «чинить препятствия» правительству в призыве новобранцев в армию. После принятия соответствующей резолюции японец лично пообещал оказать материальную поддержку партиям, которые испытывали финансовые затруднения⁹¹ Таким образом, уже в ходе этой встречи видимость приличий, соблюдавшаяся во время парижской конференции, была отброшена, и Акаси перешел к прямому субсидированию деятельности ряда российских революционных партий, пытаясь влиять на нее в нужном для себя направлении.

До осени 1904 г. российская охранка не располагала конкретными сведениями о связях российских революционеров с японцами. На след Акаси ее вывело наблюдение за Г. Г. Деканозовым, установленное по распоряжению директора Департамента полиции с лета этого года и возложенное на И. Ф. Манасевича-Мануйлова, чиновника особых поручений при министре внутренних дел.

Дворянин Георгий Гаврилович Деканози (Деканозов) появился в Париже в начале 1904 г. и вместе с князем А. К. Джорджадзе приступил к изданию журнала «Сакартвело», вокруг редакции которого вскоре сформировалась Грузинская партия социалистов-федералистов-революционеров (по одним данным, деньги на издание журнала Деканозов — горный инженер по образованию — получил мошенническим путем от Общества чаиатурских марганцевопромышленников⁹², по другим — вместе с Джорджадзе собрал в виде пожертвований в Баку осенью 1900 г.)⁹³ Помимо издания собственного журнала летом 1904 г. Деканозов деятельно сотрудничал в анархистской газете «Хлеб и воля», один из руководителей которой, В. Н. Черкезов, в личной переписке так отзывался о нем: «Он один из самых образованных, дельных и преданных людей; под скромной и тихой его наружностью скрыт сильный характер умелого и образованного революционера»⁹⁴ Интересно, что в те же июньские дни 1904 г., когда было написано это письмо, Деканозов познакомился с Акаси с тем, чтобы в дальнейшем стать одним из его самых доверенных и высокооплачиваемых агентов⁹⁵

Наблюдение за Деканозовым, а также организованный с помощью французских властей перехват его корреспонденции показали, что между ним и Акаси, по выражению Мануйлова, установились «весьма доверительные отношения, которые дают основание предполагать, что Деканозов работает за счет Японии»⁹⁶ Были получены и доказательства их сотрудничества в организации переправки в Россию нелегальной литературы⁹⁷ Однако в конце 1904 г. из Петербурга неожиданно последовало распоряжение прекратить «заниматься этим делом», поскольку «означенным наблюдением не установлена причастность

названного Деканози к военно-политической деятельности»⁹⁶ Возобновить наблюдение в начале февраля 1905 г. заставило письмо на имя русского посла во Франции Нелидова горничной одной из любимых Акаси парижских гостиниц, которая предложила свои услуги по слежке за японским полковником⁹⁹ Благодаря ей Мануйлов получил возможность подслушивать переговоры Акаси со своими агентами во время его частых наездов в Париж, «знакомиться» с содержимым его багажа и т. п. В середине февраля Мануйлов сообщил своему петербургскому начальству об установлении «непосредственного наблюдения» за Акаси — «одним из деятельных агентов японского правительства», стоящим во главе «военно-разведочного бюро»¹⁰⁰ Постепенно в сферу наблюдения Мануйлова попал и Циллиакус, продолжавший свои активные контакты с Акаси и Деканозовым. Поскольку в Петербург продолжали поступать и донесения Ратаева, следившего за Циллиакусом с помощью Азефа, у Департамента полиции появилась возможность пользоваться перекрестными (и потому особенно ценными) сведениями о деятельности этой триады.

Предложение услуг французской горничной было весьма кстати, так как в то время Акаси совершал очередную поездку «по Европе»¹⁰¹ Судя по его докладу, в это время его чрезвычайно интересовали январские события в Петербурге и особенно та роль, которую сыграл в них Г. А. Гапон. Обсуждение последствий Кровавого воскресенья для революционного движения в России, состоявшееся в Париже с участием Акаси, Циллиакуса и Чайковского, привело их к выводу о необходимости «использовать имя Гапона» для созыва очередной межпартийной конференции. Ее целью, по словам Акаси, должна была стать разработка планов по активизации движения к лету 1905 г.¹⁰² Таким образом, вопрос о созыве новой конференции «от имени Гапона» был решен без всякого его участия и, возможно, даже до его появления за границей. Как показали дальнейшие события, имя популярного в России священника, учитывая опыт парижской встречи 1904 г., организаторы конференции хотели использовать, во-первых, для того, чтобы обеспечить представительство на ней всех революционных организаций, а во-вторых, дабы придать ее решениям дополнительный вес. В ходе подготовительных работ по ее созыву имя Гапона в «своем» кругу вообще не считалось нужным упоминать.

Под влиянием январских событий деятельность революционеров оживилась; начался массовый отъезд эмигрантов в Россию. В условиях, когда и без того формальный «парижский блок» прекратил свое существование, а развитие массового движения настоятельно требовало объединения всех революционных партий, созыв новой межпартийной конференции действительно стал необходим. Основой для объединения революционных партий могла стать подготовка к вооруженному восстанию, вопрос о котором буквально носился в воздухе. На повестку дня стала проблема практического вооружения участников революции. Даже лидеры меньшевиков, совсем не склонные опережать события, инструктируя отъезжающих на родину, в качестве первоочередной ставили задачу «вооружать организованных рабочих», видя свою собственную функцию в том, чтобы «озаботиться» доставкой оружия в Россию¹⁰³

На почве практической подготовки вооруженного восстания началось взаимное сближение большевистской фракции РСДРП и партии эсеров. Именно этой проблеме была посвящена беседа Ленина с Гапоном, состоявшаяся во время их первой встречи в середине февраля 1905 г.¹⁰⁴ В статье «О боевом соглашении для восстания», написанной сразу после этой встречи, Ленин «с удовольствием» перепечатал «Открытое письмо к социалистическим партиям» Гапона, призвавшего эти партии «немедленно войти в соглашение между собой и приступить к делу вооруженного восстания против царизма»¹⁰⁵ Сам он также высказался здесь за «скорейшее осуществление» «боевого единения социал-демократической партии с партией революционно-демократической, с партией соц.-рев.», находя его «возможным, полезным и необходимым»¹⁰⁶ Что касается эсеров, то в марте 1905 г. по заданию Рубановича и М. А. Натансона к Гоцу «для перегово-

ров с ним о соединении с социал-демократами» специально выезжал Азеф ¹⁰⁷

Эти объединительные тенденции были своевременно и с нескрываемым беспокойством отмечены органами российского политического розыска. «Вопрос о слиянии партии социалистов-революционеров с социал-демократами для совместных террористических действий ¹⁰⁸, — сообщал заведующий заграничной агентурой в Департамент полиции в середине марта 1905 г. — подвигается быстрыми шагами вперед... Положение становится день ото дня серьезнее и опаснее» ¹⁰⁹

В феврале-марте 1905 г. инициаторы созыва новой конференции развернули работу по ее подготовке. Душой ее снова выступил Циллиакус. «На днях в Лондон, — доносил в марте 1905 г. Ратаев, — приезжал известный финляндский агитатор Кони Циллиакус, куда вызывал для свидания агентуру (т. е. Азефа. — Авт.). Финляндская революционная партия намеревается созвать в ближайшем будущем вторую конференцию представителей всех русских и инородческих революционных и оппозиционных организаций, наподобие той, которая состоялась в Париже в минувшем октябре... На этот раз обещали принять участие в конференции и представители Российской социал-демократической рабочей партии, то есть по крайней мере той ее части, которая за последнее время стала стремиться к объединению с партией социалистов-революционеров... финляндцы намерены не щадить средств и стараний, дабы конечным результатом этой конференции явился на сей раз действительный, а не фиктивный союз между всеми группами, для организации общими усилиями народного восстания...» ¹¹⁰ Далее Ратаев сообщал о закупке Циллиакусом в Гамбурге 6000 «маузеровских пистолетов» и о его планах приобретения яхты для доставки оружия в Россию («вероятно, через Финляндию»). «Циллиакус находится в сношениях с японским посольством в Лондоне, — отметил в заключение Ратаев, — и доставляет большие суммы денег финляндским и польским революционерам» ¹¹¹

В десятых числах марта, когда за подписью Гапона представителям партий были разосланы официальные приглашения на конференцию ¹¹², от участия в ней отказались меньшевики, сославшиеся на предпочтительность прямых соглашений с организованными партиями. «Совет партии находит конференцию желательной, — указывалось в ответном письме редакции „Искры“, — но она должна состояться в результате соглашения между организованными партиями, а не в результате личной инициативы нового и малоизвестного в революционном движении человека» ¹¹³ После некоторых колебаний, связанных, по словам Ленина, с «огромным преобладанием» на конференции «с.-р.», редакция «Вперед» и Бюро Комитетов большинства согласились на участие в ней для того только, чтобы на самой конференции объявить ее «игрушкой в руках с.-р.» ¹¹⁴ и покинуть зал заседаний вместе с представителями Латышской СДРП и Бунда. Этот уход, однако, совсем не означал отказа большевиков от идеи сотрудничества с эсерами на почве практической революционной работы, на что и указал Ленин в начале мая 1905 г. в докладе на III съезде РСДРП ¹¹⁵

Конференция, работавшая в Женеве со 2 по 8 апреля 1905 г. ¹¹⁶, закончилась принятием двух документов — общеполитической Декларации, подписанной всеми ее участниками ¹¹⁷, и Декларации только социалистических партий, представленных на ней. В первом из этих документов были сформулированы те «непосредственные политические цели вооруженного восстания», которые соответствовали минимальным требованиям программ подписавших его партий (установление демократической республики, созыв Учредительного собрания и т. д., включая ряд специфически национальных требований); в Декларации социалистических партий речь шла о необходимости борьбы не только за демократические преобразования, но и против «современной буржуазно-капиталистической эксплуатации» ¹¹⁸ Как и полгода назад, Акаси был вполне удовлетворен результатами конференции и, вероятно, настолько уверовал в собственное всемогущество, что все дальнейшие революционные события в России (включая восстание на «Потемкине») был склонен относить к числу ее непосредственных итогов ¹¹⁹

Что касается практической стороны достигнутых в Женеве договоренностей, то, как писал Акаси, участники конференции обязались продолжать свою революционную деятельность с тем, чтобы летом 1905 г. «предпринять отчаянный шаг»¹²⁰ Обсуждение такого «шага» носило весьма общий характер, и это дало повод Ратаеву в своем очередном донесении в Петербург указать на «крайнюю слабость и беспомощность всех этих (революционных. — Авт.) партий, раз только вопрос, как, например, о вооруженном восстании, ставится на чисто практическую почву»¹²¹ Со значительно большим оптимизмом смотрел на перспективы развития революционного движения в России Акаси. «Большое восстание должно начаться в июне, — комментировал он решения конференции в донесении на имя начальника Генштаба А. Ямагата от 12 апреля 1905 г., — и оппозиция предпринимает все новые и новые усилия для приобретения оружия и взрывчатых веществ»¹²² «Дата начала восстания еще не установлена, — добавил он здесь же, — но будет вполне безопасно переправить оружие морем»¹²³

Последняя фраза, конечно, не была случайной. Еще в феврале 1905 г. Циллиакус запросил у Японии новых субсидий, обещая, что к лету этого года революционерам удастся «разжечь большое движение»¹²⁴ По подсчетам Акаси, требуемая для этого сумма могла составить 440—450 тыс. иен¹²⁵ Несмотря на то, что соображения Акаси горячо поддержал посол во Франции Мотоно (его телеграмма на этот счет была даже доложена императору и гэнро), просьба Акаси была удовлетворена далеко не сразу, поскольку идея финансирования вооруженного восстания в России имела в Токио и своих противников. Одним из них был сам министр иностранных дел Комура, чьи взгляды, как считает О. Фалт, сложились под влиянием бывшего премьер-министра Х. Ито, в свою очередь опасавшегося неприятных для Японии последствий дальнейшего обострения внутривосточной ситуации в России¹²⁶ Отвечая в марте 1905 г. на сообщение посла в Швеции С. Акизуки о предложении некоего члена «финской антирусской партии» передать ей 50 тыс. винтовок «на вооруженное восстание», Комура писал: «Можно предсказать продолжение беспорядков в России и в том случае, если Япония не будет их поддерживать. Более того, я думаю, что в настоящее время японская помощь даст мало практических результатов... правительство решило занять позицию невмешательства до тех пор, пока ситуация в России не изменится»¹²⁷

Курс на такое «невмешательство», однако, оказался весьма скоротечным. Мукденское сражение (19 февраля — 10 марта 1905 г.), хотя и было победоносным для Японии, одновременно показало, что ресурсы страны истощены и дальнейшее продолжение войны чревато для нее экономическим крахом. В связи с этим в середине марта, т. е. до последовавшего в конце месяца одобрения этого шага правительством, военное ведомство Японии приняло решение ассигновать на нужды вооруженного восстания в России миллион иен¹²⁸

В конце марта — начале апреля 1905 г. в эмиграции развернулась работа по закупке оружия. Помимо агентов Акаси активное участие в этом деле принимали Гапон и эсеры Чайковский и Д. Я. Соскис¹²⁹ Сам Акаси предпочитал оставаться в тени и действовал в основном через Деканозова и Циллиакуса, которые старались по возможности не афишировать источник получения средств. Так, передавая деньги на приобретение оружия эсерам, Циллиакус заявил, что они собраны в Америке лицами, сочувствующими русской революции, а эсеровские вожди сделали вид, что не догадываются о происхождении переданных им сумм¹³⁰ Деньги выдавались революционерам лишь тогда, когда они уже имели твердую договоренность с продавцом оружия, и только поляки, пишет Акаси, получили их авансом и могли ими свободно распоряжаться¹³¹

Несмотря на то, что приготовления, по словам Циллиакуса, шли «превосходно», и деньги «таяли, как снег на солнце»¹³², Акаси нервничал и высказывал недовольство «настоящей формой революционного движения» в России. «Мы готовы... помогать вам материально на приобретение оружия, — говорил он Деканозову 2 мая 1905 г., — но самое главное, чтобы движению этому не давать

оставать и вносить, таким образом, в русское общество элемент постоянного возбуждения и протеста против правительства»¹³³ В ходе этой встречи Акаси вручил своему агенту 125 тыс. франков, и тот через посредника (анархиста Евгения Бо) начал переговоры с швейцарскими военными властями о приобретении винтовок «Веттерли»¹³⁴ Циллиакус тем временем закупал партию кавалерийских карабинов «Маузер» в Гамбурге¹³⁵

Точные указания на то, кому, в каком количестве и с какой целью предназначались японские деньги, царская охранка получила из записки Циллиакуса, «изъятая» агентом Мануйлова из чемодана Акаси в середине мая 1905 г. «Японское правительство при помощи своего агента Акаши, — пояснял содержание записки Мануйлов, — дало на приобретение 14 500 ружей различным революционным группам 15 300 фунтов стерлингов, т. е. 382 500 франков. Кроме того, им выдано 4000 фунтов (100 000 франков) социалистам-революционером и на приобретение яхты с содержанием экипажа 4000 фунтов (100 000 франков)»¹³⁶ Кроме эсеров («SR») в качестве получателей крупных сумм в документе фигурировали Грузинская партия социалистов-федералистов-революционеров («g.»), ППС («S—P») и Финляндская партия активного сопротивления («F.»)¹³⁷

В этом же донесении, учитывая особую «важность дела», Мануйлов предложил директору Департамента полиции «учредить самое широкое наблюдение за полковником Акаши, Деканози, Зиллиакусом и другими лицами, примыкающими к их «особой организации», для чего планировал организовать специальную «агентуру» в семи крупнейших западноевропейских портовых городах (Гамбурге, Кенигсберге, Лондоне, Ливерпуле, Гавре, Марселе и Шербурге)¹³⁸ Предложение Мануйлова было активно поддержано Нелидовым в письме, которое министр иностранных дел граф В. Н. Ламздорф представил «на высочайшее благовоззрение»¹³⁹ Ответ А. Г. Булыгина, направленный в конце мая 1905 г. в Министерство иностранных дел и «на высочайшее имя», был выдержан в успокоительных тонах и по существу отвергал план Мануйлова — Нелидова¹⁴⁰ 15 июня Нелидов вновь обратился к Ламздорфу с письмом, в котором отмечал, что «сведениям, доставленным из Парижа г-м Мануйловым, не было», по его мнению, «придано той государственной важности, которую они представляют»¹⁴¹ В ответ Департамент полиции потребовал от Мануйлова «обоснованных доказательств» достоверности его информации¹⁴². Такая реакция Департамента полиции на предложение Мануйлова об учреждении тотальной слежки за Акаси и его агентами объяснялась тем, что Мануйлов в течение весны и начала лета этого года по крайней мере дважды вводил в заблуждение свое начальство ложными сообщениями о начале переправки оружия в Россию¹⁴³ В конце июля 1905 г. его деятельность в Европе была окончательно прекращена (последнее донесение Мануйлова из Парижа датируется 23 июля). Если учесть, что в эти же дни в связи со сменой заведующего фактически была приостановлена работа заграничной агентуры (на место Ратаева был назначен А. М. Гартинг), то станет понятно, почему последние приготовления к отплытию парохода «Джон Графтон» и сопровождавших его яхт прошли для Департамента полиции незамеченными, и в Петербурге об этой экспедиции узнали лишь на ее завершающей стадии. Впрочем, даже если обстоятельства в российской охране летом 1905 г. сложились бы иначе, уследить за «Джоном Графтоном» ее агентам вряд ли бы удалось: снаряжение судна и сам его поход были настолько законспирированы, что и сегодня многие детали этой экспедиции либо вообще неизвестны, либо остаются спорными.

В середине июля 1905 г. усилиями Деканозова и Бо в Швейцарии было закуплено около 25 тыс. снятых с вооружения винтовок и свыше 4 млн. патронов¹⁴⁴. Треть винтовок и чуть более четверти боеприпасов, сообщает Акаси, предполагалось направить в Россию через Черное море, а остальные — в Балтику¹⁴⁵ С помощью торгового агента фирмы «Такада и К^о» и некоего англичанина эта часть оружия (по разным данным, 15,5 — 16 тыс. винтовок, 2,5 — 3 млн.

патронов, 2,5 — 3 тыс. револьверов и 3 тонны взрывчатых веществ) ¹⁴⁰ была перевезена сначала в Роттердам, а затем в Лондон, выбор которого как места базирования, по мнению Футрелла, объяснялся слабой работой здесь русской полиции ¹⁴¹ Сразу же стало ясно, что ранее купленные паровые яхты «Сесил» и «Сизн» слишком малы для транспортировки этого груза. Поэтому в экспедиции им была отведена вспомогательная роль, а при посредстве делового партнера «Такада и К^о» Уотта был приобретен главный перевозчик оружия — 315-тонный пароход «Джон Графтон» ¹⁴² Сразу же после покупки пароход был формально перепродан доверенному лицу Чайковского — лондонскому виноторговцу Р. Дикенсону, который, в свою очередь, 28 июля передал его в аренду американцу Мортону ¹⁴³ При этом «Джон Графтон» был переименован в «Луну». Стремясь еще больше запутать возможную слежку, устроители предприятия с помощью того же Уотта купили еще один пароход — «Фульхам», который должен был вывезти оружие из Лондона и в море перегрузить его на борт бывшего «Джона Графтона». Став собственностью некоей японской фирмы, «Фульхам», также получивший новое наименование («Ункай Мару»), был снабжен документами, удостоверявшими его плавание в Китай ¹⁴⁴ Сменив 28 июля в голландском порту Флиссинген команду (ее составили в основном финны и латыши во главе с членом Латышской СДРП Яном Страутманисом) ¹⁴⁵, «Джон Графтон» направился к острову Гернсей, где в течение трех суток, в шторм, грузился оружием с борта «Ункай Мару», после чего взял курс на северо-восток. Туда же с грузом оружия, но под видом совершения увеселительной прогулки отправились и яхты, также предварительно «проданные» подставным лицам ¹⁴⁶ Циллиакус выехал в Данию, чтобы дать там последние инструкции капитану «Джона Графтона», а также для организации переправки в Балтику еще 8,5 тыс. винтовок из числа тех, которые ранее предполагалось направить в Черное море (план черноморской операции к тому времени был признан трудноосуществимым) ¹⁴⁷ Тем временем Акаси вел переговоры в Париже с представителями «кавказских партий» о начале вооруженного выступления на юге России ввиду восстания в «балтийском регионе» ¹⁴⁸ 20 августа он прибыл в Стокгольм. Явившийся туда же через несколько дней Циллиакус сообщил японцу, что его запланированная встреча с «Джоном Графтоном» в Копенгагене не состоялась, а сам корабль 18 числа выгрузил часть оружия к северу от Виндау, но, не найдя никого в условленном месте, не смог этого сделать в главном пункте разгрузки — на острове близ Выборга (яхты, которые должны были участвовать в этом деле, задержались в Дании) ¹⁴⁹ К тому же В. Фурухельм, ездивший по поручению Циллиакуса в Петербург, вернулся с известием о том, что ему не удалось обнаружить там и намека на какие-либо приготовления к приемке оружия ¹⁵⁰

Тем временем «Джон Графтон» вернулся в Копенгаген и, сменив капитана (им стал бывший старший помощник Страутманиса финский морской офицер Эрик Саксен) и пополнив запасы продовольствия, получил предписание двигаться в Ботнический залив ¹⁵¹ Дважды успешно выгрузив здесь партии оружия (в районе Кеми 4 сентября и близ Пиетарсаари 6-го), рано утром 7 сентября пароход налетел на каменистую отмель в 22 км от Якобстадта и после малоуспешных попыток команды выгрузить оружие на соседние острова на следующий день был взорван. Воспользовавшись предоставленной местными жителями яхтой, команда во главе с последним капитаном судна, Дж. Ньюландером, бежала в Швецию ¹⁵²

Так бесславно закончилась эпопея с ввозом оружия в Россию на пароходе «Джон Графтон». Уже к осени 1905 г. с обломков парохода, долгое время оставшихся на плаву, а также из тайников на близлежащих островах властями было извлечено без малого $\frac{2}{3}$ находившихся на его борту винтовок, вся взрывчатка, огромное количество патронов, винтовочных штыков, детонаторов и других боеприпасов ¹⁵³ Остальное оружие разошлось среди местного населения и лишь небольшая его часть попала в руки революционеров, в том числе — социал-демократов ¹⁵⁴ Финляндская партия активного сопротивления получила с «Джона Графтона» всего 300 стволов ¹⁵⁵

Таким образом, в годы русско-японской войны правительство Японии стремилось воздействовать на внутрисполитическое положение России с тем, чтобы ослабить ее в военном отношении. Конкретная задача заключалась в разложении русской армии и затруднении ее комплектования, в стремлении заставить правительство отвлечь максимальное количество войск с театра военных действий на поддержание порядка внутри империи. По свидетельству Ч. Инаба, это была первая и наиболее последовательно осуществлявшаяся попытка такого рода, предпринятая Японией в отношении европейского государства¹⁶². Кроме этих чисто военных задач работа японской разведки преследовала и общеполитические цели, которые по мере затягивания войны и быстрого истощения ресурсов страны все более выходили на первый план: настолько накалить внутрисполитическую обстановку в России, чтобы царизм уже не мог более вести войну на два фронта — с врагом внешним и внутренним. Особенно энергично и последовательно в этом направлении действовало военное ведомство Японии, которое руководствовалось сформулированным генералом М. Тераучи принципом: «Во время войны все средства вредить врагу — хороши»¹⁶³.

В своем стремлении ускорить заключение мира с Россией правительство Японии пошло на прямое финансирование деятельности российских революционных и оппозиционных организаций, передав им за годы войны не менее 1 млн. иен (по современному курсу — 5 млрд. иен или 35 млн. долларов). Объектами финансирования явились партия социалистов-революционеров, которую японцы считали «наиболее организованной» среди других революционных партий, игравшей «руководящую роль в оппозиционном движении» России¹⁶⁴; Грузинская партия социалистов-федералистов-революционеров, Польская социалистическая партия и Финляндская партия активного сопротивления. Кроме того, прямые контакты с полковником Акаси, инициатором и главным действующим лицом всего этого предприятия с японской стороны, поддерживали руководители армянской партии «Дашнакцутюн», Бунда и польской Лиги народной. Благодаря позиции, занятой меньшевистским руководством российской социал-демократии, попытка японцев установить связи с РСДРП удалась лишь отчасти.

Японская помощь коснулась таких важнейших направлений деятельности представителей российского освободительного движения, как печатание и распространение нелегальной литературы, упрочение межпартийных связей, военно-техническая подготовка вооруженного восстания. При этом, руководствуясь чисто прагматическими целями, правящие круги Японии, безусловно, не испытывали ни малейших симпатий к социалистическим идеям, проповедовавшимся их временными союзниками. Не случайно, что, по свидетельству Ч. Инаба, источник поступления денежных средств был перекрыт сразу после начала русско-японских мирных переговоров¹⁶⁵.

Нельзя не согласиться с современными западными исследователями в том, что субсидирование деятельности российских революционных и оппозиционных партий Японией никак не повлияло на исход русско-японской войны¹⁶⁶. Остается фактом и то обстоятельство, что все обильно слобренные японским золотом начинания, соответствовали ли они объективным потребностям освободительного движения в данный момент или нет, не оказали серьезного влияния на ход российской революции. Обе финансировавшиеся из Токио международные конференции (парижская 1904 г. и женеvская 1905 г.) вопреки ожиданиям их организаторов не привели к созданию прочного блока партий; точно так же не состоялось запланированное на июнь 1905 г. вооруженное восстание в Петербурге, и не удалась попытка ввоза оружия в Россию на пароходе «Джон Графтон» летом этого года. Успешно закончившееся в конце 1905 г. путешествие парохода «Сириус», доставившего на Кавказ 8,5 тыс. винтовок «Веттерли» и большое количество боеприпасов¹⁶⁷, также нет оснований расценивать как событие, всерьез повлиявшее на ход освободительного движения в России. По заведомо неполным официальным данным, за полтора года (с весны 1904 до конца 1905 г.)

и только через Финляндию в страну было ввезено свыше 15 тыс. винтовок и ружей, около 24 тыс. револьверов, огромное количество патронов, динамита и других боеприпасов¹⁶⁸

Вероятно, специалистам еще предстоит ответить на вопрос, в какой мере японские деньги способствовали «оживлению деятельности оппозиционных партий в Российской империи»¹⁶⁹, как предполагает Ч. Инаба. Однако очевидно что в целом российская революция проходила не под диктовку Токио, а развивалась по своим внутренним законам.

Примечания

¹ Вперед. 1905. 2(15) марта.

² Петрункевич И. И. Из записок общественного деятеля. Воспоминания / Под ред. А. А. Кизеветтера. Прага, 1934. С. 390.

³ Дневник А. С. Суворина / Под ред. М. Кричевского. М.; Пг., 1923. С. 3.

⁴ Наша жизнь. 1906. 25 июня (8 июля).

⁵ Новое время. 1906. 26 июня (9 июля).

⁶ ЦГАОР СССР. Ф. 102 ДП ОО. 1904. Д. 28.

⁷ Апушкин В. А. Русско-японская война 1904—1905 гг. М., 1910; Виноградский А. Н. История русско-японской войны 1904—1905 гг. Вып. 1. СПб., 1908; Русско-японская война 1904—1905 гг.: Работа Военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. Т. 1—9. СПб., 1910 и др.

⁸ Изметьев П. И. О нашей тайной разведке в минувшую кампанию. 2-е изд. Варшава, 1910; А. К-ъ. Разведка во время русско-японской войны. СПб., 1907 (Русско-японская война в наблюдениях и суждениях иностранцев. Вып. XII).

⁹ История русско-японской войны / Ред.-изд. М. Е. Бархатов, В. В. Функе. Т. 1. СПб. [б. г.]. С. 26.

¹⁰ Шацилло К. Ф. Из истории освободительного движения в России в начале XX в. (О конференции либеральных и революционных партий в Париже в сентябре — октябре 1904 г.) // История СССР. 1982, № 4. С. 51—70; его же. Русский либерализм накануне революции 1905—1907 гг.: Организация. Программы. Тактика. М., 1985. С. 232—259.

¹¹ Лядов М. Н. Из жизни партии в 1903—1907 гг.: Воспоминания. М., 1956. С. 219; Первая боевая организация большевиков 1905—1907 гг.: Статьи, воспоминания и документы / Сост. С. М. Познер. М., 1934. С. 259—279.

¹² Общественное движение на польских землях. Основные идейные течения и политические партии в 1864—1914 гг. / Под ред. А. М. Орехова. М., 1988.

¹³ Bullard A. The Russian Pendulum. Autocracy-Democracy-Bolshevism. N. Y., 1919. P. 97—98.

¹⁴ Dillon E. The Eclipse of Russia. N. Y., 1918. P. 291—292.

¹⁵ Цит. по: Смирнов В. М. Революционная работа в Финляндии (1900—1907 гг.) // Пролетарская революция. 1926. № 1 (48). С. 129.

¹⁶ Цит. по: Милюков П. Н. Воспоминания (1859—1917). Т. 1. Нью-Йорк, 1955. С. 243.

¹⁷ Futrell M. Northern Underground. Episodes of Russian Revolutionary Transport and Communications through Scandinavia and Finland. 1983—1917. L., 1963. P. 66—84.

¹⁸ Происхождение этого названия (цитаты из древнекитайской поэмы, в буквальном переводе означающей «облетевший цветок и поток воды») — довольно неожиданно для такого рода документа — неясно до сих пор. М. Футрелл, например, полагал, что оно явилось плодом фантазии кого-то из позднейших почитателей Акаси. (См.: Futrell M. Colonel Akashi and Japanese Contacts with Russian Revolutionaries in 1904—1905 // St. Antony's Papers. № 20. Far Eastern Review. № 4. L., 1967. P. 11—12.) Современные исследователи считают, что это название было присвоено докладу при его перепечатке в японском МИД в 1938 г. с копии, принадлежавшей старшему сыну Акаси — Мотоёси. Оригинал доклада, вероятно, был сожжен вместе с другими секретными военными документами в конце второй мировой войны так же, как и финансовые отчеты японского разведчика. Любопытно, что размножение доклада Акаси в МИД в конце 30-х гг. имело целью пропагандировать его опыт среди высших чиновников министерства ввиду надвигавшейся новой войны. Однако в конце концов этот опыт был признан в новых условиях неприемлемым. (См.: Inaba Sh. An Explanatory Note on Rakka ryusui // Akashi M. Rakka ryusui. Colonel Akashi's Report on His Secret Cooperation with the Russian Revolutionary Parties during the Russo-Japanese War. Selected Chapters translated by Inaba Ch. and edited by O. Falt and A. Kujala. Helsinki, 1988. / Далее — Rr / . P. 11, 15—16.)

¹⁹ White J. The Diplomacy of the Russo-Japanese War. Princeton, New Jersey, 1964. P. 138, 140.

²⁰ Ibid. P. 141.

²¹ Начало ее изучения в Японии относится к 1928 г., когда Т. Комори опубликовал двухтомную биографию Акаси. По свидетельству М. Футрелла, в ней, однако, в основном были лишь подтверждены факты, содержащиеся в воспоминаниях К. Цилиакуса. (См.: Futrell M. Northern Underground. P. 206.)

²² Rr.

²³ В Японии при разработке планов будущей военной кампании, безусловно, учитывали возможный рост революционного движения в России. Как сообщает Футрелл, уже в середине 1903 г. в меморандуме японского Генштаба было указано на российское социалистическое движение (имелся в виду главным образом Бунд) как на возможного союзника при проведении подрывных операций. (См.: Futrell M. Colonel Akashi... P. 9.) Вместе с тем до января 1904 г., т. е. до непосредственного кануна войны, по наблюдениям Ч. Инаба, японский Генеральный штаб не имел ясного представления о ведении подобных операций. Конкретные формы план таких действий начал обретать лишь с началом практического сотрудничества Акаси с финнами. (См.: Rг. P. 71.)

²⁴ Сотрудничество У Сентаро с Акаси находилось в поле зрения Департамента полиции. К сожалению, касающиеся его материалы охраны в архиве не сохранились и значатся лишь по описи (см.: ЦГАОР СССР. Ф. 102 ДП ОО. 1911. Оп. 241. Д. 38. Ч. 13). Уайт ошибочно называет Сентаро одним из главных агентов Акаси, с помощью которого он якобы собирал нужную ему информацию не только в России, но и за ее пределами. (White J. Op. cit. P. 141.) В действительности такая характеристика больше подходит венгру М. Балогу де Галанта, который незадолго до начала войны явился с предложением своих услуг прямо к послу Японии в России Курино. Акаси признает, что именно ему он был обязан установлением связей с финскими оппозиционерами. После того, как с весны 1904 г. в лице нескольких шведских офицеров Акаси приобрел новых помощников по сбору военно-разведывательной информации о России, он отказался от услуг Балога. (Rг. P. 34—35.)

²⁵ Rг. P. 37.

²⁶ ЦГАОР СССР. Ф. 102 ДП ОО. 1904. Д. 150. Л. 23. об. — 24.

²⁷ Там же. 1903. Д. 1955. Л. 34—35 об.

²⁸ Rг. P. 23—24, 35.

²⁹ Ibid. P. 38.

³⁰ Ibid. P. 71.

³¹ Ibid. P. 38.

³² Новое время. 1904. 23 авг.

³³ Подробнее см.: Общественное движение на польских землях... С. 180—182.

³⁴ Там же. С. 190; Rг. P. 72.

³⁵ White J. Op. cit. P. 142.

³⁶ P o b o g - M a l i n o w s k i Wl. Josef Pilsudski. 1901—1908. W ognii Rewolucji. Warszawa, 1935. S. 217.

³⁷ Rг. P. 72.

³⁸ Ibid. Гэнро — совет старейших государственных деятелей, ближайших советников императора, рекомендации которого по всем вопросам внутренней и внешней политики подлежали безусловному выполнению правительством.

³⁹ Судить о результативности этой деятельности ППС в полном объеме трудно. В литературе можно встретить указания на отдельные случаи добровольной сдачи в японский плен польских военных формирований. (См.: В о т и н о в А. Японский шпионаж в русско-японскую войну 1904—1905 гг. М., 1939. С. 129; F a l t O. Collaboration between Japanese Intelligence and the Finnish Underground during the Russo-Japanese War // Asian Profile. Hong Kong, 1976. V 4. № 3.) По другим данным, число перебежчиков с русской стороны вообще было очень невелико — немногим более 100 человек, из которых большинство, по свидетельству очевидцев, составлял «человеческий хлам». (См.: К а т о р г а и с с ы л к а. 1927. № 2 / 31 /. С. 168.) Характерно, что во время переговоров с представителями польского общественного движения летом 1904 г. глава японского внешнеполитического ведомства гарантировал польским перебежчикам особое отношение и обещал, что они не будут рассматриваться в Японии как обычные военнопленные. (См.: L e r s k i J. The Polish Chapter of the Russo-Japanese War // Transactions of the Asiatic Society of Japan. Tokyo. 1959. V 7. P. 78.) Воспоминания русских пленных подтверждают, что поляки содержались отдельно от них и пользовались некоторыми преимуществами. (См.: К у п ч и н с к и й Ф. П. В японской неволе: Очерки из жизни русских пленных в Японии и в г. Мацуяма на острове Сикоку. СПб., 1906. С. 192—193; Н. Н. Около японцев (Из дневника пленного офицера) // Исторический вестник. 1908. Т. 112. № 6. С. 949.)

⁴⁰ Подробнее см.: Общественное движение на польских землях... С. 191—219.

⁴¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 17. С. 49.

⁴² F a l t O. Collaboration... P. 211.

⁴³ С м и р н о в В. М. Указ. соч. С. 124—128.

⁴⁴ ЦГАОР СССР. Ф. 102 ДП ОО. 1903. Д. 1955. Л. 9 об.

⁴⁵ Там же. Л. 5, 10.

⁴⁶ Там же. Л. 20—20 об.

⁴⁷ Rг. P. 38.

⁴⁸ Ibid. P. 40.

⁴⁹ Ibid. P. 98—99.

⁵⁰ Ibid. P. 100—101.

⁵¹ На деле предложения Циллиакуса были гораздо шире. В письме Плеханову от 8 мая 1904 г. он излагал целый план, реализация которого должна была привести к свержению самодержавия или, по крайней мере, к созданию такой ситуации, когда «русский Далай-Лама» (Николай II) попытается «перейти к другой системе управления». Основной упор Циллиакус делал на необходимости проведения вооруженных демонстраций в условиях ожидавшихся новых военных поражений царизма. Упомянутый Плехановым манифест против войны значился в письме

лишь в качестве своеобразной «программы-минимум» предстоящей конференции. (См.: Архив Дома Плеханова /АДП/ Ф. 1093. Оп. 3. Д. 273 /без нумерации листов/).

⁵² Социал-демократическое движение в России: Материалы /Под ред. А. Н. Потресова и Б. И. Николаевского Т. 1. М.; Л., 1928. С. 332—333.

⁵³ ЦГАОР СССР. Ф. 102 ДП ОО. 1904. Д. 1. Ч. 1. Т. 2. Прод. 1. Л. 202 об.

⁵⁴ Там же. Л. 202—202 об.

⁵⁵ АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Д. 273 (без нумерации листов).

⁵⁶ Rg. P. 40.

⁵⁷ Ibid.

⁵⁸ Ibid. P. 57.

⁵⁹ Волковичер И. Партия и русско-японская война // Пролетарская революция. 1924. № 12(35). С. 119—121. В «Истории российской социал-демократии» Л. Мартов утверждает, что еще до этого Циллиакус «сделал прямые предложения как Г. В. Плеханову, так и заграничным представителям Бунда вступить в переговоры с агентами японского правительства о помощи русской революции деньгами и оружием», но получил «должный отпор». (См.: История российской социал-демократии / Под ред. Л. Мартова. [Пг.], 1918. С. 95). Судя, однако, по поведению Плеханова на этом заседании Совета партии, сообщение Дана явилось для него неожиданностью. (См.: Волковичер И. Указ. соч. С. 121.) Отложившаяся в Архиве Дома Плеханова его переписка с Циллиакусом также не дает оснований для такого утверждения.

⁶⁰ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 1. М., 1970. С. 542—543.

⁶¹ История российской социал-демократии. С. 94.

⁶² Кораблев Ю. И. Военная работа петербургских большевиков в революции 1905—1907 гг. М., 1955. С. 22.

⁶³ См., напр.: Гаврилов Б. Военная работа московских большевиков в годы первой русской революции. М., 1950. С. 24.

⁶⁴ [Дан Ф.] Дорогая цена // Искра. 1904. 10 июля. № 69.

⁶⁵ См.: ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 239. Л. 1 об. ← 2. Письмо А. И. Любимова В. А. Носкову от 24 августа 1904 г.

⁶⁶ Под «японофильством» Мартов, в частности, имел в виду неоднократные противопоставления Лениным «деспотического и отсталого правительства» России «политически свободному и культурно быстро прогрессирующему народу» Японии (См.: Ленин В. И. ПСС. Т. 8. С. 170; Т. 9. С. 155) и шире — «прогрессивной, передовой Азии» «отсталой и реакционной Европе» (см. там же. С. 152); под «идеализацией роли японского империализма» — его рассуждения о «революционной задаче, выполняемой разгромившей самодержавие японской буржуазией». (См. там же. С. 156—158.)

⁶⁷ Ленин В. И. ПСС. Т. 8. С. 174.

⁶⁸ Там же. Т. 9. С. 135.

⁶⁹ Там же. С. 157.

⁷⁰ Плеханов Г. В. «Строгость необходима...» // Плеханов Г. В. Соч. Т. 13. М.; Л., 1926. С. 99—100.

⁷¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 9. С. 157.

⁷² Владимир Ильич Ленин Биографическая хроника. Т. 1. С. 552, 567, 579.

⁷³ Топеха П. П. Из истории распространения ленинских идей в Японии // Вопросы истории КПСС. 1970. № 9. С. 52.

⁷⁴ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 158. Л. 1—2.

⁷⁵ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 1. С. 535.

⁷⁶ Топеха П. П. Указ. соч. С. 52.

⁷⁷ См.: Волковичер И. Указ. соч. С. 120.

⁷⁸ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 246. Л. 1.

⁷⁹ В связи с этим решением ЦК появилось и ходило по рукам в эмиграции шутивное стихотворение, повествовавшее о горестях опального экспедитора от его собственного лица. (См. там же. Д. 215. Л. 7—8.)

⁸⁰ Эта «неточность» В. Д. Бонч-Бруевича породила серию ошибок в весьма обширной литературе, посвященной Русселю и его дальневосточной одиссее. Так, утвердилось мнение, будто он был чуть ли не доверенным лицом Заграничного отдела ЦК РСДРП, а социал-демократическая литература — основным видом печатной продукции, распространявшейся среди русских военнопленных в Японии. (См.: Иоско М. И. Николай Судзиловский-Руссель. Жизнь, революционная деятельность и мировоззрение. Минск, 1976. С. 192; Клейн Б. С. Доктор Руссель. Историческая хроника // Неман. 1969. № 1. С. 93—94; Маринов В. А. Россия и Япония перед первой мировой войной (1905—1914 гг.). Очерки истории отношений. М., 1974. С. 93 и др.). На самом деле Руссель был направлен на Дальний Восток американским Обществом друзей русской свободы, находившимся под контролем социалистов-революционеров, с которыми, в свою очередь, он поддерживал дружеские и деловые отношения как до, так и во время своего пребывания в Японии; перед ними же и отчитывался в своей деятельности. (См.: ЦГАОР СССР. Ф. 102 ДП ОО. 1905. Д. 1. Ч. 1. Т. 2. Л. 352—355. Л. А. Ратаев — П. И. Рачковскому. 8 авг. / 27 июля 1905 г. № 162; International Institute of Social History (Amsterdam) (IISH). PSR fund. Vox 2. № 144 / без нумерации листов/. Письмо Н. Русселя неустановленному члену ПС-Р от 19 февраля 1907 г.) Что касается нелегальной литературы, попадавшей к русским военнопленным, то в их мемуарах можно встретить упоминания об эсеровской «Революционной России» и даже об «Освобождении», пересылавшемся в Японию в мизерных количествах, но не о социал-демо-

кратических периодических изданиях. (См.: Купчинский Ф. П. Указ. соч. С. 35; Голстопятов А. В плену у японцев. СПб., 1908. С. 21 и др.)

⁸¹ Бонч-Бруевич В. Д. Женевские воспоминания (1904—1905) // Бонч-Бруевич В. Д. Избр. соч. Т. 2. М., 1961. С. 327—328.

⁸² Ольминский М. С. Примиренский ЦК и токийское правительство // «Вперед» и «Пролетарий». Первые большевистские газеты 1905 г. М., 1924. С. 32.

⁸³ См.: Волковичер И. Указ. соч. С. 122.

⁸⁴ Бонч-Бруевич В. Д. Указ. соч. С. 329.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Запись беседы моей [Г. А. Алексинского] с Плехановым в Женеве, 1915 г. // International Review of Social History. 1981. Vol. 26. № 3. P. 347.

⁸⁷ Еще более подробно этот пункт решений конференции изложил в своем донесении в Петербург Л. А. Ратаев, проинформированный другим участником конференции — Азефом. (См.: ЦГАОР СССР. Ф. 102 ДП ОО. 1904. Д. 1. Ч. 1. Т. 3. Л. 270 об. — 271 об.) Достоверность этих сообщений в какой-то степени подтверждает и содержание проекта итогового документа конференции, разосланного Шилиакусом ее участникам еще в конце июля — начале августа 1904 г. В нем речь также шла о координации выступлений земств, интеллигенции, рабочих, крестьян и солдат. (См.: АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Д. 273 / без нумерации листов /).

⁸⁸ Шацилло К. Ф. Русский либерализм. С. 235—259.

⁸⁹ Rг. P. 41.

⁹⁰ Ibid. P. 42.

⁹¹ Ibid.

⁹² ЦГАОР СССР. Ф. 102 ДП ОО. 1909. Оп. 239. Д. 202. Л. 20 об. — 21 об.

⁹³ Там же. 1904. Оп. 232. Д. 2258. Л. 64—64 об.

⁹⁴ Там же. Д. 1. Ч. 1. Т. 2. Л. 153 об.

⁹⁵ По свидетельству Мануйлова, Акаси еженедельно выплачивал Деканозову «на расходы и разъезды» 2050 франков, или 750 руб. (ЦГАОР СССР. Ф. 102 ДП ОО. 1904. Д. 28. Л. 50). Таким образом, заработок этого «умелого», но «скромного и тихого» революционера втрое превышал жалованье заведующего заграничной агентурой и в пять раз — самого Манасевича-Мануйлова.

⁹⁶ ЦГАОР СССР. Ф. 102 ДП ОО. 1904. Д. 28. Л. 1. И. Ф. Манасевич-Мануйлов — директору Департамента полиции. 29 ноября 1904 г. № 264.

⁹⁷ Там же. Л. 12—29.

⁹⁸ ЦГАОР СССР. Ф. 102 ДП ОО. 1904. Д. 28. Л. 204 об.; Д. 1. Ч. 5. «А». Л. 25.

⁹⁹ Там же. Д. 28. Л. 204 об. — 206 об.

¹⁰⁰ Там же. Л. 39.

¹⁰¹ Rг. P. 44.

¹⁰² Ibid.

¹⁰³ ЦГАОР СССР. Ф. 102 ДП ОО. 1905. Д. 1. Ч. 1. Л. 36 об. Л. А. Ратаев — директору Департамента полиции. 27 янв. / 9 февр. 1905 г. № 24.

¹⁰⁴ См. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 2. С. 22.

¹⁰⁵ Ленин В. И. ПСС. Т. 9. С. 279.

¹⁰⁶ Там же. С. 279—280.

¹⁰⁷ Донесения Евно Азефа (Переписка Азефа с Ратаевым в 1903—1905 гг.) // Былое. 1917. № 1 (23). С. 223.

¹⁰⁸ Так представляли себе направление будущей совместной деятельности эсеры и Гапон. С точки зрения Ленина, «задачей соединенных действий» следовало «поставить» «непосредственное и фактическое слияние на деле терроризма с восстанием массы». (См.: Ленин В. И. ПСС. Т. 9. С. 280).

¹⁰⁹ ЦГАОР СССР. Ф. 102 ДП ОО. 1905. Д. 1. Ч. 1. Л. 115 об. — 116.

¹¹⁰ Там же. Л. 105 об. — 106.

¹¹¹ Там же. Л. 106 об.

¹¹² Такие приглашения получили эсеры, РСДРП-большевики («Вперед»), меньшевики («Искра»), ППС, СДКПиЛ, ППС — «Пролетариат», Латышская СДРП, Бунд, Армянская с.-д. рабочая организация, «Дрошак», Белорусская громада, Латышский с.-д. союз, Финляндская партия активного сопротивления, Финляндская рабочая партия, Грузинская партия социалистов-федералистов-революционеров, Украинская революционная партия, Литовская с.-д. партия и Украинская социалистическая партия. (См.: Ленин В. И. ПСС. Т. 10. С. 180—181).

¹¹³ IISH. PSR fund. Box 1. № 18. (без нумерации листов). Протокол собрания заграничного комитета ПСР от 7 апреля 1905 г.

Комментируя этот шаг редакции «Искры» на III партийном съезде, Ленин усмотрел в нем очередной антибольшевистский выпад со стороны меньшевиков. (См.: Ленин В. И. ПСС. Т. 10. С. 181). Нам думается, что главной причиной отклонения ими предложения Гапона было понимание его истинной роли в этом деле. Отсюда же, вероятно, и демонстративное молчание «Искры» по поводу упомянутого гапоновского «Открытого письма». Не случайно, что в своем повторном обращении в меньшевистский Совет РСДРП по поводу участия социал-демократов в конференции Гапон сетовал на то, что полученное им письмо Ю. О. Мартова лишь устанавливало «некоторые факты наших предварительных переговоров», но не заключало в себе конкретного ответа. (См.: АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Д. 1022 / без нумерации листов /.)

¹¹⁴ Ленин В. И. ПСС. Т. 10. С. 181.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Рг. Р. 148; Азеф доносил Ратаеву, что конференция проходила с 3-го по 10-е число. (См.: Донесения Евно Азефа. С. 225).

¹¹⁷ ПСР, ППС, «Дрошак», Финляндской партией активного сопротивления, Грузинской партией социалистов-федералистов-революционеров, Латышским с.-д. союзом и Белорусской громадой. По сведениям Акаси, авторами этой декларации были Е. К. Брешко-Брешковская («Great В.»), Г. А. Гапон («father g.») и «agent f.», вероятно, Виктор Фурухельм, делегат от Финляндской партии активного сопротивления. (См.: Рг. Р. 66.)

¹¹⁸ Революционная Россия. 1905. 25 апр. № 65. С. 1—3.

¹¹⁹ Такой же нелепостью была инструкция, данная им Деканозову в начале мая 1905 г. относительно характера революционного движения в России, дословно записанная Мануйловым. Акаси считал, что «во всем этом движении необходимо, по возможности, не трогать частной собственности, дабы не раздражать общества, но направить все против самодержавного правительства. Нужно, — сказал Акаси, — чтобы движение это в особенности носило характер антицарский, а потому, по моему мнению, следовало бы громить имущество, принадлежащее Удельному ведомству» (ЦГАОР СССР. Ф. 102 ДП ОО. 1904. Д. 28. Л. 49 об.) Деканозов не растерялся и ответил, что «в этом направлении кое-что уже начато в Таврической губернии» (там же).

¹²⁰ Рг. Р. 46.

¹²¹ ЦГАОР СССР. Ф. 102 ДП ОО. 1905. Д. 1. Ч. 1. Л. 182 об.

¹²² Рг. Р. 66.

¹²³ Ibid.

¹²⁴ Ibid. Р. 62.

¹²⁵ Ibid.

¹²⁶ Falt O. Collaboration. P. 206.

¹²⁷ Рг. Р. 64.

¹²⁸ Ibid. Р. 69, 82, 161.

¹²⁹ Ibid. Р. 46.

¹³⁰ Ibid. Р. 161; ЦГАОР СССР. Ф. 102 ДП ОО. 1904. Д. 28. Л. 61.

¹³¹ Рг. Р. 46.

¹³² ЦГАОР СССР. Ф. 102 ДП ОО. 1904. Д. 28. Л. 61; Изнанка революции... С. 10.

¹³³ ЦГАОР СССР. Ф. 102 ДП ОО. 1904. Д. 28. Л. 48 об. — 49.

¹³⁴ Там же. Л. 50; Рг. Р. 46.

¹³⁵ Рг. Р. 46.

¹³⁶ ЦГАОР СССР. Ф. 102 ДП ОО. 1904. Д. 28. Л. 69 об.

¹³⁷ Позднее записка Циллиакуса целиком была воспроизведена в брошюре «Изнанка революции» (с. 10—11).

¹³⁸ ЦГАОР СССР. Ф. 102 ДП ОО. 1904. Д. 28. Л. 69 об. — 70.

¹³⁹ Там же. Л. 80—82 об.

¹⁴⁰ См. там же. Л. 98—106.

¹⁴¹ Там же. Л. 169 об.

¹⁴² Там же. Л. 175—175 об.

¹⁴³ Там же. Л. 76, 232.

¹⁴⁴ Рг. Р. 46—47.

¹⁴⁵ Ibid.

¹⁴⁶ Futrell M. Op. cit. P. 69; Рг. Р. 49.

¹⁴⁷ Futrell M. Op. cit. P. 67.

¹⁴⁸ Ibid. P. 70; Рг. Р. 49.

¹⁴⁹ Futrell M. Op. cit. P. 70.

¹⁵⁰ Futrell M. Op. cit. P. 71; ЦГАОР СССР. Ф. 102 ДП ОО. 1905. Оп. 233. Д. 450. Т. 2. Л. А. Л. 28—28 об. Копия донесения вице-консула в Гернсее Х. В. Стикланда в МИД. Передана П. И. Рачковскому 7 сентября 1905 г. № 121.

¹⁵¹ Futrell M. Op. cit. P. 70; Рг. Р. 49.

¹⁵² Futrell M. Op. cit. P. 72.

¹⁵³ Ibid.; Рг. Р. 50.

¹⁵⁴ Рг. Р. 50.

¹⁵⁵ Ibid.; Futrell M. Op. cit. P. 72—73.

¹⁵⁶ Futrell M. Op. cit. P. 73. Вопрос о том, кто занимался этой приемкой и почему в конечном итоге она провалилась, является, пожалуй, наименее выясненным во всей этой истории. По некоторым данным, этим делом руководил специальный комитет, в который Акаси, Циллиакус и Чайковский привлекли Азефа, а затем, и Гапона. Когда же стало ясно, что ни эсеровские, ни гапоновские группы не в состоянии организовать встречу «Джона Графтона», в дело были вовлечены и большевики, но с большим опозданием. Во всяком случае, вопрос об участии в приемке оружия рассматривался ЦК РСДРП лишь 10 августа 1905 г. (См.: Ленинский сборник. Т. 5. М.; Л., 1929. С. 538—539.) К тому же, судя по всему, ни Гапон, ни социал-демократы не знали точной даты и места прибытия «Джона Графтона», и планировавшаяся (но так и не состоявшаяся) их встреча для выяснения этих вопросов была назначена лишь на начало сентября 1905 г. (См.: Первая боевая организация большевиков в 1905—1907 гг. С. 56; П о с с е В. А. Воспоминания /1905—1917 гг./ Пг., 1923. С. 50—51.)

¹⁵⁷ Futrell M. Op. cit. P. 75; Рг. Р. 50.

¹⁵⁸ Рг. Р. 50—51; Futrell M. Op. cit. P. 76—78.

¹⁵⁹ ЦГАОР СССР. Ф. 102 ДП ОО. 1905. Оп. 233. Д. 9. Ч. 10. Т. 2. Л. 119—119 об. Донесение на-

чальника Финляндского ЖУ Фрейберга командиру отдельного корпуса жандармов от 21 октября 1905 г. № 2560.

¹⁶⁰ Первая боевая организация большевиков в 1905—1907 гг. С. 56, 78.

¹⁶¹ Futrell M. Northern Underground. P. 79. Интересно, что, несмотря на это, источники отмечают наличие винтовок «Веттерли» в Москве в декабре 1905 г. (См.: Изнанка революции. С. 19). В Финляндии же они эпизодически появлялись вплоть до 1918 г. (Futrell M. Op. cit. P. 79).

¹⁶² Рг. P. 83.

¹⁶³ Цит. по Иосько М. И. Указ. соч. С. 207.

¹⁶⁴ Рг. P. 63. Посол в Австрии Н. Макино — Комуре. Март 1905 г. № 75.

¹⁶⁵ Ibid. P. 82.

¹⁶⁶ Ibid. P. 83.

¹⁶⁷ Ibid. P. 53; Изнанка революции... С. 19—20.

¹⁶⁸ ЦГАОР СССР. Ф. 102. ДП ОО. 1905. Оп. 233. Д. 450. Т. 3. Л. 153. Донесение начальника Финляндского ЖУ Фрейберга в Департамент полиции от 27 декабря 1905 г. № 3112.

¹⁶⁹ Рг. P. 83.

В. А. КУЧКИН

ГОРОДА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ В XIII—XV ВЕКАХ (Число и политико-географическое размещение)

Проблема возникновения и роста городов Северо-Восточной Руси (территория к северу от среднего течения р. Оки до водораздела между Волгой и Северной Двиной) в XIII—XV вв. давно изучается в историографии. Это был период существования в указанном регионе нескольких феодальных княжеств, а затем их подчинения власти московского великого князя и образования единого Русского государства, сопровождавшийся кардинальным изменением границ и политико-административного деления. Достаточно назвать работы К. А. Неволлина, П. Н. Милюкова, Н. А. Рожкова, П. П. Смирнова, В. Е. Сыроечковского, М. Н. Тихомирова, А. М. Сахарова, Л. В. Черепнина, Н. Е. Носова, Б. Н. Флори¹ Тем не менее проблема эта остается еще недостаточно исследованной. До сих пор нет единого мнения об общем числе городов Северо-Восточной Руси во второй половине XIII в. и его изменении в XIV и XV вв., об их географии и принадлежности различным княжествам, а также о социальной структуре городов, экономической и политической роли городского населения в процессе перехода от феодальной раздробленности к монархическому государству. В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с динамикой числа городов Северо-Восточной Руси, их локализацией и распределением по различным княжествам. Анализ социального строя русского города XIII—XV вв. автор предполагает посвятить отдельный очерк.

Причина неясности многих вопросов, связанных с историей северо-восточных русских городов XIII—XV вв., заключается в особенностях той источниковой базы, на основе которой исследователи вынуждены делать свои заключения. База эта весьма скромна. Сохранилось примерно 1700 актов XIII—XV вв., относящихся к землям Северо-Восточной Руси. Документы эти преимущественно монастырского происхождения, история города в них отражена случайно и фрагментарно² Жития русских святых, живших в XIII—XV вв., посвящены преимущественно инокам, обычно не имевшим отношения к городам³ Наконец, летописные своды упоминают города довольно часто, но в основном в качестве объектов княжеских владений и княжеских притязаний⁴ Поэтому приходится прибегать к материалам более позднего времени. В частности, чтобы правильно судить, например, о местоположении тех или иных городов, необходимо использовать карты и планы XVIII в.

Самые тяжелые последствия для развития городов Северо-Восточной Руси имело монголо-татарское иго. Походы Батыея зимой — весной 1238 г. и в 1239 г. привели к разгрому и захвату наиболее значительных северо-восточных городов. В 1238 г. монголо-татары взяли Владимир, Галич Мерский, Городец Радилов, Дмитров, Москву, Переяславль Залесский, Ростов, Суздаль, Тверь, Ярославль, а также, вероятно, Кснятин, Углич, Юрьев и менее крупные — Боголюбов, Дубну и Шошу. В 1239 г. был взят и сожжен Гороховец⁵ От Батыева погрома не пострадали Белоозеро, Зубцов, Кострома, Молога, Нижний Новгород, Стародуб на Клязьме (Ряполовский), Унжа, Устюг, а также, по-видимому, такие не-

Кучкин Владимир Андреевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории СССР АН СССР.

большие города, как Нерехта, Соль Великая⁶, Ярополч⁷ Население захваченных городов частично было перебито, частично уведено в плен, причем в плен забирались не феодалы, не духовенство, а преимущественно наиболее специфическая и важная часть горожан — разного рода мастера и ремесленники⁸ Таким образом, из существовавших около середины 30-х гг. XIII в. 28 городов Северо-Восточной Руси 17 наиболее древних и крупных были опустошены в результате Батыева нашествия. В последующий период, до конца XV в., уже не возродились такие города, как Дубна и Шоша⁹, а Нерехта и Соль Великая пребывали на уровне промысловых поселков, где добывали поваренную соль¹⁰

Упадок северо-восточных городов, уменьшение их числа, усилившаяся к середине XIII в. феодальная раздробленность привели к тому, что каждое из княжеств Северо-Восточной Руси имело в своем составе всего от одного до трех городов. Это обстоятельство не учитывается в исследовательских работах о русских городах XIV—XV вв., где предпочтение отдается чисто географической группировке городов (города Поволжья, северные города, центральные и т. п.)¹¹ Подобная группировка, оправдываемая территориально, пригодна при рассмотрении истории русских городов XVI—XVII вв., когда между соседними городами устанавливались и крепились экономические связи. Но для XIII—XV вв. такая группировка порождает лишь иллюзию тесных торговых и хозяйственных отношений между городами. На самом же деле существовавшие в те столетия политические границы феодальных княжеств служили серьезнейшими барьерами даже между соседними городами, и историю городов надо рассматривать в рамках тех государственных образований, к которым они принадлежали.

В 70-е гг. XIII в., когда политическое положение в Северо-Восточной Руси после Батыева нашествия несколько стабилизировалось, Белозерское, Костромское, Московское, Переяславское, Стародубское, Суздальское, Углицкое и Юрьевское княжества, т. е. 8 княжеств, имели по одному городу. Три княжества — Галицко-Дмитровское, Ростовское и Ярославское — по два города (соответственно: Галич и Дмитров, Ростов и Устюг, Ярославль и Молога); два княжества — по три: Городецкое (Городец Радилов, Нижний Новгород, Унжа) и Тверское (Тверь, Зубцов, Кснятин); одно — великое княжество Владимирское — четыре (Владимир, Боголюбов, Гороховец, Ярополч)¹² Преобладание княжеств, имевших в своем составе лишь по одному городу, ясно свидетельствует о том, что в указанное время города в Северо-Восточной Руси являлись местом сосредоточения феодалов, феодальной власти. Правящая элита концентрировалась в местах своего проживания дани и поборы с зависимого населения, а это скопление большого количества сельскохозяйственной и промысловой продукции вызывало необходимость в ремесленной ее обработке, а также в обмене и торговле ею. Шел не стихийный процесс отделения ремесла от земледелия, а совершенно осознанное переселение сельских мастеров в города, осуществлявшееся господствующим классом общества в своих интересах.

В конце XIII — начале XIV в. число городов в Северо-Восточной Руси несколько увеличивается. Ранее всего в послемонгольское время новые города появляются в Тверском княжестве. В 80—90-х гг. XIII в. здесь строятся Кашин, Старица, Святославле Поле¹³ Если в отношении последнего города можно думать, что он был основан для защиты восточных границ Тверского княжества, хозяйственного значения так и не приобрел и захирел уже в XIV в.¹⁴, то строительство Кашина и Старицы привело к тому, что со временем они стали играть определенную экономическую роль, связанную с эксплуатацией международного волжского торгового пути. Во всяком случае, в 20-х гг. XV в. в Кашине и Старице (Городке) собирали пошлины с литовских купцов, торговавших в Тверском княжестве¹⁵ В первой половине XIV в. в нем строятся города Клин и Холм¹⁶ В составе Московского княжества появляются Можайск и Коломна, но эти города были отняты московскими князьями у своих соседей, а не были основаны в старых владениях московских князей¹⁷ По-видимому, в Ярослав-

ском княжестве появляется новый город Устюжна¹⁸ Поскольку Устюжна была расположена на самом западе ярославских земель, надо полагать, что первоначально она играла роль ярославского военного форпоста на границе с новгородскими владениями.

Со второй половины XIV в. рост числа городов в княжествах Северо-Восточной Руси идет гораздо интенсивнее. Согласно составленному при митрополичьей кафедре в 1394—1396 гг. «Списку русских городов дальних и ближних»¹⁹, к названным годам в Северо-Восточной Руси насчитывалось 55 городов, отнесенных к числу «залесских». Эта общая цифра в силу разных причин оказывается не вполне точной, поэтому для установления действительного числа имевшихся к концу XIV в. в Северо-Восточной Руси городов необходимо тщательно проанализировать этот источник. К тому же в нем впервые упоминается несколько городов, относительно которых материалы предшествовавшего времени не содержат ясных сведений, подтверждающих, что они действительно являлись городами. Таким образом, анализ перечня «залесских» городов дает возможность не только установить их общее число, но и точнее определить количество городов, появившихся во второй половине XIV в.

Соответствующий раздел «Списка русских городов дальних и ближних» перечисляет следующие города: «А се Залъскии: Мешерьское, Камена могыла на Дъснъ, Муромъ на Оцъ, Стародубъ Вочьскии, другии Стародубъ на Клязмъ, Ярополчъ, Гороховець, Бережечъ, Новгород Нижнии, Куръмышъ на Сурь, Вятка, Городецъ, Юрьевеч, Унжа, Плесо, Кострома, Устьюгъ, Вологда, на Бълъозерьъ два городка, на Молозъ Городецъ, Ярославль, Ростовъ, Юрьевъ Польскии, Мстиславль, Суждаль, Шумьскии, Несвѣжьскии, Боголюбое, Володимерь, Клѣщинъ, Переяславль, Дмитровъ, Москва камень, Можаяскъ, Звенигород, Волокъ Ламьскии, Руза, Коломно на Оцъ, Романовъ, Серпоховъ, Новый Городок, Лужа, Боровескъ, Болонескъ, Одоевъ, Любутескъ, Новосиль, Курескъ, Верея на Поротвъ, Новгородок, Галичь, Кличень, Ржова, Бѣжицкии Вѣрхъ»²⁰ Анализ перечня был предпринят М. Н. Тихомировым, который старался отождествить упомянутые в «Списке» «залесские» города с известными по другим источникам и выяснить географическое местоположение этих городов²¹ Ученый не ставил перед собой задачу определить, какие из «залесских» городов входили в состав северо-восточных русских княжеств, а какие нет. Однако такая работа необходима для того, чтобы установить, какие все-таки города принадлежали в конце XIV в. потомкам Всеволода Большое Гнездо, как шел городообразовательный процесс на той территории, которая некогда принадлежала этому князю.

Из приведенного перечня сразу должны быть исключены Муром и Стародуб Воцкий как владения (хотя в 90-х гг. XIV в. уже бывшие) муромских князей²² Одоев и Новосиль принадлежали в XIV в. новосильским князьям, Ржева была старинным смоленским городом и до 1356 г. ею владели смоленские князья²³ Указанный между Одоевым и Новосилем Любутеск, расположенный на р. Оке ниже Алексина²⁴, в XIV в. принадлежал или Литве, или одному из верховских (приокских) княжеств, или митрополиту всея Руси и только в начале XV в. стал владением московских князей²⁵ Впрочем, к середине XV в. Любутеск был уже в литовских руках и оставался под властью Литвы до начала XVI в.²⁶ В результате московско-литовской войны 1503 г. он перешел к Ивану III²⁷. Куреск, который М. Н. Тихомиров отождествлял с современным Курском²⁸, в XIV в. не был владением потомков Всеволода Большое Гнездо. Сложен вопрос с идентификацией Болонеска. М. Н. Тихомиров считал, что под этим названием составителями «Списка» разумелся центр Можайской волости Болонеск, упомянутый в духовной грамоте 1389 г. Дмитрия Донского как его владение²⁹ Расположенная по р. Болонке волость Болонеск была пограничной московской волостью. Рядом с ней лежали земли Смоленского княжества³⁰ В том же «Списке русских городов дальних и ближних» в числе смоленских городов упомянут «Оболенескъ»³¹ М. Н. Тихомиров принимал этот смоленский Оболе-

неск за Оболенск — центр одноименного княжества³² Однако древний Оболенск стоял на р. Протве, в ее нижнем течении³³, далеко к востоку от смоленских земель, и был владением местных, а не смоленских князей. Поэтому кажется более оправданным видеть в Болонеске залесских городов столицу Оболенского княжества Оболенск, а в Оболенске смоленских городов — пограничный со смоленскими землями Болонеск. Когда Болонеск стал московским владением, как долго он оставался в руках московских князей — неизвестно. Как бы там ни было, в 1389 г. он принадлежал Дмитрию Донскому. Но к 1394—1396 гг., когда составлялся «Список русских городов», Болонеск мог отойти и к Смоленску. Во всяком случае, следует воздержаться от отнесения этого города к числу городов, входивших в XIV в. в состав княжеств Северо-Восточной Руси. Не может быть причислен к ним и Болонеск — Оболенск, владение потомков черниговских князей.

Два города — Вологда и Волок Ламский, как и относившиеся к этим центрам земли, находились в совместном владении Новгорода Великого и московских великих князей. С одной стороны, в договорных грамотах XIV—XV вв. Новгорода с великими князьями владимирскими и московскими Вологда постоянно упоминается в числе новгородских земель и указывается на существование новгородской и великокняжеской частей на Волоке Ламском³⁴ С другой — в договорных грамотах князей московского дома Волок Ламский с конца XIV в. фигурирует как московское владение³⁵, а в духовных грамотах великого князя Василия Дмитриевича 1417 и 1423 гг. названы его приобретения в вологодских землях³⁶ Поскольку великие князья владимирские имели владения в вологодских землях по меньшей мере с начала XIV в., а в самой Вологде пребывал великокняжеский тиун³⁷, надо полагать, что московские великие князья как преемники великих князей владимирских продолжали в конце XIV в. владеть половиной Вологды.

К «залесским» городам отнесены в «Списке» Кличен (Кличень) и Бежецкий Верх. Источники домонгольского времени не называют их в числе городов, принадлежавших князьям Северо-Восточной Руси. Территория Кличена в те времена принадлежала Смоленску³⁸ Так, по-видимому, обстояло дело и во второй половине XIII в. Однако во второй половине XIV в. Кличен оказывается в руках московских князей. Об этом свидетельствуют данные 1371 и 1393 гг.³⁹ Бежецкий Верх в XIII—XV вв. принадлежал Новгороду Великому⁴⁰ Впрочем, на территории Бежецкого Верха в XIV—XV вв. имелись владения и московских великих князей⁴¹, а в 1397 г. великий князь Василий Дмитриевич на какое-то время захватил и сам центр этой новгородской волости⁴² Упоминание в «Списке русских городов» в числе «залесских» Бежецкого Верха связано, по-видимому, или с временным обладанием этим городом московскими князьями, или с их претензиями на него, хотя, по приведенным данным, этот город должен считаться новгородским.

Сложен вопрос относительно упомянутой в числе «залесских» городов Лужи. Поскольку в «Списке русских городов» нет стоявшего на р. Луже Малоярославца (Ярославца), М. Н. Тихомиров предложил отождествить Лужу «Списка» с Малоярославцем, упоминаемым в других источниках⁴³ Однако еще В. Н. Дебольский, ссылаясь на завещание начала XV в. серпуховского князя Владимира Андреевича, указывал, что Малоярославец и Лужу нельзя принимать за один город⁴⁴ М. Н. Тихомиров возражал В. Н. Дебольскому, цитируя места завещания Владимира Андреевича с упоминанием Ярославля с Хотунью и слобод и волостей «Лужковских»⁴⁵ Лужковские слободы и волости действительно не могут быть приравнены к городу Луже. Однако в завещании серпуховского князя упомянуты «Ярославль с Хотунью, с тамгою, и с мыты, и с селы, и з бортью, и со всеми пошлинами, Вихорну, Полянки...»⁴⁶, т. е. город Ярославль (Малоярославец) с различными подчиненными ему волостями, и Лужа «со всеми слободами, и с волостми, и с околицами, и с селы, и з бортью, и с тамгою, и с мыты, и со озеры, и со всеми пошлинами»⁴⁷, которая также должна рассматриваться

как город, где собирался такой специфический городской налог, как тамга, и где сосредоточивалась власть над сельской округой. Таким образом, предложенное М. Н. Тихомировым отождествление Лужи «Списка городов русских» с Малоярославцем оказывается сомнительным. По-видимому, Лужа стояла на р. Луже, но в ином месте, чем Малоярославец. Она прекратила свое существование в начале второй половины XV в.⁴⁸, возможно, в результате нападений на юго-западную окраину Московского княжества Литвы, князей приокских княжеств или Орды.

Если Лужа перестала существовать после составления «Списка», то названный в нем среди «залесских» город Клещин не существовал уже ко времени появления «Списка русских городов». В других источниках этот город не упоминается. Но в одной летописи рассказывается о том, как в свое время Юрий Долгорукий город Переяславль Залесский перевел «отъ Клѣщениа» на другое, современное место⁴⁹ «Отъ Клѣщениа» означает «от озера Клещина», т. е. от Плещеева озера. Поскольку в «Список русских городов» вносились города, существовавшие в разное время (например, туда попала Тмуторокань, утраченная древнерусскими князьями еще в конце XI в.), вполне вероятно, что слова «отъ Клѣщениа» были истолкованы составителями «Списка» как указание на поселение, и названный Клещиным город появился в «Списке». Однако упорное молчание о нем не только источников XIII—XIV вв., но и XV—XVII вв., заставляет полагать, что первоначальное место расположения Переяславля после его перенесения, если и должно было быть населенным, то очень короткое время. Клещин же появился в «Списке», скорее всего, в результате не вполне точной обработки древнего свидетельства.

Не упоминаются в других источниках XIV в. и названные в «Списке» Каменная могила на Десне, Мстиславль, Шумьский, Несвежский и Новгородок. М. Н. Тихомиров вслед за некоторыми учеными XIX в. предлагал видеть в Каменной могиле на Десне второе название Мешерского, упоминаемого в «Списке» как раз перед Каменной могилой⁵⁰. Однако нигде в разделе «А се Залѣскіи» «Списка русских городов» не встречается двойного наименования одного города. Очевидно, что Мешерское и Каменная могила на Десне должны различаться, это названия двух разных городов. В пределах «залесской» территории XIV в. самой крупной рекой с названием Десна являлась р. Цна (Цна — стяженная форма от Десна), левый приток Оки. В XIV—XV вв. Цна служила границей, разделявшей московские и рязанские земли⁵¹. Появление на этой реке сторожевых крепостей представляется довольно естественным. С этой точки зрения город Каменную могилу следует искать где-то в районе упоминаемых в XVI в. деревень Малой и Большой Каменных, располагавшихся близ р. Цны в ее нижнем течении⁵².

Город Мстиславль «Списка» М. Н. Тихомиров сближал с селом Городище Мстиславле, упоминаемым в завещании Ивана Грозного⁵³. Согласно этому документу, указанное село относилось к Юрьеву Польскому. В 1955 г. Городище Мстиславле, в настоящее время носящее название просто Городище, было раскопано П. А. Раппопортом, который обнаружил здесь древнерусский укрепленный город второй половины XII в. Город находился в 10 км к северо-востоку от Юрьева Польского и, по мнению ученого, представлял собой княжескую резиденцию наподобие Боголюбова близ Владимира⁵⁴. К сожалению, П. А. Раппопорт не высказался относительно того, продолжалась ли жизнь в Мстиславле после Батыева нашествия, или она на какое-то время прекратилась и возобновилась позже. Если Мстиславль в XIV в. существовал, а некоторое основание для такого мнения дает лишь факт его упоминания в «Списке городов», то он представлял собой крепость на юрьевско-суздальском рубеже, видимо, утратившую свое военное значение после подчинения власти московского великого князя Юрьевского и Нижегородского княжеств⁵⁵.

Ничего не известно о местоположении Новгородка, Несвежского и Шумьского. Правда, один из поздних копиистов «Списка русских городов дальних

и ближних», работавший в XVII в., вместо «Шумьский» написал «Шуйский»⁵⁶, явно сближая незнакомое ему название XIV в. с названием достаточно известного в его время города Шуи. По тому же пути пошел и М. Н. Тихомиров⁵⁷ Однако нет никаких свидетельств о том, что уже в 90-е гг. XIV в., когда составлялся «Список», за детьми или старшими внуками нижегородского великого князя Дмитрия — Фомы Константиновича закрепилось прозвище «Шуйские», да и палеографически невозможно объяснить, как из «Шуиский» получился «Шумьский», если считать, что в оригинале «Списка городов» читалось «Шуиский». Нет и никаких упоминаний Шуи в XIV в. Очевидно, что в «Списке» речь идет не о Шуге, а о другом городе, местоположение которого пока что остается неизвестным.

Итак, если исключить из «Списка русских городов дальних и ближних» 1394—1396 гг. такие отнесенные в нем к «залесским» города, как Муром, Стародуб Воцкий, Одоев, Новосиль, Ржева, Любутеск, Куреск, Болонеск (Оболонск), Вологда, Волок Ламский, Кличен, Бежецкий Верх, Клещин (поскольку эти города основывались явно не потомками Всеволода Большое Гнездо и были расположены за пределами северо-восточных русских княжеств), Можайск и Коломну (отнятые московскими князьями у соседних княжеств), в «Списке» останется 40 городов. В это число входят три нелокализованных города, один город (Каменная могила) со спорной локализацией, а также два города Белоозера. Последние сосуществовали по крайней мере до 1398 г., когда старое Белоозеро было сожжено новгородцами⁵⁸ Основание нового Белоозера в 17 км от старого связывается с моровым поветрием 1352 г., когда все население старого Белоозера вымерло и город был перенесен на другое место⁵⁹

К названным 40 городам нужно прибавить такие явно «залесские» города, как Углич, Устюжна, Чухлома и Шерна, а также почему-то не попавшие в «Список» центры Тверского княжества: Тверь, Кашин, Зубцов, Старица, Кснятин, Клин, Холм, Микулин, Белгородок, Родня, Хорвач, Городец Радилев⁶⁰ Вобрьнь, Опоки и Вертязин.

Таким образом, всего к концу XIV в. в княжествах Северо-Восточной Руси, на древней «залесской» земле, было не менее 50 городов, в два с лишним раза больше, чем в канун монголо-татарского завоевания.

Эта картина подъема городской жизни в Северо-Восточной Руси не может быть правильно оценена без дифференцированного подхода к произведенным подсчетам, без определения того, в каких княжествах и в каких именно районах этих княжеств появляются новые города.

Резкий рост городов замечается в Тверском княжестве, территория которого с середины XIII в. по конец XIV в. практически оставалась неизменной. Во второй половине XIV в. в нем появилось 8 новых городов. Под 1363 г. в источниках впервые упоминается Микулин⁶¹ В 1366 г. был основан Городок (Белгородок)⁶² — несомненно, как укрепленный пункт в одном из тверских уделов. В конце 60-х гг. XIV в. впервые упоминаются города Родня и Хорвач (Новый Городок, позднее Погорелое Городище)⁶³ В завещании 1399 г. Михаила Александровича Тверского впервые названы тверские города Городец Радилев, Вобрьнь, Опоки и Вертязин⁶⁴ Если исключить из числа тверских городов Городец Радилев и Вобрьнь, местоположение которых до сих пор нельзя считать установленным⁶⁵, то подавляющая часть городов Тверского княжества, основанных во второй половине XIII — конце XIV в., располагалась по р. Волге. Это Старица, Белгородок, Родня, Вертязин и Опоки⁶⁶. К ним нужно добавить и Кашин, стоявший на р. Кашинке, близ ее впадения в Волгу⁶⁷ Если учесть, что на Волге стояли и такие древние города, как Кснятин, Тверь и Зубцов, станет ясным, что две трети тверских городов конца XIV в. (9 из 13 локализуемых) были расположены по берегам этой реки — крупнейшей водной артерии Северо-Восточной Руси. Остальные четыре города — Хорвач, Холм, Микулин, Клин — возникли на юге Тверского княжества⁶⁸, где были самые плодородные почвы⁶⁹ Очевидно, что население Тверского княжества концентрировалось вдоль Волги, где в хо-

зайственной деятельности помимо всего прочего можно было использовать пойменные луга и заниматься рыболовным промыслом, и в местах, наиболее пригодных для ведения сельского хозяйства. В таких районах концентрации населения, где можно было собирать значительную феодальную ренту, и ставили тверские князья новые города. Расположение большинства тверских городов на удобном водном волжском пути приводило с течением времени к тому, что города эти начинали играть и определенную торговую роль (выше приводились данные о сборе торговых пошлин с литовских купцов в Старице и Кашине). Однако нужно еще раз подчеркнуть, что не торговля являлась основной причиной строительства этих городов. Такой вывод подкрепляется и тем фактом, что ниже по Волге, за пределами Тверского княжества и на гораздо большем пространстве волжского пути в XIV в. было основано всего три новых города. При наличии интенсивной волжской торговли можно было ожидать более энергичного строительства поволжских городов, но этого не происходило. Очевидно, что не торговые интересы играли главенствующую роль при основании феодалами городов, даже если эти города возводились по берегам крупной международной водной дороги.

Один из трех нетверских поволжских городов, основанных во второй половине XIV в. (точнее, после 1345 г.), — Романов в Ярославском княжестве⁷⁰ Это единственный город, который смогли построить ярославские князья в названное время⁷¹

В Нижегородском княжестве во второй половине XIV в. появилось четыре новых города. В 1372 г. был построен город Курмыш⁷² Упомянутый в начале XV в. как административный центр Юрьевец Повольский, возможно, был городом нижегородских князей, построенным во второй половине XIV в.⁷³ Вероятно, в это же время нижегородскими князьями была основана Вятка⁷⁴ Под 1364 г. в летописи впервые упоминается Бережец⁷⁵ Юрьевец Повольский, Курмыш, Вятка названы в «Списке русских городов». Возникли эти новые города на окраинах Нижегородского княжества: Курмыш и Вятка были поставлены на его восточных границах, Юрьевец Повольский находился близ костромских земель великого княжества Владимирского, а Бережец — на границе с собственно владимирскими землями того же княжества. Очевидно, что все основанные в Нижегородском княжестве города были форпостами, закреплявшими за местными князьями захваченную ими территорию (Вятка, Курмыш) или игравшими роль оборонительных заслонов от нападения могущественных соседей (города на границе с великим княжеством Владимирским).

Кроме 12 тверских городов, основанных после 1242 г. и до конца XIV в., двух ярославских городов и четырех нижегородских, в составленном выше на основании «Списка русских городов» и других источников перечне городов Северо-Восточной Руси конца XIV в. будет значиться еще 15 городов, возникших не ранее XIV в.: Мещерское, Каменная могила на Десне, Плесо, Шумьский, Несвежский, Звенигород, Руза, Серпухов, Новый Городок, Лужа, Боровск, Верея, Новгородок (эти 13 городов упомянуты в «Списке»), Чухлома и Шерна. Не вносится в данное число впервые упоминаемый в «Списке городов» Мстиславль как основанный в XII в. и имеющий неясную историю своего существования до первой регистрации в письменном источнике. Хотя в «Списке городов» местоположение Шумьского, Несвежского и Новгородка точно не обозначено, можно почти с уверенностью сказать, что они были расположены в местах, на которые в конце XIV в. распространялась власть московского великого князя. Тем не менее эти города, которые могут учитываться при разного рода обобщающих подсчетах, не должны приниматься во внимание при решении вопроса, где именно появлялись в XIV в. новые города.

Остальные 12 из указанных выше 15 городов находились на территории, принадлежавшей князьям московской династии. Город Плесо был основан на владимирской территории, которая стала вотчинным владением московского великого князя в 60-х гг. XIV в. Город, вероятно, играл роль форпоста на владимирской территории, которая стала вотчинным владением московского великого князя в 60-х гг. XIV в. Город, вероятно, играл роль форпоста на владимирской территории, которая стала вотчинным владением московского великого князя в 60-х гг. XIV в.

мирско-нижегородской границе. Неслучайно первое летописное упоминание Плеса связано с его укреплением: в 1410 г. московский великий князь Василий Дмитриевич «повель рубити град Плес»⁷⁶ Чухлома возникла в пределах бывшего Галицкого княжества, присоединенного в 1363 г. к Москве⁷⁷ Причиной основания Чухломы, видимо, явилась концентрация населения близ Чухломского озера, развития здесь соляного промысла.

Другие 10 городов относились к территории собственно Московского княжества. Звенигород и Серпухов выросли в города из сел, служивших столицами удельных московских княжеств Звенигородского и Серпуховского. Звенигород в качестве волости был отдан Иваном Калитой своему второму сыну — Ивану, который по своей духовной грамоте завещал Звенигород «со всеми волостми, и с мытомъ, и с селы, и з бортью» младшему сыну Ивану⁷⁸ Такая характеристика Звенигорода в завещании Ивана Красного указывает на то, что одноименный центр волости Звенигород стал городом: ему в административном отношении подчиняются другие волости, села и бортные хозяйства, в пределах подвластной ему территории собирается мыт. Об основании в 1374 г. Серпухова на месте бывшего села Серпуховского сохранился летописный рассказ. Московский удельный князь Владимир Андреевич «заложи градъ Серпоховъ въ своеи отчинъ и повель его нарядити и срубити дубовъ, а людемъ приходящимъ и гражаномъ живущимъ въ немъ и человкомъ торжъствующимъ (т. е. торгующим.— В. К.) подать великую волю и ослабу и многоу льготу, приказавъ намъстничество дръжати града Якову Юрьевичу, нарицаемому Новосильцу, околничему своему»⁷⁹ Очевидно, что во вновь построенный князем город приглашалось жить население, которому предоставлялись временные особые льготы. Населить Серпухов важно было и потому, что он становился крепостью на пути монголо-татар от р. Оки к Москве. Призывались в Серпухов и торговцы, также получавшие какие-то привилегии. Весьма вероятно, что и при превращении Звенигорода в княжескую резиденцию и город туда также созывалось население с предоставлением ему разного рода льгот. Так, обращает на себя внимание то обстоятельство, что по завещанию великого князя Ивана Ивановича Звенигород передавался его младшему сыну Ивану «с мытомъ», но без тамги:—налога, уплачивавшегося в городе с продаваемого товара. Существование в 50-х гг. XIV в. звенигородских мытов, т. е. пошлин за провозимый товар, и отсутствие при этом тамги позволяет предполагать, что тамга в Звенигороде на какое-то время была отменена, чтобы привлечь туда «торжъствующих» людей. В духовной грамоте 1389 г. Дмитрия Донского Звенигород завещался его второму сыну Юрию уже «с тамгою и с мыты»⁸⁰

Что способствовало появлению таких городов, как Руза и Шерна, сказать трудно. Руза и Шерна были центрами одноименных волостей, обе волости были расположены в приграничных районах Московского княжества: Руза — на западе, Шерна — на востоке. Возможно, призыв на жительство людей из иных княжений способствовал росту населения этих волостей и превращению двух волостных центров в небольшие города.

Весьма характерна география остальных шести новых городов Московского княжества. Каменная могила, как указывалось выше, была, скорее всего, расположена на пограничной с Рязанью р. Цне. На этой же реке была расположена волость Мещерка, впервые фигурирующая в завещании великого князя Ивана Ивановича⁸¹ Центр этой волости следует отождествлять с указанным в «Списке русских городов» на первом месте среди «залесских» Мещерским. Идентификация этого Мещерского с будущим городом Касимовым, предложенная М. Н. Тихомировым⁸², не может быть принята. О существовании в XIV в. Мещерского города на месте будущего Касимова данных нет. Если бы составителями «Списка русских городов» под Мещерским разумелся город в Мещере близ Рязанского княжества, то непонятно, почему он был помещен ими в разделе «залесских» городов, а не «рязанских», к которым он был много ближе по своему географическому положению. Эти соображения заставляют отождествлять

Мещерское «Списка» с другим пунктом. И наиболее подходящим таким пунктом является центр волости Мещерки у р. Цны, поскольку далее в «Списке» следует упоминание Каменной могилы на той же р. Цне. Поэтому менее убедительно отождествление Мещерского с центром нижегородской волости Мещерск, расположенной в низовьях р. Клязьмы и упоминаемой в начале XV в.⁸³ Предложенная локализация Мещерского позволяет предполагать, что этот город, а также Каменная могила являлись пограничными крепостями, построенными московскими князьями на московско-рязанском порубежье.

На том же порубежье, но только далеко на запад от р. Цны, были расположены города Боровск, Верея, Лужа, Новый Городок. Последний отождествляется с Новым Городком на р. Протве, впервые упоминаемым в завещании великого князя Ивана Ивановича⁸⁴ Примерно до середины XIV в. земли, где стояли эти города, принадлежали Рязанскому княжеству⁸⁵ Поэтому возможно допущение, что названные города были основаны рязанцами. Однако не менее вероятна мысль, что эти города были поставлены москвичами для закрепления захваченных у Рязани территорий. Во всяком случае развитие эти города получили уже под властью московских князей.

Таким образом, относительно городов, возникших на территории Московского княжества во второй половине XIV в., можно сделать два вывода. Во-первых, большинство новых городов, появившихся в Московском княжестве в XIV в., относилось к пограничным крепостям (7 из 10). Во-вторых, эти пограничные города стояли уже не на давней московской территории, являвшейся частью вотчинного наследия потомков Всеволода Большое Гнездо, а на землях, вновь присоединенных к Московскому княжеству. Это заставляет, с одной стороны, вносить некоторые коррективы в общие представления о процессах возникновения городов в Северо-Восточной Руси в рассматриваемое время, с другой — характеризует возможности московских князей в этом процессе. Возможности же московских князей были немалые. Они находили свое выражение не только в обладании людьми и средствами, которые позволяли возводить новые города, но и в военной силе, с помощью которой завоевывались города старые. К концу XIV в. в руках московских князей оказалось много городов, ранее принадлежавших другим княжествам, но во второй половине XIV в. захваченных или присоединенных Москвой: Дмитров, Галич, Белоозеро, Углич, Боровск, Калуга, Медынь, Ржев, города великого княжества Владимирского, с 1392 г. — города Нижегородского княжества, 90-х гг. XIV в. — Муром и Стародуб Воцкий⁸⁶ Всего Москва присоединила 29 городов в пределах границ Владимирского княжества начала XIII в., из которых только 6 городов было новых, построенных в XIV в., и еще 16 городов за пределами указанной территории. Из этих 16 городов шесть, принимая оговорки, сделанные ранее, были поставлены московскими князьями в XIV в. для закрепления своих пограничных владений с Рязанью. В целом же под властью московских князей в конце XIV в. находилось 45 городов, причем несколько менее половины из них принадлежало одному московскому великому князю, а остальные — другим четырем представителям московской династии. Иными словами, увеличение числа городов на территории, контролировавшейся московской династией, сказывалось прежде всего на положении великого князя, постепенно превращающегося в единодержавного монарха.

В XV в. рост числа городов в Северо-Восточной Руси замедляется. Два новых появляются в Тверском княжестве: Калязин⁸⁷ и безымянный город на границе с Торжком, который был заложен тверским великим князем Иваном Михайловичем в 1411 г.⁸⁸ Это был единственный город в северной части Тверского княжества. Поскольку позднее этот город в источниках не упоминается, как и Вобрьнь с Городцом Радилковым, надо полагать, что эти мелкие города в XV в. прекратили свое существование. Княгиня в 50-е гг. XV в. превратилась в деревню⁸⁹ В сильный упадок во второй четверти XV в. пришли Кашин и Клин, и тверскому великому князю Борису Александровичу приписывалась особая заслуга

в их восстановлении⁹⁰ В Московском княжестве городами становятся Малоярославец, Шитов, Перемышль на р. Моче, Хотунь, Кашира, Радонеж⁹¹, к которому в 1492 г. переводится торг от Троице-Сергиева монастыря⁹² Все эти города, за исключением Радонежа, стояли на южной и юго-западной окраине Московского княжества, где в конце XIV — первой половине XV в. шло энергичное освоение земель и куда призывалось население из других мест.

На территории бывшего великого княжества Владимирского, видимо, в XV в. был основан город Лух⁹³

В завещании Ивана III упомянут городок Княжичи⁹⁴ Так называлась волость, расположенная в бассейне нижнего течения р. Шексны и принадлежавшая прежде князьям шехонским. Очевидно, центром этой волости был, действительно, городок под названием Княжичи, возможно, это даже была резиденция шехонских князей. Но после перехода владений этой ветви ярославских князей в руки князей московских городок, судя по всему, пришел в упадок. В более поздних материалах XVI в. Княжичи как город уже не упоминаются⁹⁵

Не возобновлялась после 1408 г. взятая ордынским темником Едигеем Сара Великая. Это была пограничная крепость, поставленная, вероятно, московским великим князем после присоединения к его владениям Нижегородского княжества⁹⁶

Судя по отсутствию сведений о них в источниках, в разные десятилетия XV в. запустели или превратились в сельские поселения такие города XIV в., как старое Белоозеро, Новгородок, Мещерское, Каменная Могила на Десне, Несвежский, Шумьский, Боголюбов, Мстиславль. Лужа, как говорилось выше, перестала быть городом в 50-е гг. XV в. Гороховец почти на всем протяжении XV в. оставался центром волости, где сидел волостель со своими людьми⁹⁷, и статуса города так и не приобрел. Бережец в документе 1485 г. прямо назван селищем⁹⁸ Новый городок на устье р. Протвы в последний раз упоминается в московско-язанском договоре 1447 г.⁹⁹

Хотя в XV в. московские князья значительно расширили свои владения (к 1486 г. в руках Ивана III оказались все ранее независимые княжества Северо-Восточной Руси с их городами, Новгородская феодальная республика, а к концу столетия — часть рязанских городов, расположенных в бассейне верхней Оки, так называемых верховских княжеств, отнятые у Литвы некоторые смоленские города), остается фактом, что в пределах территории, подвластной князьям Северо-Восточной Руси к концу XIV в., число городов не только не растет, но даже несколько сокращается. Появляется девять новых городов, два из которых в XV в. прекращают свое существование, и перестают существовать 12 городов XIV в. Если рассматривать горообразование как результат целенаправленной деятельности княжеской власти и феодального класса в целом, такое явление вполне объяснимо. XV век — время резкого подъема могущества московских князей и ослабления их соседей. Строительство новых городов во многом зависело от возможностей и желания Москвы. Московские же князья всю вторую четверть XV в. вели напряженную междоусобную борьбу, а при Иване III, примерно с 60-х гг. XV в., начали тратить значительные финансовые средства на приобретение крупных княжеств (1463 г. — Ярославское, 1474 г. — часть Ростовского княжества) и на многочисленные войны с Новгородом, Тверью, Литвой, Казанским ханством, обычно кончавшиеся победоносным походом и приращением новых земель и городов. На строительство городов в районах давнего обладания средства не тратились, необходимость в возведении здесь пограничных крепостей отпадала. Этим и объясняется затухание количественного роста городов на русском Северо-Востоке в XV в. Правда, в XV в. наблюдается другое явление: расширение старых городов, появление у городских крепостных стен незащищенных поселений-посадов, но это уже тема другого исследования.

Примечания

Неволин К. А. Общий список русских городов // Неволин К. А. Полное собрание сочинений. СПб., 1859. Т. 6. С. 27—98; Милюков в П. Н. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1909. Изд. 6. Ч. 1. С. 241—243; Рожков в Н. А. Город и деревня в русской истории. СПб., 1902; Смирнов в П. П. Города Московского государства в первой половине XVII века. Киев, 1917. Т. 1. Вып. 1; Киев, 1919. Т. 1. Вып. 2; его же. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. М.; Л., 1947. Т. 1; М.; Л., 1949. Т. II; Сыроечковский в В. Е. Гости-сурожане // Известия Государственной Академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра. М.; Л., 1935. Вып. 127; Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1952; его же. Древняя Москва. М., 1947; его же. Средневековая Москва в XIV—XV веках. М., 1957; Сахаров А. М. Города Северо-Восточной Руси XIV—XV веков. М., 1959; Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960. С. 297—452; Носов Н. Е. Русский город и русское купечество в XVI столетии (к постановке вопроса) // Исследования по социально-политической истории России. Сборник статей памяти Б. А. Романова. Л., 1971. С. 152—177; Флоря Б. Н. Привилегированное купечество и городская община в Русском государстве (вторая половина XV — начало XVII в.) // История СССР. 1977. № 5. С. 145—160.

² Все такие документы изданы. См.: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950 (далее — ДДГ); Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков. М., 1951. Ч. I; М., 1956. Ч. II (далее — АФЗИХ); Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М., 1952. Т. I; М., 1958. Т. II; М., 1964. Т. III. (далее — АСВР).

³ Перечень Житий святых с указанием их списков и ранних публикаций см. Барсуков в Н. П. Источники русской агиографии // Общество любителей древнерусской письменности. СПб., 1882. Вып. 81.

⁴ Из летописных памятников для характеристики городов Северо-Восточной Руси XIII—XV вв. наиболее важны Лаврентьевская летопись, Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, Рогожский летописец, Симеоновская летопись, Софийская первая и Новгородская четвертая летописи, Ермолинская, Типографская летописи, Московский свод конца XV в., Софийская вторая и Львовская летописи, Тверской сборник. Все эти памятники изданы в серии «Полное собрание русских летописей» (далее — ПСРЛ). См. соответственно ПСРЛ. Л., 1926—1928. Т. 1; СПб., 1841. Т. 3; Пг., 1922. Т. 15. Вып. 1. СПб., 1913. Т. 18; СПб., 1851. Т. 5; Пг., 1915. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1; Л., 1925. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2; СПб., 1910. Т. 23; Пг., 1921. Т. 24; М.; Л., 1949. Т. 25; СПб., 1853. Т. 6; СПб., 1910. Т. 20. Ч. 1; СПб., 1914. Т. 20. Ч. 2; СПб., 1863. Т. 15. Лучшее издание Новгородской первой летописи — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950).

⁵ Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 106—108.

⁶ Данные о существовании указанных городов в домонгольское и послемонгольское время см.: Кучкин В. А. Указ. соч. С. 93—94, 98—101, 110, 117, 119—121, 264.

⁷ В результате раскопок г. Ярополча, проведенных в 1956—1970 гг. (с перерывами), были обнаружены следы пожара, останки убитых людей и наконецники типично монгольских стрел, что дало повод М. В. Седовой говорить о взятии Ярополча монголо-татарами в 1239 г., во время их похода на мордовские земли, Муром и Гороховец, (Седова М. В. Ярополч Залесский. М., 1978. С. 71, 126—127). Однако наличие следов пожара только в 10 жилищах (из 37 обследованных), обнаружение двух убитых людей и 5 (из 72) монгольских стрел делают вывод о захвате Ярополча войсками Батые сомнительным.

⁸ Яркий рассказ о русском золотых дел мастере Козьме, сделавшем в Каракоруме ханский трон из слоновой кости, украсившем его золотом и драгоценными камнями, вырезавшем также печать для хана Гуюка, сохранил Плано Карпини. Рубрук оставил известие о жившем в Каракоруме русским мастере-строителе. Плано Карпини де. История Монголов. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. СПб., 1901. С. 56—57, 122. Описание предметов, изготовленных русскими ремесленниками и найденных археологами на территориях, занятых монголо-татарами, см. в кн.: Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М., 1948. С. 525—584. О положении русских ремесленников в Орде см. также в кн.: Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978. С. 36—38. Перечень ремесел, переставших существовать в русских городах после нашествия Батые, см.: Рыбаков Б. А. Указ. соч. С. 534—537.

⁹ Археологические раскопки не обнаружили в Дубне слоев XIV—XV вв. Успенская А. В. Древнерусское поселение близ г. Дубна // Труды Государственного Исторического музея. М., 1966. Вып. 40. С. 105—111. Шоша археологически не исследовалась.

¹⁰ В XV в. Нерехта и Соль Великая управлялись волостелями, а не наместниками, которые обычно управляли городами. АСВР, I. № 131 (грамота от 29 января 1438 г.); № 320 (грамота от 1462—1466 гг.).

¹¹ Такое деление проведено в книге А. М. Сахарова, остающейся по сей день единственной монографией о русских городах XIV—XV вв. Антиисторичность предложенной автором группировки подчеркивается, например, тем обстоятельством, что отнесенные им к «ростово-суздальским городам» Ростов, Юрьев Польский, Суздаль, Владимир, Стародуб Рязановский в XIV в. были столицами пяти разных княжеств и не только экономически, но даже политически были обособлены друг от друга. См.: Сахаров А. М. Указ. соч. С. 27—52.

- ¹² Кучкин В. А. Указ. соч. С. 109—121.
- ¹³ ПСРЛ. Т. 18. С. 81; Т. 15. Вып. 1. Стб. 35, 49. Мнение М. Н. Тихомирова относительно существования Кашина в домонгольское время (Тихомиров М. Н. Древнерусские города. С. 42) не подтверждается. Археологический материал в полном соответствии со свидетельствами памятников письменности указывает на то, что город был основан в послемонгольское время.
- ¹⁴ Кучкин В. А. Указ. соч. С. 160.
- ¹⁵ ДДГ. № 23. С. 63.
- ¹⁶ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 37, 185; ПСРЛ. Спб., 1885. Т. 10. С. 218.
- ¹⁷ ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 86; Любавский М. К. Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929. С. 40.
- ¹⁸ В письменных источниках Устюжна впервые упоминается в 1340 г. (НПЛ. С. 351). О ее принадлежности ярославским князьям см.: Кучкин В. А. Указ. соч. С. 304.
- ¹⁹ О времени составления «Списка» см.: Наумов Е. П. К истории летописного «Списка русских городов дальних и ближних» // Летописи и хроники. М., 1974. С. 157, 163.
- ²⁰ НПЛ. С. 477
- ²¹ Тихомиров М. Н. «Список русских городов дальних и ближних» // Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 124—129.
- ²² Стародуб Воцкий находился к северо-востоку от Муром. Относившаяся к этому городу территория располагалась по р. Оке и ее правым притокам — рекам Кутре и Юнде (Большой Юнде). — Любавский М. К. Указ. соч. С. 87 и карта; АФЗиХ. Л., 1983. № 140. С. 167—168; Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки. М., 1976. С. 270. В первой половине XVI в. Стародуб Воцкий входил в состав Муромского уезда. — АФЗиХ. Л., 1983. № 45. С. 147.
- ²³ Кучкин В. А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва. М., 1980. С. 50; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 65.
- ²⁴ Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута. М., 1892. Карта. Древний Любутск обследован археологически (Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1961. № 105. С. 64).
- ²⁵ ДДГ. № 17. С. 47. Ср.: ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 103.
- ²⁶ ДДГ. № 53. С. 160; № 83. С. 330. Таким образом, по меньшей мере с 1449 по 1494 г. Любутск (Любутск) был литовским.
- ²⁷ Сборник Русского исторического общества. СПб., 1882. Т. 35. С. 399; ДДГ. № 89. С. 360.
- ²⁸ Тихомиров М. Н. «Список русских городов дальних и ближних». С. 125.
- ²⁹ Там же. С. 128. Ср.: ДДГ. № 12. С. 34.
- ³⁰ Любавский М. К. Образование... С. 46 и карта.
- ³¹ НПЛ. С. 476.
- ³² Тихомиров М. Н. «Список русских городов дальних и ближних.» С. 118.
- ³³ Раппопорт П. А. Указ. соч. С. 49.
- ³⁴ Грамоты Великого Новгорода и Пскова (Далее — ГВНИП). М.; Л., 1949. С. 15, 17, 20, 21, 22, 27, 29 (грамоты XIV в.), 35, 40 (грамоты XV в.).
- ³⁵ ДДГ. № 13. С. 37 (договор 1390 г.); № 16. С. 43.
- ³⁶ Там же. № 21. С. 58; № 22. С. 61.
- ³⁷ Кучкин В. А. Формирование государственной территории... С. 125—127
- ³⁸ Кучкин В. А. К изучению процесса централизации в Восточной Европе (Ржева и ее волости в XIV—XV вв.) // История СССР, 1984. № 6. С. 152, 157—158; его же. Межевание 1483 г. и вопрос о древней новгородско-смоленской границе // Новгородский исторический сборник. Л., 1984. № 2(12). С. 175—176.
- ³⁹ Русская Историческая библиотека. СПб., 1908. Т. VI. Ч. 1. Изд. 2. Приложение. Стб. 138; ПСРЛ. Т. 25. С. 220.
- ⁴⁰ ГВН и П. С. 9, 11, 12, 15, 17, 20—22, 27, 29, 30, 34, 35, 37, 40, 47, 132.
- ⁴¹ ДДГ. № 21. С. 58.
- ⁴² НПЛ. С. 389, 390; ср.: С. 418.
- ⁴³ Тихомиров М. Н. «Список русских городов дальних и ближних». С. 126.
- ⁴⁴ Дебольский В. Н. Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник. СПб., 1902. Вып. 2. С. 9—12.
- ⁴⁵ Тихомиров М. Н. «Список русских городов дальних и ближних». С. 126.
- ⁴⁶ ДДГ. № 17. С. 46.
- ⁴⁷ Там же. С. 47
- ⁴⁸ Тихомиров М. Н. «Список русских городов дальних и ближних». С. 126. Последний раз «Лужа с волостями» упоминается как владение серпуховского и боровского князя Василия Ярославича в договоре последнего с великим князем Василием Васильевичем 1454—1456 гг. — ДДГ. № 58. С. 183.
- ⁴⁹ ПСРЛ. Т. 25. С. 77
- ⁵⁰ Тихомиров М. Н. «Список русских городов дальних и ближних». С. 127
- ⁵¹ ДДГ. № 10. С. 29; № 19. С. 53; № 47. С. 143; № 76. С. 285.
- ⁵² Писцовые книги Московского государства. СПб., 1872. Ч. 1. Стб. 1. С. 555 (в тексте опечатка: вместо «Талоя Каменская» надо читать «Малоя Каменская»).
- ⁵³ Тихомиров М. Н. «Список русских городов дальних и ближних». С. 128. Ср.: ДДГ. № 104. С. 443.

- ⁵⁴ Раппопорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1956. № 52. С. 102. Примеч. 1; его же. Очерки по истории военного зодчества... С. 21—23, 106, 109, 185—186.
- ⁵⁵ Судя по материалам XIV—XV вв., восточная граница образовавшегося в XIII в. Юрьевского княжества проходила в 10—15 км от Юрьева (Кучкин В. А. Формирование государственной территории... С. 238). Поэтому близкое расположение Мстиславля к Юрьеву скорее объясняется не стремлением создать в Мстиславле княжескую резиденцию, а защитить близлежащую границу юрьевских земель. В таком случае Мстиславль надо рассматривать не как загородную резиденцию князя, а как пограничную крепость.
- ⁵⁶ ПСРЛ. СПб., 1856. Т. VII. С. 241. Вариант е.
- ⁵⁷ Тихомиров М. Н. «Список русских городов дальних и ближних». С. 129.
- ⁵⁸ НПЛ. С. 392.
- ⁵⁹ Сахаров А. М. Указ. соч. С. 79—80. Новое Белоозеро изучали археологи. См.: Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества... С. 22; его же. Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. Л., 1967. № 140. С. 161. Примеч. 19.
- ⁶⁰ Этот Городец Радилев не следует путать с Городцом Радилевым, лежавшим на левом берегу Волги выше Нижнего Новгорода. Впрочем, возможно, что второе название Городца, принадлежавшего тверскому великому князю Михаилу Александровичу, было добавлено одним из поздних переписчиков его завещания в составе одного из сводов XV в., спутавшего тверской Городец с Городцом Радилевым на Волге.
- ⁶¹ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 75.
- ⁶² ПСРЛ. Т. 14. Ч. 1. Вып. 2. С. 303; Т. 5. С. 234; Т. 15. Вып. 1. Стб. 81. Об отождествлении основанного в 1366 г. Городка с Белгородком см.: Кучкин В. А. Формирование государственной территории. С. 183—184.
- ⁶³ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 87.
- ⁶⁴ Там же. Т. 14. Ч. 1. Вып. 2. С. 388. Т. 5. С. 252.
- ⁶⁵ Ср.: Борзакровский В. С. История Тверского княжества. СПб., 1876. С. 39; Klug E. Das Fürstentum Tver (1247—1485). Berlin, 1985. S. 209.
- ⁶⁶ Борзакровский В. С. Указ. соч. С. 31, 36, 39, 40; Кучкин В. А. Формирование государственной территории... С. 183—184.
- ⁶⁷ Борзакровский В. С. Указ. соч. С. 25.
- ⁶⁸ Кучкин В. А. Формирование государственной территории... С. 186 (карта Тверского княжества в XIV в.).
- ⁶⁹ Атлас Калининской области. М., 1964. С. 13 — «Почвенная карта» Калининской области.
- ⁷⁰ Редкие источники по истории России. М., 1977. Вып. 2. С. 14, 97. Основатель Романова князь Роман Васильевич жил во второй половине XIV в. (Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. СПб., 1891. Т. II. С. 84, 88.)
- ⁷¹ К ярославским городам можно было бы причислить Холопий городок, который, как считал М. Н. Тихомиров, упоминается в «Списке русских городов дальних и ближних» (Тихомиров М. Н. «Список русских городов дальних и ближних». С. 126). Однако в «Списке» фигурирует «на Молозь Городец», который следует отождествлять с известной по источникам XIV в. и более раннего времени Мологой, а не с Холопьем, городком, не упоминаемым в материалах XIV в.
- ⁷² ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 100.
- ⁷³ ДДГ № 16. С. 43. В начале XV в. Юрьевец в административном отношении подчинялся Городцу Радилеву, бывшему одним из центров Нижегородского княжества, просуществовавшего с 1341 по 1392 г.
- ⁷⁴ О Вятке как древнем владении нижегородских князей см.: ДДГ № 40. С. 119. Более раннее свидетельство, связывающее нижегородских князей с Вяткой, см.: ПСРЛ. Т. 18. С. 149.
- ⁷⁵ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 78.
- ⁷⁶ ПСРЛ. Т. 25. С. 240.
- ⁷⁷ Кучкин В. А. Формирование государственной территории. С. 244; ПСРЛ. Т. 23. С. 123.
- ⁷⁸ ДДГ № 4. С. 17, 15 (опубликованная здесь как «второй экземпляр» завещания Ивана Ивановича грамота на самом деле представляет собой текст его первого завещания).
- ⁷⁹ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 106—107
- ⁸⁰ ДДГ № 12. С. 33.
- ⁸¹ Там же. № 4. С. 17
- ⁸² Тихомиров М. Н. «Список русских городов дальних и ближних». С. 127.
- ⁸³ АСВР. Т. II. № 435. С. 479.
- ⁸⁴ ДДГ № 4. С. 18.
- ⁸⁵ Там же. № 10. С. 29.
- ⁸⁶ ДДГ № 10. С. 29; № 12. С. 34—35; № 13. С. 37; № 17. С. 46; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 163, 164; ДДГ № 13. С. 38; № 16. С. 44.
- ⁸⁷ АСВР. Т. III. № 158. С. 174 (в грамоте Калязинскому монастырю упомянут безымянный город, по-видимому, Калязин). В Калязине останавливались речные торговые суда, как о том свидетельствует Афанасий Никитин — «Хождение за три моря Афанасия Никитина». Л., 1986. С. 5, 18, 32.
- ⁸⁸ ПСРЛ. СПб., 1987. Т. II. С. XI. С. 218. Под 6920 годом. Судя по хронологии описываемых здесь и далее событий, основание города должно было иметь место в 1411 г.
- ⁸⁹ АСВР. Т. III. № 133. С. 162; ср.: № 167. С. 179.

⁹⁰ Лихачев Н. П. Инока Фомы Слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче // Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1908. Вып. CL XVIII. С. 26, 27.

⁹¹ ДДГ № 17 С. 46, 47, 49; № 27. С. 70; № 70. С. 252; № 89. С. 354 (завещание Ивана III 1503 г.). Радонеж с 60-х гг. XV в. возглавлялся уже не волостелями, а наместниками. (АСВР. Т. I. № 309. С. 220; ср.: № 52. С. 54; № 260. С. 189.)

⁹² ПСРЛ. М.; Л., 1962. Т. 27 С. 362.

⁹³ Первое упоминание Луха как города — в завещании Ивана III 1503 г.— ДДГ № 89. С. 357

⁹⁴ Там же. С. 356.

⁹⁵ Ср.: Зимин А. А. Состав русских городов XVI в. // Исторические записки. М., 1955. Вып. 52.

⁹⁶ Кучкин В. А. Формирование государственной территории... С. 227—228.

⁹⁷ АСВР. Т. II. № 435. С. 479; Т. I. № 200. С. 143; Т. III. № 114. С. 150.

⁹⁸ АСВР. Т. II. № 482. С. 522.

⁹⁹ ДДГ № 47 С. 143.

© 1990 г.

В. В. КАБАНОВ

ШКОЛА А. В. ЧАЯНОВА, ИЛИ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РУССКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

В последнее время много пишут добрых слов о А. В. Чаянове. Но торжество справедливости вызывает и некоторые грустные мысли. Как-то бегло упоминают его коллег по так называемой школе Чаянова — организационно-производственному направлению аграрной мысли¹. Тем более, что речь идет о явлении незаурядном, малоизвестном и сильно искаженном в литературе. Этим людям родила и общая трагическая судьба: все они были репрессированы.

Мы плохо представляем себе состав направления, характер и масштабы деятельности, причины и стержневые идеи, объединившие их. Объективному анализу мешают и ярлыки, навешенные еще в 20-е гг., и стереотипность суждений, и, наконец, поверхностное знакомство с их литературным наследием.

Организационно-производственное направление зарождалось в начале XX в. и было связано с практической деятельностью агрономов и кооператоров, обслуживающих крестьян. Этим определялся интерес к изучению внутреннего строя и жизни крестьянского хозяйства как целого, соотношения отдельных его элементов и связи между ними. Направление выделялось как часть практической агрономии, как учение о наиболее целесообразной организации производства крестьянского хозяйства.

В конце XIX — начале XX в. в общественно-экономическом строе России переплетались самые различные уклады — натурально-патриархальные формы хозяйства, мелкотоварное производство и капитализм в разных стадиях и формах. Но все уклады оказались включенными в общую систему капитализма, экономика России в целом стала уже капиталистической.

Крестьянские хозяйства, несмотря на экономическую слабость, натуральную замкнутость, ориентацию на внутреннее потребление, а не на рынок, все же неотвратимо втягивались в руло товарно-капиталистического развития. Главным фактором отсталости сельского хозяйства являлось господство в деревне помещиков. Вследствие этого и капиталистическая перестройка аграрных отношений проходила главным образом через помещичье хозяйство.

Сельскохозяйственный кризис 80—90-х гг. повлек значительную убыль помещичьего землевладения. За 1887—1905 гг., т. е. за 18 лет, помещики утратили 11,7 млн. дес. земли. Начавшийся сельскохозяйственный подъем не остановил этого падения. Революция 1905 г. способствовала дальнейшей мобилизации

¹ Кабанов Владимир Васильевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории СССР АН СССР

помещицкой земли другими условиями. За последующие шесть лет помещики потеряли 6,6 млн. дес. земли².

К 1916 г., по подсчетам А. В. Чайнова, было ликвидировано 59% помещицких земель, половину остальной площади арендовали крестьяне³. По подсчетам С. М. Дубровского, у дворян к 1917 г. оставалось 56,5% (т. е. 44 млн. дес.) того количества земли, которое было у них во время реформы 1861 г., причем примерно половину — 20 млн. дес. — они сдавали в аренду⁴. Важно подчеркнуть, что расчеты таких антиподов, как Чайнов и Дубровский (который в 20-е гг. подвергал резкой критике буквально все, что публиковал Чайнов), не очень разнятся.

Дворянские земли скупали купцы, крестьяне, различные предприниматели. Частично новые землевладельцы использовали купленные ими земли для той же полукрепостнической эксплуатации крестьян, которую применяли помещики-дворяне. Значительная часть земель использовалась для ведения хозяйства преимущественно капиталистическими методами.

За счет покупки и аренды крепла деревенская буржуазия при одновременном разорении и раскрестьянивании деревенских низов. И все же на этом фоне в мобилизацию и освоение помещицких земель вовлекались и средние слои, хозяйства которых медленно обретали черты товарности.

Дискуссии 60—70-х гг. об уровне и особенностях развития капитализма в России, сконцентрировав внимание (как и в 20-е гг.) на развитии аграрного капитализма, как бы заслонили и оставили в тени вопрос о характере эволюции средних слоев деревни. Этому способствовали и некоторые весьма заметные события истории, например, столыпинская аграрная реформа.

И хотя помещицки и новые частновладельческие хозяйства оставались ведущими в производстве товарной продукции, выявилась тенденция к перемещению центра тяжести сельскохозяйственного производства на хозяйства крестьянские, среди которых немаловажное значение приобретали мелкотоварные хозяйства, прогресс которых становился заметным.

По подсчетам В. С. Немчинова, накануне первой мировой войны (1909—1913 гг.) крестьянское хозяйство было ведущим в производстве всего хлеба (88%) и товарного хлеба (78,4% против 21,5% у помещиков)⁵. Еще выше была доля крестьянских хозяйств в производстве картофеля, продукции животноводства. Если взять совокупный продукт земледелия и животноводства, то крестьяне произвели 92,6% его (по стоимости), а помещики — только 7,4%⁶.

Разумеется, вклад различных слоев крестьянства был неодинаков. Зажиточные хозяйства давали 50% товарного хлеба. Средняки и бедняки производили несколько больше хлеба, чем кулаки, но он почти весь шел на внутреннее потребление, лишь седьмая часть его шла на продажу, главным образом из середняцких хозяйств.

Повышение валовых сборов, увеличение товарности сельскохозяйственной продукции, рост потребления продуктов питания на душу населения и другие позитивные процессы не снимали остроты аграрного вопроса в России. Вместе с тем нельзя закрывать глаза на очевидный прогресс сельского хозяйства.

В конце первого десятилетия XX в. крестьянское хозяйство, изживавшее старые формы трехпольного земледелия, приступало к созданию новых хозяйственных систем: быстро развивается травосеяние, неуклонно увеличивается площадь под промышленными яровыми, происходит повсеместная смена старого инвентаря на улучшенный, крепнут кооперативные формы маслоделия, сотни других незаметных на первый взгляд процессов создают новое товарное крестьянское земледелие. Оценивая это время, Чайнов писал: «Изменение рыночной мировой конъюнктуры в сторону благоприятную для сельского хозяйства, образование в России, благодаря развитию индустрии, внутреннего рынка для продуктов сельского хозяйства, быстрое развитие рыночных отношений и товарности крестьянского хозяйства, быстрый рост торгового капитализма, неуклонный рост кооперативного движения, неуклонное нарастание всяких организаций, содействующих сельскому хозяйству и в особенности организаций агрономической по-

мощи населению — все это, появляясь вполне незаметно в форме всякого рода „попыток“ и „интересных явлений“, с каждым годом нарастало все более и более количественно, превращалось в массовое явление, и к началу войны наша деревня уже качественно была мало похожа на деревню прошлого столетия»⁷

Многие русские кооператоры и агрономы полагали, что на основе наметившихся культурных начинаний и кооперирования произойдет демократическое преобразование общества, с помощью мирного реформизма будут преодолены пороки капитализма. Эти надежды, конечно же, были явно преувеличенными.

Новое течение, оставаясь на позициях мирного эволюционизма и утопизма, все же было не реакционным, а прогрессивным, ибо в меру своих сил способствовало подъему крестьянского хозяйства.

Перед агрономами и сельскохозяйственными кооператорами России вставало множество технических и экономических проблем, не предусмотренных никакими книгами. Поэтому к разработке подключилась и сельскохозяйственная наука.

Дело в том, что большинство авторов книг по аграрной тематике начала XX в. вопросы крестьянского хозяйства трактовали по преимуществу в общеэкономическом плане, ставили широкие социальные и политические вопросы, анализировали процессы дифференциации хозяйств, формы землевладения и пр. Идейная борьба народников и марксистов по вопросу о крупном и мелком хозяйстве и о развитии капитализма в сельском хозяйстве, имевшая принципиальное значение для определения тенденций общественного развития, преследовала все же, скорее, политическую цель, чем развитие сельскохозяйственной мысли.

В формировании же организационно-производственного направления более важными оказались работы, которые велись в Петровской академии, в Московском обществе сельского хозяйства, где активно обсуждались вопросы организации агрономической помощи населению, сельскохозяйственной кооперации, изучения крестьянских хозяйств, их организационных планов, землеустройства и пр.

Новое сельскохозяйственное мышление было связано с именами А. Ф. Фортунатова, М. В. Неручева, С. К. Алексеенко, К. А. Мацеевича, В. М. Сазонова, Н. А. Каблукова, А. П. Левицкого, А. Г. Дояренко, М. Н. Вонзблейна и др. Организационно-производственное направление подготавливалось также работами А. А. Кауфмана, П. А. Вихляева, А. В. Пешехонова, А. И. Скворцова и др.

В начале XX в. с дальнейшим развитием капитализма в России ведется интенсивный поиск путей совершенствования сельского хозяйства. Широкое использование машин, применение минеральных удобрений, улучшение пород скота, отбор семян, интенсификация производства и т. д. — все это было следствием промышленного переворота, его продолжением и началом, как это ни парадоксально, переворота аграрного.

Признаками аграрного переворота в России было не столько применение машин и новейшей технологии, сколько разработка этой новейшей технологии, организации хозяйства, развитие в целом аграрной мысли.

Организационно-производственное направление решало свои проблемы на основе массового «материала» — многочисленных трудовых крестьянских хозяйств. Оно ставило целью преобразование крестьянского хозяйства на основе рациональной организации производства, его интенсификации за счет передовой технологии. Множество экономических и технических, а также организационных и иных проблем стояло на пути у агрономов, ученых, кооператоров. Актуальными становились задачи учета рентабельности химических удобрений в условиях русской деревни, определения норм выдачи кормов, нормального состава стада, установления выгодности того или иного севооборота, оценки различных систем кормодобывания, организации труда в хозяйстве и пр.

Для решения этих задач появляются новые силы. К 1907 г. возрастает

число учебных заведений сельскохозяйственного профиля, открываются частные курсы (Стебутовские, Голицынские, Петербургские и др.). Если число учащихся здесь в 1897/98 г. составляло 1347 человек, то в 1907/08 г. — 2805, а в 1913/14 г. — 5581⁸ Растет выпуск дипломированных специалистов. Если в 1898 г. их было 316, то в 1907 г. — 608, 1910 г. — 615, 1913 г. — 841.

Многие институты утрачивают черты кастовости и становятся открытыми учебными заведениями. Резко возросла численность студентов за счет выходцев из крестьян. Утратила первостепенное значение при подготовке студентов ориентация на помещичье хозяйство. Расширяются учебные программы за счет естественнонаучных и прикладных сельскохозяйственных дисциплин. Выпускники сельскохозяйственных учебных заведений значительно увеличили контингент агрономов, работавших в земствах и обслуживавших крестьянские хозяйства.

Новые агрономические силы интенсивно растут после 1909 г. «Пятилетие с 1909 по 1914 г., — писал А. В. Чаянов, — было той эпохой, когда более или менее четко оформились эти новые веяния и когда перед агрономической наукой были поставлены во весь рост задачи организации крестьянами хозяйства, его кооперирования и создания форм общественного содействия ему»⁹ «Эти годы, — продолжал он, — создали целое поколение агрономов и экономистов, настолько многочисленное, что в пределах нашего краткого очерка мы лишены возможности их даже перечислить». По мнению Чаянова, молодые специалисты «сочетали в той или иной мере традиции русской науки с большим влиянием Э. Лаура и Ф. Аэрбе»¹⁰ (представители австрийской экономической школы).

Таким образом, общий подъем сельского хозяйства, перенос центра тяжести на крестьянское производство, оживление в связи с этим агрономической службы и кооперации, повышение внимания к крестьянскому хозяйству со стороны земской статистики, переориентация вузов сельскохозяйственного профиля на крестьянское хозяйство, осмысление новых проблем развития крестьянского хозяйства сельскохозяйственной наукой — все это создавало предпосылки возникновения нового течения экономической мысли, которое стало называться организационно-производственным направлением.

Организационные вопросы сельскохозяйственного производства начали решаться в самых различных районах страны. Одной из первых широких встреч энтузиастов нового дела стал Московский областной агрономический съезд 1911 г.

Именно здесь нашли общий язык А. В. Чаянов, А. Н. Челинцев, Б. Д. Бруцкус, А. А. Рыбников, А. Н. Минин, ставшие мозговым центром нового направления. Они, а также И. И. Дамберг, В. И. Владимирский и др. развили и конкретизировали положения выступившего с докладом Чаянова, который, по словам Бруцкуса, «формулировал те мысли, которые бродят среди агрономов».

Правда, название направления возникает позднее: впервые его выделяет в 1916—1918 гг. Н. П. Макаров¹¹ Не всех оно устраивало. Чаянов позднее писал: «То течение экономической русской мысли, которое получило не совсем удачное наименование „организационно-производственного направления“ и к которому вместе с автором принадлежат А. Н. Челинцев, А. Н. Минин, Г. А. Студенский и другие, — оформилось незадолго перед войной и было вызвано к жизни теми глубокими социально-экономическими изменениями, которые после революции 1905 г. наметились в жизни нашей деревни»¹².

Главным пропагандистом направления стал харьковский «Агрономический журнал», редактируемый К. А. Мацевичем (наряду со сторонниками этого направления здесь работали также Н. Н. Суханов, П. П. Маслов, а секретарем был Ю. Ларин). В журнале, а также в другом харьковском издании — «Южно-Русская сельскохозяйственная газета» — сотрудничали Б. Д. Бруцкус, А. Н. Челинцев, К. Маньковский и др. Московское общество сельского хозяйства издавало «Вестник сельского хозяйства», руководимый А. Г. Дояренко. «Вестник» с начала XX в. резко меняет свою направленность, провозгласив себя органом

взаимопомощи русских агрономов. Петербургская «Земледельческая газета», руководимая А. К. Гвоздецким, также активно проводила идеи нового направления.

Для понимания сущности организационно-производственного направления важно установить предмет его исследований. И пока мы этого не сделаем, до тех пор будем повторять азы в духе вульгарного марксизма, согласно которому вся деревня была пронизана отношениями эксплуататоров и эксплуатируемых. В действительности же, во-первых, имелась группа хозяйств, ведущих натуральное, самое настоящее патриархальное хозяйство. Во-вторых, были мелкотоварные хозяйства, не нанимавшие и не сдававшие рабочей силы, инвентаря. И тех, и других было не менее 50%. Наконец, в-третьих, обе эти группы были достаточно стабильны, хотя, естественно, передвижения из одной в другую были, и никто этого не отрицал. Именно к таким хозяйствам были трудноприложимы или даже вовсе не приложимы законы классической политэкономии (рента, прибыль и др.).

Новая постановка вопроса определяла и совершенно новый ракурс исследования — анализ крестьянского хозяйства как бы изнутри, изучение «морфологии отдельной клетки сельского хозяйства», что стало новым явлением в науке.

Новые идеи шли не только от А. В. Чайнова. По утверждению Н. П. Макарова, А. Н. Челинцев «вынашивал, быть может, больше всех русских экономистов мысль об объективной целостности и некоторой организационной автономии хозяйства»¹³

Однако не меньшая работа в разработке направления принадлежит и самому Н. П. Макарову. В 1914 г. он сформулировал свое отношение к крестьянскому хозяйству как к «целесообразной, внутренне закономерной системе действий и отношений». «Хозяйство,— утверждал он,— как целое есть нечто целесообразное, продукт организаторских и комбинаторских способностей хозяйствующего субъекта, отдельные же действия не случайны, а закономерно соподчинены... Эта внутренняя „соподчиненность“ или закономерность отдельных частей системы хозяйства вытекает из того, что крестьянское хозяйство является как бы какой-то замкнутой производственной величиной; основные элементы производства (труд, земля, средства производства) даны в нем в ограниченном количестве; оно как бы „замкнуто“ в количественном кругу их; возможность прибегнуть к расширению и умножению этих элементов для крестьянского хозяйства очень ограничена; наемный труд, аренда и покупка земли, кредит и расширенная покупка средств производства в пределах крестьянского хозяйства являются особенно количественно ограниченными; нарушение этой „замкнутости“ быстро выводит хозяйство из стадии крестьянского хозяйства в стадию капиталистического; производственная „замкнутость“ и „ограниченность“ являются, таким образом, как бы одним из исходных пунктов организации хозяйства»¹⁴

Собственно, в этом и состоит сущность организационно-производственного направления. Однако картина была бы неполной, если не отметить еще одну важнейшую сторону. Дело в том, что механизм, с помощью которого достигается то равновесие, та «замкнутость», о которой говорят и Челинцев, и Макаров, был объяснен А. В. Чайновым с помощью его «семейно-трудовой теории», выдвинутой в 1912 г.¹⁵ (окончательно она складывается к 1925 г.¹⁶). Эта теория стала основой для установления им закономерностей развития мелкого крестьянского хозяйства.

Суть «семейно-трудовой теории» заключается в следующем. Внутренняя структура и развитие крестьянского хозяйства определяются естественнобиологическими и демографическими факторами: половым и возрастным составом семьи, ее приростом. При этом решающим оказывается отношение едоков к работающим, выражающее возможность удовлетворения потребностей семьи, поскольку предполагается, что «размер русского крестьянского бюджета всецело определяется запросами потребления»; что «крестьянский работник всегда

доводит свою продукцию до определенного обычного уровня насыщения потребностей едоков»¹⁷ Продукция крестьянского хозяйства и его размеры должны расти пропорционально увеличению объема потребностей. Динамика отношения едоков к работникам выражает, по Чаянову, сущность бесконечно повторяющихся циклов развития крестьянских хозяйств.

Начало циклу кладет появление молодой семьи, состоящей из двух человек, и создание ею своего отдельного хозяйства. По размерам и объему производства это — хозяйство бедняков. Но вот в семье появляются дети, что понуждает расширять хозяйство, увеличивать продукцию. В результате хозяйство становится средним по своей мощности. Его рост продолжается и тогда, когда в трудовую деятельность семьи включаются дети, и на этой стадии семья начинает прибегать к аренде земли и использовать машины, добиваясь наибольшего расширения хозяйства и становясь зажиточной. Завершающая стадия цикла: подросшие дети организуют новые молодые семьи. Крупное зажиточное хозяйство распадается на ряд мельчайших, бедных. Начинается новый цикл.

В формировании организационно-производственного направления определенная роль принадлежит Б. Д. Бруцкусу, который с энтузиазмом поддержал в 1911 г. на агрономическом съезде идеи А. В. Чаянова по изучению крестьянского хозяйства. Правда, Бруцкус, в отличие от Чаянова, мотивацию хозяйственной деятельности трудового крестьянства объяснил не только стремлением удовлетворить потребности семьи, но и желанием все же извлечь наибольший доход, т. е. отстаивал элемент предпринимательства, но, естественно, в рамках трудового начала. Он писал: «Крестьянское хозяйство есть мелкое сельскохозяйственное производство, имеющее целью удовлетворить потребности хозяйствующей семьи, извлечь наибольший доход из земли на основе наилучшего использования труда хозяина и его семьи. Словами „удовлетворить потребности семьи“ мы, подобно А. В. Чаянову, выявляем потребительский характер крестьянского хозяйства, а словами „извлечь наибольший доход“ мы отмечаем вторгшийся в крестьянское хозяйство под влиянием успехов менового хозяйства потребительский момент, роднящий его с капиталистическим хозяйством»¹⁸

Бруцкус доказывал, что «трудовое хозяйство, а не аграрный капитализм является в настоящую эпоху наиболее приспособленным к условиям хозяйственной организации»¹⁹ Бруцкус внес существенное дополнение в теорию трудового хозяйства. Его поправка значительно оживляла несколько застывшую, нединамичную схему Чаянова, расширяла представления об источниках мотивации хозяйственной деятельности крестьянских хозяйств, а главное — давала ключ к пониманию диалектики перехода трудового хозяйства в предпринимательское.

Чтобы реально помочь крестьянскому хозяйству, предстояло использовать целый комплекс проблем, за разрешение которых взялись «организационники». Один только перечень тем показывает всю грандиозность этого замысла: методы сельскохозяйственного районирования, использование статистики железнодорожных перевозок для товарной характеристики районов, счетоводный анализ крестьянских хозяйств, методика бюджетных и анкетных исследований, изучение специальных культур и кустарных промыслов, анализ работы учреждений мелкого кредита, монографическое описание маслодельной, картофельной, льняной и молочной кооперации, изучение эволюции организационных форм сельского хозяйства, основы водного хозяйства на орошаемых землях, установление оптимальных размеров сельскохозяйственных предприятий, методы технического учета сельскохозяйственного производства, теория сельскохозяйственной кооперации, методика агрономической помощи населению и др.

В числе этих разнообразных задач на первый план все же выдвигался поиск того инструментария, с помощью которого можно было бы изучить крестьянское хозяйство. Таковым была, конечно же, статистика, бюджетная прежде всего.

Повышенный интерес к статистике был неслучаен. Русская статистика, осо-

бенно земская, второй половины XIX в., безусловно, занимала одну из ведущих позиций в мире. Однако постепенно она утрачивала свое преимущество. Она не удовлетворяла уже запросы более углубленного анализа социально-экономического положения деревни, за что была подвергнута критике молодым В. И. Лениным. Не удовлетворяла она и юного А. В. Чаянова, хотя в совершенно ином аспекте: с точки зрения исследования крестьянского хозяйства как морфологической клеточки социального организма. Земская статистика плохо раскрывала вопросы производства и потребления хозяйства, его внутреннюю организацию и функционирование. Не отвечали еще этим задачам и бюджетные исследования.

Оживленно обсуждались вопросы бюджетной статистики на Московском областном съезде деятелей агрономической помощи населению в 1911 г. Выступивший на съезде Чаянов сказал: «Агроном, став участковым и погружившись в действительную хозяйственную жизнь конкретных хозяйств, впервые встал лицом к лицу с отдельным хозяйственным организмом во всей его конкретности; впервые не только мог, но и должен был встать на частнохозяйственную точку зрения; стал оценивать чистую и валовую доходность той или иной культуры, ее значение в общем организационном плане хозяйства, начал задумываться над вопросами экономизации и использования труда, над упорядочением денежного хозяйства — впервые внимательно взгляделся в организационный план и стал размышлять об его организации. Что же может помочь участковому агроному в его ответственной и трудной задаче? Куда же идти за нужными знаниями, где искать материалы для их получения? Приходится признать, что идти за готовыми обобщениями некуда, так как науки об организационном плане трудового хозяйства не существует. Материалы же для построения такой науки имеются, и в наших руках — увеличить их количество. Этими материалами являются наши земские, отчасти оценочные, а главным образом бюджетные исследования»²⁰

После съезда вопросы использования бюджетной статистики в агрономических целях все чаще стали появляться на страницах агрономической печати, и ряд агрономических организаций (черниговская, московская и пр.) включили бюджетные исследования в программу своих работ. В этом же направлении работает и Чаянов. Через год после Московского съезда он обрабатывает бюджетные материалы применительно к запросам агрономической работы²¹

Одновременно совершенствуется метод бюджетных исследований. Все более прочное место занимает так называемое «производственное» направление бюджетной статистики, в котором все более широкое применение находит идея бухгалтерских методов разработки бюджетных данных (впервые были применены А. В. Пешехоновым в калужских бюджетах).

Эта связь бюджетных исследований со счетоводством делается основным лозунгом бюджетной статистики агрономического (или производственного) направления.

На Московском агрономическом съезде 1911 г. С. А. Первушин указал на невозможность собирать бюджетные данные путем устного опроса и опираясь исключительно на одну память опрашиваемого крестьянина (тем более при весьма детализированном бланке). Первушин предлагал статистикам перейти к использованию приходо-расходных записей самих крестьян, организуя сеть бюджетных корреспондентов, ведущих счетоводство своих хозяйств.

В 1912 г. Н. П. Макаров и А. В. Чаянов ставят перед собой задачу выработать нормальный тип крестьянского счетоводства, могущего быть использованным в бюджетных целях, причем ведение этого счетоводства предполагалось при наблюдении статистиков или агрономов. (В январе 1912 г. С. А. Первушин выступил с проектом счетоводных бюджетов на заседании Вольного экономического общества²².)

В 1913 г. А. Н. Челинцев рекомендовал местным агрономам опираться в своей организационной работе на бюджетный учет крестьянского хозяйства,

учитываемый или приходо-расходными записями, или путем устного опроса ²³

Параллельно с теоретической разработкой методов бюджетной статистики ряд агрономических и статистических учреждений Московской, Черниговской, Полтавской и других губерний приступил к организации сети бюджетных корреспондентов.

Авторитет организационно-производственной школы необычайно возрос в 1917 г. в связи с подготовкой земельной реформы. Свидетельством тому является включение представителей направления в ряд общественных организаций и правительственных органов. В состав главного земельного комитета вошли А. Н. Челинцев, Б. Д. Бруцкус, Н. П. Макаров, А. Н. Минин, А. А. Рыбников. В Лиге аграрных реформ работали А. В. Чаянов, Н. П. Макаров, К. А. Мацевич и др. В последнем составе министерства земледелия, которое возглавлял С. Л. Маслов, товарищами министра стали Чаянов и Челинцев. Это весьма знаменательно: на смену чиновникам и государственному управлению привлечались ученые, высококвалифицированные специалисты.

Летом 1917 г. в Министерстве земледелия группа «организационников» под руководством Челинцева, Бруцкуса, Макарова, Рыбникова и Чаянова наметила широкую программу работ по изучению крестьянского хозяйства. Челинцев и С. Б. Кафенгауз начали изучение сельскохозяйственных районов России с точки зрения местного своеобразия в организации крестьянского хозяйства. На основе исследования организационно-производственной характеристики районов строилось изучение отдельных сторон жизни крестьянского хозяйства. Е. П. Лукьянов, Н. А. Цитович, М. А. Радионов, Н. П. Макаров предприняли изучение норм землепользования, а Бруцкус при участии П. Н. Першина исследовал типы землеустройства. Под руководством Макарова исследовалась география распространения сельскохозяйственных машин и орудий, Челинцев и О. М. Держинская изучали состояние тонкорунного овцеводства. Исследованием крестьянских промыслов занимались Н. В. Волленс и М. С. Гаузнер под руководством Рыбникова. Все эти работы были завершены после Октябрьской революции ²⁴

Новая организация крестьянского хозяйства мыслилась организационно-производственным направлением вне ломки существовавшего политического строя. Однако волею судьбы аграрный переворот в России произошел не как технологический, а как социальный.

Большинство специалистов считало ошибочным принятие II съездом Советов декрета «О земле», который, по их мнению, породил аграрный хаос. III съезд Лиги аграрных реформ (декабрь 1917 г.) поставил вопрос, «насколько большевистский переворот и аграрный коммунизм, проповедуемый Лениным, подорвал возможность проведения в жизнь намеченной широкой аграрной реформы, и можно ли еще надеяться на ее спасение» ²⁵

Но в результате Октябрьской революции в России был создан уникальный по своему содержанию аграрный строй — строй мелких товаропроизводителей. И перед сторонниками организационно-производственного направления, которые в большинстве своем остались на родине, открывалось большое поле деятельности. Они продолжали свою научную, педагогическую, кооперативную, агрономическую и пр. деятельность. Кроме того, они работали в советских учреждениях, в том числе в правительственных. Так, А. Г. Дояренко, А. П. Левицкий и др. работали в Наркомземе РСФСР, а Чаянов был даже членом коллегии Наркомата (в 1920—1921 гг.).

Однако по ряду принципиальных вопросов сотрудничество складывалось трудно. Прежде всего по коренному вопросу — о судьбах крестьянского хозяйства и путях его развития.

Многие представители Советской власти были глубоко убеждены, что мелкому индивидуальному крестьянскому хозяйству нет перспектив для развития и что в недалеком будущем (а некоторые и вовсе полагали, что довольно скоро) на смену ему должно прийти обобществленное крупное производство. Поэтому

внимание к крестьянскому хозяйству, к крестьянской кооперации, к сельской агрономии со стороны органов Советской власти не поощрялось.

По словам А. В. Минина, комиссар Московской губ. якобы заявил, что, в сущности, общественная агрономия — учреждение крайне реакционное, так как она способствует сохранению мелкого крестьянского хозяйства, даже его искусственному поддержанию. Главное дело — это «насаждение и инструкторование коммун и управление советскими именьями»²⁶

К концу периода «военного коммунизма» часть партийных и советских работников, Наркомзема прежде всего, переориентировалась на крестьянское хозяйство. Летом 1920 г. Чаянов по специальному заданию Наркомзема разработал программу по изучению доходности крестьянских хозяйств «в переходный период». Программа была принята к исполнению. Она осуществлялась на базе созданного Чаяновым в 1919 г. Высшего семинария сельскохозяйственной экономики и политики при Петровской академии (кстати, в 1919 г. семинарий по заданию Наркомзема разрабатывал ряд проблем, связанных с землеустройством, определением оптимальных размеров сельскохозяйственных предприятий). К работе Чаянов привлек лучшие экономические силы. Помимо последователей организационно-производственного направления — Б. Н. Книповича, Н. П. Никитина, С. А. Клепикова — в состав группы входили Н. Д. Кондратьев, Л. Н. Литошенко, В. Я. Железнов²⁷

И в дальнейшем Чаянов будет неоднократно приглашать для совместной работы специалистов, включая молодых аграрников-марксистов. Тем самым организационно-производственное направление вовсе не являлось какой-то замкнутой, обособленной сектой со строго обозначенным кругом лиц. Напротив, это было прежде всего активно действующее направление, тесно связанное с общегосударственной работой, для выполнения которой привлекались лучшие научные силы страны.

Точно так же, как в бытность свою за границей (1922—1923 гг.), Чаянов пытался представить и на мировом уровне не «свое» направление, а отечественную аграрную науку в целом, в лице ее сильнейших ученых, независимо от принадлежности к тому или иному направлению, так, и для участия в грандиозно задуманной международной серии экономических работ по исследованию положения сельского хозяйства и продовольственного дела в мире с советской стороны Чаяновым были рекомендованы: Н. П. Макаров, Н. П. Огановский, А. Н. Челинцев, Н. Д. Кондратьев, А. И. Хрящева, А. Е. Лосицкий, И. М. Жиркович, П. И. Лященко, Г. А. Студенский, П. А. Месяцев²⁸

С точки зрения перспектив развития организационно-производственного направления его лидеры высказывали мысль о плодотворности синтеза организационно-производственного направления и социально-экономического, главным образом на базе марксизма²⁹

С переходом к нэпу становится очевидным, что крестьянское хозяйство оставалось реальностью, с которой не считаться было нельзя. Но многие большевики, еще недавно предрекавшие его скорую гибель, не были готовы проводить курс на подъем крестьянского хозяйства. «Акции» же «организационников» резко возросли. В. И. Ленин предлагает в феврале 1921 г. включить А. В. Чаянова в состав Госплана³⁰ Тогда же Чаянов входит в состав комиссии по продналогу, а осенью ему поручают составление первого плана восстановления сельского хозяйства. Различные задания получают и его коллеги. В 1923—1924 гг. Чаянов, Челинцев, Макаров и др. привлекаются к работе Земплана — учреждения, которое приступило к разработке перспективного планирования сельского хозяйства.

Возглавил эту работу Н. Д. Кондратьев, творчество которого было тесно связано с деятельностью организационно-производственной школы, хотя и независимо по своим научным взглядам и по проблематике.

Объектом исследования Чаянова было трудовое крестьянское хозяйство, т. е. крестьянская семья, не прибегавшая к найму рабочей силы, располагавшая не-

которой земельной площадью и средствами производства. Это был самый широкий слой хозяйств, в значительной мере натуральных или слабо затронутых рынком.

Такое хозяйство, согласно пониманию Чаянова, сосредоточивает в одном лице и хозяина, и предпринимателя, и работника. Оно не может развиваться по обычным законам капиталистического предприятия, ибо уже невозможно рассчитывать хотя бы зарплату работника. Поэтому оно и трактуется как трудовое, семейное, в котором семья в результате годовичного труда получает единый трудовой доход и соизмеряет свои усилия с получаемым материальным результатом. «Иначе говоря,— писал Чаянов,— мотивацию хозяйственной деятельности крестьянина мы принимаем не как мотивацию предпринимателя, получающего в результате вложения своего капитала разницу между валовым доходом и издержками производства, а, скорее, как мотивацию рабочего, работающего на своеобразной сдельщине, позволяющей ему самому определять время и напряжение своей работы»³¹

В теоретическом плане организационно-производственное направление опиралось на труды Чаянова³², Бруцкуса³³, Макарова³⁴, Челинцева³⁵, Студенского³⁶ и др., написанные главным образом уже в 20-е гг. В это время продолжает развивать свою теорию трудового хозяйства и Чаянов³⁷

Оценивая эту теорию, следует оговориться, что ученый не ставил своей целью решение тех всеобъемлющих задач, каковые приписывали ему критики. «Мы не занимались,— писал он,— ни судьбами крестьянского хозяйства, ни его исторической и народно-хозяйственной концепцией, ни даже историческим развитием систем хозяйства. Наша задача несоизмеримо скромнее. Мы просто стремились понять, что собою представляет крестьянское хозяйство с организационной точки зрения, какова морфология того производственного аппарата, который называется трудовым крестьянским хозяйством»³⁸ На это важно обратить внимание потому, что долгие годы критики Чаянова почему-то требовали от него объяснить именно закономерности социально-экономических процессов, происходивших в деревне.

В конце концов, можно было соглашаться или не соглашаться с «семейно-трудовой теорией», но ведь не только ею была известна школа Чаянова. Важное значение имела отработка методики исследования крестьянских хозяйств, в частности, внедрение организационно-производственным направлением счетоводного метода или, иначе говоря, метода бюджетных исследований.

Большую роль для специалистов сельского хозяйства играли практические исследования «организационников», а именно: методы сельскохозяйственного районирования, счетоводный анализ крестьянских хозяйств, методика бюджетных исследований, изучение отдельных сельскохозяйственных культур и промыслов, анализ работы учреждений мелкого кредита, методика агрономической помощи населению, изучение различных видов сельскохозяйственной кооперации (льняной, молочной, картофельной и пр.), методы технического учета сельскохозяйственных предприятий и др.

Однако это лишь часть большой и разносторонней научной, организационной, педагогической, практической и иной работы. Многообразие этой деятельности не поддается учету, так же, как и выявление научных и практических работников, в той или иной мере тяготевших к этому направлению. Оно было представлено центром и провинцией, учебными заведениями, научными и практическими учреждениями.

В столице — это прежде всего Научно-исследовательский институт сельскохозяйственной экономики, директором которого был А. В. Чаянов, а также Тимирязевская сельскохозяйственная академия. Ключевые посты здесь занимали Чаянов, Макаров, Челинцев, Рыбников. Обращали на себя внимание серьезными работами новые силы — Г. А. Студенский, А. Л. Вайнштейн и др.

Организационно-производственное направление имело своих сторонников и в Воронежском сельскохозяйственном институте, Петроградском сельскохо-

зайтвенном институте, Саратовском университете и в других вузах страны.

Прочные позиции занимали «организационники» в сельскохозяйственной кооперации, где их цементировали старые кадры: М. Н. Вознблейн, С. Л. Тейтль, В. В. Шер и др. Организационно-производственная школа глубоко пустила корни и на местах, в практической агрономии.

С упразднением земств, где раньше была сосредоточена преимущественно агрономическая служба, агрономическую помощь населению возлагает на себя кооперация. За сравнительно короткое время заметно увеличивается число агрономов. В 1922 г. в РСФСР насчитывался 5281 агрономический работник (до первой мировой войны на той же территории их было 3374). Периодическая печать буквально с первых месяцев революции уделяла большое внимание вопросам развития кооперативной агрономии³⁹ и особенно организационно-производственному направлению.

На местах возникла естественная потребность в изучении крестьянского хозяйства. Так, агрономы Бельского уезда Смоленской губ. решили в 1922 г. приступить к счетоводческому изучению мелкого трудового хозяйства, основываясь на трудах Чайнова и Челинцева. Агроном Васильев на страницах смоленского журнала «Экономическая жизнь» (1922. № 9) в обстоятельной статье «Надо изучать мелкое трудовое хозяйство» отмечал, что слабые успехи участковых агрономов объясняются преимущественно тем, что «агрономы не знали и не знают своих участков, не знают основ того хозяйства, на котором работают, и, увлекаясь часто техническими мероприятиями, с некоторым пренебрежением относятся к вопросам экономики». Автор пришел к выводу о необходимости изучения трудоспособности мелкого хозяйства, его трудоспособности. Именно для этих целей, считал он, пригоден метод «сельскохозяйственного счетоводства в форме двойного»⁴⁰ (т. е. бюджетов).

В первой половине 20-х гг. организационно-производственное направление достигает наивысшего расцвета. Заместитель директора Международного аграрного института С. М. Дубровский в обзоре аграрной литературы 20-х гг. констатировал, что представители немарксистских направлений, главным образом последователи семейно-трудовой теории, «наложили отпечаток на всю теорию вопроса, на выбор тем и на подбор материала по конкретной экономике сельского хозяйства». Их произведения «подавляюще преобладали на книжном рынке»⁴¹.

В 1930 г., когда были арестованы Чайнов и Кондратьев, а так называемые «аграрники-марксисты» выступили с «разоблачением» «вредительства в сельском хозяйстве», то они тоже признавали «большое влияние на новую агрономию организационно-производственной школы» (П. Я. Гуров, С. М. Дубровский, И. Куров и др.). И. Куров утверждал: «Можно без преувеличения сказать, что в двадцатых годах учебники Чайнова, Макарова, Кондратьева и др. были самой ходовой литературой, официально принятой в вузах, техникумах, заочных курсах и т. д. Тысячи студентов и аспирантов обучались „самими“ кондратьевцами, десятки тысяч учились по их книжкам, написанным легким и понятным языком»⁴².

Довольно рано экономисты организационно-производственного направления были подвергнуты критике. Их обвиняли в том, что они поддерживают верхушечные слои деревни. «Семейно-трудовая теория, — писал Г. Меерсон, — грешит идеализацией современных пережитков дотоварного феодального хозяйства. Она глубоко реакционна, неисторична и, стало быть, ненаучна»⁴³.

Заместитель наркома земледелия П. А. Месяцев в октябре 1922 г. писал о разном понимании идеала сельского хозяйства, проповедуемого коммунистами и сторонниками «семейно-трудовой теории»: «Для нас... идеалом является крупное сельское хозяйство, но социалистическое; мы также вынуждены сейчас начинать с развития и укрепления трудового крестьянского хозяйства, но мы полагаем, что оно пойдет не по пути кулачества и эксплуатации, а путем его трудового объединения в крепкое хозяйство трудового типа в лице коллек-

тивов и производственной кооперации»⁴⁴ Здесь явное непонимание Чаянова, который также стоял на пути втягивания крестьянских хозяйств в общенациональную экономику, но другими методами. Они были гибче, разнообразнее, более приспособлены к тому состоянию сельского хозяйства, каким оно было в начале 20-х гг. А деревня была страшно бедной. Ее подъем еще только начинался. Но едва пробивавшиеся ростки некоторого благополучия нередко скоропалительно квалифицировались как рост буржуазных элементов.

В деревне чрезвычайно слабо и неумело использовались экономические рычаги регулирования. В 1925 г. Н. И. Бухарин писал: «У нас есть нэп в городе, у нас есть нэп в отношениях между городом и деревней, но у нас нет нэпа в самой деревне и в области кустарной промышленности... Здесь еще в значительной мере процветает политика административного нажима вместо хозяйственной борьбы»⁴⁵

У страха глаза велики. Неизбежное в условиях нэпа некоторое усиление расчленения деревни неоправданно пугало некоторых советских и партийных работников. А так называемые аграрники-марксисты обвиняли Чаянова и его сторонников в том, что те преуменьшают опасность и, более того, поддерживая крестьянское индивидуальное хозяйство, еще больше усугубляют рост кулачества.

Прошедшая в 1927 г. дискуссия о дифференциации деревни обернулась в сущности разгромом организационно-производственного направления. Последовавшее затем резкое изменение курса всей аграрной политики довершило начатое.

Коллективизация лишала индивидуальные хозяйства перспективы. Поле деятельности «организационников», казалось бы, ликвидировалось. Но! Редко обращают внимание на очень важное обстоятельство. Работу организационно-производственного направления всегда связывали исключительно с крестьянским хозяйством. Это не совсем так. Довольно рано представителей данного направления заинтересовала постановка сельскохозяйственного производства в США. Поездки туда Н. П. Макарова, А. В. Чаянова стимулировали пристальное изучение фермерского хозяйства Америки на больших участках. И они находили выгоду в этом, находили аналогии с возможностями организации крупных хозяйств в России. И в этом направлении также начались работы⁴⁶

Именно в работе Чаянова мы находим обоснование организации крупного социалистического производства в сельском хозяйстве, проекты и практическое воплощение в жизнь первых аграрно-индустриальных комбинатов, в частности, Дигорского на Северном Кавказе⁴⁷

Видимо, все было не так просто. Разумеется, здесь была и диалектическая гибкость в понимании возможных путей аграрной эволюции России, когда Октябрьская революция, расчистив почву от средневековья, предоставила возможность для сельскохозяйственного развития гораздо большие, чем изначально мечтали «организационники». Но нельзя сбрасывать со счетов и политическую конъюнктуру, в угоду которой вынуждены были публично каяться Н. Д. Кондратьев, А. В. Чаянов, А. Н. Челинцев и др., что, конечно же, невольно заставляет несколько настороженно относиться к их, особенно Чаянова, энтузиазму в отношении совхозного строительства. Так или иначе, но здравые суждения и деловые предложения Чаянова и его коллег встретили непонимание.

Организационно-производственная школа была окончательно разгромлена в конце 20-х гг. Были репрессированы ее лидеры: А. В. Чаянов, Н. П. Макаров, А. Л. Рыбников, А. Н. Минин, А. Н. Челинцев и др. На местах в начале 30-х гг. было арестовано более тысячи их последователей и приверженцев. Реабилитация этих людей не только юридическая, но и научная, во всем ее объеме — задача, которую предстоит решить нашему обществу. Мы, собственно говоря, не знаем даже, о ком идет речь, когда имеем в виду провинциальных последователей «организационников». Они, конечно же, были во всех концах страны,

и прежде всего в таких традиционных аграрных центрах, как Воронеж, Саратов, Харьков.

Сегодня наследие организационно-производственного направления нас интересует не только в познавательном плане. Многие годы мы были ориентированы исключительно на приоритет крупного общественного производства в сельском хозяйстве. Ныне аграрная политика предполагает использование всех форм хозяйства, включая индивидуальное. Но вот здесь-то не все пока идет гладко. Рвения взять землю в индивидуальное пользование путем подряда, аренды и пр. в широком масштабе не обнаруживается. Почему? Здесь ряд причин. В числе их и загадка механизма строения и функционирования семейно-трудовой кооперации, о которой мы, в сущности, ничего не знаем.

Да, крестьянство 80-х гг. не похоже на крестьянство 20-х гг. Но подход, выработанный организационно-производственным направлением, к изучению структуры семейной трудовой кооперации, механизма взаимодействия ее составных частей, мотивации ее хозяйственной деятельности — все эти элементы вновь встают перед нами. Изучение в целом мотивации хозяйственной деятельности субъекта, начиная с соотношения работников и едоков в семье, — проблема довольно сложная, которой в советской политэкономии не придавалось значения. Производственные отношения начинают изучаться на более высоком уровне. А между тем именно в выяснении этого важного вопроса — ключ к пониманию действия хозяйственного механизма в любой его форме: индивидуальной, кооперативной, государственной. Причем, разумеется, каждый конкретный случай имеет свое обоснование. Без раскрытия этих вопросов на подлинно научной основе наше продвижение вперед с ориентацией на семейное начало не даст должного эффекта. И опыт прошлого поможет нам найти пути заинтересованного и безболезненного включения крестьянства в общенародное хозяйство.

Примечания

В 20-е гг. их называли также «неонародниками», как, впрочем, и всех, кого экономисты, группировавшиеся вокруг Комкадемии и именовавшие себя аграрниками-марксистами, причисляли к «мелкобуржуазным» ученым.

² А н ф и м о в А. М. Российская деревня в годы первой мировой войны. М., 1964. С. 38.

³ Ч а я н о в А. В. Основные линии развития русской сельскохозяйственной мысли за два века. М., 1927. С. 251.

⁴ Д у б р о в с к и й С. М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1975. С. 95.

⁵ Н е м ч и н о в В. С. Сельскохозяйственная статистика с основами теории. М., 1945. С. 34.

⁶ А н ф и м о в А. М. В. И. Ленин о российском крестьянстве // В. И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России. М., 1970. С. 81.

⁷ Ч а я н о в А. В. Бюджетные исследования. М., 1929. С. 49.

⁸ Подсчеты любезно предоставлены А. Е. Ивановым.

⁹ Ч а я н о в А. В. Основные линии развития русской сельскохозяйственной мысли за два века. С. 238—239.

¹⁰ Там же.

¹¹ М а к а р о в Н. П. Крестьянское хозяйство и его эволюция. Т. 1. М., 1920.

¹² Ч а я н о в А. Организация крестьянского хозяйства. М., 1925. С. 5.

¹³ М а к а р о в Н. П. Указ. соч. С. 43.

¹⁴ Там же. С. 43—44.

¹⁵ Ч а я н о в А. В. Очерки по теории трудового хозяйства. Вып. 1—2. М., 1912—1913.

¹⁶ Е г о ж е. Организация крестьянского хозяйства.

¹⁷ Е г о ж е. Очерки по теории трудового хозяйства. С. 32, 117—118.

¹⁸ Б р у ц к у с Б. Д. Экономия сельского хозяйства. Берлин, 1923. С. 262—263.

¹⁹ Е г о ж е. Аграрный вопрос и аграрная политика. Пг., 1922. С. 233.

²⁰ Ч а я н о в А. Участковая агрономия и организационный план крестьянского хозяйства // Труды Московского съезда деятелей агрономической помощи населению 21—28 февраля 1911 г. М., 1911. Т. 1. С. 40.

²¹ Ч а я н о в А. Лен и другие культуры в организационном плане крестьянского хозяйства нечерноземной России. М., 1912.

²² См.: Вопросы организации сельского хозяйства. СПб., 1912; Труды Императорского Вольного экономического общества. 1912. № 1—2. См. также: Ч а я н о в А. В. К вопросу об организации счетоводства в крестьянских хозяйствах // Вестник сельского хозяйства. 1912. № 25, 26.

- ²³ Челинцев А. Н. Участковая агрономия и счетоводный анализ крестьянского сельского хозяйства. Самара, 1914.
- ²⁴ ЦГАНХ СССР. Ф. 478. Оп. 1. Д. 30.
- ²⁵ Чайнов А. III съезд Лиги реформ // Власть народа. 1917. 3 дек.
- ²⁶ Вестник сельского хозяйства. 1918. № 35—38. С. 8.
- ²⁷ ЦГАНХ СССР. Ф. 478. Оп. 11. Д. 164.
- ²⁸ Там же. Оп. 1. Д. 1185. Л. 19.
- ²⁹ Макаров Н. П. Указ. соч. С. 54.
- ³⁰ Ленинский сборник. XX. С. 24.
- ³¹ Чайнов А. В. Организация крестьянского хозяйства. С. 10—11.
- ³² Его же. Очерки по экономике трудового сельского хозяйства. М., 1924; его же. Организация крестьянского хозяйства; его же. Оптимальные размеры сельскохозяйственных предприятий. М., 1928.
- ³³ Бруцкус Б. Д. Экономия сельского хозяйства.
- ³⁴ Макаров Н. П. Указ. соч.
- ³⁵ Челинцев А. Н. Теоретические основания организации крестьянского хозяйства. Харьков, 1919; его же. Опыт изучения организации крестьянского сельского хозяйства в целях обоснования общественной и кооперативно-агрономической помощи на примере Тамбовской губернии. Харьков, 1919.
- ³⁶ Студенский Г. А. Опыт исследования организации крестьянского хозяйства. М., 1926; его же. Проблемы организации крестьянского хозяйства. Самара, 1927 и др.
- ³⁷ Подробнее об этом см.: Кабанов В. В. Александр Васильевич Чайнов // Вопросы истории. 1988. № 6.
- ³⁸ Чайнов А. В. Организация крестьянского хозяйства. С. 12—13.
- ³⁹ Возьмем наугад № 35—38 «Вестника сельского хозяйства» (орган Московского общества сельского хозяйства) за 1918 г. Его страницы буквально пестрят статьями с постановкой задач кооперативной агрономии. Здесь — статья А. А. Новикова «Кооперативная агрономия», А. Н. Минина «Перспективы кооперативной агрономии», Д. М. Шорыгина «В каком направлении должна развиваться кооперативная агрономия», А. П. Герна «Формы развития кооперативной агрономии», Н. Р. Шулепникова «Еще несколько слов по вопросу о возможности осуществления агрономической помощи населению при посредстве кооперации» и др.
- ⁴⁰ Сельскохозяйственная жизнь. 1922. № 4. С. 11.
- ⁴¹ Дубровский С. М. Современная литература по аграрному вопросу (критический очерк) // Вестник Социалистической академии. 1923, № 2. С. 230.
- ⁴² Кондратьевщина, чайновщина и сухановщина: вредительство в сельском хозяйстве. М., 1930. С. 23.
- ⁴³ Меерсон Г. Семейно-трудовая теория и дифференциация крестьянства на заре товарного хозяйства // На аграрном фронте. 1925. № 4. С. 145.
- ⁴⁴ Месяцев П. Направление и характер современной земельной политики // Сельскохозяйственная жизнь. 1922. № 5. С. 2.
- ⁴⁵ Бухарин Н. И. О нэпе и нашей задаче // Большевик. 1925. С. 9—10, 4—5.
- ⁴⁶ Макаров Н. П. Как американские фермеры организовали свое хозяйство. Нью-Йорк, 1921; его же. Условия и пределы применения тракторов в сельском хозяйстве. М., 1922.
- ⁴⁷ Чайнов А. В. Сегодняшний и завтрашний день крупного земледелия // Экономическое обозрение. 1929. № 9; его же. Техническая организация зерновых фабрик // Там же. № 12; его же. К вопросу о проектировании крупных совхозов // Совхоз. 1930. № 11.

© 1990 г.

В. Д. ДЕМЕНТЬЕВ, В. В. САМОШКИН

ВОССТАНИЕ КРЕСТЬЯН НА ТАМБОВЩИНЕ В 1920—1921 ГОДАХ

(Обзор литературы)

«Эсеров-кулацкий мятеж» в Тамбовской губернии 1920—1921 гг., вошедший в отечественную историю под названием «антоновщина», в действительности был самым первым, наиболее мощным крестьянским восстанием в стране периода окончания гражданской войны и перехода к мирному строительству.

Дементьев Василий Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор Московского государственного историко-архивного института.

Самошкин Владимир Васильевич, научный сотрудник Борисоглебского историко-краеведческого музея.

Ликвидация «антоновщины», носившая затяжной и жесточенный характер, потребовала предельного напряжения всех сил в самой Тамбовской губернии и беспрецедентного по своему масштабу вмешательства Советского правительства, которое вынуждено было предпринять для подавления мятежа целый комплекс чрезвычайных политических, экономических и военных мер. Продолжавшаяся более года «антоновщина» нанесла Советской Республике колоссальный экономический ущерб.

Вполне естественно, что тема «антоновщины», запутанная история которой плотно насыщена исключительными по героике и трагичности событиями,— привлекала внимание как писателей¹, так и историков (правда, последних в меньшей степени, чем можно было бы ожидать, исходя из масштабности события, каким являлась «антоновщина»).

Самые первые попытки разобраться в причинах возникновения «антоновщины» и ее «анти-советской», «эсеров-кулацкой сущности» были предприняты еще в 1921 г. В небольших по объему брошюрах², носивших отчетливо выраженный агитационно-пропагандистский характер, разоблачались «контрреволюционные цели организаторов восстания», решивших воспользоваться тяжелым экономическим и политическим положением молодой Советской Республики. Особо подчеркивалась «преступная подстрекательская роль правых эсеров» в провоцировании мятежа, его авантюристичность и полная обреченность.

В брошюре тамбовского журналиста В. М. Докукина «Правда о бандитах»³, с успехом выдержавшей за весну и лето 1921 г. три издания, приводились многочисленные цифры материального ущерба, нанесенного крестьянским и советским хозяйствам на территории мятежных уездов, а также описание отдельных случаев грабежей, насилий и убийств со стороны антоновцев.

Понятно, что такого типа работы служили не столько научным, сколько практическим целям, являясь идеологическим оружием в борьбе за крестьянство. Тем не менее содержащийся в них материал, в основном фактологического характера, имеет определенную ценность и для современного исследователя истории «антоновщины».

В 1921 же году, но уже после разгрома основных военных сил антоновцев, в только что начавшем выходить в Москве военно-научном журнале «Красная Армия» одна за другой появились четыре статьи слушателя Военной академии РККА И. И. Трутко⁴, принимавшего участие в подавлении восстания. В этих небольших статьях на основе тщательного анализа имевшихся в служебном распоряжении И. И. Трутко документов военно-оперативного характера дан детальный разбор четырех боевых операций, проведенных частями Красной Армии против антоновцев в период с апреля по июль 1921 г. Причем необходимо особо отметить, что две из этих операций⁵ сыграли, бесспорно, решающую роль в разгроме регулярных вооруженных формирований тамбовских мятежников.

Однако добротные статьи И. И. Трутко, несмотря на почти регулярное упоминание их в библиографических перечнях, оказались фактически вне поля зрения историков (особенно в 70-х и 80-х гг.)⁶

В 1922—1923 гг. вышло в свет несколько брошюр и журнальных статей, авторы которых, как правило, непосредственные организаторы и участники подавления мятежа, попытались дать ретроспективный анализ и оценку самых различных сторон и аспектов «антоновщины»: ее причин, целей, движущих сил, времени и места возникновения и т. п.

Большой интерес для исследователей представляют статьи Б. Леонидова, Н. Е. Какурина и К. В. Бриммера⁷ Леонидов и Какурин основное внимание сосредоточили на разборе стратегии и тактики вооруженной борьбы, беря для этого примеры из истории ликвидации «антоновщины». Что касается двух статей Бриммера, принимавшего активное участие в подавлении мятежа, то в них сделана попытка проследить ход вооруженной борьбы с «антоновщиной» на ее начальном (август—декабрь 1920 г.) и заключительном (май—август 1921 г.) этапах. Написанные с привлечением большого количества документов, статьи представляют для исследователей данной проблемы значительный интерес, несмотря на то, что в них имеются некоторые фактические ошибки и неточности (очевидно, автор многое воспроизводил по памяти). Кроме того, в этих статьях события излагаются зачастую субъективно и явно недостаточно полно. Следует подчеркнуть, что Бриммер (как, впрочем, и Леонидов) одним из первых близко подошел к пониманию истинных причин, побудивших крестьян Тамбовщины (главным образом трех уездов) в массовом порядке вступать в формирования войск Антонова. Не случайно в статьях звучит мысль, что «антоновщина» «это не бандитизм в полном смысле слова, а настоящее крестьянское движение», что накануне мятежа в Тамбовской губернии «политической работы среди крестьян никакой не велось, и деревня

вместо политработы видела лишь продрабату, на каковой и сыграли так удачно социалисты-революционеры»⁸

Первой и небезуспешной попыткой проанализировать причины и ход восстания в рамках одного Борисоглебского уезда явился исторический очерк секретаря уездного комитета партии В. М. Верховых⁹ В нем рассмотрены экономический и политический аспекты тех событий на территории уезда, приведены интересные статистические сведения. Военной стороны ликвидации «антоновщины» в уезде автор почти не коснулся.

В начале 1923 г. Тамбовским губистпартом был выпущен не утративший своей научной ценности до наших дней сборник под названием «Антоновщина»¹⁰ В статьях и заметках, написанных разными авторами, рассказывается о предшествовавших восстанию в Тамбовской губернии событиях, многие из которых не нашли отражения в исторических исследованиях. К примеру, в статье М. Ф. Белякова и частично в некоторых других освещается начальный, наиболее слабо до сих пор изученный период восстания, говорится о первых шагах по его подавлению. В целом сведения этого издания ценны для рассмотрения «антоновщины», хотя и не лишены некоторых противоречий.

Роли партии правых эсеров и ее тамбовской организации в подготовке и начале восстания была посвящена брошюра бывшего начальника военно-исторического отделения штаба войск Тамбовской губернии А. С. Казакова^{11–12} В ней приведен ряд документов, в том числе два из штаба антоновских войск¹³ В другой своей работе А. С. Казаков анализирует причины антисоветских выступлений в период перехода от гражданской войны к мирному строительству¹⁴ Правда, его объяснения причин этих выступлений страдают ограниченностью, на что обращали внимание некоторые советские историки¹⁵

Сведения о роли эсеров (как правых, так и левых) в антоновском мятеже имеются также в появившихся в 1922—1923 гг. работах М. Покровского, И. Вардина, А. Платонова, Н. Попова¹⁶ и др.

После 1923 г. интерес к теме «антоновщины» начинает резко падать. До 1935 г. включительно из печати вышли лишь три работы, полностью или в значительной степени посвященные истории восстания. На первый план может быть поставлена статья М. Н. Тухачевского, который руководил в мае—августе 1921 г. вооруженной борьбой с «антоновщиной»¹⁷ В ней дан детальный анализ стратегии и тактики военных действий как антоновских вооруженных формирований, так и участвовавших в их разгроме частей регулярной Красной Армии. Несмотря на то, что процесс ликвидации мятежа в Тамбовской губернии рассматривался Тухачевским прежде всего с военно-технической точки зрения, большое внимание в статье уделено и освещению методов комплексного проведения в жизнь политических и экономических мероприятий Советской власти, направленных на скорейшее прекращение мятежа и возвращение крестьян-повстанцев к мирному труду.

Участью 7 тыс. курсантов примерно двадцати военно-учебных заведений РККА (в основном из Московского и Орловского военных округов) в разгроме «антоновщины» и их помощи в восстановлении местных органов Советской власти в ряде волостей южной части Кирсановского уезда Тамбовской губернии посвящена интересная статья В. Мокерова¹⁸ Ее автор летом 1921 г. был командиром одного из трех сводных курсантских отрядов (бригад), прибывших на Тамбовщину. Он подробно и довольно критически оценивает действия и тактику курсантских частей, проводит детальный разбор ошибок и просчетов курсантского командования, вызванных сначала переоценкой сил и возможностей антоновцев, а затем, наоборот, явной недооценкой противника. По существу, до 1987 г. статья Мокерова была единственной в нашей исторической литературе, освещавшей боевую деятельность красных курсантов в Тамбовской губернии. К сожалению, статья практически неизвестна специалистам.

О событиях в Тамбовской губернии рассказывает в главе «Ликвидация банды Антонова» Е. С. Шейдеман¹⁹ Основываясь на многочисленных документальных источниках и воспоминаниях непосредственных участников описываемых событий, он прослеживает весь боевой путь кавалерийской бригады Котовского со дня ее прибытия на Тамбовщину в конце апреля 1921 г. и до возвращения обратно на Украину во второй половине августа того же года.

Из других работ, имеющих отношение к нашей теме, отметим главу «Антоновщина» в брошюре Тамбовского губистпарта «Октябрьская революция и гражданская война в Тамбовской губернии»²⁰ и статью об «антоновщине» в Малой Советской Энциклопедии²¹ Обе эти работы носят обобщенный характер, новой фактической информации не содержат и поэтому их научно-познавательная ценность невелика.

Таким образом, в изучении «антоновщины» для ее первых историков был важен военный аспект темы. Значительно слабее оказались разработаны такие вопросы, как: причины мятежа, его предыстория и время возникновения; роль РКП(б) в организации подавления «антоновщины», силы, средства, тактика и стратегия Советской власти (как местной, так и центральной) в борьбе с мятежом и др. В литературе тех лет отсутствуют попытки осветить деятельность В. И. Ленина в связи с событиями на Тамбовщине в 1920—1921 гг. и ряд других вопросов.

В 40-е гг. появляются две научные работы Г. М. Михалева²². В них автор дает довольно подробный анализ социально-экономического положения Советской России в целом и Тамбовской губернии в частности к моменту начала «антоновщины». Что же касается собственно крестьянского восстания и его ликвидации, то Михалев ограничивается общими словами, приводит лишь единичные сведения, как правило, уже публиковавшиеся ранее. И это вполне объяснимо, если вспомнить, что в этот период дать полную картину подавления мятежа, было невозможно, нельзя было даже упоминать фамилии людей, возглавлявших на разных этапах ликвидацию «антоновщины» (В. А. Антонов-Овсеенко, Б. А. Васильев, А. В. Павлов, М. Н. Тухачевский, И. П. Уборевич, И. Ф. Федько, А. Г. Шлихтер и др.). Вероятно, именно поэтому почти всю тяжесть разгрома армий тамбовских мятежников Г. М. Михалеву пришлось «взвалить» на Г. И. Котовского и возглавляемую им кавалерийскую бригаду, тем самым положив начало излишнему преувеличению в нашей исторической литературе роли этой бригады в подавлении «эсеров-кулацкого мятежа» в Тамбовской губернии в 1921 г.

Таким образом, за весь обозреваемый нами период в историографии «антоновщины» не были вскрыты истинные ее причины, фактически не был поставлен и главный вопрос, почему тамбовским эсерам удалось сравнительно легко поднять крестьян ряда районов губернии на борьбу против «власти коммунистов», «большевистских Советов»? Основной же причиной массового вступления крестьян в вооруженные формирования А. С. Антонова, как известно, стала политика, проводимая партией по отношению к крестьянству, затянувшаяся продразверстка, грубый произвол на местах в ходе ее осуществления. Это подтверждают факты.

Летом 1920 г. юго-восточная половина Тамбовской губернии была поражена сильнейшей засухой. Уже поэтому объем наложенной продразверстки в этом году — 11 млн пуд. хлеба — для губернии был непомерно завышенным. Роковую роль сыграла грубейшая ошибка Тамбовского губпродкома в оценке предполагаемого сбора зерна — 62 млн пуд. (реально собрано лишь 32 млн пуд.²³). Не менее роковым было и решение тамбовских властей, невзирая ни на что (в том числе и на предложение В. И. Ленина «скостить» объем разверстки)²⁴ потуже затянуть пояс на крестьянстве губернии, но всю госразверстку выполнить. Кроме того, Тамбовский губпродком так распределил по 12 уездам губернии эти 11,5 млн пуд., что на три наиболее пораженных засухой уезда — Борисоглебский, Тамбовский и Кирсановский (т. е. те самые уезды, которые вскоре и были охвачены восстанием) — пришлось 46% всей губернской разверстки²⁵. Это означало, что если бы, например, крестьянство Борисоглебского уезда в целом выполнило бы всю предписанную ему разверстку, то оставшегося зерна хватило бы только на семена для будущего года, а вот на прокорм крестьянина и его семьи не осталось бы ни грамма²⁶.

В 1920—1921 гг. в губпродком поступали тысячи жалоб о незаконных действиях продотрядов и агентов на местах, о чем говорилось в июле 1921 г. на Первой армейской партконференции в Тамбове²⁷. В 1920 г. жалобы на работу продотрядов и продорганов Тамбовской губернии (особенно когда во главе губпродкома стоял Я. Г. Гольдин) шли и в ЦК РКП(б)²⁸. В них приводились факты о перегибах и преступлениях по отношению к трудящемуся крестьянству Тамбовской губернии. Некоторые из этих жалоб доходили и до В. И. Ленина²⁹. И не случайно основными требованиями крестьян Кирсановского уезда летом 1920 г. были: «Продразверстку надо проводить честно. Оставлять зерно и на прокорм семьи, и для посева!» «Наказать продотрядовцев за творимые беззакония и грабеж!» Позднее, когда спонтанное восстание крестьян повсеместно возглавили эсеры, появились и иные лозунги, а именно: «Долой продразверстку!» «За Советы без коммунистов!» и т. п. Мы считаем, что не без оснований А. В. Павлов (командовавший войсками Тамбовской губернии с начала января по начало мая 1921 г.) в своем докладе Главкому С. С. Каменеву 11 февраля 1921 г. отмечал, что, по его мнению, «в Тамбовской губернии не бандитизм, а крестьянское восстание, захватившее широкие слои крестьянства»³⁰, и что это является главной причиной того, что «антоновщина» до сих пор не поддается ликвидации. Так же оценивал мятеж и М. Н. Тухачевский, который командовал всеми войсками по разгрому «антоновщины» с начала мая по начало августа 1921 г. «Тамбовский бандитизм», писал он, «по существу

крестьянское восстание, охватившее большую часть Тамбовской губернии и принявшее довольно стойкие и прочные формы»³¹

В 1958 г. тамбовские историки В. В. Шпаковский и Н. А. Окатова попытались рассмотреть очень важный для понимания событий на Тамбовщине в 1920—1921 гг. вопрос о политике РКП(б) и ее тамбовской губернской организации по отношению к трудящемуся крестьянству³². Отдельные моменты политической и военной деятельности коммунистов Тамбовщины во время антоновского мятежа получили фрагментарное освещение в появившихся в 1961 г. брошюрах Н. П. Зыбко и Н. А. Окатова³³

Авторы этих исследований в целом не преодолели стереотипов в подходах к теме. Так, Н. П. Зыбко пишет, что в конце 1920 г. «Тамбовская губерния вышла на одно из первых мест в стране по выполнению продразверстки»³⁴. Подобному утверждению, которых в этих работах немало, трудно найти объяснение, ибо нельзя же сколько-нибудь серьезно предположить, что та же Н. П. Зыбко (а это известный историограф губернской парторганизации периода гражданской войны) не знала о том, что к концу неурожайного для Тамбовщины 1920 г. почти вся черноземная и хлебородная половина губернии была фактически в руках мятежников, и хлеб по продразверстке оттуда почти не поступал.

Интересными, на наш взгляд, для современного исследования являются подходы к этой теме в работах Э. Б. Генкиной, Ю. А. Полякова и ряда других историков, обратившихся к изучению деятельности В. И. Ленина, РКП(б), Советского государства³⁵

Заметной вехой в историографии борьбы с «антоновщиной» явилась работа И. Я. Трифонова³⁶, который проанализировал историю подавления антисоветских восстаний в масштабе всей страны (за исключением кронштадтского мятежа 1921 г.) во время перехода к нэпу и на начальном его этапе. Им было введено в научный оборот большое количество нового, преимущественно архивного, материала.

Однако и это исследование содержит ряд серьезных недостатков. Главным из них, на наш взгляд, является весьма некритический подход И. Я. Трифонова к отбору фактов, как из опубликованных источников и литературы, так и из архивных документов. Именно это привело к появлению в его монографии многих фактических ошибок и неточностей, нередко весьма серьезных (где, когда и как возник мятеж, причины его возникновения; структура и численность антоновских армий; границы распространения мятежа; место и время, результаты важнейших боев и т. п.). Во многом это можно объяснить тем, что из источников архивного происхождения И. Я. Трифонов использовал главным образом документы фондов высших партийных, советских и военных органов, куда (как показывает практика работы с архивами) информация с мест поступала часто в искаженном виде и, понятно, не отличалась особой подробностью.

Борьбе Коммунистической партии и ее местных организаций в Центральном Черноземье за крестьянские массы против мелкобуржуазной контрреволюции в 1920—1921 гг. посвящены две работы В. К. Катина, вышедшие одна за другой, причем первая³⁷ является составной частью второй — кандидатской диссертации³⁸

Вызывают неприятие многие выводы автора. Так, например, оценивая работу известного советского историка А. В. Шестакова «Классовая борьба в деревне ЦЧО в эпоху военного коммунизма»³⁹ В. К. Катин заключает: «Описание (выступление эсеро-кулацкой контрреволюции в ЦЧО в 1920—1921 гг. — *Авт.*) дано недостаточно полно, работа местных партийных организаций не показана»⁴⁰ Такой вывод не может не удивить, если учесть, что из задуманных А. В. Шестаковым трех частей вышеназванной работы вышла в свет лишь первая часть, повествующая о классовой борьбе в черноземной деревне в 1918 г., а две другие части так и не были написаны им.

Значительным вкладом в изучение истории «антоновщины» являются статья, кандидатская диссертация и книга И. П. Донкова⁴¹ Освещению собственно крестьянского восстания на Тамбовщине в работах И. П. Донкова уделено сравнительно мало места, но зато показана роль В. И. Ленина, РКП(б), ее центральных и местных органов в подавлении «антоновщины». Впервые автором использованы новые архивные (партийные и государственные) документы по этой теме.

К сожалению, при освещении других аспектов истории «антоновщины» (начала восстания, состава и численности антоновских армий, важнейших боев и т. д.)⁴² И. П. Донков не избежал стереотипов. Так, например, начало выступления крестьян он описывает следующим образом: «19 августа 1920 г. местный Совет в Каменке был разогнан, почти все его члены убиты. На „созванном“ в принудительном порядке собрании жителей близлежащих сел (Каменка, Кашинка, Афанасьево и др.) эсер Г. Н. Плужников обратился к толпе испуганных крестьян с речью. Суть

его выступления была недвусмысленна: „Началось крестьянское восстание против Советской власти!“»⁴³ Но из сохранившихся архивных документов однозначно следует, что таких событий 19 августа 1920 г. в Каменке не происходило, а находившиеся в ней два отряда (продовольственный и по борьбе с дезертирством) занимались своей обычной работой. Да и «убитые» И. П. Донковым каменские сельсоветчики пребывали в полном здравии, по крайней мере, до начала сентября⁴⁴ Кстати, неверно описывает И. П. Донков и гибель виднейшего идеолога и руководителя «антоновщины», председателя Тамбовского губкома партии правых эсеров Г. Н. Плужникова. И. П. Донков считает, что Плужников был пойман крестьянами села Каменка весной 1921 г. и затем передан органам Советской власти⁴⁵ На самом же деле Плужников был убит в рукопашной схватке с красноармейцем В. И. Дикаревым 11 июля 1921 г. За обнаружение и ликвидацию Плужникова рядовой 1-го кавполка 14-й отдельной кавбригады Дикарев был награжден орденом Красного Знамени⁴⁶

Из появившихся в течение 70—80-х гг. работ, посвященных «антоновщине», в первую очередь следует назвать исследования Д. Л. Голикова, Ю. А. Шетинова и А. Я. Переверзева.

Монография Ю. А. Шетинова «Крушение мелкобуржуазной контрреволюции в Советской России (конец 1920—1921 г.)»⁴⁷ написана с привлечением новых фактов, извлеченных автором главным образом из фондов ЦГАОР СССР (документы российских буржуазных и мелкобуржуазных партий) и частично из фондов ЦГАСА. Представляет интерес попытка автора показать роль партий правых и левых эсеров в подготовке событий в Тамбовской губернии.

К сожалению, отвечая на вопрос, поставленный им самим: какова численность повстанцев,— Ю. А. Шетинов допустил серьезную ошибку в математических расчетах по определению процента мужского населения губернии, участвовавшего в борьбе против Советской власти. Доля восставших крестьян среди мужского населения Тамбовщины, по его подсчетам, равнялась всего всего 2%⁴⁸ Но, во-первых, в состав мужского населения он включает и детей, и стариков. Во-вторых, для подсчета мужского населения он берет всю Тамбовскую губернию, тогда как восстание охватило всего лишь 3 из 12 уездов Тамбовщины.

К числу серьезных недостатков монографии Ю. А. Шетинова, а также работы Д. Л. Голикова⁴⁹ следует отнести изрядную и трудно объяснимую путаницу в освещении этими авторами некоторых важных аспектов разгрома основных военных сил Антонова летом 1921 г. Так, Д. Л. Голиков пишет: «Затем начались операции против „первой армии“ антоновцев под командованием бывшего полковника Богуславского. Она была окружена в Тамбовском уезде, но 14 июня ушла за Дон, а затем, преследуемая частями Красной Армии, оказалась в Воронежской губернии. 20 июня около г. Урюпинска (Борисоглебского уезда) советские войска настигли антоновцев и „первая армия“ была полностью уничтожена»⁵⁰ (этот абзац слово в слово повторяется в монографии Ю. А. Шетинова на с. 136—137).

Но, во-первых, указанным повстанческим соединением не «первой армией», а так называемой «группой» из четырех полков 1-й антоновской армии — командовал К. В. Машков⁵¹, а не А. В. Богуславский (который, кстати сказать, в старой русской армии был подполковником, а не полковником⁵²). Во-вторых, 14 июня группа Машкова находилась еще в пределах Тамбовской губернии⁵³, а не ушла за Дон, до которого только по прямой было не менее 200 км. В-третьих, советские войска настигли антоновцев не 20 июня и не у г. Урюпинска, а 16 июня у д. Поспеловка Новохоперского уезда Воронежской губернии⁵⁴ И, наконец, станица Урюпинская бывшей Донской области стала городом только в 1929 г.⁵⁵ и никогда не входила в состав Борисоглебского уезда Тамбовской губернии.

Приходится констатировать, что нарисованная Д. Л. Голиковым и скопированная без проверки Ю. А. Шетиновым картина разгрома 1-й антоновской армии мало похожа на действительные события, происходившие летом 1921 г. Основной разгром группы Машкова, являвшейся ядром 1-й антоновской армии, произошел 17 и 18 июня в районе станицы Урюпинской, где почти полностью были истреблены три антоновских полка, а остатки четвертого полка, рассеявшись, стали пробираться на Тамбовщину⁵⁶ Остальные же повстанческие полки, входившие в состав 1-й армии и действовавшие разрозненно, были окончательно разгромлены частями Красной Армии в первой половине июля 1921 г.⁵⁷ К сожалению, здесь следует сказать и о том, что явно неверная трактовка Д. Л. Голиковым гибели «Первой партизанской армии Тамбовского края», как именовали ее антоновцы, до настоящего времени никем из историков не подвергнута критике и продолжает «перекочевывать» из одного научного издания в другое⁵⁸

В 1987 г. в Издательстве Воронежского университета вышла монография А. Я. Переверзева⁵⁹,

повествующая о многоплановой деятельности Коммунистической партии и ее местных организаций в черноземной деревне в 1917—1921 гг. Наибольший интерес для нас представляет ее последняя, 5-я глава — «РКП(б) — организатор разгрома эсеров-кулацкой контрреволюции на юге Черноземного Центра», посвященная подавлению «антоновщины» в Тамбовской губернии и антисоветского выступления Колесникова в Воронежской губернии.

В монографии, на наш взгляд, отсутствует новизна как в фактическом материале (взятом в основном из периодической печати начала 20-х гг.), так и в его осмыслении (напомним, что монография А. Я. Переверзева вышла в свет в самом конце 1987 г.). Немалое удивление вызывает и такое обстоятельство: при написании главы о роли РКП(б) в подавлении восстания крестьян в Центральном Черноземье, А. Я. Переверзев совершенно не использовал документальные материалы ни центральных, ни местных партийных органов.

Не свободна работа и от ряда фактических ошибок. Так, например, А. Я. Переверзев пишет, что «в середине сентября 1920 года в Тамбов прибыл и возглавил руководство операциями против банд командующий частями (?) войск внутренней службы (ВНУС) республики В. С. Корнев»⁶⁰ На самом же деле, как однозначно свидетельствуют архивные документы, командование войсками, действовавшими против антоновцев в Тамбовской губернии, с 10 сентября 1920 г. находилось в руках Ю. Ю. Аглока, которого 6 октября того же года сменил В. И. Благонадеждин⁶¹

Кроме рассмотренных выше трудов И. Я. Трифонова, В. К. Катина, И. П. Донкова, Д. Л. Голинкова, Ю. А. Щетинова и А. Я. Переверзева, специально посвященных или же в значительной степени касающихся истории событий в Тамбовской губернии, в 1964—1987 гг. из печати вышло значительное число работ, освещающих самые различные аспекты истории выступлений крестьян 1920—1921 гг. Роль В. И. Ленина, ЦК РКП(б), местных партийных организаций, а также центральных и местных органов Советской власти в борьбе за крестьянские массы Тамбовской губернии и в организации разгрома «антоновщины» частично освещена во многих коллективных трудах советских историков⁶², а также в работах Ю. А. Полякова, Ю. П. Титова, Ю. С. Кукушкина, Л. Г. Обичкиной, В. И. Логунова, И. Т. Филиппова, Г. А. Орловского, Е. А. Накрохина, Е. Г. Шуляковского, Ю. М. Поникидина и др.⁶³

К сожалению, большинство из вышеназванных авторов не сумели в своих работах избежать серьезных ошибок в изображении событий «антоновщины». Так, например, известный исследователь связей В. И. Ленина с Центральным Черноземьем Е. Г. Шуляковский пишет в своей монографии: «Владимир Ильич Ленин внимательно следил за положением в Тамбовской губернии. Получив сведения о трудностях с выполнением хлебной разверстки в Тамбовской губернии, он в письме наркомпроду Н. П. Брюханову от 27 сентября 1920 года спрашивает: „Верна ли разверстка 11 млн. пудов? Не скостить ли?“ Разверстка была уменьшена»⁶⁴ Здесь историк допускает сразу две ошибки. Во-первых, Н. П. Брюханов в указанное время был не наркомом, а заместителем наркома⁶⁵, а во-вторых (и это чрезвычайно важный в истории «антоновщины» момент!), после запроса Ленина объем продрозверстки для Тамбовской губернии уменьшен не был⁶⁶ Вот так ошибочно, без ссылок на какие-либо источники, утверждая, что продрозверстка была уменьшена, Е. Г. Шуляковский вводит в серьезное заблуждение читателя, демонстрирует незнание конкретных событий, пронсходивших в то время на Тамбовщине, и вдобавок ко всему, непонимание того, что даже небольшое уменьшение продрозверстки в те сентябрьские дни 1920 г. явилось бы началом конца «антоновщины».

Немало подсобного рода ошибок имеется и в работах других авторов, однако здесь всех «опередил» Е. А. Накрохин, в книге которого на 11 страницах, рассказывающих о борьбе с «антоновщиной» на территории одного Борисоглебского уезда⁶⁷, насчитывается свыше 30 различных ошибок и неточностей.

Начиная с 60-х гг. вышло несколько интересных работ о подрывной деятельности мелкобуржуазных и других антисоветских партий во время перехода нашей страны от гражданской войны к мирному строительству⁶⁸ В ряде работ сделаны попытки осветить некоторые стороны истории «антоновщины», связанные с участием в ее ликвидации конкретных частей и соединений Красной Армии, добровольческих коммунистических отрядов, местных органов ВЧК, а также отдельных лиц⁶⁹

Подводя итоги почти 70-летнему изучению истории «антоновщины» в Тамбовской губернии в 1920—1921 гг., следует отметить, что в историографии проблемы наиболее серьезную научную разработку нашли вопросы о социально-экономическом положении Тамбовской губернии накануне восстания крестьян, деятельности партийных и советских учреждений.

Вместе с тем отметим, что многие факты подлежат изучению и переосмыслению (так, нуждаются в уточнении даты написания нескольких важных записок В. И. Ленина, например, Ф. Э. Дзержинскому⁷⁰, две записки заместителю Председателя Реввоенсовета Республики Э. М. Склянскому⁷¹ и др.), есть еще немало «белых пятен» в освещении борьбы с «антоновщиной», в ряде изданий допущены неточности и искажения отдельных событий, что, естественно, требует от историков тщательного анализа всех имеющихся фактов, выявления и систематизации архивных материалов и создания целостной концепции и подробной картины драматических событий нашей истории. Отсутствие ответов на такие вопросы, как время, место и обстоятельства начала мятежа под руководством А. С. Антонова, социальный состав, объективные и субъективные причины его, территории охвата и т. д., привело к тому, что в подавляющем большинстве авторы пишут об эсеров-кулацком мятеже на Тамбовщине, тогда как даже беглое изучение нескольких военных формирований А. С. Антонова говорит о том, что на 90% они состояли из крестьян середняков и бедняков. Это дает право утверждать, что А. В. Павлов и М. Н. Тухачевский (командовавшие в разное время войсками по разгрому «антоновщины») были правы, говоря о том, что это был не мятеж, не бандитизм, а крестьянское восстание, захватившее широкие слои крестьянства.

В связи с этим особый интерес представляют статьи С. Павлюченкова и Д. Фельдмана, появившиеся в публицистике в последнее время⁷².

В первой из них, написанной на основе документов, хранящихся в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, убедительно показаны причины «голодного бунта» крестьян Тамбовщины. Первопричина крестьянского восстания, пишет автор, не деятельность эсеров, а политика «военного коммунизма», продовольственная диктатура, изуверские действия, а иногда и вандализм отдельных продовольственных отрядов. Правда, во главе восстания, как говорится в статье, встали бывший начальник Кирсановской уездной милиции Антонов, бывший помощник коменданта Тамбова Богуславский, учителя Немтинов и Плужников, другие лица, преимущественно члены партии эсеров, но восстание вспыхнуло спонтанно. «В своих заграничных изданиях эсеры признали, что восстание вспыхнуло раньше, чем было в достаточной мере ими подготовлено»⁷³.

В статье Д. Фельдмана (который ссылается на работу Б. Леонидова) речь идет о причинах восстания на Тамбовщине. «Тамбовская губерния, — писал Б. Леонидов, — близко расположена к центру и она, естественно, стала местом усиленной выкачки продовольствия, причем эта выкачка производилась далеко не так, как этого требовали декреты по сему поводу: часто продотрядчиками совершались действия, дискредитирующие Советскую власть»⁷⁴. После этой цитаты Д. Фельдман пишет о том, что «Б. Леонидов не указывает, что это были за действия и как это следовало сделать?» В последующих своих рассуждениях автор проводит мысль, что беззаконие некоторых продотрядов было якобы заложено в Декрете ВЦИК от 9 мая 1918 г., в указаниях В. И. Ленина и приказе А. Д. Цюрупы по сбору продразверстки⁷⁵. С такой трактовкой вопроса мы согласиться не можем, ибо наши исследования не подтверждают столь негативную оценку руководства Совнаркома, сделанную Д. Фельдманом. Здесь мы исходим из документов ряда архивов (ЦГАСА, Тамбовского облгосархива, его Борисоглебского филиала и др.)⁷⁶, по которым, в частности, убедительно рисуется обстановка в Тамбовской губернии накануне крестьянского восстания. Она характеризовалась слабостью губернской партийной организации, ее засоренностью враждебными Советской власти элементами, активностью эсеров в пропаганде антикоммунистических настроений среди крестьян. При этом добиваться успехов эсерам помогали вандализм и беззаконие многих разложившихся руководителей продотрядов, организаторов продразверстки губернии и уездов, издевательства продармейцев над крестьянами (в том числе и публичные порки), отказ руководства губернии учесть в планах продразверстки неурожай 1920 г., когда сильнейшая засуха поразила всю юго-восточную половину Тамбовщины. Как справедливо пишет автор, хорошей базой для военных формирований Антонова было наличие в губернии большого количества дезертиров, уклонившихся от службы в Красной Армии. (По данным В. Самошкина, на 1 января 1920 г. их насчитывалось до 250 тыс. человек⁷⁷.)

Сегодня, на наш взгляд, начинается новый период изучения антоновского мятежа. В этой связи хотелось бы перечислить ряд важных проблем, которые требуют осмысления: каковы территориальные рамки распространения мятежа в различные периоды борьбы с ним и где находились основные его эпицентры? какова роль конкретных лиц из числа руководящих работников партийных, советских, военных и чекистских органов Тамбовской губернии в этом событии? конкретно кто и когда возглавлял вооруженную борьбу с мятежом и чем вызвано смещение (замена) этих лиц?

кто стоял во главе наиболее крупных военных формирований антоновцев? какими были методы и результаты карательной политики советских органов Тамбовской губернии на различных стадиях борьбы с мятежом? когда, где и как оказались разгромленными или по каким причинам прекратили свое существование конкретные полки антоновских армий? какой момент времени можно считать датой окончания мятежа? какова судьба виднейших главарей «антоновщины»? каковы итоги (хотя бы приблизительные) людских потерь, понесенных обеими противоборствующими сторонами?

Как видно, вопросы эти давно назрели. Так что же помешало в таком случае советским исследователям дать правдивые и конкретные ответы? — Общая ситуация в стране, в обществе, связанная со сталинщиной и ее последствиями. Зависимость науки от идеологии, «руководство» ею такими деятелями, как М. А. Суслов, С. П. Трапезников. Результат налицо — умалчивание имен тех, кто подавлял мятеж (А. В. Павлов, М. Н. Тухачевский, В. А. Антонов-Овсеенко, ибо они «враги народа»), «секреты» от собственных граждан и как следствие — недоступность архивных документов и т. д. К сожалению, ненамного лучше обстоят дела в этом отношении и сегодня. До сих пор нет ни одного специального сборника документов по истории возникновения и разгрома «антоновщины». Правда, в некоторых документальных публикациях⁷⁸ содержатся отдельные материалы, но они весьма малочисленны и явно недостаточны для того, чтобы поставить изучение темы на научную основу. Заслуживают серьезного упрека и книги, статьи, диссертации по данной проблеме. Их авторы не проявили, на наш взгляд, настойчивости в деле поиска документов. А ведь их много и в центральных, и в местных архивах. Укажем, например, фонд 235 — документы штаба командующего армией по подавлению восстания в Тамбовской губернии (которые для исследователей были доступны и в годы застоя) или богатые информацией материалы того же архива в фондах войсковых соединений, принимавших участие в ликвидации «антоновщины». Совершенно недостаточно оказались задействованными документы и материалы Государственного и Партийного архивов Тамбовской области.

* * *

За две трети века, прошедшие со времени драматических событий на Тамбовщине в 1920—1921 гг., наша историческая наука, не достигла сколько-нибудь серьезных успехов. Освещение их велось в рамках общей концепции «антисоветского мятежа». Сегодня мы видим, что проблемы выступления крестьянства против Советской власти в условиях конца гражданской войны, перехода от «военного коммунизма» к мирному строительству значительно сложнее, чем они были поставлены в историографии. Тем не менее нельзя, видимо, полностью отрицать результаты исследования этой темы, особенно в плане накопления фактов. Совершенно очевидно, что без этих результатов нам сегодня пришлось бы начинать с нуля. То обстоятельство, что вопросов при изучении истории восстания крестьян на Тамбовщине возникает очень много, — свидетельство поступательного развития исторической науки и изменения нашего сознания. Ответы на все эти вопросы предстоит найти тем, кто возьмется продолжить исследование этой темы.

Примечания

См., напр.: В и р г а Н. Е. Одиночество. М., 1962; С т р ы г и н А. В. Расплата. Воронеж, 1965 и др.

² «Союз трудового крестьянства», или «Царские холуй в есеровской шкуре». Тамбов, 1921; С о с н о в с к и й Л. Что такое «антоновщина» и кому она выгодна? М., 1921.

³ Д о к у к и н В. М. Правда о бандитах. 1—3-е изд. Тамбов, 1921.

⁴ Т р у т к о И. Тактические примеры из опыта борьбы с бандитизмом: Уничтожение банды Карася // Красная Армия. 1921, № 1—2; е г о ж е. Тактические примеры из опыта борьбы с бандитизмом: Уничтожение банды Богуславского // Там же. № 3—4; е г о ж е. Тактические примеры из опыта борьбы с бандитизмом: Применение аэропланов как резервов // Там же. № 5—6; е г о ж е. Тактические примеры из опыта борьбы с бандитизмом: Разгром банды Антонова // Там же. № 7—8. О научной добросовестности И. И. Трутко, обладавшего несомненным талантом военного историка (к сожалению, вскоре погибшего), свидетельствует, на наш взгляд, и такое обстоятельство; при весьма скрупулезной проверке его научных выкладок и выводов, предпринятой авторами этих строк по документальным материалам Центрального государственного архива Советской Армии, удалось обнаружить лишь единичные и несущественные неточности.

⁵ Имеется в виду операция по разгрому двух наиболее крупных и боеспособных соединений мятежников под командованием А. С. Антонова и А. В. Богуславского.

⁶ В советской исторической литературе упоминаются лишь три из указанных выше статей

И. И. Труток. Четвертая же статья, опубликованная в № 5—6 «Красной Армии» за 1921 г., выпала из поля зрения исследователей.

⁷ Леонидов Б. Эсеров-бандитизм в Тамбовской губернии и борьба с ним // Революция и война. 1922. № 14—15; Бриммер К. В. Первый период ликвидации антоновщины в Тамбовской губернии с августа по декабрь 1920 г. // Сб. трудов отделения Военно-научного общества при курсах высшего комсостава РККА. 1921—1922: В 2 т. М., 1922; его же. Последний период борьбы // Антоновщина: Статьи, воспоминания и другие материалы к истории эсеров-бандитизма в Тамбовской губернии. Тамбов, 1923; Какурин Н. Организация борьбы с бандитизмом по опыту тамбовского и витебского командования // Военная наука и революция. 1923. № 1.

⁸ Бриммер К. В. Первый период ликвидации антоновщины... Т. 2. С. 93.

⁹ Верховых В. Пять лет борьбы: Деревенская беднота и рабочие в борьбе с буржуазией // За пять лет Октябрьской революции: политический и экономическо-статистический обзор Борисоглебского уезда. Борисоглебск, 1922.

¹⁰ Антоновщина: Статьи, воспоминания и другие материалы к истории эсеров-бандитизма в Тамбовской губернии.

^{11—12} Казаков А. С. Партия с.-р. в Тамбовском восстании 1920—1921 гг. М., 1922. С. 2.

¹³ Речь идет о двух весьма примечательных документах штаба Антонова: а) Временный состав наказаний, подсудный армейским судам и б) Инструкция районным, волостным и сельским комитетам трудового крестьянства.

¹⁴ Казаков А. С. Общие причины возникновения бандитизма и крестьянских восстаний // Красная Армия. 1921. № 9.

¹⁵ См., напр.: Донков И. П. Деятельность РКП(б) по разгрому мелкобуржуазной контрреволюции в деревне в условиях перехода от гражданской войны к мирному строительству. На примере ликвидации антоновщины: Автореф. канд. дис. М., 1970. С. 11.

¹⁶ Покровский М. Н. Контрреволюция за четыре года. М., 1922; его же. Что установил процесс так называемых «социалистов-революционеров»? М., 1922; Вардин И. Политические партии и русская революция. М., 1922; Попов Н. Мелкобуржуазные антисоветские партии. Шесть лекций. М., 1922. Платонов А. Страницы из истории эсеровской контрреволюции: Военная работа эсеров за границей в 1920—1921 гг. М., 1923.

¹⁷ Тухачевский М. Н. Борьба с контрреволюционными восстаниями // Война и революция. 1926. № 7—9.

¹⁸ Мокеров В. Курсантский сбор по борьбе с антоновщиной // Война и революция. 1932. № 1.

¹⁹ Шейдеман Е. С. Г. И. Котовский. Киев, 1935.

²⁰ Андреев В. и Кулаев С. Октябрьская революция и гражданская война в Тамбовской губернии. Тамбов, 1927.

²¹ Малая Советская Энциклопедия. Т. 1. М., 1928. С. 364.

²² Михалев Г. Разгром кулацко-эсеровского мятежа в Тамбовской губернии // Ученые записки Тамбовского гос. пед. ин-та Вып. 1. 1941; его же. Разгром кулацко-эсеровского мятежа в Тамбовской губернии. Антоновщина: Автореф. канд. дис. Тамбов, 1946.

²³ ЦГАСА. Ф. 235. Оп. 5. Д. 217. Л. 11 об. 18, 18 об.

²⁴ Ленин В. И. ПСС. Т. 51. С. 290.

²⁵ Филиппов И. Т. Ленинская программа борьбы за хлеб и ее осуществление в Черноземном Центре. 1918—1920 гг. Борисоглебск, 1971. С. 111.

²⁶ ЦГАСА. Ф. 235. Оп. 5. Д. 217. Л. 11 об.

²⁷ Там же. Л. 12.

²⁸ См., напр.: Госархив Воронежской области. Ф. Р-503. Оп. 1. Д. 49. Л. 24, 24 об.

²⁹ Ленин В. И. ПСС. Т. 51. С. 135, 408.

³⁰ ЦГАСА. Ф. 235. Оп. 5. Д. 122. Л. 64.

³¹ Тухачевский М. Борьба с контрреволюционными восстаниями // Война и революция. 1926. № 8. С. 3.

³² Шпаковский В. В. Начало социалистического переустройства сельского хозяйства в 1918—1920 гг.: по материалам Тамбовской губернии // Ученые записки Тамбовского гос. пед. ин-та. Вып. XVII. 1958; Окатов Н. А. Мероприятия Коммунистической партии по укреплению союза с трудящимся крестьянством в 1921 г.: По материалам Тамбовской губернии // Там же.

³³ Зыбко Н. П. Тамбовская партийная организация в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции (1918—1920). Тамбов, 1961; Окатов Н. А. Тамбовская партийная организация в период восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.). Тамбов, 1961.

³⁴ Зыбко Н. П. Указ. соч. С. 31.

³⁵ Смирнов А. Командарм Иван Федько. Симферополь, 1959; Генкина Э. Б. Ленин — Председатель Совнаркома и СТО. М., 1960; его же. В. И. Ленин и переход к новой экономической политике // Вопросы истории. 1964. № 5 и др.; Поляков Ю. А. В. И. Ленин о расслоении крестьянства в условиях диктатуры пролетариата // Из истории революционной и государственной деятельности В. И. Ленина. М., 1960; его же. Некоторые вопросы перехода к нэпу // Вопросы истории КПСС, 1963, № 12; Софинов П. Г. Очерки истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии (1918—1922 гг.). М., 1960; Бахтин М. И. Союз рабочих и крестьян в годы восстановления народного хозяйства (1921—1925). М., 1961; Гусев К. Крах партии левых эсеров. М., 1963; Командарм Уборевич. М., 1964; Тодорский А. И. Маршал Тухачевский. М., 1964.

³⁶ Трифонов И. Я. Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа (1921—1923 гг.).

Ч. 1: Борьба с вооруженной кулацкой контрреволюцией. Л., 1964; е го же. Из истории разгрома антоновщины в 1920—1921 годах // Военно-исторический журнал. 1968. № 9.

³⁷ Катин В. К. Борьба большевистских организаций центрально-черноземных областей за крестьянские массы против мелкобуржуазной контрреволюции в 1920—1921 гг. Тамбов, 1968.

³⁸ Катин В. К. Борьба Коммунистической партии за крестьянские массы против эсеровской контрреволюции в 1920—1921 гг. (По материалам Центрально-Черноземного района): Канд. дис. М., 1969.

³⁹ Шестаков А. В. Классовая борьба в деревне ЦЧО в эпоху военного коммунизма. Вып. 1. Воронеж, 1930. С. 4.

⁴⁰ Катин В. К. Борьба Коммунистической партии за крестьянские массы... Л. VIII.

⁴¹ Донков И. П. Организация разгрома антоновщины // Вопросы истории КПСС. 1966. № 6; е го же. Деятельность РКП(б) по разгрому мелкобуржуазной контрреволюции в деревне в условиях перехода от гражданской войны к мирному строительству (На примере ликвидации антоновщины): Канд. дис. М., 1970; е го же. Антоновщина: замыслы и действительность. М., 1977.

⁴² Е го же. Антоновщина: замыслы и действительность. С. 31, 30, 85, 97, 98, 100, 101 и др.

⁴³ Там же. С. 31.

⁴⁴ ЦГАСА. Ф. 235. Оп. 5. Л. 5, 6, 89.

⁴⁵ Донков И. П. Антоновщина: замыслы и действительность. С. 75.

⁴⁶ Госархив Тамбовской обл. Ф. Р-1832. Оп. 1. Д. 1002. Л. 30 об.

⁴⁷ Шетин Ю. А. Крушение мелкобуржуазной контрреволюции в Советской России (конец 1920—1921 г.). М., 1984.

⁴⁸ Там же. С. 80.

⁴⁹ Голинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. В 2 кн. Кн. 2. Изд. 1—4. М., 1975, 1978, 1980, 1986.

⁵⁰ Там же. Изд. 3. Кн. 2. С. 80.

⁵¹ ЦГАСА. Ф. 32002. Оп. 1. Д. 12. Л. 15.

⁵² Госархив Тамбовской обл., Ф. Р-1832. Оп. 1. Д. 631. Л. 84.

⁵³ ЦГАСА. Ф. 32002. Оп. 1. Д. 8. Л. 23 об.

⁵⁴ Там же. Д. 12. Л. 15.

⁵⁵ БСЭ. Изд. 3. Т. 27. С. 273.

⁵⁶ ЦГАСА. Ф. 32002. Оп. 1. Д. 8. 15 об., 16.

⁵⁷ Там же. Ф. 7. Оп. 2. Д. 509. Л. 44; Ф. 235. Д. 56. Л. 57; Оп. 5. Д. 26. Л. 88 об., 89.

⁵⁸ См., напр.: Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. Изд. 1. М., 1983. С. 40.

⁵⁹ Переверзев А. Я. Великий Октябрь и преобразование деревни. Опыт революционно-преобразующей деятельности РКП(б) в деревне Черноземного Центра России. 1917—1921. Воронеж, 1987.

⁶⁰ Там же. С. 165.

⁶¹ ЦГАСА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 11. Л. 20.

⁶² Под знаменем Октября. Из истории установления Советской власти и социалистического строительства на Тамбовщине. Воронеж, 1966; Тамбовская область за 50 лет. Воронеж, 1967; История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3. Кн. 2. М., 1968; Очерки истории Тамбовской организации КПСС. Воронеж, 1970; Исторический опыт КПСС в осуществлении новой экономической политики. М., 1972 и др.

⁶³ Поляков Ю. А. О политических настроениях крестьянства к концу гражданской войны // Октябрь и гражданская война в СССР. М., 1965; е го же. Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967; Кукушкин Ю. С. Советы в борьбе с контрреволюционными выступлениями кулачества при переходе к нэпу // Вестник Московского университета: Сер. История. 1965, № 5; е го же. Сельские Советы и классовая борьба в деревне (1921—1932 гг.). — М., 1968; Титов Ю. П. Борьба Советского государства с контрреволюционными мятежами (конец 1920—1921 гг.) // Советское государство и право. 1967. № 5; Обйчкина Л. Г. Из истории борьбы РКП(б) против антисоветских партий и течений (1921—1923 гг.) // Вопросы истории СССР. 1969. № 2; Логунов В. И. КПСС — организатор восстановления народного хозяйства Центрального Черноземья. 1921—1927 гг. Воронеж, 1970; Филиппов И. Т. Ленинская программа борьбы за хлеб и ее осуществление в Черноземном Центре. 1918—1920 гг. Борисоглебск, 1971; Орловский Г. А. Как дела в Тамбовской губернии? Воронеж, 1974; Накрохин Е. А. Иного не было пути. Воронеж, 1975; Шуляковский Е. В. И. Ленин и трудящиеся Черноземного Центра. Воронеж, 1977; Понихин Ю. М. Революционные комитеты РСФСР (1918—1921 гг.). Саратов, 1982.

⁶⁴ Шуляковский Е. Указ. соч. С. 195.

⁶⁵ См., напр.: Ленин В. И. ПСС. Т. 51. С. 485, 486; Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. Изд. 2. М., 1987. С. 77.

⁶⁶ Донков И. П. Организация разгрома антоновщины // Вопросы истории КПСС. 1966. № 6. С. 65.

⁶⁷ Накрохин Е. А. Указ. соч. С. 111—112.

⁶⁸ Гусев К. В., Ерицын Х. Х. От соглашательства к контрреволюции: Очерки истории политического банкротства и гибели партии социалистов-революционеров. М., 1968; Пирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.). М., 1968; Гусев К. В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции: Исторический очерк. М., 1975; Банкротство мелкобуржуазных партий России. 1917—1922 гг.: Сб. научных трудов. Ч. 1—2.

М., 1977; Стишов М. И. История идейно-политического и организаторского распада мелкобуржуазных партий в СССР (1917—1930-е годы). М., 1981; Мухачев Ю. В. Идейно-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. М., 1982 и др.

⁶⁹ Быков Д. В. Комкор Павлов. М., 1965; Смирнов Д. М. Записки чекиста. Изд. 1—2. Минск, 1965. 1972; Плещеев В. А. Н. Томин. М., 1966; Гвардейцы революции: Сб. очерков. Воронеж, 1967; Правда, ставшая легендой. Изд. 2. М., 1969; Лобочкий А. Н. Бой без выстрела. М., Воронеж, 1970; его же. По следу Главного: Документальная повесть. Воронеж, 1973; Беликов И. Г., Бойко И. К., Логунов М. С. Имени Дзержинского. Боевой путь ордена Ленина Краснознаменной дивизии имени Ф. Э. Дзержинского М., 1971; Попов А. Труд, талант, доблесть. М., 1972; Обертас И. Л. Командарм Федько. М., 1973; Кротов В. Л. Чоновцы. М., 1974; Ракитин А. В. В. А. Антонов-Овсеенко: Документальный биографический очерк. Л., 1975; Ливинов Р. В. Те тревожные двадцатые годы // Воронежские чекисты рассказывают... Воронеж, 1976; Гольдин А. Невыдуманная жизнь из биографии Аркадия Гайдара. М., 1979; Пароль — мужество: Очерки о тамбовских чекистах. Изд. 1—2. Воронеж, 1980, 1986; Ройтман Б. Роль кавбригады Г. И. Котовского в разгроме антоновщины (К 100-летию со дня рождения Г. И. Котовского) // Военно-исторический журнал, 1981, № 6; Ананьев Г. А. Котовский. М., 1982; Иванов В. М. Маршал М. Н. Тухачевский. М., 1985; О Михаиле Кедрове. Воспоминания, очерки, статьи. М., 1988 и др.; Самошкин В. Слово о красных курсантах // Подъем [Воронеж]. 1987. № 10.

⁷⁰ Ленин В. И. ПСС. Т. 51. С. 310—311; Кривец В. Д., Штутман С. М. Необходимое уточнение // Вопросы истории КПСС. 1978. № 2. С. 116.

⁷¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 52. С. 42. См. также: Ленинский сборник XXXVIII. С. 331; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника.. М. 1980. Т. 10. С. 41—42.

⁷² См. напр.: Павлюченков Сергей. Почему вспыхнула антоновщина // Неделя. 1989. № 44. С. 1; Фельдман Давид. Крестьянская война // Родина. 1989. № 10. С. 52—57; Самошкин Владимир. Антоновщина: канун и начало // Литературная Россия. 1990. № 23 (8 июня). С. 18—19.

⁷³ Павлюченков Сергей. Указ. соч. С. 11.

⁷⁴ Фельдман Давид. Указ. соч. С. 52.

⁷⁵ Там же. С. 52—53.

⁷⁶ Самошкин Владимир. Указ. соч. С. 18.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Г. И. Котовский. Документы и материалы. Кишинев, 1956; Боевые подвиги частей Красной Армии. 1918—1922: Сб. док. М., 1957; Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917—1921 гг.: Сб. док. М., 1958; Москва, Кремль, В. И. Ленину: Телеграммы, письма трудящихся Тамбовщины В. И. Ленину. Выдержки из документов. Тамбов, 1960; К истории ликвидации антоновского мятежа // Исторический архив. 1962. № 4; Письма Ильичу. 1917—1924. Воронеж, 1969; Внутренние войска Советской Республики. 1917—1922: Док. и материалы. М., 1972; В. И. Ленин и ВЧК (1917—1922 гг.). Изд. 1—2. М., 1975, 1987; Культурное строительство в Тамбовской губернии. 1918—1928: Сб. док. и материалов. Воронеж, 1983.

© 1990 г.

В. Н. РАТУШНЯК

НЕРЕШЕННЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

(Некоторые итоги и перспективы исследования)

Исследование комплексной проблемы социально-экономических предпосылок победы социалистической революции в такой многоукладной капиталистической стране, как предреволюционная Россия, невозможно без изучения диалектически взаимосвязанного процесса развития капитализма вглубь и вширь, без уяснения основных факторов и специфики экономической трансформации бывших окраин страны по мере втягивания их в общероссийскую народнохозяйственную систему. К числу таких окраин России относился и Северный Кавказ — регион с древнейшим историческим прошлым, с многообразием этнической и сословной структуры, традиций и форм быта.

Советские историки давно и безуспешно исследуют вопросы закономерностей и особенностей

Ратушняк Валерий Николаевич, доктор исторических наук, заведующий кафедрой дореволюционной отечественной истории Кубанского университета.

социально-экономического развития Северного Кавказа, сосредоточив основное внимание на его аграрной эволюции, поскольку это край с абсолютным преобладанием сельскохозяйственного производства и сельского населения. Особенно активизировалась эта работа в 60—70-е гг., что позволило в дальнейшем попытаться дать историографический анализ достигнутых результатов¹.

Наконец, в последние годы вопросам социально-экономического развития региона на этапе, предшествующем Октябрю, были посвящены ряд докторских диссертаций² и серия интересных монографий, подводивших итог многолетней научной работы исследователей по рассматриваемой проблеме³.

Введя в научный оборот новые источники, высказав немало оригинальных мнений, авторы указанных исследований в то же время в своих концептуальных построениях пришли к далеко не однозначным выводам. И это при том, что все они без исключения решали поставленную задачу с общих позиций марксистско-ленинской методологии.

В настоящей статье делается попытка выяснить основные причины этих расхождений и наметить возможные пути дальнейшего изучения проблемы. Разумеется, автор не претендует на полную бесспорность всех своих суждений и тем более на всесторонний анализ рассматриваемых работ, что потребовало бы значительного увеличения объема статьи. И все же, прежде чем обратиться к выдвинутым в этих исследованиях научным концепциям, хотелось бы немного сказать об их источниковой базе.

Традиционно в трудах по истории Северного Кавказа используется значительный массив разнообразных фактических данных, извлеченных как из центральных, так и в особенности из местных архивов. При этом ученые справедливо сетуют на ограниченные возможности получения необходимой источниковой информации. Земских учреждений в областях Северного Кавказа не было, а следовательно, не было и хорошо зарекомендовавшей себя земской статистики. Статистические материалы, получаемые царской администрацией на местах, нередко были недостаточно качественными в силу неблагоприятных условий их сбора, особенно в горных районах края. Рассредоточенные по многочисленным архивам делопроизводственные документы, как правило, дают сведения об единичных явлениях и фактах. Поэтому для получения их однородной совокупности, репрезентативно отражающей через систему массовых факторов реальную историческую действительность, исследователям приходится затрачивать немало усилий для кропотливого поиска и скрупулезного отбора требуемого материала. Трудности источниковедческого анализа наиболее остро встают при исследовании комплексных проблем, и тогда историки вынуждены «дополнять источники гипотетическими реконструкциями»⁴. Естественно, что такие дополнения в определенной степени субъективны, и это не может не влиять на итоговые результаты научных исследований.

К сожалению, в работах по рассматриваемой проблематике имеют место и случаи некритического отношения к источникам, произвольного обращения с ними. Так, изучая горские хозяйства Кубани, местные авторы нередко оперируют общими сведениями о предгорных районах края, даже если указанные выше хозяйства составляли не более 10% от общего числа всех крестьянских и казачьих хозяйств. При этом иногда выводы, касающиеся конца XIX в., подкрепляются данными более позднего периода⁵. В результате техническая оснащенность горских хозяйств явно преувеличивается.

Испытывая недостаток массовых статистических данных, северокавказские историки в то же время редко прибегают к материалам Центрального статистического комитета и так называемой ведомственной статистики. На это обратил внимание еще В. П. Крикунов, отметив отсутствие в их работах «возможно полных и сопоставимых данных массовой статистики»⁶.

Между тем именно статистические издания ЦСК и различных министерств конца XIX — начала XX в. дают в руки исследователей незаменимый материал, позволяющий проследить динамику тех или иных социально-экономических процессов на Северном Кавказе и сравнить их развитие не только в областях и округах региона, но и в других районах страны. Думается, нет необходимости доказывать перспективность такого подхода. Широкое привлечение массовых, прежде всего статистических, источников будет способствовать сближению различных позиций в решении одной из важнейших задач — оценки уровня капиталистического развития северокавказских народов. Пока же эти позиции не всегда совместимы.

Так, Ф. П. Тройно, исследуя земельные отношения, главным образом аренду в горских районах Северного Кавказа, пришел к выводу, что с 60-х гг. XIX в. до 1917 г. у всех горских

народов региона феодально-патриархальная система землевладения и землепользования постепенно трансформировалась в буржуазную, т. е. автор рассматривает эти изменения как развивающийся процесс буржуазно-аграрной эволюции без его качественной определенности на конкретных исторических этапах и в конкретных горских районах. Правда, он оговаривается, что для вступивших в эпоху капиталистического развития горцев были характерны первая и вторая стадии развития капитализма в сельском хозяйстве, под которыми имеет в виду мелко-товарное производство крестьян и складывание районов товарного земледелия и скотоводства с появлением довольно крупных предпринимательских хозяйств, но основанных преимущественно на традиционных способах ведения с использованием полуфеодально-патриархальных методов эксплуатации. Однако сосуществовали ли эти стадии одновременно (тогда где и когда именно на более чем полувековом промежутке?) или они последовательно сменяли друг друга во всех горских районах? Об этом автор не сообщает. Вместе с тем он констатирует, что «исследуемый период в развитии горских народов характеризуется процессом так называемого первоначального накопления»⁷ Тем самым Ф. П. Тройно относит изучаемый им период к той ступени социально-экономической эволюции, которую К. Маркс называл предисторией капитализма, когда «условия и предпосылки становления, возникновения капитала предполагают как раз то, что капитал еще не существует, а только лишь становится»⁸ Сам К. Маркс относил реализацию первоначального накопления капитала к периоду перехода от ремесла к капиталистическому способу производства⁹

Известно, что важнейшие моменты первоначального накопления капитала проявляли себя либо в преддверии генезиса капитализма, либо на его первых этапах. Для горской экономики, развивавшейся под влиянием народнохозяйственной системы России периода капитализма, более характерным, по-видимому, был второй вариант. Анализ Ф. П. Тройно горской земельной аренды — одного из важнейших показателей аграрной эволюции северокавказского аула — в определенной степени подтверждает это. Сделанный им вывод о преобладании у горцев Северного Кавказа накануне Великой Октябрьской социалистической революции незрелых капиталистических отношений при наличии феодальных пережитков и патриархальных обычаев¹⁰ представляется в целом верным, хотя и слишком общим, недостаточно конкретизированным.

Перспективную попытку выявить различия в уровне социально-экономической эволюции тех или иных районов Дагестана и Терека предприняли Г. Г. Османов и Ю. В. Хорув. Проанализировав все основные стороны социально-экономического развития дагестанского аула (землевладение, землепользование, товарное производство, расслоение крестьянства, рынок рабочей силы и техническую базу), Г. Г. Османов выделил три основные группы районов, отличающихся степенью развития общественно-экономических отношений. Одна группа (Хасавюртовский округ, низменная часть Темир-Хан-Шуринского округа и виноградарский район Дербента) — это районы с утвердившимся товарно-капиталистическим производством. Вторая группа (основная часть Темир-Хан-Шуринского округа, низменные и предгорные районы Кайтаго-Табасаранского и Кюринского округов) — районы, переживавшие стадию перехода от докапиталистических отношений к капиталистическим. И, наконец, третья группа, самая крупная, на которую к 1917 г. приходилось 2/3 всего населения и до 70% сельскохозяйственного производства Дагестана, — все остальные районы области, находившиеся еще на докапиталистической стадии развития¹¹

О превалировании в целом в Дагестане патриархальной системы организации хозяйства и феодальных методов эксплуатации крестьянства говорил и характер аграрного движения. Оно было направлено главным образом против местной феодальной верхушки, на ликвидацию средневекового сословного землевладения. Этот важный момент нередко упускают из виду историки, когда, делая вывод о «высокоразвитом аграрном капитализме», в то же время говорят об абсолютном преобладании первой социальной войны в деревне. В Дагестане, как показал Г. Г. Османов, классовая борьба внутри крестьянства между его полярными группами только-только начиналась, и это вполне соответствовало уровню капиталистического развития дагестанского аула, где в конце XIX в. к систематическому найму рабочих прибегало лишь 3,2% дворов¹²

Ю. В. Хорув видит задачу в изучении причинно-следственной связи между уровнем социально-экономического и политического развития различных национальных и экономических районов Терской области и особенностями крестьянского движения в них. Такая постановка проблемы требует дать не только общую оценку экономической эволюции Терской области накануне Октября, но и рассмотреть специфику социально-экономического развития ее отдельных районов. По мнению Ю. В. Хоруева, Терская область в целом в начале XX в. отличалась многоукладностью экономики, сочетанием и переплетением элементов высокоразвитого капитализма в

сельском хозяйстве, феодальных и феодально-родовых отношений с целым рядом кабальных отработок. Автор дал оценку социально-экономического уровня развития основных горских районов Терской области, отметив, что Северная Осетия была районом развитого аграрного капитализма, где пережиточные формы феодализма играли незначительную роль. Чечня, Ингушетия и входившая в Терскую область часть Кумыкии — Салатавия — находились на переходном этапе от феодально-родовых отношений к капитализму. Кабарда и Балкария, развиваясь на базе более зрелых феодальных отношений, этот переходный период уже завершали¹³

Таким образом, по логике рассуждений Ю. В. Хоружева, лишь только в Северной Осетии (автор почему-то в данном контексте ни слова не говорит об уровне социально-экономического развития терских казаков) в начале XX в. не только победил капиталистический способ производства, но и уже сформировались развитые аграрно-капиталистические отношения. Все остальные национальные районы области задержались на различных этапах переходного периода, не достигнув уровня утверждения капиталистического общественно-экономического уклада.

Не останавливаясь сейчас на правомерности этого вывода, отметим, что автор, исходя из данных экономических посылок (с учетом также и политических), попытался раскрыть и особенности аграрного движения в указанных районах. Он убедительно показал, что крестьянское движение получило наибольший размах в Северной Осетии, бывшей действительно одним из наиболее развитых районов среди горских округов Терка. В то же время приведенные им немногочисленные примеры не подтверждают пока факта преобладания второй социальной войны в осетинском ауле в начале XX в., а значит, и в какой-то степени ее основную социально-экономическую предпосылку — высокий уровень развития аграрного капитализма.

С положением о сравнительно высоком уровне развития капиталистических отношений в предреволюционной осетинской деревне, судя по всему, солидарен и Б. П. Берозов, исследовавший ход ее экономической эволюции до конца XIX в. Так, он пишет, что в осетинской деревне «к концу XIX в. господствующим стал капиталистический способ производства»¹⁴ и уже «в последнем десятилетии XIX в. осуществлялся переход в Осетии от незрелых форм аграрного капитализма к развитым»¹⁵ Правда, автор оговаривает, что не следует преувеличивать степень развития капитализма в сельском хозяйстве Северной Осетии, где уровень роста производительных сил, степень применения наемной рабочей силы и сельскохозяйственных машин были ниже, чем в районах «свободного» развития капитализма. Капиталистические отношения переплетались в Северной Осетии не только с феодальными, но и с дофеодальными устоями. Это подтверждается, по словам Б. П. Берозова, примерами эксплуатации крестьян со стороны местных и центральных административно-полицейских органов, горских феодалов, устарелых общественных институтов, а на последующем этапе и представителями торгово-ростовщической буржуазии¹⁶ Это последнее дополнение весьма существенно, ибо дает ключ к пониманию автором того уровня развития капитала и эксплуатации, которые господствовали в конце XIX в. в осетинской деревне.

Социально-экономическое развитие северо-западной части Кавказа, от Черноморского побережья до центральной части Терской области, исследовал Б. М. Джимов. Причем, если монография его охватила XIX в., то в диссертации он сосредоточил свое внимание на периоде 1867—1917 гг. Б. М. Джимов, как и большинство его предшественников, рассматривает социально-экономическое развитие горцев в пореформенный период как эволюционный процесс формирования капиталистических отношений, не останавливая внимания на его стадийных отличиях. При этом он выражает несогласие с концепцией авторов, в частности, Б. Х. Ортабаева, пишущих о господстве капиталистического уклада в общественном строе горцев до Октября, считая, что для подобного заключения нет пока достаточно веских оснований¹⁷ Вместе с тем сам Б. М. Джимов, на наш взгляд, несколько преждевременно делает вывод о том, что уже во второй половине XIX в. уровень торгового земледелия адыгов предгорной полосы близок уровню земледельческого хозяйства Предкавказья, где, по его мнению, развивался капитализм с ярко выраженной тенденцией аграрной эволюции американского типа¹⁸. Приведенных им примеров для такого вывода пока недостаточно. Нет сомнения, что равнинные горские селения были подвержены раньше и более быстрому воздействию развивавшегося вширь российского капитализма, нежели аулы, находившиеся в глубинке, далеко в горах. Но всех их независимо от того, в какой природно-географической среде они находились, объединяло наличие средневековых патриархально-родовых пережитков, феодального землевладения, наконец, колониальная политика царизма, которая, по словам самого же Б. М. Джимова, являлась одним из главных препятствий на пути проникновения капитализма в горские аулы¹⁹

Обратимся еще к одной точке зрения. Б. Х. Ортабаев считает, что в начале XX в. у всех горских народов Терека капиталистические отношения приобрели господствующий характер, а патриархально-родовой и феодальный уклады, частично приспособившись к ним, в целом играли второстепенную роль²⁰. В своей интересной постановочной статье Б. Х. Ортабаев, проанализировав большое число работ советских историков за 20—70-е гг., попытался дать оценку состояния научной разработки рассматриваемой проблемы²¹. Однако, отдавая должное его стремлению унифицировать имеющийся среди историков разнобой в оценке сущности и характера социально-экономических отношений у горцев Северного Кавказа накануне Великой Октябрьской социалистической революции, нельзя не отметить, что некоторые его положения нуждаются в необходимой корректировке или являются спорными.

Начнем с основного вывода, к которому пришел Б. Х. Ортабаев и ради чего, собственно, и писалась его статья. Автор увидел «особенность **многих работ**» (здесь и далее подчеркнута мною.— В. Р.), посвященных рассматриваемой проблеме, в несоответствии «анализа, основанного на многочисленных свидетельствах развития капитализма, и выводов о господствующем характере патриархально-феодальных отношений в горской деревне»²². Подобные заключения, по мнению Б. Х. Ортабаева, нередко выводятся из тезиса об отсталости горских народов и свидетельствуют об определенном влиянии на советских историков дореволюционной историографии. Думается, что такое утверждение не совсем правомерно, тем более, что и сам автор справедливо отмечает, что уже в 20—30-х гг. советские исследователи **решительно** отмежевались от оценки дворянско-буржуазной историографией уровня социально-экономического развития горских народов. Автор более близок к истине, когда видит отправную точку, от которой отталкиваются исследователи в оценке социально-экономического уровня развития горских народов Северного Кавказа рассматриваемого периода в известной резолюции X съезда РКП(б) «Об очередных задачах партии в национальном вопросе». В этой резолюции, в частности, говорилось и о горах Северного Кавказа (причем страницей раньше были перечислены семь горских народностей, о которых шла речь), «не успевших пройти капиталистическое развитие, не имеющих или почти не имеющих своего промышленного пролетариата, сохранивших в большинстве случаев скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой быт (Киргизия, Башкирия, Северный Кавказ)»²³

С Б. Х. Ортабаевым можно было бы согласиться в том, что некоторые исследователи восприняли это положение «слишком прямолинейно и пытались переносить на историю развития всех северокавказских народов»²⁴, если бы сам он в попытках С. Бойкова, Н. Л. Янчевского выяснить, какие горские районы встали на путь капитализма, а какие еще оставались на иной ступени экономического развития, в том числе и на той, о которой говорилось в резолюции X съезда партии, не усмотрел стремления строить «свой анализ на противопоставлениях одних народов другим»²⁵. Можно было бы не согласиться с названными авторами в оценке уровня экономического развития Осетии, Чечни и Кабарды, но то, что этот уровень был не одинаков не только в различных районах Северного Кавказа, но и даже внутри одного и того же этнического массива, еще раз убедительно подтвердили упомянутые выше исследования Ю. В. Хоруева и Г. Г. Османова. Да и сам Б. Х. Ортабаев в какой-то мере согласен с этим, правильно отметив различия в уровне экономического развития плоскостных и нагорных селений горцев. Это подчеркивается и во многих работах, посвященных аграрным преобразованиям Советской власти в национальных районах Северного Кавказа. В них убедительно показано, что партийные и советские органы на местах строили свою земельную политику в горском ауле, исходя из особенностей развития горских народов. Так, М. Г. Аутлев по этому поводу пишет, что «степень готовности каждой национальной области к коренным преобразованиям сельского хозяйства в горском ауле была разная. Уровень развития социально-экономических и культурных факторов, которые непременно учитывались при проведении социалистических преобразований, в одних автономных областях был выше, в других — заметно ниже»²⁶

Но вернемся к тому несоответствию, которое увидел Б. Х. Ортабаев у исследователей, приводивших факты развития капитализма в отдельных национальных районах Северного Кавказа, а в конечном итоге пришедших к выводу о преобладании в этих районах патриархально-феодальных отношений в конце XIX — начале XX в. Не вдаваясь в конкретный анализ правомерности данных выводов, заметим, что подобное «противоречие» вполне объяснимо. Ведь многие авторы писали и пишут не о **победе и господстве** капитализма, а о том, что развитие того или иного района шло, говоря словами В. И. Ленина, «по линии капиталистической эволюции», что это было лишь «направление развития»²⁷. Между тем хорошо известно, что капиталистические отношения

зарождаются и начинают развиваться еще при старом способе производства, поэтому для выяснения того, вполне ли сложились капиталистические отношения, необходимо еще и «определение степени капиталистического развития»²⁸ Трудно упрекать этих авторов и потому, что большинство из них в своих работах подвергли анализу далеко не все стороны сложной системы аграрных отношений, а лишь отдельные ее элементы (аренду, землевладение и т. п.). Именно это обстоятельство, очевидно, и позволило им говорить лишь о «тенденции» капиталистического развития, о «неизбежности» социально-экономического расслоения горского аула. К тому же некоторые исследователи в своих работах отразили лишь начальные этапы становления капиталистического уклада. Это видно даже из названий их научных статей²⁹ В этих, а также других работах историков действительно нет утверждений о победе аграрно-капиталистических отношений в горском ауле. Это, видимо, послужило основанием и для утверждения обществоведов о переходе народов Северного Кавказа к социализму, минуя капитализм. При этом они ведут речь о стадии зрелого капитализма³⁰, не отрицая факта появления и развития тех или иных элементов и форм капиталистических отношений. Так, известный знаток истории и культуры народов Северного Кавказа А. Г. Агаев пишет, что народы Дагестана, Северного Кавказа, как и ряд других народов нашей страны, «стояли на различных ступенях феодальных отношений, причем в начале XX в. в их экономике, культурном облике, нравственном сознании стали появляться элементы капиталистического уклада жизни»³¹

И. З. Исмаилов в своей монографии, посвященной некапиталистическому развитию народностей Кавказа, пишет: «На Кавказе капитализм стал господствующим укладом только в Бакинском и Грозненском нефтепромышленных районах... В других районах края он был одним из общественно-экономических укладов, причем развитым далеко не в одинаковой степени. В жизни большинства горских народностей преобладали феодальные отношения»³².

Исследователь советского крестьянства Северного Кавказа доколхозного периода М. И. Овчинникова, обратившись к истокам аграрных преобразований, констатировала: «Несмотря на проникновение капиталистических элементов, в горском ауле не утвердился буржуазный аграрный строй»³³

Диалектически рассматривает эту проблему и североосетинский историк М. И. Гиоев, отмечая, что капиталистические отношения проникали в самые отдаленные уголки горского аула, «хотя и не одержали здесь победы»³⁴

Совершенно прав и Б. Х. Ортабаев, когда пишет о необходимости изучать «как быстро или медленно, в зависимости от конкретных условий, прогрессировали капиталистические отношения и какого уровня развития они достигли накануне Октябрьской революции»³⁵ Как бы в подтверждение этого конкретного подхода он признает, что в «горной полосе не сложились капиталистические социально-экономические отношения», но тут же выступает и против признания этих отношений феодальными. К сожалению, автор не высказывает своего мнения о сущности социально-экономических отношений в этой полосе региона. В то же время он призывает определить место патриархально-феодальных пережитков (заметим, кстати, что автор всегда говорит только о пережитках) «в многоукладной системе хозяйства горских народов»³⁶

Между тем даже в 1920—1929 гг. остатки старых патриархально-феодальных отношений были настолько живучи в отдельных горских районах Северного Кавказа, что закономерно возникает вопрос, а не были ли они преобладающими или, по крайней мере, самодовлеющими в системе экономических отношений предреволюционного периода? На этот вопрос наводят самые новейшие исследования советских историков. Так, П. И. Юсупов, ссылаясь на воспоминания А. И. Микояна, пишет: «Натуральное хозяйство, общинное землепользование, крепкие родовые (тайповые) связи „с непререкаемой властью стариков, духовенства, племенных вождей“³⁷ — характерные черты горского аула первых лет Советской власти. Наличие докапиталистических форм хозяйственных отношений, очень низкий культурный уровень населения, прочность старых бытовых традиций и недостаточно яркая выраженность классового расслоения аулов составляли серьезное препятствие на пути решения аграрного вопроса среди горцев Северного Кавказа»³⁸

О том, что «отголоски не только феодальных земельных отношений, но и общинно-родового быта еще долго давали о себе знать, особенно в горных районах области», пишет М. И. Гиоев³⁹ Эту же мысль подчеркивает и М. Г. Аутлев: «Завершить аграрную революцию на втором этапе было гораздо сложнее в силу отсталости общественных отношений в горском ауле и морального (а не только экономического) господства патриархально-феодальной верхушки». И далее он пишет о «сословно-родовых традициях», «родовых связях», «сословно-родовой розни», о том, что

«родовые отношения противостояли кооперации и организации ККОВов»⁴⁰ Подобные примеры можно было бы продолжить. Они лишний раз заставляют задуматься о том, каково же было влияние и значение патриархально-феодалных отношений в конце XIX и в начале XX в., если их остатки были еще так сильны в период коренной социальной перестройки горского аула? Одно ясно — недооценка этих явлений волно или невольной преуменьшает те колоссальные трудности, с которыми пришлось столкнуться в ходе революции и аграрных преобразований новым органам власти на местах. Переоценка же этих отношений создает неверное представление о сущности и характере социально-экономического развития горских народов Северного Кавказа, чей опыт хозяйственного и национально-государственного строительства представляет не только академический интерес. Только объективный и всесторонний анализ даст возможность решить данную проблему.

Трудно согласиться и со своеобразной интерпретацией ряда принципиальных положений В. И. Ленина, имеющих важное методологическое значение для исследуемой проблемы. Так, анализируя ленинскую концепцию развития капитализма вглубь и вширь, Б. Х. Ортабаев пишет, что «В. И. Ленин обращал внимание исследователей на неразрывную связь территории окраин и метрополии». И далее: «Национальные окраины, как убедительно доказал В. И. Ленин, служили своеобразной отдушиной для российского капитализма, обуславливая необычайно высокую интенсивность его проникновения и развития вширь, компенсировавшую относительную слабость его развития вглубь»⁴¹

Прежде всего отметим, что В. И. Ленин, никогда не игнорировавший национальные особенности, рассматривая данную проблему, нигде не употреблял таких терминов, как «метрополия» и «национальная окраина» (а только: окраина и центр, окраины и центральные губернии, степные окраины и центральная Европейская Россия, южные и восточные окраины Европейской России, центр России и земледельческие окраины и т. п.)⁴², ибо это привносило бы в вопрос хозяйственной капиталистической колонизации окраин несколько иной смысл, в том числе и политический оттенок. Между тем В. И. Ленину было важно подчеркнуть, что речь идет о колониях «в экономическом смысле»⁴³, об окраинах, которые служили «как бы колониями русского капитализма»⁴⁴, об окраинах, связанных «в хозяйственном отношении с центральной Россией»⁴⁵ Вот почему В. И. Ленин, говоря о стремлении капитализма к безграничному расширению, нигде не акцентировал внимание на этнической принадлежности окраин, так как для развития капитализма вширь это не имело никакого значения. И тем более В. И. Ленин не доказывал, что они являлись своеобразной отдушиной для российского капитализма. Россия действительно находилась в более выгодных условиях по сравнению с другими капиталистическими странами «вследствие обилия свободных и доступных колонизации земель на ее окраинах»⁴⁶. Кстати, почти все горские районы Северного Кавказа страдали от малоземелья и поэтому доступными и свободными для колонизации (прежде всего утилизации незанятых новых земель, по В. И. Ленину)⁴⁷ были лишь относительно.

Если **свободные** окраины в какой-то мере и служили отдушиной, то лишь для бежавшего из центра разоренного крестьянства, для искавших рынки сбыта предпринимателей, но уж никак не для всей системы российского капитализма, да еще в форме компенсации его относительной слабости развития вглубь. Совсем наоборот, и это было специально подчеркнуто В. И. Лениным, развитие капитализма вширь и распространение его на окраины даже **замедляло** (какая уж там отдушина!!) разрешение основного противоречия в России между передовыми формами промышленности и полусредневековыми формами земледелия, **сдерживало** отмену архаических учреждений в сельской жизни и полную расчистку пути для земледельческого капитализма в России. Правда, это замедление было явлением, равносильным «подготовке еще большего и более широкого роста его в ближайшем будущем»⁴⁸. Однако и этот рост, как неоднократно подчеркивал В. И. Ленин (тем более, что речь шла об окраинах вообще, в том числе и незанятых, свободных, по К. Марксу, территориях с экономическими возможностями «американской» буржуазной эволюции), во многом зависел «от общественных свойств хозяйства в коренной Руси», от того, насколько «свободнее будет крестьянство в коренной России и чем больший простор получит развитие производительных сил»⁴⁹

Противоречивой представляется и позиция Б. Х. Ортабаева в оценке уровня социально-экономического развития Степного Предкавказья и плоскостных районов горских округов Северного Кавказа. С одной стороны, он критикует Т. Х. Кумыкова за то, что тот не видит разницы в уровнях социально-экономического развития плоскостных горских аулов и русских селений. С другой

стороны, Б. Х. Ортабаев автоматически переносит положение А. В. Фадеева о слабости крепостнических традиций в аграрном строе колонизируемых районов Северного Кавказа, т. е. наиболее заселяемых русским крестьянством центра страны, на «чуть ли не все» плоскостные горские аулы Терской и Кубанской областей. При этом автор ссылается на классовое расслоение, товарное производство, применение наемного труда таким образом, как будто эти явления были совершенно идентичны в казачьих станицах, ставропольских селах и горских аулах, располагавшихся в степных или плоскостных районах.

Между тем это было далеко не так. Уже перепись населения 1897 г. показала существенные различия в использовании наемной рабочей силы в казачьих станицах и плоскостных горских аулах. Сельскохозяйственная перепись 1917 г., отразив рост применения постоянного контингента наемных рабочих как в казачьих, так и горских хозяйствах, в то же время показала, что по-прежнему сохранялась серьезная дистанция в масштабах эксплуатации наемной рабочей силы в станицах и аулах. Сильнее была и интенсификация сельскохозяйственного производства в казачьих станицах, где $\frac{3}{4}$ хозяйств имели собственные усовершенствованные земледельческие орудия и машины (у горцев — $\frac{2}{3}$), а в расчете на одно хозяйство их приходилось 2,89, тогда как у горцев — лишь по 0,94⁵⁰. В отдельных адыгейских аулах предгорий и равнин последний показатель был несколько выше, но существенно отличался от показателя в казачьих хозяйствах.

Видимо, для Б. Х. Ортабаева главной посылкой для подобного вывода послужила сходная природно-географическая среда обитания (равнинные земли). По крайней мере, автор не приводит других аргументов, кроме указанных выше рассуждений о расслоении, экономических связях и т. п. Между тем хорошо известно, что природный фактор сам по себе не может служить основанием для становления капитализма, ибо капитализм создается общественными социально-экономическими отношениями. Если бы было иначе, как писал К. Маркс, то в богатой от природы Мексике уровень развития производства был бы выше, чем в Новой Англии⁵¹. Что же касается слабости крепостнических традиций, патриархально-феодальных отношений, то вряд ли они были в горских аулах так же незначительны как, например, в казачьих станицах, по сути не знавших крепостного права. Выше уже говорилось, как смотрят на эту проблему исследователи советского периода.

Обоснованным является и мнение большинства исследователей о том, что отмена крепостного права в горских аулах Северного Кавказа явилась не столько результатом назревшего противоречия между производительными силами и производственными отношениями, сколько была продиктована политическими целями царизма на Кавказе. А раз условия для подобной реформы еще экономически не созрели, то она не могла не быть еще более половинчатой, незавершенной, чем в центре страны. Не случайно реформа у горцев проходила, как правило, поэтапно (земельная, затем «освобождение от зависимости»), позже, чем в Центральной России (отдельные категории зависимого сословия были освобождены, например, в Дагестане лишь в 1913 г.), и была осложнена неупорядоченностью земельных отношений, что в течение полувека не могли распутать никакие правительственные комиссии. Все это не могло не сказаться на ходе экономической эволюции горцев. Немалую роль играл и такой фактор, как острое малоземелье, которое по своей природе исключало «развитие общественных производительных сил труда, общественные формы труда, общественную концентрацию капиталов, животноводство в крупных размерах...»⁵². А ведь земельный голод, по словам Б. Х. Ортабаева, испытывали все горские народы, кроме кабардинцев. Парцелльное крестьянское землевладение и землепользование дополняли картину сложных социально-экономических условий, в которых вызревали и развивались новые капиталистические отношения.

Таким образом, в последнее время советскими историками был сделан еще один очень важный шаг в разработке и уяснении особенностей аграрной эволюции Северного Кавказа в конце XIX — начале XX в., введен в научный оборот новый фактический материал, шире стали использоваться массовые статистические источники, правда, в основном локальные. Анализируя социально-экономический уровень развития смежных районов Северного Кавказа, исследователи стремились уйти от общих стереотипов оценки капиталистического развития горского аула, реже — казачьей станицы, нарисовать картину общественно-экономической структуры трех наиболее мозаичных по национальному и сословному составу населения областей края (Терской, Дагестанской и Кубанской) в один из переломных этапов их исторического развития.

В то же время, единодушно признавая развитие капиталистических отношений у всех народов Северного Кавказа и во всех его экономических зонах в конце XIX — начале XX в.,

безусловное влияние в этом процессе капиталистической системы России, историки по-разному трактуют уровень этого развития. Одни считают, что в исследуемый период, несмотря на активное формирование новой системы производственных отношений, капиталистический уклад в целом не стал доминирующим в горской экономике. Правда, в отличие от своих предшественников, они не говорят и о преобладании в горском ауле патриархально-феодалных отношений, ограничиваясь ссылками на серьезные полуфеодалные препятствия, которые сдерживали процесс утверждения аграрного капитализма. Другие исследователи пишут о сочетании различных общественно-экономических укладов в горской экономике, о превалировании того или иного из них в определенной местности в зависимости от внутренних социально-экономических условий. Наконец, высказано мнение, что у всех горских народов Терека (а это в полной мере тогда относится и к горцам Кубани) в начале XX в. победили капиталистические отношения.

Естественно возникает вопрос: почему при использовании в общем-то одних и тех же групп источников, однотипной методики анализа выводы исследователей столь различны?

Суть дела заключается, видимо, в том, что историки по-разному интерпретируют социально-экономические явления и факты, нередко забывая о том, что созревание капитализма в недрах феодальной общественно-экономической формации еще не означает полное исчезновение последней. И даже когда капитал «уже и господствует, но в очень неразвитой сравнительно форме; до полного развития, до полного отделения производителя от средств производства еще много промежуточных ступеней»⁵³.

Особенно необходимо отличать два основных этапа в развитии капитализма: его генезис и период утверждения как общественно-экономической формации. Вначале появляются зачатки будущей капиталистической формации как спорадические явления нового, формируются капиталистический уклад как определенный тип целостной системы производственных отношений, который постепенно разлагает старую формацию и наконец утверждает новую капиталистическую формацию⁵⁴.

Различия между этими двумя этапами эволюции капитализма убедительно показал К. Маркс. Говоря о генезисе капитала как историческом процессе разложения и продукте распада предшествующего общественного способа производства, он писал: «Процесс становления капитала капиталом, или его развития до появления самого капиталистического процесса производства, и реализация капитала в процессе производства принадлежат здесь к двум историческим периодам. В последнем капитал является предпосылкой, предполагается существующим как нечто само себя приводящее в действие. В первом он есть осадок процесса разложения некоторой другой формы общества. Здесь он — продукт некоторой другой формы, а не продукт своего собственного воспроизводства, как это имеет место позже»⁵⁵.

Формирование капиталистического уклада является существенным моментом в процессе становления капитализма. Но, даже выполняя роль стержневого формационнообразующего уклада, капиталистический уклад сам по себе еще не эквивалентен не только идентичному способу производства, но и тем более капиталистической формации.

Действительно, если капиталистический общественно-экономический уклад представляет собой лишь определенную систему производственных отношений, пусть даже и доминирующую, то это еще не означает, что он охватывает все общественное производство в целом как это происходит при господстве капиталистического способа производства. Победа же капиталистической общественно-экономической формации подразумевает, что капиталистические отношения охватили всю структуру общества в единстве всех его экономических, общественных, идеологических и других сторон⁵⁶.

Мысль о необходимости различать эти понятия прозвучала еще в 1965 г. на Всесоюзной конференции по проблеме «Закономерности исторического развития общества и перехода от одной социально-экономической формации к другой». Специально заострила внимание на этом акад. М. В. Нечкина, которая, говоря о процессе развития капитализма в России, подчеркнула: «Ведь под капитализмом мы разумеем не уклад, а формацию. Об этом не спорят»⁵⁷.

Между тем в рассмотренных трудах можно встретить выводы о том, что в конце XIX — начале XX в. в Северной Осетии преобладающим стал капиталистический уклад (Б. Х. Ортабаев), утвердился капиталистический способ производства (Б. П. Берозов), аграрный капитализм достиг высокого уровня развития (Ю. В. Хоруев). При этом приводимые авторами многочисленные фактические примеры, как правило, иллюстративны, а сами понятия не наполнены конкретным историческим содержанием, нередко объединяясь в общем-то однозначным смыслом, выраженным

расхожей формулировкой об утверждении капиталистических отношений в осетинской деревне.

Думается, однако, что для уяснения уровня развития капитализма в Северной Осетии, как и в других местностях Северного Кавказа, потребуются не только привлечение и систематизация дополнительного фактического материала, дальнейшая конкретизация на более широкой статистической основе происходивших в деревне или станице региона социально-экономических процессов и явлений, но и уточнение понятийного аппарата.

И все же уже сейчас можно сказать, что наиболее спорным является заключение о высоко-развитом аграрном капитализме Северной Осетии. Это вовсе не означает, что такой капитализм не мог утвердиться в отдельных районах, соседствующих с экономически отсталыми районами, влияние которых тоже нельзя полностью игнорировать. Так, в предреволюционной России капиталистически развитые регионы сосуществовали с районами, в которых преобладали феодальные отношения. На Северном Кавказе, в частности в степных районах Кубани и Ставрополья, сельскохозяйственное капиталистическое производство достигло высокой степени организации. Об этом свидетельствует не только широкое применение наемной рабочей силы, но и, что особенно важно, изменение в органическом строении реализуемого здесь капитала, смещение акцентов с его переменной части на постоянную. Вместе с тем в 1916 г. даже в наиболее экономически развитых по сравнению со многими другими горскими округами закубанских предгорных районах Адыгеи применение наемной рабочей силы (при ее постоянном росте) почти в два раза было меньшим, чем в степных отделах Кубани. Еще значительнее был разрыв в насыщенности сельскохозяйственными машинами. В 1917 г. в горских аулах Кубани земледельческой техники в расчете на 1 хозяйство было в 3 раза меньше, чем у казаков, и в 3,5 раза меньше, чем у русских и украинских крестьян⁵⁸ Интересно отметить, что предгорные казачьи хозяйства Закубанья, как и хозяйства терских казаков, также уступали по уровню развития не только постоянного, но и переменного капитала крестьянским хозяйствам степных районов и Ставропольского края. Поэтому выводы Ю. В. Хоруева, Г. Г. Османова и других исследователей о различном уровне экономического развития горских районов Терека и Дагестана представляются обоснованными.

Необходимо точнее определить уровень этого развития, «нащупать» основные этапы внедрения капитализма в сельскохозяйственное производство как степных, так и горных районов. При этом не следует ожидать рассчитанных с математической точностью результатов исследования — не только из-за недостатка массовых статистических источников, но и по причине сложнейшего переплетения общественно-экономических отношений на Северном Кавказе.

Как писал К. Маркс, только лишь «в теории предполагается, что законы капиталистического способа производства развиваются в чистом виде. В действительности же всегда имеется налицо лишь некоторое приближение; но приближение это тем больше, чем полнее развит капиталистический способ производства, чем полнее устранены чуждые ему остатки прежних экономических укладов»⁵⁹

Такое «приближение» можно обнаружить, если социально-экономическое развитие Северного Кавказа рассматривать сравнительно-исторически (в межрегиональном и порайонном срезе), в динамике и в совокупности всех его взаимосвязанных сторон, учитывая как исходные черты аграрной эволюции (особенности развития в дореформенный период), так и последующие (переходный период от капитализма к социализму). Нельзя забывать и о том, что в России в целом к концу XIX в. капиталистический способ производства достиг определенной высоты развития, и это не могло не оказывать большего или меньшего влияния на все без исключения районы Северного Кавказа. Мощным фактором такого влияния был процесс распространения капитализма вширь. К сожалению, после известных работ А. В. Фадеева конкретное изучение этого процесса на Северном Кавказе в значительной мере притормозилось, хотя и сейчас нет недостатка в общих декларативных рассуждениях о значимости капиталистической интеграции России на Северном Кавказе.

Между тем в исследовании динамики и форм проникновения российского капитализма на территорию Северного Кавказа вырисовывается один из эффективных подходов к уяснению этапов развития капитализма в регионе и его влияния на трансформацию социально-экономической структуры различных районов края. Основным проявлением этого процесса была массовая крестьянская колонизация Предкавказья.

Впервые вопрос о взаимосвязи развития капитализма вширь и колонизации окраин был научно раскрыт в ленинских работах. В. И. Ленин, в частности, отметил и основные черты эко-

номического «завоевания» Кавказа. Это — сильная колонизация и широкая распашка земель, особенно на Северном Кавказе, привлечение массы сельских рабочих из центра страны, втягивание в общероссийское мировое товарное обращение, вытеснение местных «кустарных» промыслов изделиями русских фабрик, интенсивный рост сельского населения, прикрывающий параллельный процесс отвлечения населения от земледелия к промышленности⁶⁰

В. И. Ленин обратил внимание на незавершенность этого процесса в конце XIX в. Он оставил свое замечание без изменений и в 1907 г., когда готовил к переизданию книгу. Факт небызынтересный, но он не всегда учитывается исследователями.

Действительно, и в первом десятилетии XX в. крестьянская колонизация Северного Кавказа продолжалась, хотя и не так интенсивно, как в конце XIX в., постепенно смещаясь в менее освоенные земледельцами районы. Для степных районов Предкавказья она в значительной степени стала фундаментом расширенного капиталистического воспроизводства, так как пришлые крестьяне (товаропроизводители и наемные рабочие) стали существенной частью производительных сил местного сельского хозяйства. Достаточно сказать, что в конце XIX в. в общем числе рабочих, занятых в сельскохозяйственном производстве, уроженцы других мест составляли в Черноморской губернии 96,5%, на Кубани — 73,8%, Ставрополье — 53,5%, в Терской области — 46,5%⁶¹

На Северный Кавказ устремились и представители мелкой и крупной буржуазии. В горные районы края из-за отдаленности аулов, состояния дорог, земельной тесноты приток переселенцев из Европейской России был незначительным (например, в горских округах Терека пришлых крестьян было лишь от 2,3 до 5,8% всего состава сельского населения)⁶²

Но наряду с приливом населения в горные районы Терской области в начале XX в. наблюдался отток из них крестьян-переселенцев⁶³, столкнувшихся здесь с еще большими реликтами феодально-патриархальных явлений, от которых они бежали из родных мест.

Остатки средневековых общественных традиций, национальная замкнутость, поддерживаемая горскими феодалами, духовенством и царизмом, круговая порука, сословная неравномерность податей, отдаленность от промышленных центров и т. п. — все это создавало препятствия для помещения мелких капиталов в сельскохозяйственное производство. А вследствие этого, считал В. И. Ленин, широкая распространенность низших и худших форм капитала — торгового и ростовщического⁶⁴.

О засилье в аулах местных «хищников-кулаков», скупщиков и кредиторов писали почти все горские демократы-публицисты, об этом свидетельствуют многочисленные опубликованные и архивные документы. В аулы и селения предгорий проникал и расширяющий сферу своего господства российский капитал, который на первых порах нередко использовал старые «паразитические» (по К. Марксу) методы обогащения. Причины этого хорошо показал В. И. Ленин, когда писал о представителях таких форм капитала: «„Нам“ плохо, потому что на старых местах „мы“ уже дочиста обобрали народ и приходится переходить к индустриальному капиталу, не способному так обогащать, как торговый: так „мы“ пойдем на восточные и северные окраины Европейской России, где еще возможны „первоначальное накопление“, дающее сотни процентов прибыли, где еще буржуазное разложение крестьянства далеко не завершилось»⁶⁵

Несомненно, это был один из первых этапов развития капитала в деревне, имманентные формы которого нуждаются в специальном изучении и осмыслении, но до сих пор почти не исследованы историками-кавказоведами.

В изучении генетически взаимосвязанных этапов развития аграрного капитализма немаловажным представляется и другой методологический аспект — исследование социально-экономического расслоения деревни. Известно, что уровень развития капитализма тем выше, чем шире товарную форму принимают не только продукты труда, но и сам труд⁶⁶. Свообразные процессы наблюдались в этом отношении в казачьей станице и горском ауле, не говоря уже о ставропольском селе, затронутом процессом столыпинской аграрной реформы в начале XX в. Так, в станицах края, в силу относительного многоземелья казачества и почти полного отсутствия средств производства у многочисленных пришлых крестьян, рекрутирование наемных рабочих шло в основном за счет последних, а использовался их труд главным образом в хозяйствах первых. Все это предопределило менее выраженное социально-экономическое расслоение казачества по сравнению с глубоким (классическим) классовым размежеванием иногороднего крестьянства.

Несколько по-иному было у горцев. Развитие капитализма вишьрь на территории, где преобладало мелкое парцельное производство, приводило к тому, что даже при минимально низком уровне личного потребления горских бедняков простое воспроизводство в большинстве подобных

хозяйств осуществлялось с величайшим трудом. Однако, подчиняясь новым экономическим условиям развития, эти хозяева вынуждены были отдавать на рынок чаще всего в виде арендной платы или ростовщического процента часть своего необходимого продукта, что приводило к еще большему обеднению горского крестьянства. В отдельных горских районах Северного Кавказа беднота составляла до 60—80% всех крестьян. Однако только на этом основании, думается, неправомерно делать вывод о значительном уровне развития капитализма в подобных районах региона. Ибо на другом полюсе горского аула капиталистически поставленных хозяйств было обычно немного (иногда не более 3%), а следовательно, и не было соответствующего потенциальным возможностям бедноты спроса на рабочую силу.

Поэтому правы Б. М. Джимов и те исследователи, которые писали, что для многих горских аулов была характерна на столько пролетаризация, сколько пауперизация крестьян. Это было, говоря словами В. И. Ленина, «непролетариатское обнищание» крестьянства — низшая и худшая форма его расслоения⁶⁷ Лишь с вступлением в процесс труда в качестве наемной рабочей силы ее носители становились объектом капиталистической эксплуатации, частью капитала⁶⁸ Иное дело, что рекрутирование наемных рабочих из разоренного крестьянства в процессе развития капитализма приобретало необратимый характер и постепенно возрастало. Этому способствовал рост местной кулацкой верхушки и возможность уйти на заработки в капиталистически более развитые аграрные районы и промышленные центры. Кстати, крестьянский отход на заработки вовсе не обязательно свидетельствует о высоком уровне развития капитализма в местах выхода, как об этом пишет Ю. В. Хорув. Скорее наоборот, это явление говорит о недостаточном его развитии, хотя и сравнительно более высоком, чем в местах, где не было еще такой массы обедневших крестьян, вынужденных искать заработки на стороне.

Отход крестьян был показателем общего процесса развития капитализма в России и на Северном Кавказе в частности. Разоренное крестьянство (налогами, ростовщическими процентами, кабалой, земельной рентой, эксплуатацией) уходило в районы, где был шире спрос на наемную рабочую силу, меньше было пережиточных форм эксплуатации, выше была заработная плата⁶⁹ Так, только из дагестанских аулов, по подсчетам Ш. М. Магомедова, в начале XX в. ежегодно отправлялось на заработки до 137 тыс. человек, из которых 70% уходило за пределы самой области. «То же самое,— отмечает автор,— наблюдалось в горных районах Чечено-Ингушетии и Осетии, тысячи дагестанцев, ингушей, чеченцев, осетин, представители других национальностей спускались с гор на равнину, чтобы заработать поденным трудом на уборке урожая у богатых казаков»⁷⁰

Довольно значительный отход на сезонные работы был характерен и для предгорных казачьих станиц Закубанья. Однако, оценивая крестьянский «земледельческий отход» как общее проявление развития капитализма, следует, по-видимому, учитывать местные причины этого отхода, соотношение отходящих на заработки и остающихся в найме у местных кулаков, компенсированный приход рабочих из других районов. Симптоматичен был и тот факт, что на заработки стали уходить и женщины-горянки, традиционно тесно связанные с домашним хозяйством.

Не однозначно следует понимать и так называемую «родственную» помощь бедняков своим богатым сородичам в конце XIX — начале XX в. Объяснять это только патриархально-родовыми традициями и пережитками, видимо, представляется упрощенным, но и считать такой труд завуалированной формой капиталистического найма можно, пожалуй, лишь с большой натяжкой. В самом деле, с развитием капиталистических отношений богатые горцы все более и более паразитировали на родственных отношениях, чаще привлекали к работе в своих хозяйствах бедных сородичей. При этом труд последних либо не оплачивался, либо оплачивался натурой. Такая эксплуатация бедноты, хотя и не представляла капиталистического найма, при котором затрачивался переменный капитал и создавалась прибавочная стоимость, но в определенной степени генерировалась ростом товарного производства и необходимостью расширенного использования рабочей силы.

Итак, в последние годы советскими историками была проделана большая и плодотворная работа по исследованию аграрно-капиталистической эволюции крупнейших национальных и административных районах Северного Кавказа. При этом обозначились как общие научные позиции, так и существенные расхождения в оценке степени социально-экономического развития этих районов. Во многом это объясняется неодинаковым конкретно-историческим и методическим подходом исследователей к решению важнейших вопросов исследуемой проблемы, определенным различием в понимании ее отдельных теоретических аспектов.

Дальнейшее углубленное исследование социально-экономической структуры Северного Кавказа

предреволюционного периода, по-видимому, может стать перспективным при всестороннем сравнительно-историческом изучении (включая и исторические параллели с другими регионами страны) всех административных, национальных и экономических районов Северного Кавказа под общим углом зрения развития капитализма вширь и вглубь. При этом, очевидно, целесообразно сосредоточить усилия на вертикальном (хронологическом) и горизонтальном (географическом) анализе аграрной колонизации края, на выявлении роли и соотношения низших и высших видов капитала (торгово-ростовщического и предпринимательского), степени распространения наемного труда вообще и его различных форм в частности, изменении органического строения капитала, интенсификации сельскохозяйственного производства.

Все это поможет выявить закономерности и особенности социально-экономического развития народов Северного Кавказа, истоки революционной борьбы трудящихся края, предпосылки предпринятых социалистических преобразований в казачьей станице, горском ауле и крестьянском селе. Итоги такой работы трудно переоценить. Она будет иметь значение не только для истории Северного Кавказа.

Примечания

См.: Крикунов В. П. Некоторые проблемы методологии изучения региональной истории // Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона: Материалы Всероссийской научной конференции 21—22 сентября 1978 г. в г. Грозном. Вып. 2. Грозный, 1980. С. 26—35; Х а с б у л а т о в А. И. К вопросу об освещении ленинской концепции вовлечения народов Северного Кавказа в капиталистическое развитие России в исторической литературе // Там же. С. 35—42; Р а т у ш н я к В. Н. Исследование пореформенной истории крестьянства Дона и Северного Кавказа // Социально-экономические проблемы российской деревни в феодальную и капиталистическую эпохи: Материалы XVII сессии Симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Ростов н/Д, 1978 г. Изд-во Ростовского ун-та, 1980. С. 169—175; е г о ж е. Советская историография аграрно-капиталистической эволюции Северного Кавказа // История и историки: Историографический ежегодник. 1979. М., 1982. С. 84—103.

² См. авторефераты диссертаций д-ра ист. наук: Б е р о з о в Б. П. Аграрный вопрос и крестьянское движение в Северной Осетии в XIX веке. Тбилиси, 1982. С. 43; Т р о й н о Ф. П. Поземельные отношения у горских народов Северного Кавказа (с начала пореформенного периода до 1917 г.). М., 1984. С. 32; Х о р у е в Ю. В. Аграрный вопрос и крестьянское движение на Тереке в эпоху империализма (1900—1917 гг.). Баку, 1986. С. 48; Д ж и м о в Б. М. Социально-экономические отношения и классовая борьба на Западном Кавказе. 1867—1917 гг. Тбилиси, 1986. С. 54; О р т а б а е в Б. Х. Социально-экономические отношения у горских народов Терека в конце XIX — начале XX в. (1890—1917 гг.). Тбилиси, 1986. С. 50.

³ Х о р у е в Ю. В. Аграрный вопрос и крестьянское движение в Северной Осетии в эпоху империализма. Орджоникидзе, 1986. С. 176; О с м а н о в Г. Г. Генезис капитализма в сельском хозяйстве Дагестана. М., 1984. С. 152; Т р о й н о Ф. П. Арендные отношения у горцев Северного Кавказа. Изд-во Ростовского у-та, 1984. С. 90; Д ж и м о в Б. М. Социально-экономическое и политическое положение адыгов в XIX в. Майкоп, 1986. С. 191; Б е р о з о в Б. П. Путь, равный столетию (Очерк истории аграрного развития Северной Осетии в XIX в.). Орджоникидзе, 1986. С. 318.

⁴ Б е р о з о в Б. П. Аграрный вопрос. С. 18.

⁵ См.: напр.: Из истории сельского хозяйства Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1971. С. 33.

⁶ Крикунов В. П. Некоторые вопросы изучения хозяйства горцев, крестьян и казаков (по данным военно-конских переписей 1891—1903 годов) // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. Ростов н/Д, 1976. № 3. С. 93.

⁷ Т р о й н о Ф. П. Поземельные отношения... С. 30.

⁸ М а р к с К. и Э н г е л ь с Ф. Соч. Изд. 2. Т. 46. Ч. 1. М., 1968. С. 448.

⁹ Там же. Т. 23. С. 638.

¹⁰ Т р о й н о Ф. П. Арендные отношения... С. 83.

¹¹ О с м а н о в Г. Г. Указ. соч. С. 150—151.

¹² Там же. С. 142—143.

¹³ Х о р у е в Ю. В. Аграрный вопрос и крестьянское движение на Тереке... С. 43—44.

¹⁴ Б е р о з о в Б. П. Путь, равный столетию... С. 316.

¹⁵ Е г о ж е. Аграрный вопрос... С. 41.

¹⁶ Е г о ж е. Путь, равный столетию... С. 316.

¹⁷ Д ж и м о в Б. М. Социально-экономические отношения... С. 12.

¹⁸ Е г о ж е. Социально-экономическое и политическое положение адыгов в XIX в. С. 129.

¹⁹ Там же. С. 130.

²⁰ О р т а б а е в Б. Х. Указ. соч. С. 47.

²¹ Е г о ж е. Социально-экономические отношения у горских народов Северного Кавказа в конце XIX — начале XX века в советской историографии // История СССР. 1984. № 2. С. 98—112.

²² Там же. С. 111.

- ²³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций, Пленумов. Т. 2. М., 1970. С. 252.
- ²⁴ Ортабаев Б. Х. Указ. соч. С. 93.
- ²⁵ Там же. С. 102.
- ²⁶ Аутлев М. Г. Аграрные отношения в доколхозном ауле // КПСС — организатор аграрных преобразований на Северном Кавказе. Орджоникидзе, 1981. С. 74.
- ²⁷ Ленин В. И. ПСС. Т. 16. С. 219, 268, 269. Б. Х. Ортабаев, правда, тоже говорит о капиталистической направленности социально-экономического развития, но понимает он эту направленность уже за рамками феодальной общественно-экономической формации (см.: История СССР. 1984. № 2. С. 109).
- ²⁸ Ленин В. И. ПСС. Т. 16. С. 269.
- ²⁹ Мамбетов Г. Х. К вопросу о проникновении капиталистических отношений в экономику Кабарды и Балкарии во второй половине XIX — начале XX в.: Сб. статей по истории Кабардино-Балкарии. Вып. 9. Нальчик, 1961. С. 110—148; Кучмезова М. Ч. Проникновение капиталистических отношений в экономику балкарских обществ в пореформенный период // Ученые записки КБНИИ. Сер. истор. Т. 25. Нальчик, 1967. С. 59—72.
- ³⁰ См.: Некапиталистический путь развития // Экономическая энциклопедия / Политическая экономия: В 4 т.: Т. 3. М., 1979. С. 73.
- ³¹ Агаев А. Г. Судьбы народностей. М., 1978. С. 31.
- ³² Исмаилов И. З. Ленинская теория некапиталистического развития и народности Кавказа. Баку, 1968. С. 17.
- ³³ Овчинникова М. И. Советское крестьянство Северного Кавказа (1921—1929 гг.) Ростов н/Д, 1972. С. 31.
- ³⁴ Гюев М. И. Осуществление ленинской аграрной политики в национальных районах Северного Кавказа (1917—1929 годы) // КПСС — организатор аграрных преобразований на Северном Кавказе. Орджоникидзе, 1981. С. 40.
- ³⁵ История СССР. 1984. № 2. С. 109.
- ³⁶ Там же. С. 112.
- ³⁷ Микоян А. И. Из воспоминаний // Юность. 1967. № 8. С. 50.
- ³⁸ Юсупов П. И. Социально-политическое значение землеустройства среди горцев Чечено-Ингушетии в первые годы Советской власти. // КПСС — организатор аграрных преобразований на Северном Кавказе. С. 132.
- ³⁹ Гюев М. И. Указ. соч. С. 43.
- ⁴⁰ Аутлев М. Г. Указ. соч. С. 68, 69, 72, 73.
- ⁴¹ История СССР. 1984. № 2. С. 98.
- ⁴² См.: Ленин В. И. ПСС, Т. 3. С. 239, 252, 253, 564, 587, 592, 593, 594, 596; Т. 4. С. 86; Т. 16. С. 217, 224, 226, 227, 228, 229 и др.
- ⁴³ Там же. Т. 3. С. 593.   ⁴⁴ Там же. Т. 4. С. 86.
- ⁴⁵ Там же. Т. 3. С. 596.   ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Там же. Т. 16. С. 230.
- ⁴⁸ Там же. Т. 3. С. 596.
- ⁴⁹ Там же. Т. 16. С. 229, 231.
- ⁵⁰ См.: Госархив Краснодарского края (далее — ГАКК). Ф. Р.—234. Оп. 1. Д. 60, 63, 65, 67, 70, 71.
- ⁵¹ Маркс К., Энгельс Ф. Письма о «Капитале». М., 1968. С. 304.
- ⁵² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 372.
- ⁵³ Ленин В. И. ПСС. Т. 1. С. 490.
- ⁵⁴ См.: Переход от феодализма к капитализму в России. М., 1969. С. 11; Теория общественно-экономической формации. М., 1982. С. 129—130.
- ⁵⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. III. С. 516.
- ⁵⁶ См. подробнее: Теория общественно-экономической формации. М., 1982. С. 117—131; Марксистско-ленинская теория исторического процесса. М., 1983. С. 15—20.
- ⁵⁷ Переход от феодализма к капитализму в России. С. 116.
- ⁵⁸ ГАКК. Ф. Р.—234. Оп. 1. Д. 60, 63, 65, 67, 70, 71.
- ⁵⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. I. С. 191—192.
- ⁶⁰ Ленин В. И. ПСС. Т. 3. С. 593—595.
- ⁶¹ Численность и состав рабочих в России на основании данных Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Т. 1. СПб., 1906. С. XV. Табл. 1; Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основании данных Первой всеобщей переписи населения Российской империи 28 января 1897 г. СПб., 1905. Табл. 2.
- ⁶² Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897. Т. 68. Терская область. СПб., 1905.
- ⁶³ Гриценко Н. П. Горский аул и казачья станица Терека накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Грозный. 1972. С. 72, 73; Хасбулатов А. И. Чечено-Ингушетия накануне первой русской буржуазно-демократической революции. Грозный, 1963. С. 31.
- ⁶⁴ Ленин В. И. ПСС. Т. 4. С. 55—56; Т. 3. С. 382—383.
- ⁶⁵ Там же. Т. 1. С. 323—324.
- ⁶⁶ Там же. С. 458—459.
- ⁶⁷ Там же. Т. 4. С. 56.
- ⁶⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 345.
- ⁶⁹ Ленин В. И. ПСС. Т. 3. С. 234.
- ⁷⁰ Магомедов Ш. М. Северный Кавказ в трех революциях. М., 1986. С. 22.

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ В ИССЛЕДОВАНИЯХ А. И. КЛИБАНОВА

Александр Ильичу Клибанову, историку русской культуры, общественной мысли и российских религиозных движений, исполняется 80 лет. Его путь в науке, по существу, измеряется вехами развития советской историографии. Достаточно сказать, что первое крупное исследование, которому предшествовал ряд публицистических религиозоведческих брошюр, было опубликовано А. И. Клибановым в 1931 г., кандидатская диссертация была защищена в 1935 г., а сегодня находится в издательстве книга «Русская общественная мысль XIV—XVI вв. Мыслители и проблемы». При чтении списка трудов ученого бросается в глаза 10-летний перерыв после 1935 г., затем следует ряд публикаций 1944—1945 гг. и еще одна десятилетняя пауза. Эти пробелы напоминают о 12 годах пребывания в ГУЛАГе и 5-летней сибирской ссылке. Но и в этом научная и личная судьба А. И. Клибанова — отражение судьбы отечественной науки и отечественной культуры, судьбы нашего народа. Однако вопреки лакунам в списке работ эти черные годы находятся в особой, содержательной связи с научным творчеством А. И. Клибанова. Его книги 60—70-х гг. были своеобразным ответом на вызов времени, истории и судьбы, они рассказывали о европейском пути самоопределения русской цивилизации, о выношенном русскими народными религиозными движениями идеале свободного, а не казарменного социализма, о постоянном накале духовных поисков на орбите гуманизма, свободомыслия и самоутверждения личности.

Не хотелось бы давать формально полный, но беглый обзор трудов А. И. Клибанова. Предложим иную задачу: остановимся на отдельных научных проблемах, которые решены или поставлены А. И. Клибановым, и обозначим некоторые перспективы в их изучении.

Ведущая и сквозная тема научного творчества А. И. Клибанова — история отечественных религиозно-общественных движений. Речь идет о противощерковных движениях русского средневековья (им посвящен цикл крупных статей и большая книга «Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в.» М., 1960), и о сектантских XVII — начала XX в. («История религиозного сектантства в России». М., 1965), а также послереволюционного времени («Религиозное сектантство и современность». М., 1969; «Религиозное сектантство в прошлом и настоящем». М., 1973; «Из мира религиозного сектантства». М., 1974). По своему существу и «сверхзадаче» все эти книги и статьи связывает одна принципиальная тема: вклад религиозно-общественных движений в отечественную историю и соотнесение их религиозно-духовного и социально-практического опыта с опытом параллельных европейских еретических, реформационных, сектантских движений.

Своей фундаментальной монографией о реформационных движениях в России А. И. Клибанов показал, что противощерковные движения XIV—XVI вв. — полноценный типологический аналог современным им городским ересям и реформационным движениям Западной Европы. До А. И. Клибанова историю русских еретических движений начинали с ереси стригольников. Он же относит зарождение на Руси «протестантской ереси» (выражение Ф. Энгельса) средневековых городов к рубежу XIII—XIV вв., когда среди мирян и низшего духовенства распространились стихийные антищерковные настроения, порожденные авторитарностью и изданием господствующей церкви. Во второй половине XIV в. этот еще не вполне оформленный антищерковский протест перерос в открытую ересь — стригольничество.

Изучение этого движения и ереси новгородско-московских антищерковников («ересь жидовствующих» конца XV — начала XVI в.) затруднено тем, что круг дошедших до нас памятников, созданных самими вольнодумцами или их оппонентами, чрезвычайно узок. Эти памятники издавна привлекали внимание исследователей, и тем большей скрупулезности требовало их изучение от А. И. Клибанова, тоже к ним обратившегося. Он не только получил новую информацию из известных прежде текстов, но и обогатил науку находкой новых памятников русского религиозного свободомыслия. Это, во-первых, глоссы на полях книг Ивана Черного, которые позволили прочитать то, что в тексте переписанных книг (сборник библейских текстов и книга ветхозаветных

Дмитриев Михаил Владимирович, кандидат исторических наук, исторический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

пророчеств) эксплицитно не выражено, и, во-вторых, «Написание о грамоте», находящееся в тесной связи со знаменитым, своеобразно и убедительно истолкованным А. И. Клибановым «Лаодикийским посланием» Федора Курицына. Эти новые памятники русского религиозного свободомыслия и оригинальные прочтения уже известных текстов позволяют надеяться, что изучение истории русских ересей XIV—XVI вв. в будущем принесет новые результаты. Отметим, что цикл работ А. И. Клибанова, Я. С. Лурье, Н. А. Казаковой и др. по истории стригольников и новгородско-московского антитринитаризма нашел продолжение в ряде зарубежных исследований, в то время как в нашей науке изучение этих проблем приостановилось.

Занимаясь историей русских реформационных движений, А. И. Клибанов не мог пройти мимо современных и в чем-то созвучных им религиозных исканий эпохи Сергия Радонежского и второй половины XV — начала XVI в. Речь идет об исихазме и нестяжательстве. Однако в отличие от большинства советских работ на эту тему в его исследованиях акцент был поставлен не на богословско-мистической стороне исихазма и не на проблеме землевладения в нестяжательстве, а на гуманистических поисках в том и другом случае. Представляется чрезвычайно существенной и перспективной данная А. И. Клибановым характеристика нестяжательства, а точнее направления Нила Сорского, как идеологии христианской гуманности. Это особенно важно в связи с тем, что идейное наследие мыслителей круга Сергия Радонежского, а затем Нила Сорского имело большое значение не только для русских, но и для восточнославянских земель.

Религиозная жизнь восточнославянского православия XIV—XVI вв. не знала государственных границ. Яснее всего это видно на примере деятельности Феодосия Косого и его последователей, чья проповедь с полным к тому основанием оценена А. И. Клибановым как факт прямого участия русских вольнодумцев в развитии украинско-белорусской и шире — восточноевропейской — реформации. Действительно, еретическое учение Феодосия Косого, будучи вытеснено инквизиционным преследованием из русских пределов, нашло адекватное и богатое продолжение в украинско-белорусских землях, где русские вольнодумцы объединились с польско-литовскими протестантами. Начавшись на Руси, восточнославянское реформационное движение в середине и второй половине XVI в. нашло, таким образом, продолжение в православных землях Речи Посполитой, вызвав глубокое обновление всех институтов местного православия. Но на украинско-белорусскую почву были занесены семена не только реформационного свободомыслия, но и спиритуализированного и гуманизированного христианства нестяжателей. Одним из посредников выступил старец Артемий. Его учению последовали сторонники обновления церкви среди православного духовенства в Речи Посполитой. В определенной степени именно оно стало основой так называемого православного Возрождения на Украине и в Белоруссии в конце XVI — первой половине XVII в. Это означает, что культурно-исторические последствия нестяжательства были еще масштабнее, чем принято думать. И понимание сущности нестяжательства в предложенном А. И. Клибановым ключе помогает лучше разобраться в существовании внутрицерковных процессов у восточных славян в XVI—XVII вв.

Поскольку религиозная реформация XVI в. была представлена у восточнославянских народов, так сказать, в усеченном виде, сектантские движения второй половины XVII—XIX в. — христовщина, духовное христианство, молоканство, духоборчество, штундизм, баптизм, евангельское христианство, — внимательно изученные А. И. Клибановым, трактуются им как «второе издание» реформационных движений в России. А. И. Клибанов не только дал анализ их учения, социальной базы и исторической роли, в частности, роли «обводного канала» капиталистического развития, но и выстроил генеалогию этих движений, показав некоторые общие закономерности и тенденции их эволюции, например, феномен неизбежного оцерковления каждой секты и нарастания внутренних конфликтов в ее лоне.

Эволюция сектантства, как ясно доказал А. И. Клибанов, теснейшим образом связана с развитием капитализма в России. Выявление этой закономерности выводит исследования в этой области отечественной истории на две фундаментальные проблемы: религиозные факторы модернизации России в плане приобщения ее к торжеству западноевропейской буржуазной цивилизации и содержание, темпы и формы процессов христианизации восточно-славянских культур в новое время. Последняя проблема вытекает из всех научных изысканий А. И. Клибанова по истории религиозно-общественных движений в России. Каков был вклад реформационных и сектантских движений в то, что можно назвать вторичной, углубленной христианизацией восточнославянских народов? Повлияли ли они на характер интерпретации христианства господствующей церковью? В какой степени и в чем именно под воздействием реформационных и сектантских движений

образ христианства трансформировался в народном сознании? Эти вопросы, поставленные трудами А. И. Клибанова, ждуг еще своих исследований.

Ученый внес много нового в понимание идейного содержания русских еретических движений XIV—XVI вв. и русского сектанства. Во-первых, он убедительно показал, что опыт русских противочерковных движений XIV—XVI вв. — это опыт не только еретических, но и реформационно-гуманистических по своему содержанию и значению движений. Они привнесли в русскую общественную мысль и культуру новые, характерные для перехода от средних веков к новому времени духовные, ценностные и социальные ориентиры. А. И. Клибанов ярко показал гуманистический пафос русского религиозного свободомыслия, присущие ему этику и эстетику приятия жизни и выработывавшееся постепенно убеждение в равенстве народов и вер.

Во-вторых, исследования А. И. Клибанова позволяют иначе, чем принято, взглянуть на вопрос: почему в русской истории гуманизм и реформация не составили в отличие от Западной Европы эпоху культурного развития, почему их след оказался слабее, чем в мире католицизма? Обычно это объясняют ссылкой на сравнительную социально-экономическую отсталость России. Это, конечно, существенно. Но почему, например, во второй половине XIX — начале XX в. «сравнительно отсталая Россия» смогла поразить мир невиданным культурным подъемом — «святой», по словам Т. Манна, литературой, блестящими достижениями в науке, искусстве и философии? Строго говоря, объяснять те или иные особенности духовного развития общества ссылками на социально-экономическую отсталость или прогрессивность — это значит отдавать дань экономическому материализму и формационному детерминизму. А ведь наряду с формационными в истории действуют и цивилизационные детерминанты.

В книгах А. И. Клибанова нет прямого тезиса о том, что общественная мысль России развивалась в несколько иной, чем на Западе, сетке цивилизационных координат. Однако в некоторых работах, особенно в большой статье о мировоззрении Андрея Рублева и в некоторых фрагментах книги о русских реформационных движениях, эта проблема поставлена. Речь идет, подчеркнем, не о противоположности цивилизационных путей России и Европы. Напротив, как мы сказали, все творчество А. И. Клибанова может быть прочитано как доказательство единства исторических судеб Европы и России — естественно, в том случае, если мы измеряем эти судьбы мерками «большого времени». Однако особенности православной и византийско-восточнославянской традиций придавали особую форму, особое выражение всем культуротворческим процессам, в то время как существо, содержание этих процессов было общим на Западе и Востоке Европы, ибо они составляют единую по своему христианскому ценностному императиву цивилизацию. Проиллюстрируем это суждение лишь одним примером.

А. И. Клибанов заострил внимание на специфике взаимодействия русской культуры с античностью и античным наследством. Это взаимодействие было опосредовано византийской патристикой. Значение патристики как транслятора античных ценностей в русскую культуру долгое время недооценивалось. Тем более не ставился вопрос, в какой степени восточнохристианский базис русской духовной культуры предопределял ее типологические отличия от западной, латинско-христианской. Проблема эта не решена до сих пор. Однако уже в 1960 г., рассматривая вопрос об источниках русской гуманистической мысли, А. И. Клибанов обратил внимание на такой характерный факт: существование ясной параллели между идеей итальянских гуманистов о свободе воли, т. е. стержнем всей гуманистической идеологии, провозглашенной, в частности, Джованни Пико делла Мирандолой в знаменитой «Речи о достоинстве человека» и положениями византийской патристики, например, сочинениями Феофила Антиохийского, которые созвучны высказываниям Пико делла Мирандолы. Это говорит не только о традиционно-христианских корнях гуманистической идеологии, но и о том, что, будучи новыми для латинско-католической традиции, подобные идеи не вступали в противоречие с православным идеологическим и религиозно-философским канонами. Такой подход позволил А. И. Клибанову показать, что, во-первых, византийско-православная религиозно-философская традиция стала источником развития гуманистической мысли в восточнославянском мире, во-вторых, эта традиция, усвоенная постепенно восточнославянским православием, привносила принципиальное своеобразие в появление гуманистически-реформационных тенденций в отечественной культуре и религиозно-общественной борьбе.

Учет специфики православной традиции позволит по-новому взглянуть и на старообрядчество. К этому подводят некоторые исследования А. И. Клибанова, одни из которых опубликованы, а результаты других введены в научный оборот на конференциях последних лет. Они заставляют задуматься: должно ли ждать, что переход от средних веков к новому времени будет

совершаться в русской культуре в той же форме, с той же последовательностью стадий, на тех же путях, что и в Западной Европе? Старообрядчество как феномен прежде всего народной, а не элитарной культуры представляет с этой точки зрения особенный интерес. В нем, как считает А. И. Клибанов, выразилось индивидуально-незрелое, роевое начало культуры со своими закономерностями эволюции. Однако приверженность староверов к внешней стороне религиозного культа, их готовность «умереть за аз» могут быть интерпретированы далеко не так однозначно, как это принято делать. В частности, А. И. Клибанов считает возможным говорить о паулинистских мотивах в проповеди раннего староверия. А такие мотивы, как известно, были одной из составляющих реформационной проповеди в Европе. С другой стороны, исследования А. И. Клибанова по истории религиозного сектанства показывают, что, не будучи порождением или продолжением староверия, сектантство имело точки соприкосновения с ним, а внутри раскольничьих общин складывались и протестантские толки, например, беспоповцы и бегуны. И тут мы возвращаемся к тому, что было сказано выше об общем, кардинальном значении изысканий, проведенных А. И. Клибановым, к тезису об органичной принадлежности исторического опыта русских религиозно-общественных движений к общеевропейской традиции.

Всем работам А. И. Клибанова присуще новаторство, и потому они всегда побуждают к полемике, к научному спору. Введение истории русской духовной культуры средневековья и раннего нового времени в контекст общеевропейских культурно-религиозных процессов нашло оппонентов в лице некоторых зарубежных историков (например, Э. Хёша) и советских (среди участников дискуссий о степени приобщенности России к гуманизму и реформации, о концепции русского Предвозрождения). Возражая ученому, можно утверждать, что восточнославянский мир был подвержен сильному вневвропейским влияниям, не смог и не был способен стать органичной частью Европы, что те яркие мыслители, которые, как кометы, промчались по темному небу восточнославянского православия в XVI—XVII вв., — суть исключения, подтверждающие отлученность России от общеевропейского культуротворческого процесса. Можно придерживаться иной, «самобытной» точки зрения, противопоставляя так называемое православное Возрождение западноевропейскому, видя в религиозных вольнодумцах-рационалистах инициаторов культурной «порчи», находя в византийско-православных традициях всеобъемлющую антитезу западным, латинско-католическим. Однако в любом случае нужно будет признать, что новый взгляд на религиозно-общественные движения допетровской России, предложенный А. И. Клибановым вместе с другими учеными, помог глубже и яснее понять судьбы русской духовной культуры в соотношении их с общемировым развитием.

Работы А. И. Клибанова отличает сочетание филигранного анализа религиозных, философских, фольклорных и литературных текстов с широким панорамным взглядом на духовные процессы громадного пространственного и хронологического масштаба и интуитивно-глубоким проникновением в скрытый от внешнего взгляда ноуменальный смысл исследуемых феноменов. Такой творческой манере соответствует и та привлекательная академическая неспешность, с которой нить за нитью разматывается в трудах А. И. Клибанова клубок чрезвычайно тонких и сложных линий духовного творчества народа.

Все это относится к большому циклу работ по истории социальных идей русской общественной мысли и обобщающей двухтомной монографии «Народная социальная утопия в России», которая отмечена премией им. Б. Д. Грекова. В этих исследованиях речь идет об имеющихся уже в фольклоре идеалах социальной справедливости (Правда и Кривда, легенда о царе-избавителе), социальных идеалах русских мыслителей XVI в. — Федора Карпова, Максима Грека, Ермолая-Еразма, Ивана Пересветова, Феодосия Косого, социально-утопических представлениях участников крестьянских войн и их современников (Квирин Кульман, Евфимий), наконец, об утопических проектах и попытках их реализации в практике массовых народных движений антифеодального и противочерковного протеста XIX в.

Научный пафос этих работ в показе того, что и при феодальной эксплуатации и многовековом гнете крепостного права сохраняются стремление к свободе, социальной справедливости, вера в лучшую долю и возможность благоустройства общественной жизни на фундаменте строгой законности, исходящей из народных представлений о сущем и должном. Перед читателем двухтомной книги А. И. Клибанова проходят крестьянские мыслители и энергичные деятели-практики, стремившиеся найти и воплотить в жизнь принципы наилучшего и наисправедливейшего общественного строя. Это — Федор Подшивалов, Николай Попов и Михаил Попов, Иван Григорьев и Тимофей Бондарев. Один из них разработал проект идеального общества и государства, назвав

его «Новый Свет и законы его»; другой, сын дьякона и приходский священник, основал общину «Любовь братства»; утопическая община третьего называлась «Союзное братство», а Михаил Попов нарек свою общину «Общим упованием». Тимофей Бондарев, известный корреспондент Льва Толстого, представлял будущее общество как «единодушную и единосердечную артель». Все социальные искания русского народа были сопряжены с его религиозными исканиями. С этой точки зрения русский народ выступал в книгах А. И. Клибанова народом-богососцем. Но к какому именно богу были обращены мысли и чаяния крестьянства? Чаще всего не к тому, какого забыла, по мнению крестьянских вольнодумцев, огосударствленная православная церковь. В этом отношении народные социальные утопии тесно смыкаются с «крестьянским протестантизмом» XVII—XIX вв. Это же обстоятельство помогает лучше понять, в чем состояла народность не только художественных, но и идейных исканий Л. Н. Толстого, чье имя часто фигурирует в книгах А. И. Клибанова.

Цикл исследований по истории социальных идеалов и социальной утопии в русской культуре обращен к идеологии отечественных народных движений и редким попыткам воплотить идеологические постулаты в жизнь. В связи с этим оппоненты А. И. Клибанова выражают сомнение в обоснованности «идеологизации» крестьянских движений, которая иногда представляется чрезмерной, и указывают, что идеология социального протеста и в том числе ее воплощенные в утопические программы вариации остались невостребованными в крестьянских массах. Отметим, однако, что еще, кажется, никому не удалось определить историческую меру соотношения идеологического и психологического в опыте массовых общественных движений. Наличие развитых идеологических форм народного протеста против социальной несправедливости, стремление к общественной гармонии не менее важны, чем очевидная неспособность крестьянской массы к отчетливому, вербализованному и идеологическому выражению своих чаяний. Как бы то ни было, книги А. И. Клибанова знакомят нас именно с идеологами, придавшими в меру своего индивидуального таланта и зрелости общественного сознания теоретическую форму народным социальным упованиям. Что касается восприятия этих идей в деревне, то, конечно же, барьер между идеей и рутинной каждодневной жизнью оставался труднопреодолимым. Но ведь были и массовые крестьянские движения, проходившие под религиозным знаменем, староверие и духовное христианство в его различных дериватах, которые усваивали продукцию интеллектуального творчества своих идеологов и вождей. Наконец, если не считать революционные потрясения начала XX в. волюнтаристским насилием над историей, нужно признать, что именно эта эпоха востребовала традиции народного социального утопизма — как в его смутно-чаемой, так и в идеологически-концептуализированной форме.

Особая тема творчества А. И. Клибанова, внешне, казалось бы, выпадающая из общей канвы его исследований, — декабризм и декабристы. В свое время А. И. Клибанов обнаружил в архиве Красноярского государственного краевого музея письма И. И. Пущина, Н. А. Бестужева, А. И. Якубовича, А. Н. Сутгофа, В. Л. Давыдова и других декабристов к Я. Д. Казимирскому, жандармскому полковнику, как ни неожиданно, ставшему большим другом ссыльных дворянских революционером. Сам по себе факт их переписки знаменателен и помогает лучше понять не только судьбу декабристов, но и характер всего русского общества первой половины XIX в. Но только ли эта счастливая красноярская находка побудила А. И. Клибанова приняться за изучение декабризма? Думается, что существует и более глубокая внутренняя связь между обращением к декабризму, идейным исканиям А. Блока, творчеству Льва Толстого, с одной стороны, и многолетним изучением опыта народных религиозно-общественных движений. Это два потока русского освободительного движения — горный и дольный. Оба берут исток в глубинах средневековья, оба стремятся к единой цели. Но у них были разные ритмы и разные представления о существующем желанном обществе. И переключка этих двух движений, степень их идейной изоморфности и внятности для одного призывов и чаяний другого — станет, наверное в будущем предметом занятий историков.

Исследуя историю религиозного сектанства в нашей стране, А. И. Клибанов перешагнул грань 1917 г. Это в высшей степени закономерно и продиктовано всей логикой научной и личной биографии ученого. Мы имеем в виду то, что в 20-е гг. А. И. Клибанов — активный пропагандист атеизма, «молодой ленинградский антирелигиозник», как писал о нем проф. Н. М. Маторин в предисловии к книге А. И. Клибанова о меннонитах. Упоминание об этом вызывает в сознании сегодняшнего читателя, прямо скажем, негативные ассоциации. Однако историческая неповторимость, исключительность того времени, озаренного самозабвенным энтузиазмом, идейной

ожесточенностью и милленаристскими упованиями, помогает понять, что 20-летние атеисты того времени были детьми своей эпохи.

Цикл исследований А. И. Клибанова о сектантстве послеоктябрьского периода включает в себя работы как исторического, так и социологического и социально-психологического характера. Среди последних выделим исследование об эволюции религиозного сознания и проблемах психологии современного сектантства. Они ясно показывают, насколько сложным и многослойным оказывается комплекс религиозных представлений, и разрушают тем самым иллюзию, будто преодолеть религиозное отчуждение можно при помощи пропагандистско-административного нажима, без подкрепления атеизма общим преобразованием социального бытия современного человека. Кроме того, религиозное сектантство — благодатная почва для проведения социально-психологических и историко-психологических исследований. Индивидуальное сознание верующего чаще всего проделывает в своих поисках, как показал А. И. Клибанов, ту же эволюцию, какую проделала история религии в целом — от анимизма и магии к тончайшим формам спиритуалистического христианства. Поэтому внимательное изучение сектантства, бесспорно, позволяет глубже понять и самый феномен религии.

Написанные А. И. Клибановым собственно исторические очерки о сектантстве первого после-революционного десятилетия важны, в частности, тем, что они — видимо, не без авторского умысла — показывают большой контраст между судьбами сектантов сразу после революции, а также в 20-е гг. и, с другой стороны, в более поздний период. Из опубликованной в 1969 г. книги всякий сколько-нибудь внимательный читатель мог узнать, что существовал и осуществлялся декрет, подписанный в январе 1919 г. В. И. Лениным, о замене воинской повинности трудовой для тех верующих, религиозные убеждения которых не позволяли им брать в руки оружие; что именно сектанты, в том числе вернувшиеся в Россию из предреволюционной эмиграции, создали значительную часть образцовых и действительно высокоэффективных коллективных хозяйств и кооперативов в деревне; что баптисты, евангелисты и адвентисты сделали очень много для преодоления голода 1921 г. и его последствий. Все это лишний раз напоминает, что наши представления о послереволюционном периоде по-прежнему неполны, однобоки и одномерны, а история христианства в нашей стране после 1917 г. ждет своих исследователей.

Во всех своих книгах и статьях А. И. Клибанов выступает не только как историк, описывающий и анализирующий масштабные и частные процессы, но и как мыслитель, стремящийся и умеющий увидеть за частным целое, за явлением — его существо, за каждым текстом — многообразие его смыслов, за каждым мгновением истории — ее непрерывность. Исследования А. И. Клибанова, однако, никогда не превращаются в историософию. В них найдено оптимальное сочетание той почвенности, эмпирической приземленности, которая необходима исторической науке, и столь же необходимого науке взгляда сверху, сквозь века и эпохи, поверх частных и разновеликих исторических обстоятельств.

Однако не так легко сказать, какие именно традиции отечественной научной мысли продолжает А. И. Клибанов. Несомненна его связь с персоналистской историографической традицией, обращенной к действующему в истории человеку, индивидуализированному и групповому субъекту исторического процесса, из которой позднее выросла «социальная история». Можно видеть в творчестве А. И. Клибанова и продолжение традиций изучений «истории духа», *Geistesgeschichte*. Но прочнее всего родство А. И. Клибанова с той оборванной в момент ее зарождения традицией марксистской историографии, которая стремилась к целокупному, многомерному, системному освещению исторического развития, придавая движению общественного сознания и культуры не меньшее значение, чем истории способа производства и классовой борьбы.

Все работы А. И. Клибанова свидетельствуют о способности отечественной науки даже в самых неблагоприятных условиях ее социального бытия оставаться с веком наравне, на уровне требований современного познания, о чем, кстати, говорят и переводы книг А. И. Клибанова, и тот резонанс, который получили за рубежом многие его исследования. Более того, каждая из крупных его работ выводит науку на несколько шагов за пределы сложившейся исследовательской парадигмы, заставляет заглянуть вперед. В этом залог того, что книги и статьи А. И. Клибанова, будут служить дальнейшему развитию отечественной историографии.

**СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ
АЛЕКСАНДРА ИЛЬИЧА КЛИБАНОВА**

1928

1. Классовое лицо современного сектантства.— Л.: Прибой.— 102, 2 с.

1929

2. Комсомол на фронте безбожия: Как вести комсомолу антирелигиозную пропаганду.— Л.: Прибой.— 80 с.

1930

3. Классовое лицо современного сектантства.— 2-е изд., испр. и доп.— Л.: Прибой.— 84 (3) с.
4. Несколько моментов из истории адвентизма // Антирелигиозник. № 10. С. 45—51.
5. О бессмертии души. Л.: Прибой.— 79 с.— Перед загл.: Клинов Ал.
6. Спутник безбожника по Ленинграду / **А. Клибанов** и др.; Сост. И. Я. Элиашевич.— Л.: Прибой.— 71 с.

1931

7. Адвентисты.— Л.: Прибой.— 32 с.— (Против сектантства)
8. Классовая роль меннонитства // Воинствующий атеизм. № 7. С. 99—114.
9. Кто такой Дей Иванович Мазаев // Безбожник. № 49.
10. Меннониты. М.; Л.: Огиз, Моск. рабочий.— 110 с., ил.
11. XIV годовщина Октябрьской революции и отмирание религии в СССР: Материалы для докладчиков и беседчиков.— Л.: Прибой.— 20 с.

1935

12. Меннонитская колонизация на юге России в XVIII—XIX вв.: Тез. дис.— Л.— 5 с.

1944

13. Мысли Яна Гуса о воспитании // Сов. педагогика. № 2—3. С. 14—19.
14. **Клибанов А. И.**, Никитина П. А. Речь Багратиона перед вступлением в сражение // Енисей. Кн. 1. С. 119—125.

1945

15. Боевой порядок у древних славян // ИЖ. Кн. 1—2. С. 74—81.
16. Новые материалы о декабристах // Красноярский рабочий. 21 марта.
17. Сибирские письма И. И. Пущина // Енисей. Кн. 2. С. 135—154.
18. Военная организация на старите славяни // Ист. преглед. Кн. 2.

1955

19. Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич: Некролог // Правда. 16 июля.— Без подп.
20. «Написание о грамоте»: Опыт исслед. просвет.-реформ. памятника конца XV — половины XVI в. // ВИРА. Сб. 3. С. 325—379.
21. Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV — нач. XVII в.— М.; Л.: Изд-во АН СССР.— 544 с.— Из содерж.: Приложение. Источники по истории новгород.-моск. ереси конца XV — нач. XVI в. № 8. Приписка Ивана Черного к Еллинскому летописцу; № 9. Пермские глоссы. № 10. Сочинение против монашества / Подгот. **А. И. Клибанов**. С. 277—305.

1956

22. «Самобытная ересь»: Из истории рус. свободомыслия конца XV — половины XVI в. // ВИРА. Сб. 4. С. 203—229.

1957

23. К проблеме античного наследия в памятниках древнерусской письменности // ТОДРЛ. Т. XIII. С. 158—181.
24. Происхождение религиозного сектантства в России // НиР. № 3. С. 371—392.
25. [Рец. на кн.] Сочинения И. Пересветова. М.; Л., 1956 // ИСССР. № 3. С. 204—208.

1958

26. К изучению биографии и литературного наследия Максима Грека // ВВ. Т. 14. С. 148—174.
27. К истории русской реформационной мысли: тверская «распря о рае» в середине XIV в. // ВИРА. Сб. 5. С. 233—263.
28. Книги Ивана Черного: К характеристике мировоззрения новгород.-моск. еретиков // ИЗ. Т. 62. С. 198—244.
29. Краткий очерк общественно-политической и научной деятельности [В. Д. Бонч-Бруевича] / **А. И. Клибанов**, Ю. Я. Коган, К. Б. Сурикова, М. М. Шейнман // Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич 1873—1955. М. С. 13—27.
30. Свободомыслие в Твери в XIV—XV вв. // ВИРА. Сб. 6. С. 231—260.

31. У истоков русской гуманистической мысли: Ист. традиции идеи равенства народов и вер // ВИМК. № 1. С. 22—39; № 2. С. 45—63.
32. [Рец. на кн.] Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники // ВИМК. 1958. № 5. С. 194—197. На фр. яз.
33. Нужное и интересное издание: [Рец. на кн.: Крывелев И. А. Книга о Библии. М., 1958] // Коммунист. № 18. С. 120—122.
34. Коган Ю. Я. Просветитель XVIII в. Я. П. Козельский / АН СССР. Ин-т истории; **Отв. ред. А. И. Клибанов.** — М. — 188 с.

1959

35. В. Д. Бонч-Бруевич и проблемы религиозно-общественных движений в России // Бонч-Бруевич В. Д. Избр. соч. М. Т. 1. С. 7—28.
36. Ереси на Руси // МСЭ. Т. 3. С. 815—822.
37. К изучению генезиса еретических движений в России // ВИРА. Сб. 7. С. 186—217.
38. Повесть о Петре и Февронии как памятник русской общественной мысли. // ИЗ. Т. 65. С. 303—315.
39. У истоков русской гуманистической мысли XV—XVI: Идея приятия жизни в рус. обществ. мысли XV—XVI вв. // ВИМК. № 1. С. 33—48.
40. Бонч-Бруевич В. Д. Избранные сочинения: В 3 т. / АН СССР. Ин-т истории; Редкол. **А. И. Клибанов** и др. — М., 1959—1963. — Т. 1—3.

1960

41. О религиозном сектантстве // НиР № 10. С. 27—31.
42. Реакционная сущность сектантства // Библиотекарь. № 11. С. 42—45.
43. Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в. / АН СССР. Ин-т истории; **Отв. ред. Л. В. Черепнин.** — М. — 411 с. Рец.: Горелов А. // Нева. 1961. 1. С. 209—210; Гудзий Н. К. // ИЮЛЯ. 1961. Т. 20. Вып. 6. С. 527—530; Зимин А. А. // ВВ. 1962. Т. 21. С. 225—230; Казакова Н. А. // ВИ. 1962, № 6. С. 140—145; Кириллов В. И. // ВИ. 1965, № 3. С. 129; Корецкий В. // НиР. 1961. № 5. С. 92—94; Синецкая Е. // ВИМК. 1961. № 6. С. 202—205. На фр. яз.; Хорошкевич А. Л. // ИСССР. 1961. № 4. С. 199—203; Bakus O. P. // АНР. 1963. Vol. 68, № 4. P. 1060—1062; Constantinescu A. // SRG. 1963. An 16, № 4. P. 997—998; Kudlacek J. // НС. 1961. R. 9, № 4. S. 679—681; Meznik J. // ССН. 1961. R. 9, № 6. S. 899; Simin A. A. // DZ. 1963. Gg. 84, № 9. S. 743—745.
44. Сборник сочинений Ермолая — Еразма // ТОДРЛ. Т. XVI. С. 178—207. 45.
45. Современное сектантство в Тамбовской области: По материалам экспедиции Ин-та истории АН СССР в 1959 г. // ВИРА. Сб. 8. С. 59—100.
46. Башкин М. С. // ФЭ. М. Т. 1. С. 135.
47. Византийская философия // **А. И. Клибанов**, Б. Горянов, В. Чалоян // ФЭ. М. Т. 1. С. 258.
48. [Рец. на кн.] У истоков русского книгопечатания. М., 1959 // ИСССР. № 1. С. 199—203.

1961

49. Беседа с постником И. В. Селянским // ВИРА. Вып. 9. С. 222—243.
50. **Клибанов А. И.**, Митрохин Л. Н. Коммунистическое воспитание и борьба против религиозного сектантства // Коммунист. № 2. С. 60—71.
51. Материалы к характеристике современного сектантства в Тамбовской области // ВИРА. Сб. 9. С. 212—243.
52. О религиозном сектантстве // НиР. № 4. С. 75—78.
53. **Клибанов А. И.**, Корецкий В. И. Послание Зиновия Отенского дьяку Я. В. Шишкину // ТОДРЛ. Т. XVII. С. 201—224.
54. Сектантство в прошлом и настоящем // ВИРА. Сб. 9. С. 9—34.
55. Современное сектантство и его преодоление: По материалам экспедиции в Тамбов. обл. в 1959 г. / **Отв. ред. А. И. Клибанов.** — М.: Изд-во АН СССР. — 314 с. — (ВИРА; Сб. 9).
56. «Слово о лживых учителях» // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М. С. 300—312.

1962

57. Современное сектантство в Липецкой области: По материалам экспедиций Ин-та истории АН СССР в 1960 г. // ВИРА. Сб. 10. С. 157—185.
58. Духоборы // ФЭ. Т. 2. С. 85—86.
59. Иван Черный // ФЭ. Т. 2. С. 194.
60. Ермолай—Еразм // ФЭ. Т. 2. С. 118.
61. Ереси // ФЭ. Т. 2. С. 115.
62. Ереси в России // ФЭ. Т. 2. С. 117—118.
63. Les mouvements hérétiques en Russie du XIIIe au XVIe siècle // Cahiers du monde Russe et Soviétique. Paris. Vol. III, № 4. P. 673—684.
64. Православная церковь — враг просвещения / **Отв. ред. А. И. Клибанов.** — М.: Изд-во АН СССР. — 192 с. (Науч.-популяр. сер. / АН СССР).

1963

65. К характеристике новых явлений в русской общественной мысли второй половины XVII — начала XVIII в. // ИСССР. № 6. С. 85—103.

66. Повести А. М. Курбского об Августине Гиппонском // АЕ за 1962 г. С. 445—450.

1964

67. Идея свободы человека в учениях русских еретиков конца XV — первой половины XVI в. // СВ. Т. 25. С. 216—227.
68. Религиозное сектанство в наши дни: Лекция, прочит. на семинаре лекторов по науч. атеизму в Ленинграде. М. — 24 с. (В помощь лектору / Об-во «Знание» РСФСР).
69. Кто такие адвентисты? [Рец. на кн.: Бартошевич Э., Борисоглебский Е. Они ждут конца мира. М., 1964] // НиР. № 6. С. 95—96.
70. Курицын Федор Васильевич // ФЭ. Т. 3. С. 126.
71. Максим Грек // ФЭ. Т. 3. С. 283.
72. Молокане // ФЭ. Т. 3. С. 487.
73. Грекулов Е. Ф. Православная инквизиция в России / Отв ред. А. И. Клибанов.— М.: Наука.— 168 с.—(Науч.-атеист. сер. / АН СССР).

1965

74. История религиозного сектанства в России 60-е гг. XIX в.— 1917 г.— М.: Наука 348 с.— Библиогр. обзор: С. 15—32. Рец. Красовский Ю. // ВНА. 1967. Вып. 3. С. 367—368; Маят Е. // ПС. 1966. № 2. С. 138—141; Митрохин Л. Н. // ВФ. 1966. № 9. С. 150—154; Пищик Ю. // НиР. 1970. № 11. С. 75—77.
75. **Клибанов А. И.**, Лялина Г. Крестьянский делегат у В. И. Ленина // ПС. № 6. С. 113—115.
76. The Dissident Denominations in the Past and Today // Soviet Sociology (Berkeley) Vol. III. № 4. P. 44—60.

1966

77. Социальные утопии в русских крестьянских движениях. — М.: Наука. — 47 с. (XV Сов.-англ. конф. историков. М., 15—22 сент. 1966 г. Докл. [5]).
78. Материалы о религиозном сектанстве в послеоктябрьский период в архиве В. Г. Черткова // ЗОР ГБЛ. 1966. Вып. 28. С. 44—95.

1967

79. Кафенгауз Б. Б., **Клибанов А. И.**, Павленко Н. И. Внутренняя политика правительства в 50—60-х годах XVIII в. // История СССР: С древнейших времен до наших дней. В 12 сер. В 12 т. М. Т. 3. С. 425—454. 1-я сер.
80. **Клибанов А. И.**, Митрохин Л. Н. Кризисные явления в современном баптизме. — М.: Знание. — 62 с. — (В помощь лектору).
81. Научно-организационный и методический опыт конкретных исследований религиозности: По материалам центр. обл. РСФСР // Конкретные исследования современных религиозных верований. М. С. 5—35.
82. 50 лет научного исследования религиозного сектанства // ВНА. Вып. 4. С. 349—394.
83. **Клибанов А. И.**, Митрохин Л. Н. Раскол в современном баптизме // ВНА. Вып. 3. С. 84—110.
84. **Клибанов А. И.**, Павленко Н. И. Церковь и светская власть: в 50—60-х гг. XVIII в. // История СССР: С древнейших времен до наших дней. В 12 т. М. Т. 3. С. 441—446. 1-я сер.
85. Нил Сорский // ФЭ. Т. 4. С. 73.
86. Пятидесятники // ФЭ. Т. 4. С. 435.
87. Сектанство // ФЭ. Т. 4. С. 574—575.
88. Конкретные исследования современных религиозных верований: Методика, орг., результаты / Акад. Обществ. наук при ЦК КПСС, Ин-т науч. атеизма; Отв. ред. А. И. Клибанов.— М.: Мысль. — 244 с. — Библиогр. обзор: С. 217—242.

1968

89. Михаил Михайлович Штранге (некролог) // ВИ. № 9. С. 216. — Без подп.
90. Le problème de la souveraineté de l'homme dans les conceptions des hérétiques russes a la fin du 15e et au début du 16e siècle // Hérésies et sociétés dan l'Europe pré-industrielle 11—18 siècles. Paris. P. 83—96.

1969

91. Религиозное сектанство и современность: Социол. и ист. очерки / АН СССР. Ин-т истории. — М.: Наука. — 269 с. Рец.: Власов Н. // Заря. 1970. 31 марта; Митрохин Л. Н. // ВФ. 1971. № 3. С. 163—168; Пищик Ю. // НиР. 1970. № 11. С. 75—77; Dunn E. // SR.. 1971. № 2. P. 406—407; Nahr H. // ZG. 1971. Bg. 19. № 6. S. 838.
92. Сектанство религиозное // ИЭ. Т. 12. С. 702—707.

1970

93. Верующий в современном мире: Размышления над страницами социол. исслед. [баптизма] // НиР. № 11. С. 70—74.
94. [Выступление на обсуждении темы «Биография как историческое исследование» в редакции журнала «История СССР» // ИСССР. № 4. № 235—236.
95. К обществу, свободному от религии: Процесс секуляризации в условиях сов. о-ва / Редкол.: А. И. Клибанов и др. М.

96. Fifty Years of Scientific study of Religions Sectarianism // Soviet Sociology (Berkeley). VIII, № 3—4. P. 239—278.
97. Sectarianism and Socialist Reconstruction of the Countryside // Soviet Sociology (Berkeley). Vol. III, № 3—4. P. 383—411.

1971

98. К характеристике мировоззрения Андрея Рублева // Андрей Рублев и его эпоха. М. С. 62—102.
99. О методологии изучения религиозного сознания // ВНА. Вып. II. С. 82—112.
100. Проблемы изучения и критики религиозного сектантства. — М.: Знание. — 64 с. — (Б-чка «В помощь лектору»; 6).
101. Проблема «смены» в современном баптизме: По материалам конкрет.-социол. исслед. // Молодежь и атеизм. М. С. 65—89.
102. Наследие, которое не стареет: [Рец. на кн.: Красилов П. А. Избранные атеистические произведения] // НиР. № 8. С. 88—89.
103. Problems in the Psychology of Religions Sectarianism // Soviet Sociology (Berkeley). Vol. IX, № 4. P. 505—566.

1972

104. Византийское «Слово о старце» и русская публицистика XV в. // Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. М. С. 162—168.
105. Народная социальная утопия в России в XIX в. // ВФ. № 11. С. 108—121.
106. По тому же маршруту, 1959—1971: Из блокнота социолога / Исслед. состояния религиозности в Тамб. обл. // НиР. № 3. С. 52—55.

1973

107. Братства не было: Встречи со скопцами // НиР. № 8. С. 15—20.
108. В бывшей духобории // НиР. № 11. С. 53—58.
109. На собрании у молокан-прыгунов // НиР. № 12. С. 50—53.
110. Первая находка. // НиР. № 6. С. 35—38.
111. Протопоп Аввакум как культурно-историческое явление // ИСССР. № 1. С. 76—98.
112. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. — М.: Наука. — 256 с. — (Науч.-атеист. сер. / АН СССР). Рец. Викторов В. И. // ВИ. 1976. № 6. С. 146—149; Денисов П. В. // МСССР. 1976. № 3. С. 181—183.

1974

113. Из мира религиозного сектантства: Встречи. Беседы. Наблюдения. — М.: Политиздат. — 255 с. Рец.: Пузыревский М. // Брянский рабочий. 1975. 9 янв.
114. Словарь религиозных сект // Критика религиозного сектантства. М. С. 249—261.
115. Критика религиозного сектантства: Опыт. изуч. религиоз. сектантства в 20-х — нач. 30-х гг. / Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. Ин-т науч. атеизма; Общ. ред. и предисл. **А. И. Клибанова**. — М.: Мысль. — 263 с.
116. Герцен А. И. О социализме: Избр. тр. / Редкол.: **А. И. Клибанов** и др. — М. — 695 с. — (Предшественники науч. социализма / АН СССР).
117. In the World of Religions Sectarianism: At a meeting of prygun molocans // Soviet Sociology (Berkeley) Vol. III, № 3. P. 80—93.

1975

118. Из истории идейной жизни декабристов в сибирской ссылке // Проблемы истории общественной мысли и историографии: К 75-летию акад. М. В. Нечкиной. М. С. 52—60.
119. К характеристике идейных движений в среде государственных и удельных крестьян в первой трети XIX в. // Из истории экономической и общественной жизни России: К 90-летию акад. Н. М. Дружинина. М. С. 153—167.
120. Отчизны верные сыны: / К 150-летию восстания декабристов // Сел. жизнь. 26 дек.
121. «Правда» Федора Карпова // Общество и государство феодальной России. М. С. 141—150.
122. Носова Г. А. Язычество в православии / Отв. ред. **А. И. Клибанов**. М.: Наука. — 150 с. — (Науч.-атеист. сер. / АН СССР).

1976

123. Из истории идейной жизни декабристов в сибирской ссылке // Проблемы общественной мысли и историографии. М. С. 52—60.
124. О богах «истинных» и «ложных»: Для верующих и неверующих // Сел. жизнь. 23 июня.

1977

125. Встречи и переписка с Н. П. Сидоровым. // ЗОР ГБЛ. Вып. 38. С. 224—235. На с. 231—235: публ. писем Н. П. Сидорова к **А. И. Клибанову**.
126. Народная социальная утопия в России: Период феодализма / АН СССР. Ин-т истории СССР. — М.: Наука. — 335 с. Рец.: Буганов В. И. Народные истоки утопического социализма // Новый мир. 1979. № 12. С. 271—274; Викторов В. О народной социальной утопии // КО. 1979. 18 мая; Маят Е. // ВФ. 1978. № 8. С. 176—177; Рындзюнский П. Г. // ИСССР. 1979. № 1. С. 221—226; De Michelis C. // Protestantismo. 1979. № 3. P. 179—180.

127. Правда «земли» и «царства» Ивана Пересветова // ИЗ. Т. 99. С. 221—225.
 128. [Рец. на кн.] Янин В. Л. Я послал тебе бересту. М., 1975 // ИСССР. № 3. С. 187—189.
 129. Демьянов А. И. Истинно православное христианство / **Науч. ред. А. И. Клибанов.** — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та. — 151 с.
 130. Rosciol prawoslawny sekciarstwo i walka klasowa w Rosje // Kwartalnik historyczny (Warszawa). Vol. IXXXV, z. 4. P. 945—960.

1978

131. Народная социальная утопия в России XIX в. / АН СССР. Ин-т истории СССР. — М.: Наука. — 342 с. Рец.: Баллер Э. А. // Науч. докл. высш. шк. Науч. коммунизм. 1980. № 1. С. 156—158; // Наука и человечество. М., 1980. С. 368—370.
 132. Послание Кампанеллы московскому государю и православному духовенству // Восточная Европа в древности и средневековье. М. С. 355—361.
 133. Русская культура и общественная мысль в советской историографии / Зимин А. А., **Клибанов А. И.**, Шаров Я. Н., Шетинина Г. И. // Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС. М. Вып. 2. С. 153 — 182.
 134. Проблемы религиозного синкретизма и развития атеизма в Чувашской АССР / Под общ. ред. **А. И. Клибанова.** — Чебоксары. — (Тр. НИИ яз., лит., истории и экономики при Совете Министров Чуваш. АССР. Вып. 86). — Из содерж.: **Клибанов А. И.**, Плечов Г. Н. Вместо введения, с. 3—5; **Клибанов А. И.** Теоретические проблемы исследования религиозного синкретизма. С. 6—29.
 135. Белов А. В. Секты, сектантство, сектанты. / **Отв. ред. А. И. Клибанов.** — М.: Наука. — 151 с. — (Науч.-атеист. сер. / АН СССР).
 136. Мор Т. Утопия / Редкол.: **А. И. Клибанов** и др. — М.: Наука. — (Предшественники науч. социализма).

1980

137. «О светло светлая и красно украшенная земля Русская!»: К 600-летию Кулик. битвы // НМ. № 9. С. 175—184.
 138. Storia delle sette religiose in Russia: Dagli anni 60 del XIV secolo al 1917 / A cura di V. Zilli — Firenze. — 633 p.
 139. Десять веков русской истории // КО. № 24.
 140. Неизвестные письма Н. А. Бестужева // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М. С. 40—47.
 141. Памяти Ладо Гудиашвили // Лит. Грузия. № 4. С. 203—210.
 142. Проповедь классового примирения: Толстовцы в обществ.-полит. борьбе конца XIX — нач. XX в. // НиР. № 1. С. 29—32.
 143. Александр Иванович Якубович: действительность и легенда // ИЗ. Т. 106. С. 205—270.
 144. Письмо А. А. Блока к Р. С. Ельциной о Н. А. Клюеве / Публ. Н. В. Ельциной и **А. И. Клибанова** // ЛН. Т. 92. Кн. 2. С. 229—231.
 145. Световният мошаб на българското богомилство / Отечествен. фронт. 16 янв. С. 6.
 146. Письмо Оксане Пендерейской // Пионер. правда. № 74.
 147. Высокие уроки // Исследования по истории и историографии феодализма: к 100-летию со дня рождения академика Б. Д. Грекова. М. С. 93—95.
 148. К характеристике идейных исканий А. Блока. // ВНА. Вып. 30. С. 216—224.
 149. Некоторые идеологические формы социального протеста русского крестьянства // Россия на путях централизации. М. С. 239—250.
 150. Русская культура и общественная мысль в советской историографии / А. А. Зимин, **А. И. Клибанов**, Г. И. Шетинина / Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС. М. С. 490—537.
 151. **Клибанов А. И.**, Бакланова-Швейковская Е. Н. [Рец. на кн.]: Очерки русской культуры XVII века. М., 1979 // ИСССР. № 2. С. 173—180.
 152. Пушкирев Л. Н. Общественно-политическая мысль России: Очерки истории / **Отв. ред. А. И. Клибанов.** — М.: Наука. — 287 с.
 153. Русские реформационные движения первой трети XVII в. // Festschrift für Fairy von Lilienfeld. Erlangen. P. 182—218.
 154. Irreligiosity in Seventeenth Cent and Eighteenth Century Peasant Uprisings in Russia // Religion and Rural Revolt. British Columbia. P. 214—222.
 155. History of Religions Sectarianism in Russia (1860—1917) / Translated by E. Dunn Ed. by S. P. Dunn. — Oxford: Pergam. Press. — 450 p. Рец.: Steeves P. // Religion in Communist Landes. 1983. Vol. IX. № 3. P. 349—350; Freeze G. Z. History of Religions Sectarianism in Russia by A. I. Klibanov // Russian Review. 1983. Vol. 42, № 3. P. 329.

1983

156. Воспоминания о Бонч-Бруевиче: К 110-летию со дня рождения // НиР. № 11. С. 18—22.
 157. Из бесед с П. А. Красиковым // НиР. № 10. С. 23—25.
 158. Из воспоминаний о В. Д. Бонч-Бруевиче: К 110-летию со дня рождения // ВНА. Вып. 31. С. 269—295.
 159. Из воспоминаний о В. Д. Бонч-Бруевиче: К 110-летию со дня рождения // ЗОР ГБЛ. С. 66—68.

160. К истории одной резолюции II съезда РСДРП: / О резолюции съезда «О работе среди сектантов» // НиР. № 10. С. 26—29.
161. Курмачева М. Д. Крепостная интеллигенция России: Вторая половина XVIII — нач. XIX в. / Отв. ред. **А. И. Клибанов**. М.: Наука. — 352 с.
162. Проблемы общественно-политического развития и классовой борьбы в России XVII—XVIII вв.: Сб. статей / АН СССР. Ин-т истории СССР; Редкол.: **А. И. Клибанов** и др. — М. — 184 с.

1984

163. Новгород открывает тайны // Сов. культура. 31 марта. С. 6.
164. Мастера исторической науки // Отечественные историки XVIII—XX вв. М. С. 5—8.
165. Ценные труды по истории католической церкви // Обществ. науки. № 4. С. 221—224.
166. Рец. на кн.: Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М., 1983 // ВИ. № 10. С. 130—133.
167. Зырянов П. Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905—1907 гг. / Отв. ред. **А. И. Клибанов**. — М.: Наука. — 224 с.

1985

168. В двадцатые годы: [Воспоминания] // НиР. № 11. С. 29—34; № 12. С. 15—18.

1986

169. К характеристике идейной стороны крестьянского побега в первой половине XIX в. // Социально-экономическое развитие России. М. С. 94—105.

1987

170. **Клибанов А. И.**, Митрохин Л. Н. История и религия // Коммунист. № 12. С. 91—98.
171. **Клибанов А. И.**, Митрохин Л. Н. Новые подходы к изучению религии // Религия в СССР. М. № 8. С. АК1—АК7.
172. Сибирские письма декабристов, 1838—1850 / Науч. ред., авт. предисл. **А. И. Клибанов**; Сост. и коммент. Т. С. Комаровой. — Красноярск: Краснояр. кн. изд-во. — 319 с. — Из содерж.: **Клибанов А. И.** Новые материалы о жизни и деятельности декабристов в Сибири: Переписка декабристов с Я. Д. Казимирским, С. 10—64.
173. У истоков русско-испанских взаимосвязей XV—XVI в. // Россия и Испания. М. С. 5—47.
174. У русско-испанских взаимосвязей (80-е гг. XV—XVI в.) // ВИ. № 7. С. 45—59.
175. Богословский М. М. Исторнография, мемуаристика, эпистолярная: Науч. наследие / Отв. ред. **А. И. Клибанов**. — М.: Наука. — 216 с.

1988

176. Времена меняются и мы — с ними // Дружба народов. № 6. С. 210—219.
177. Какое впереди тысячелетие? // Собеседник. № 17. С. 12—13.
178. **Клибанов А. И.**, Митрохин Л. Н. Крещение Руси: история и современность. — М.: Знание. — 63 с. — (Новое в жизни, науке, технике. Науч. атеизм; [Вып.] 9). Рец.: Крянев Ю., Павлова Т. Крещение Руси: факты и интерпретация // Коммунист. 1989. № 12. С. 124—127.
179. Православие: словарь атеиста / **Клибанов А. И.** и др.: Под общ. ред. Н. С. Гордиенко. — М.: Политиздат. — 272 с.
180. Социализм и религия // Коммунист. № 4, С. 115—123. — Без подп.
181. [Интервью, данное ред. «Сов. славяноведения»] // Сов. славяноведение. № 6. С. 5—7.
182. **Клибанов А. И.**, Митрохин Л. Н. Религия как предмет науки // Религии мира. М. С. 5—34.
183. Русское православие: веки истории / **Клибанов А. И.** и др.; Науч. ред., гл. авт. кол., авт. вступ. ст. и послесл. **А. И. Клибанов**. — М.: Политиздат. — 719 с. — Из содерж.: **Клибанов А. И.** Народные противоцерковные движения, С. 516—562. Рец.: Потапов А. Русское православие в контексте истории // Коммунист. № 14. С. 120—123.
184. Кулаками правду не доказать // Пионер. правда. 4 марта.
185. Право выбирать самому // Пионер. правда. 11 марта.
186. Что мы знаем о религии, атеизме и церкви и как мы должны относиться к ним сегодня // Пионер. правда. 16 марта.

1990

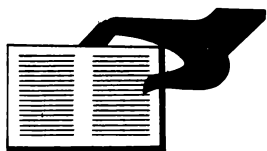
187. Лаппо-Данилевский А. С. История русской общественной мысли и культуры XVII—XVIII вв. / Отв. ред. и авт. послесловия **А. И. Клибанов**. — М.: Наука. — 283 с. — Из содерж.: **Клибанов А. И.** А. С. Лаппо-Данилевский — историк и мыслитель. С. 249—280.
188. История крестьянства в СССР. — М.: Наука. — Т. 2. — Из содерж.: Клибанов А. И. Мирозрение русского крестьянства XIV — перв. пол. XVII в. С. 312—333.
189. Церковь, общество и государство феодальной России. Отв. редактор, авт. предисловия **А. И. Клибанов**. — М.: Наука.
190. **Klibanov A. I.** Spiritual Christian Communalists in 19th Century Russia. Translated by the Dunns. — Berkeley. — 300 p.

ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ТРУДАХ А. И. КЛИБАНОВА

1. О присуждении Государственных премий СССР 1983 г. в области науки и техники — **Клибанову А. И.** за цикл работ по истории религии и русского народного свободомыслия XIV—XIX вв., опубликованных в 1960—1978 гг.: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров // Правда. 1983. 7 нояб.
2. Премия имени Б. Д. Грекова Президиума АН СССР / Присуждена за монографию «Народная социальная утопия в России» // Вестн. АН СССР. 1980. № 9. С. 137.
3. Клибанов Александр Ильич // Сов. Энциклопедический Словарь. М., 1980. С. 596.
4. Малов П. Н. Второе путешествие за океан // Вестник [Канада]. 1968. 17 янв. С. 6.
5. Материалы из архива А. И. Клибанова // ЗОР ГБЛ. 1974. Т. 35. С. 173; 1976. Т. 37. С. 179.
6. Буганов В. И. Проблемы реформационных движений и общественно-политической мысли России в трудах А. И. Клибанова // ИЗ. 1977. Т. 98. С. 257—275.
7. Исследование продолжается: /Интервью кор. газ. «Голос Родины» с З. И. Поракишвили/ // Голос Родины. 1977. № 46. С. 12.
8. Тарасов К. Поездка канадских духоборцев по историческим местам в СССР // Вестник [Канада]. 1977. 29 окт.
9. Логашева Б. Р. Русское народное свободомыслие в трудах А. И. Клибанова // Религии мира: История и современность. М., 1982. С. 256—262.
10. Нечкина М. В. Живые голоса истории / О цикле монографий А. И. Клибанова по истории рус. нар. свободомыслия и религии XIV—XX вв. // Правда. 1983. 7 сент.
11. Dunn E. Russian Sectarianism in New Soviet Marxist Scholarship // Slavic Review. 1967. V. 26. № 1. P. 128—140.
12. Dunn E. Translators Preface // Klibanov A. I. History of Religions Sectarianism in Russia (1860—1917). N. Y. 1982. P. IX—XV.
13. Field D. „A Far-off abode of Work and Pleasures“ // Russian Review. 1980. Vol. 39. № 3. P. 348—358.
14. Zilli V. Presentazione // Klibanov A. I. Storia delle sette religiose in Russia. Firenze. 1980. P. IX—XVIII.
15. Семигук З. И. Родине. Фронту. Победе. // Связь времен. Красноярск, 1987. С. 177—178.

С О О Б Щ Е Н И Я

© 1990 г.

П. А. КРОТОВ

К ВОПРОСУ О СИЛАХ И ТАКТИКЕ РУССКОГО ГРЕБНОГО ФЛОТА В ГАНГУТСКОМ СРАЖЕНИИ 1714 ГОДА

Морская битва 27 июля 1714 г. при Гангуте вошла в отечественную историю как первая большая победа на Балтийском море. Оно было первым сражением галерных (или гребных) флотов на Балтике вообще. В письме-извещении об исходе Гангутской битвы от 29 июля 1714 г. Петр I назвал ее «николи у нас бывшею викториєю»¹.

Задача статьи состоит в том, чтобы уточнить утвердившиеся в историографии представления о действовавших в историческом сражении у полуострова Гангут (Ханко) силах российского гребного флота: числе судов, их артиллерийском вооружении, его типах, калибрах, количестве, численности личного состава. В литературе тактика российского флота в Гангутской битве рассматривается в большей степени упрощенно, роль Петра I как флотоводца из-за недостаточной разработанности источниковой базы в значительной мере принижена, ряд обстоятельств битвы излагается без достаточной опоры на достоверные источники, некоторые важные тактические приемы битвы до сих пор не получили отражения. Пересмотреть закрепившиеся в историографии взгляды на силы и тактику русской стороны в битве можно с введением в оборот новых источников, преимущественно из фонда Канцелярии Д. М. Апраксина (ф. 233) Центрального государственного архива Военно-Морского Флота СССР, а также с дополнительным анализом изданных материалов.

Столь памятное для россиян и шведов Гангутское сражение стало предметом рассмотрения уже в исторических трудах XVIII в. Бывший священник личной гвардии Карла XII, доктор богословия Г. А. Нордберг в написанной им спустя немалое время после Северной войны истории своего духовного подопечного — короля Швеции остановился на ходе этой морской битвы. Видимо, в качестве источников он привлек рассказы участников сражения, вернувшихся после завершения войны из русского плена. И хотя он неточно называет число шведских галер (4 вместо 6), что можно объяснить как ошибку памяти, его изложение живо передает обстановку боя, ряд подробностей поведения в нем шведской стороны, конкретные же данные о российской галерной эскадре в нем как раз отсутствуют².

Лейтенант шведского адмиралтейства К. Г. Торнквист в изданной в 1788 г. книге уделил несколько страниц этой битве. В своем сочинении он ссылается на труд Г. А. Нордберга, морской журнал командовавшего корабельной шведской эскадрой у Гангута Г. Вартранга³ и, самое главное, говорит, что его «описание является извлечением из собственноручного жизнеописания шаутбенахта» (старое название чина контр-адмирала) Н. Эреншельда, командира шведской парусно-гребной флотилии в Гангутском сражении, с которого ему была сообщена заверенная копия, соответствующая также ранее составленному Эреншельдом отчету⁴. Введенные в научный оборот Торнквистом сведения из автобиографического сочинения Эреншельда (подробный источниковедческий разбор их приведен ниже) находятся в разительном противоречии с данными русских и иностранных источников.

Кротов Павел Александрович, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена.

В России события Гангутского сражения также получили отражение в исторических трудах XVIII столетия: «Истории Свейской войны», написанной кабинет-секретарем Петра I А. В. Макаровым под общим руководством и редакцией самого императора⁵, сочинениях И. И. Голикова и А. С. Шишкова⁶. В «Истории Свейской войны» в 1770 г. издан в виде рассказа о Гангутской битве отрывок из походного журнала царя 1714 г., правленный им самим и несколько осовремененный согласно нормам языка второй половины XVIII в. И. И. Голиков и А. С. Шишков ограничились использованием сведений «Истории».

Отечественные историки в дальнейшем использовали при изучении Гангутского сражения наряду с «Историей Свейской войны» печатную «Реляцию о случившейся морской баталии между российской авангардиею и швецкою эскадрою» 1714 г. Она была написана сразу же после битвы при непосредственном участии Петра I. 30 июля 1714 г. ее рукопись с указанием царя, сделанным днем раньше: «реляцию купно с планом немедленно напечатать» — была послана от Гангута петербургскому губернатору А. Д. Меншикову, который получил ее 6 августа в Ораниенбауме под Петербургом. 7 августа А. Д. Меншиков отдал ее в типографию, а 9 августа «Реляция» вышла из печати и вместе с изданным по указу царя «абрисом» — гравюрой с изображением битвы — в тот же день была разослана канцлером Г. И. Головкиным российским послам в Европе⁷. Сравнительный источниковедческий анализ показывает, что «Реляция» представляет собой (как и повествование в «Истории Свейской войны») сокращенный и отредактированный Петром I текст из его походного журнала с описанием Гангутской операции⁸, который очень близок тексту в морском журнале генерал-адмирала Ф. М. Апраксина⁹, командовавшего тогда российским гребным флотом на Балтике. Особенностью «Реляции» и журналов Петра I и Ф. М. Апраксина 1714 г. является то, что в них подробно показаны силы шведской стороны в Гангутской битве (число судов, общая численность их экипажей, количество и калибры орудий и др.), скрупулезно подсчитанные после сражения, но не сообщаются сведений о количестве судов, численности их команд, артиллерийском вооружении атаковавшего шведов русского авангарда. Тактика российского флота в битве представлена в них столь общо (атака, завершившаяся абордажем), неконкретно, что создает впечатление весьма примитивного нападения российских судов на шведскую эскадру.

Если очерк Гангутской битвы К. Г. Торнквиста остался вне поля зрения отечественной историографии (в работах по этой теме на него до сих пор нет ни одной ссылки), то большое влияние на изучение вопроса оказала заметка по истории Гангутской операции полковника российского адмиралтейства в Свеаборге, члена Королевской академии военных наук в Стокгольме Ф. К. Росваля, написанная на французском языке в 1817 г.¹⁰ Из ее заглавия ясно, что она написана «по шведским сообщениям». В изложении событий самой битвы 27 июля 1714 г. Росваль практически дословно следовал за Торнквистом, лишь в отдельных местах сократив и переделав текст последнего и дополнив его некоторыми сведениями, почерпнутыми из переписки шведских флотоводцев в кампании 1714 г.¹¹

Историограф российского флота Н. А. Бестужев очерк Гангутского сражения дал практически по Ф. К. Росвалю, повторив без критической оценки почти все приведенные им цифры и факты¹². Наряду с журналами Петра I, Ф. М. Апраксина и архивными источниками данные Росваля приводятся в работах А. П. Соколова, Р. К. Скаловского, опосредованно — в трудах Ф. Ф. Веселаго¹³. На новый уровень изучение вопроса поднял в своей книге А. З. Мышлаевский, введя в научный оборот большой архивный материал¹⁴. Он документально установил количество атаковавших шведов по фронту российских скампавей, численность экипажей последних. Тактическая схема битвы в труде Мышлаевского, однако, осталась такой же, как и в работах его предшественников.

Из зарубежных авторов Ф. Т. Джейн описал битву очень близко к ее трактовке Ф. К. Росвалем, Н. А. Бестужевым, А. П. Соколовым¹⁵. Шведские историки К. А. Юлленгранат, А. Мюнте и Х. Е. Уддгрэн извлекли из шведских архивов обширный материал по этой теме, но он не добавил существенно нового относительно сил и тактики российского флота в самой Гангутской битве по сравнению с известными тогда русскими и шведскими источниками. Эти авторы также придерживались фактов и их трактовки, имеющих в трудах А. П. Соколова, Ф. Ф. Веселаго, а Х. Е. Уддгрэн использовал и данные А. З. Мышлаевского¹⁶. Достижения русской и шведской историографии в изучении Гангутской битвы отражены в книге Р. Ч. Андерсона¹⁷. К 200-летию юбилея Гангутского сражения в 1914—1918 гг. были изданы сборники документов, освещавших действия российского и шведского флотов на Балтике в 1713 и 1714 гг.¹⁸ Несколько опубликованных в них источников имеют первостепенное значение для изучения сил и тактики русского гребного флота в Гангутской битве. Это — показания участников сражения в 1715 г., зафиксированные

в следственном деле по обвинению подполковника Нижегородского полка Я. Бордовика в трусости во время боя 27 июля 1714 г.¹⁹. роспись кабинет-секретаря Петра I А. В. Макарова о распределении рядового состава шведов по отдельным судам во время битвы и дополняющий ее собственноручный перечень царя с указанием числа шведских офицеров и унтер-офицеров на кораблях, на которых они приняли бой 27 июля 1714 г.²⁰, а также обнаруженная издателями уже упоминавшаяся гравюра от 9 августа 1714 г.²¹.

Н. В. Новиков в брошюре 1944 г. относительно Гангутской битвы придерживался в целом выводов А. З. Мышлаевского. Используя следственное дело Я. Бордовика, он подчеркнул роль ружейного огня в битве при подходе российских скампавей на abordаж и выделил как тактическую подробность битвы то, что войсковые командиры руководили действиями своих подчиненных во время баталии, находясь на шлюпках перед судами²². В общем же автор лишь пополнил ставшую после выхода в свет трудов Ф. Ф. Веселаго и А. З. Мышлаевского почти хрестоматийной картину битвы выдержками из документов, изданных в 1914—1918 гг., не раскрыв имеющихся в них богатых данных для изменения взглядов на соотношение сил и тактический характер баталии при Гангуте. В послевоенный период историки, обращавшиеся к теме Гангутской битвы, по сути только популяризировали достижения предшественников²³.

* * *

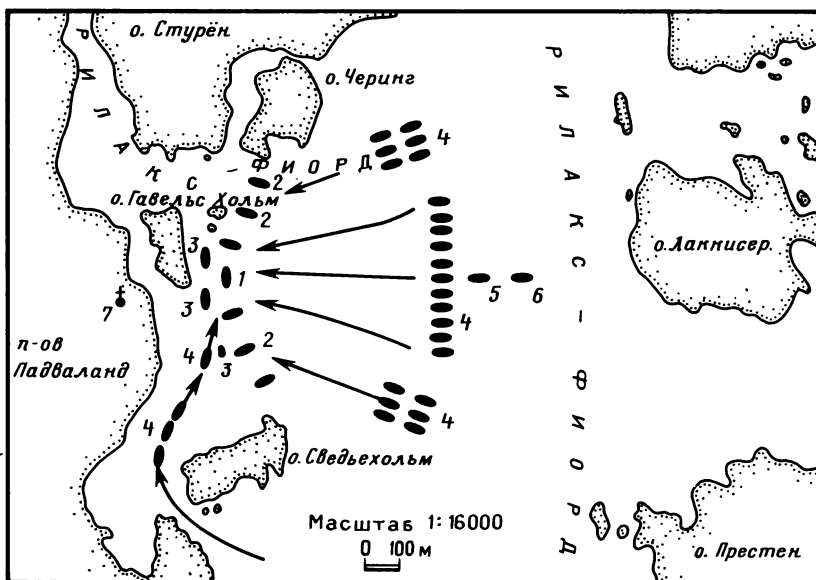
Положение сторон к началу Гангутского боя известно. Эскадра шведского гребного флота под командованием Н. Эреншельда 26 июля 1714 г. была заперта авангардом российского гребного флота в Рилакс-фиорде, в шхерах к северу от далеко вдающегося в море полуострова Гангут. К началу битвы шведские суда располагались между двумя островами Рилакс-фиорда вогнутыми в тыл полумесяцем, фланги которого примыкали к прибрежным мелям. Историки единодушны в мнении об удачной расстановке шведских судов и умелом определении места боя Н. Эреншельдом.

Шведская эскадра состояла из 18-пушечного прама «Элефант»²⁴ в середине позиции, 6 двухмачтовых галер по 3 с каждой стороны от прама («Эрн», «Трана» и «Грипен» по 16 пушек, «Лаксен», «Геден» и «Валфиш» по 12) и находившихся во второй линии трех небольших одномачтовых судов — шхерботов (всего 14 пушек). Общая численность экипажей на судах шведской эскадры составляла 941 человек²⁵.

Установить распределение шведов по судам позволяет сопоставление находящейся среди бумаг «Кабинета Петра Великого» росписи А. В. Макарова (бывшего во время битвы при Петре I) рядовых солдат и матросов на каждом из них и написанного Петром I перечня офицеров и унтер-офицеров на праме и 6 галерах. Согласно этим документам, на «Элефанте» во время сражения находилось 165 солдат, 70 матросов, 20 командных чинов (не считая Н. Эреншельда), на галерах соответственно: на «Эрне» — 114, 26 и 9 офицеров, на «Тране» — столько же солдат и матросов и 8 офицеров, на «Грипене» — 116, 26 и 9, на «Гедене» — 50, 26 и 6, на «Валфише» и «Лаксене» — одинаково по 50, 20 и 6. Общее число солдат, матросов и офицеров на праме и 6 галерах подсчитано А. В. Макаровым — 937²⁶, с Эреншельдом — 938 человек.

Нам представляется, что эти данные позволяют сделать важный для изучения соотношения сил в битве вывод: на 3 шхерботах второй линии Эреншельд оставил только 3 человека, по одному на каждом из них, сосредоточив весь личный состав на кораблях первой линии. Вероятно, это был вынужденный шаг, вызванный тем, что обширные прибрежные мели (они показаны в «Морском атласе». См. также схему) заставили Эреншельда поставить прам и галеры столь плотно друг к другу, что для шхерботов просто не осталось места в первой линии²⁷. Это видно и на гравюрах 9 августа 1714 г. и «Плана с прешпектом о бывшей акции меж российским адмиралом-генералом графом Апраксиным и шведским адмиралом Ватрангом...» П. Пикарта: шведские шхерботы в артиллерийском бою не участвовали — у их бортов не изображены клубы дыма²⁸.

С российской стороны атаковать шведов с фронта по причине недостатка места в фиорде, как доказал А. З. Мышлаевский, могли только 23 скампавей авангарда; на 24-м гребном судне находился Петр I, командовавший битвой²⁹. Расположение скампавей россиян во время артиллерийской баталии достаточно достоверно показано на гравюрах от 9 августа 1714 г., «Плане с прешпектом ...» П. Пикарта и овальной гравюре с изображением транспаранта, выставлявшегося 12 сентября 1714 г. во время фейерверка в честь Гангутской победы в Петербурге. Достоверность размещения судов на гравюрах подтвердил А. З. Мышлаевский, основываясь на численном составе полков, находившихся на скампавях. В середине русской позиции мы видим линию из 11 скампавей,

Схематический план Гангутского сражения 27 июля 1714 г.

1. Прам «Элефант». 2. Галеры шведов. 3. Шхерботы шведов. 4. Скампаваи русских. 5. Полугалера Петра I. 6. Полугалера Ф. М. Апраксина. 7. Памятник павшим в Гангутской битве (1870 г.).

за ними полугалеру (или скампавею?) Петра I, на флангах — по 6 скампавей в 2 ряда по 3 в каждом уступе вперед³⁰ (см. схему).

Важно выяснить соотношение мощи артиллерии в эскадрах Н. Эреншельда и Петра I. Не считая 14 бездействовавших в сражении малокалиберных пушек шхерботов, шведы располагали 102 орудиями. «Элефант» был обращен к фронту российских скампавей бортом³¹, что позволяло с наибольшей действенностью использовать его орудия. Прам имел 14 орудий двенадцатифунтового калибра и 4 трехфунтового³². На гравюрах Г де Витта о вводе в Петербург плененных при Гангуте шведских судов 9 сентября 1714 г., выполненной по рисунку наблюдавшего это событие П. Пикарта, и его же «Плане с прешпектом ...» у «Элефанта» показаны 8 пушечных портов с борта и 2 порта сзади на корме для малых ретирадных орудий³³, т. е. с прама огонь по 23 скампавеям, противостоявшим эскадре Н. Эреншельда с фронта, мог вести только из бортовых 7 орудий 12-фунтового калибра и 1 трехфунтового. Следовательно, допуская, что шведам удалось расставить 6 галер так, что все их орудия могли вести огонь по находившимся перед ними русским скампавеям, эскадра Эреншельда могла использовать для отражения атаки русского авангарда с фронта 2 пушки 36-фунтового калибра, 4 восемнадцатифунтового, 7 — двенадцати-, 6 — шестифунтового, 73 трех- и двухфунтового³⁴ — всего 92 орудия.

Сложнее разобраться с вопросом о численности русской артиллерии. А. П. Соколов полагал (без указания источника), что на всех, как он считал, приблизительно 100 «галерах», прорвавшихся за Гангутский полуостров, было около 300 орудий (от двенадцати- до трехфунтовых)³⁵. А. З. Мышлаевский считал, что скампаваи имели на вооружении только по одному орудью шести-, трех- или двухфунтового калибра³⁶. Он рисовал такую безотрадную картину действий петровской пехоты на гребных судах 27 июля 1714 г.: «От нее потребовалась новая жертва — бой на море при крайне трудных условиях. Стесненным в узком пространстве пехотинцам, способным противопоставить одновременной стрельбе 80—90 шведских орудий огонь своих 22—24 пушек, приходилось абординировать фрегат („Элефант“ — П. К.) и галеры с небольших скампавей, взлезая снизу наверх, когда сразу грозило три смерти: от тышка, огня и воды»³⁷. Н. В. Новиков, авторы «Морского атласа», Б. И. Зверев, Ю. Р. Клюкман, Н. И. Павленко также исходили из того, что на каждой скампавае имело лишь по одному орудью³⁸.

Однако в этом случае остается непонятным, почему 27 июля 1714 г. русским удалось добиться полной победы с приблизительно втрое меньшими, чем у шведов, потерями убитыми. Представляется, что если бы действительно русским солдатам и матросам был отдан приказ идти в лобовую

атаку всего лишь с 23 малокалиберными орудиями на сильную позицию шведов, имевших в действии до 92 орудий, обращенных против фронта россиян,— это был бы акт самоубийственного безрассудства и пренебрежения жизнями воинов со стороны командования, который неизбежно повлек бы за собой большие человеческие жертвы, которых по итогам битвы у россиян не было. Одним из основополагающих принципов военного искусства Петра I было как раз создание всех необходимых условий для победы малой кровью.

Привлеченные к анализу первоисточники позволяют по-новому судить о соотношении мощи русской и шведской артиллерии в сражении в Рилакс-фиорде. А. З. Мышлаевский сослался на запись от 4 мая 1714 г. в книге указов Ф. М. Апраксина, на основании которой он пришел к выводу, подхваченному затем историками, о том, что на каждой скампаве в битве имелось только по одной пушке шести-, трех- или двухфунтового калибра. Однако из указанной записи, по нашему мнению, следует другое заключение. Она гласит: «К поручику Бужанинову. Изволь отдать в дивизию нашу на 30 скампавей на каждую по 20 гранат, чиненых штифунтовых, по 20 трехфунтовых, по 30 двухфунтовых, 10 трубок запасных скорострельных и, ежели будет требовать, и в другие дивизии отпущать по толикому ж числу»³⁹. Полагаем, что речь идет об одном из эпизодов вооружения скампавей. Из записи следует, что на каждой скампаве было не одно орудие, а по крайней мере 2 пушки трех- и двухфунтового и одна мортира шестифунтового калибра (они стреляли гранатами).

Согласно отправленному при донесении от 29 мая 1714 г. датским дипломатом в Петербурге П. Фальхом списку Балтийского флота, гребной флот России имел тогда в своем составе 120 «четвертьгалер» (gvart galeerer) с вооружением 5 пушек⁴⁰. Голландский резидент в России Я. де Би также сообщал своему правительству в 1714 г., что у 126 «полугалер» русского флота наличествует по 5 пушек на каждой⁴¹. «Четверть-» и «полугалерами» П. Фальх и Я. де Би называли, как следует из анализа численности судов гребного флота России, строившихся в 1714 и предшествующие годы, его основную силу—скампавей⁴², т. е. разновидность парусно-гребных судов — галер.

Архивные материалы из Канцелярии Ф. М. Апраксина подтверждают и уточняют эти сведения. Весною 1713 г. командовавший тогда гребным флотом галерный шаутбенахт И. Ф. Боцис составил для подготовки скампавей к кампании полную роспись всех предметов для оснащения и вооружения каждой из них, не забыв упомянуть даже иголки для шивания парусов. Ознакомившись с этой росписью, Петр I написал: «Надлежит напечатать»⁴³, т. е. полностью одобрил ее. В этом документе сказано, что на каждой скампаве следует установить медные пушки: одну — на носу посередине (на идущем по центру скампавей куршейном помосте), две другие — по бокам от нее; кроме того, два медных баса, т. е. 1—2-фунтовых орудия, а также две медных мортиры 6-фунтового калибра для стрельбы гранатами с соответствующим боезапасом⁴⁴, следовательно, всего 5 пушек и 2 мортиры. Согласно росписи пушек, требовавшихся для вооружения всех кораблей Балтийского флота, а кроме того, иметь еще по две 3-фунтовых пушки⁴⁵, т. е. всего 5 пушек. На гравюре А. Ф. Зуфлота в 1713 г. (о другом виде артиллерии — мортирах — в источнике речь не идет), на каждой из имевшихся тогда 63 скампавей того типа, которые в следующем году атаковали шведов при Гангуте (они строились с 1711 г. в Выборге, а с осени 1712 г. в Петербурге), следовало установить по пушке 12-фунтового калибра на куршее на носу, по обеим сторонам от нее — по две 6-фунтовых, а кроме того, иметь еще по две 3-фунтовых пушки⁴⁵, т. е. всего 5 пушек. На гравюре А. Ф. Зубова «Баталия близ Ангута ...», сделанной в 1715 г., на носу одной из скампавей (в левом нижнем углу листа) как раз видны 3 орудия⁴⁶.

Приведенные данные о вооружении скампавей в 1713 и 1714 гг. подтверждаются также сведениями из журнала Ф. М. Апраксина 1714 г., что из прорвавшихся у Гангута в Ботнический залив 98 парусно-гребных судов во время осенних штормов «разбило и затопило» 16 скампавей, с которых не смогли спасти 2 двенадцатифунтовых, 3 восьми-, 2 шести-, 22 трехфунтовых пушки и 6 шести-фунтовых мортир⁴⁷, т. е. на них действительно имелись пушки и мортиры таких калибров. Дополняет эти сведения об артиллерийском вооружении скампавей в Гангутской битве высказывание капитан-командора гребного флота М. Х. Змаевича, который 26 сентября 1714 г. писал Ф. М. Апраксину, что по требованию царя вручил ему ведомость о числе пушек 12-фунтового калибра на скампавях, и добавил: «... мне, что желает на все скампавей поставить таким калибром»⁴⁸, что заставляет предполагать неполную унификацию калибров главного носового орудия скампавей в 1714 г.

Выявленные данные позволяют, таким образом, заключить, что в 1714 г. калибры пушек на скампавях еще не были полностью унифицированы, и на них на носу были 3 пушки двенадцати-, восьми- или шестифунтового калибра, а две других — трех- или 2-фунтового. Кроме того, на всех скампавях имелись по 2 мортиры 6-фунтового калибра, т. е. всего на каждой скампаве было 5 пу-

шек и 2 мортиры. На гравюре П.Пикарта «План с прешпектом...» изображены 17 ведущих огонь русских скампавей: 11 центра и 6 первого ряда флангов⁴⁹. В артиллерийской перестрелке участвовала также еще одна скампавея из второго ряда левого крыла, стоявшая крайней справа, положение которой позволяло ей вести огонь из орудий. Этот факт запечатлен на гравюрах 9 августа и 12 сентября 1714 г. и еще на гравюре М. Бакуа, изготовленной по заказу Петра I, сделанному в 1717 г. в Париже⁵⁰. Следовательно, в артиллерийском сражении эскадр с русской стороны на 18 ведущих огонь скампавей могли быть задействованы до 90 пушек (в том числе 54 двенадцати-, восьми- и шестифунтовых калибров и 36 трех- и двухфунтовых) и 36 мортир шестифунтового калибра против не более 92 орудий, стрелявших со шведского прама и 6 галер. Поэтому, на наш взгляд, нельзя говорить о многократном превосходстве шведов в артиллерии в Гангутской битве. Наоборот, некоторое преимущество в численности артиллерии удалось создать россиянам, хотя шведы имели перевес в количестве орудий самых крупных калибров: два мощных 36-фунтовых и четыре 18-фунтовых орудия, каковыми русские в бою не располагали.

Петр I сумел обеспечить и численный перевес в людях над шведами в бою в Рилакс-фиорде. А. З. Мышлаевский, исходя из штатного комплекта экипажа в 150 человек на имевшихся тогда в гребном флоте скампавеях постройки 1711—1714 гг., предположил, что на 23 скампавеях авангарда могло находиться приблизительно 3450 человек⁵¹. Он же попытался подтвердить такую численность россиян документально. По его подсчетам, выполненным по сводной ведомости-таблице, составленной на основании сведений, поданных «от господ генералов, сколько которого полку и каких чинов было при взятии судов швецких» и ряду сопутствующих ей документов, после битвы остались в живых из атаковавших шведов 11 полков 2813 солдат без учета офицеров. А. З. Мышлаевский учел также 110 убитых, трех пропавших без вести и 319 раненых сухопутных чинов рядового и капральского состава и добавил к ним «не более 240 человек моряков» (в документах есть указания, что на скампавеи в 1714 г. назначались по 8—10 моряков)⁵², получив примерно такие же данные (3485 человек, но, по его словам, «кроме офицеров»)⁵³.

А. З. Мышлаевский допустил, однако, досадные неточности. Он указал вместо 204 чинов Рязанского полка (как в документах) 304, утверждал, что привел точные данные без офицеров, но тем не менее включил их по 11 полкам. Следуя за упомянутой сводной ведомостью, А. З. Мышлаевский отметил, что против эскадры Н. Эреншельда сражались офицеры еще четырех полков (Воронежского, Копорского, Лефортовского, Шлиссельбургского) и Морского батальона, но не привел данных об их числе (в архивной ведомости указаны 23 офицера этих полков и 7 — Морского батальона) и не объяснил странного, на первый взгляд, факта их внесения в официальную ведомость участников битвы без рядовых их полков. А. З. Мышлаевский также не учел в числе оставшихся в живых 227 пехотинцев Галицкого полка (они названы в сводной ведомости) и прибавил к итоговому числу 319 раненых из рядового и младшего командного состава, хотя в этой ведомости четко оговорено, что они были «ис того числа», т. е. перечислены среди оставшихся живыми участников боя⁵⁴. Если исправить эти погрешности в расчетах, то получится, что в сражении участвовали 3053 сухопутных чина (вместе с офицерами)⁵⁵. К ним следует прибавить награжденных в течение 1714—1717 гг. за Гангутское сражение моряков (т. е. не считая вероятного некоторого количества погибших и умерших в эти годы до получения наград): 7 офицеров и 8 унтер-офицеров флота, 183 боцманматов, матросов, пушкарей и солдат галерного флота⁵⁶ — и 14 убитых в ходе баталии моряков (всего 212 чел.)⁵⁷. Итак, строго документально прослежено участие в битве 3265 человек. К ним нужно приплюсовать также получивших награду за битву кабинет-секретаря и 2 денщиков Петра I, 2 адъютантов и 12 гребцов шлюпки Ф. М. Апраксина, адъютанта и 4 гребцов шлюпки генерала А. А. Вейде⁵⁸, т. е. даваемое А. З. Мышлаевским число сражавшихся с русской стороны 3485 человек в итоге перепроверки на документальном материале снижается до 3287.

Как это не покажется неожиданным, но в битве в Рилакс-фиорде помимо находившегося на 23 скампавеях авангарда сухопутных чинов участвовали еще приблизительно 600 человек. Такой вывод сделан нами, в частности, на основе изучения итогового списка награжденных за Гангутскую баталию сухопутных и морских чинов унтер-офицерского, младшего командного и рядового состава, оформление которого было завершено к 7 февраля 1718 г. В нем наряду с солдатами 11 пехотных полков и галерного флота, вступившими в сражение со шведами на 23 скампавеях с фронта, перечислены такие же чины еще 4 полков, получившие награды за битву. Это 311 человек Лефортовского полка, 116 — Копорского, 88 — Шлиссельбургского и 53 — Воронежского (568 чел.)⁵⁹, т. е. тех полков, 23 офицера которых названы в упоминавшейся уже сводной ведомости участников баталии. Поскольку естественно полагать, что 23 упомянутых офицера находились в битве со своими

подчиненными, то весь этот отряд состоял не менее чем из 591 сухопутных чинов (общее число моряков, награжденных за сражение, приведено нами выше). Как будет показано далее, эти люди были не на 23 скампавах, штурмовавших шведскую эскадру с флота, а участвовали в обходном маневре четырех российских скампавей.

Таким образом, всего к битве в Рилакс-фиорде Петр I смог привлечь 27 скампавей с экипажем примерно 3900 человек, что превышает данные, вошедшие после опубликования труда А. З. Мышлаевского в историографическую традицию (23 скампаваи, около 3500 чел.).

Итак, к началу Гангутской битвы налицо были важные предпосылки для достижения победы русским гребным флотом с возможно наименьшими жертвами. Эскадра Н. Эреншельда была отрезана от стоявших у южной оконечности полуострова Гангут главных сил шведского флота и заблокирована в шхерах, преимущества в артиллерии у шведов не было, а людские силы русских более чем в 4 раза превосходили неприятельские. Скампаваи были быстроходны, маневренны, с мелкой осадкой, хорошо вооружены артиллерией. Как следует из собранных А. З. Мышлаевским материалов, все участвовавшие в Гангутском сражении полки и морские чины имели богатый опыт действий на судах гребного и корабельного флота в предыдущие кампании на Балтике⁶⁰

Обратимся теперь к тактике российского флота в битве в Рилакс-фиорде. Ход битвы обрисован в походном журнале Петра I достаточно кратко: генерал-адмирал дал сигнал авангардии нашей оного (по смыслу — Н. Эреншельда. — П. К.) атаковать, которую тогда командовал шаутбенахт корабельный (Петр I. — П. К.) и генерал Вейд; которая атака началась в третьем часу пополудни и продолжилась даже до пятого часа. И хотя неприятель несравненную артиллерию имел перед нашей⁶¹, однако ж по зело жестоком супротивлении перво галеры одна по одной, а потом и фрегат („Элефант“. — П. К.) взяты, однако ж так крепко оборонялись, что ни единое судно без абордированья от наших не отдалось...»⁶². После знакомства с этим основополагающим для истории Гангутского сражения русским первоисточником сразу возникает вопрос, почему в нем ничего не говорится о трех атаках, которые, согласно историографической традиции (о них сказано в трудах всех историков, дававших развернутое описание битвы)⁶³, были предприняты российскими скампаваеями. Считается, что первые две лобовые атаки были отбиты перекрестным огнем значительно более сильной шведской артиллерии и только третья атака, направленная в силу этого на фланговые галеры шведов, завершившаяся последовательным абордажем шведских судов, принесла победу русскому флоту.

Версия, что россиянам потребовалось три атаки для достижения победы в Гангутской битве, изложена в книге К. Г. Торнквиста, где сказано, что «галеры были побеждены силою после второй отраженной ими атаки...»⁶⁴ Важно выяснить, откуда Торнквист получил свои данные. Поскольку такие использованные им источники, как сочинение Г. А. Нордберга и журнал Г. Ватранга, доступны и в них ничего не говорится о трех атаках русских скампавей в Гангутской битве, то, следовательно, эти сведения восходят к имевшейся в его распоряжении копии «собственнооручного жизнеописания шаутбенахта» — третьего, главного, по словам автора, источника для изложения им событий в Рилакс-фиорде. Чтобы оценить факты из жизнеописания Н. Эреншельда, приведенные в сочинении Торнквиста, следует провести их совокупное источниковедческое изучение.

Прежде всего, как доказал еще А. З. Мышлаевский, шведскую флотилию атаковали в Рилакс-фиорде с фронта 23 русских скампаваи, а не 35 в первой атаке и 130 в двух последующих, как сообщается в жизнеописании Н. Эреншельда⁶⁵ Данные о числе убитых в битве с русской стороны (3000 чел.) превышены почти в 24 раза (со 127 чел.), о числе раненых (1600 чел.) — почти в 5 раз (с 342 чел.)⁶⁶ Неверно и утверждение, что только 60 галер россиян были в состоянии продолжить после битвы движение к Або⁶⁷, так как известно, что вскоре после завершения баталии все скампаваи двинулись в путь. По К. Г. Торнквисту, Н. Эреншельд попал в плен после того, как он, пытаясь удержать одного из своих офицеров, хотевшего сбежать по трапу с прама в шлюпку и уйти с места боя, был ранен в очередной раз и потерял сознание. Очнулся он уже в плену⁶⁸. Однако, судя по походному журналу Петра I, Н. Эреншельд, «опустя флаг, вскочил в шлюпку с своими гренадеры и хотел уйтить, но от наших пойман, а именно Ингермоланского полку от капитана Бакеева с гренадеры»⁶⁹ Эпизод преследования шлюпки шведского командующего, стремящегося скрыться со своими гренадерами, шлюпкой под российским военно-морским андреевским флагом капитана Степана Бакеева изображен и на изготовленной вскоре после битвы по заказу правительства П. Пикартом гравюре «План с прешпектом...»⁷⁰ О бегстве Н. Эреншельда в шлюпку говорится и в официальной «Реляции» с Гангутской операции российского флота. Г. А. Нордберг, в очерке которого о Гангутской битве не прослеживается влияния русских источников, писал, что после спус-

ка флага на праме Н. Эреншельд «сел с несколькими людьми в шлюпку и думал под прикрытием сильного дыма между неприятельскими галерами вернуться к главным силам»⁷¹.

Можно, вероятно, предположить, что на «собственноручное жизнеописание» Н. Эреншельда повлияла сложившаяся в шведской литературе традиция в преподнесении воинских дел шведов, когда, как обстоятельно показал литературовед Д. М. Шарыпкин, изучавший дневники и разного рода жизнеописания пленных шведов под Полтавою, даже поражения их выдавались за победы. В мемуарах такого рода применялся и прием утроения. Д. М. Шарыпкин приводит пример из одного из таких сочинений: русские якобы делали шведам трехкратное предложение сдаться в 1709 г. под Переволочной, что не соответствует действительности⁷². Возможно, этот же художественный прием утроения использован и в случае с атакой россиян на шведскую эскадру в Рилакс-фиорде.

Таким образом, содержащиеся в книге К. Г. Торнквиста искаженные данные о Гангутском сражении не позволяют воспринимать в качестве достоверного факта и его сообщение о трех атаках русского гребного флота.

Между тем можно привести доказательства в пользу утверждения, что атака на шведов была одна. Во-первых, как упоминалось, в походном журнале Петра I сказано: «... атака началась в третьем часу пополудни и продолжилась даже до пятого часа» (подчеркнуто мною.— П. К.) Об одной атаке говорится и в журнале Ф. М. Апраксина, и в «Истории Свейской войны»⁷³. Во-вторых, Я. де Би в дипломатическом донесении от 9 августа 1714 г. в Голландию также пишет об одной атаке россиян на шведов в ходе Гангутского сражения. По его словам, после того, как Н. Эреншельд отказался сдаться, «со стороны русских началась атака, горячо продолжавшаяся до того времени, когда русские, приблизившись к неприятельским судам, окончательно всеми ими овладели»⁷⁴. Это ценное свидетельство, поскольку получено оно Я. де Би непосредственно от А. Д. Меншикова, который, как указывает сам дипломат, подробно изложил ему 9 августа 1714 г. ход битвы по только что отпечатанной гравюре Гангутского сражения. В свою очередь Меншиков, по всей видимости, основывался на информации, полученной им из уст участника боя в Рилакс-фиорде поручика флота З. Д. Мишукова, который, выполняя поручение Петра I, доставил ему «Реляцию» и письмо царя с извещением о победе⁷⁵. В-третьих, в «Морском уставе» (1720 г.), обобщившем русское военно-морское законодательство периода Северной войны, в приложении о сигналах галерного флота записано: «Когда адмирал похочет, дабы авангардин итить или послать по рассмотрению на бордирунг (т. е. абордаж.— П. К.) к неприятелю, тогда будет поднят один флаг весь синей у тринкетовой андривели (т. е. на передней фок-мачте.— П. К.), и райна тринкетовая к баталии поднята будет, и выстрелит из единой пушки»⁷⁶. В журналах же Петра I, Ф. М. Апраксина, показаниях участников битвы в судебном деле Я. Бордовика 1715 г. говорится только об одном сигнале к атаке, описание которого соответствует включенному в «Морской устав»⁷⁷, т. е. это еще одно подтверждение, что атака была единственной и, кроме того, была проведена силами одного авангарда, а не всего флота, как утверждали К. Г. Торнквист и Ф. К. Росваль.

Важен вопрос и о месте артиллерийского боя в сражении в Рилакс-фиорде. В существующей литературе на первый план выдвигается стремление русских захватить шведские суда абордажем, поскольку артиллерия скампавей авангарда якобы значительно уступала шведской. Так, Н. В. Новиков писал: «Обе первые атаки, после которых русские скампаваи вынуждены были отходить в исходное положение, показали, что фронтальная атака на неприятеля не обеспечивает возможности сойтись для абордажа, который являлся основной целью атакующих»⁷⁸.

По нашему мнению, на абордаж скампаваи пошли уже после продолжительной артиллерийской перестрелки со шведами, которая, хотя и не привела к их сдаче, но, как представляется, во многом подготовила успех абордажа на заключительной стадии наступления, сократив при этом число потерь с русской стороны. Этот этап сражения в Рилакс-фиорде запечатлен на называвшихся уже гравюрах от 9 августа и 12 сентября 1714 г., «Плане с прешпектом...»: скампаваи ведут ожесточенный артиллерийский бой со шведским прамом и галерами, находясь на некотором удалении от них⁷⁹. Выделим следующий факт: расстояние до шведских судов в это время было таково, что не позволяло вести прицельный ружейный огонь, ибо, по свидетельству гребцов шлюпки подполковника Я. Бордовика, только тогда, «как стали (скампавен.— П. К.) приставать (к шведским судам.— П. К.), из мелкого ружья первая стрельба зачалась»⁸⁰. Петр I писал 29 июля 1714 г., что победа в Рилакс-фиорде была одержана «по многом и зело жестоком огне»⁸¹. По показаниям участников сражения подпрапорщика А. Мачихина, сержанта С. Савельева, каптенармуса И. Привалова, бывших на скампавае Я. Бордовика, во время боя такой «был от стрельбы дым великой», что они не могли разглядеть шлюпки, в которую он сел для того, чтобы командовать своими тремя

скампавеями⁸². Г. Ватранг, находившийся с корабельным флотом за несколько миль от места битвы, слышал оттуда сильную артиллерийскую канонаду⁸³. Г. А. Нордберг сообщает, что «Элефант» «оказывал сопротивление в течение трех часов» и во время артиллерийского боя эскадр дважды загорался (по-видимому от огня российских мортир, стрелявших гранатами), а в момент абордажа, перед сдачей, на нем «вспыхнул снова пожар»⁸⁴ (факт последнего пожара отмечен несколькими участниками абордажа прамом)⁸⁵.

Следовательно, как нам представляется, большая часть времени в трехчасовом Гангутском сражении ушла не на попытки, преодолев артиллерийский огонь шведов, сблизиться с неприятельскими судами вплотную для их абордажа, что стоило бы многих жертв, а на его подготовку массированным огнем пушек и мортир со скампавей.

Важно также выяснить, была ли составлена диспозиция сражения. Если да, то кем и в чем состояла ее сущность? Ф. Ф. Веселаго писал, что скампавеи перед битвой построились по диспозиции Ф. М. Апраксина⁸⁶. А. З. Мышлаевский, наоборот, считал, что Ф. Ф. Веселаго в данном случае лишь неудачно употребил иностранное слово и что «„диспозиции“ для боя в тесном смысле не было — были лишь частные распоряжения»⁸⁷. Однако в одном из черновиков походного журнала царя с описанием Гангутского сражения имеется собственная приписка Петра I: «Сию экзекуцию (т. е. непосредственное руководство атакой.— П. К.) начал и совершил господин генерал Вейде... а диспозицию атаки имел корабельной шаутбейнахт»⁸⁸, т. е. подготовил диспозицию Гангутского сражения Петр I на правах командующего авангардом гребного флота. Поскольку текст диспозиции до настоящего времени не обнаружен, есть основания полагать, что царь изложил ее подчиненным военачальникам устно.

Принципиально важно знать, поставил ли в диспозиции Гангутской битвы Петр I разные в тактическом плане задачи перед скампавеями флангов и центра. А. З. Мышлаевский, например, писал о тактике битвы: «... было несложное фронтальное столкновение, в котором не могло быть применено тактическое искусство ни тою, ни другою стороною. Под жестоким огнем ядер и картечи два раза подходили скампавеи Вейде к противнику и два раза были отбиты. Наконец, подпираемые с тылу прочими судами, отчасти охватив противника с флангов, суда двинулись на абордаж»⁸⁹.

Анализ свидетельств участников сражения дает возможность нарисовать иную картину битвы. Во-первых, по словам капитана Нижегородского полка М. Камола, командира одной из трех скампавей Я. Бордовика, после того как «из пушки выпалили лозон (т. е. лозунг.— П. К.) до приступа», т. е. сигнал идти в атаку, всем 11 скампавеям центра было «повелено итти на фрегат»⁹⁰ (скампавеи флангов атаковали галеры шведов). Эта принципиальная черта тактического замысла битвы Петра I — ударить превосходящими силами, сразу же 11 скампавеями, по флагманскому кораблю шведов, имевшему наиболее сильную артиллерию и высокие борты.

Во-вторых, повторим, что в журналах Петра I и Ф. М. Апраксина, судебном деле Я. Бордовика 1715 г. говорится лишь об одном сигнале к атаке, следовательно, единственную атаку всей шведской эскадры скампавеи центра и флангов начали одновременно. Это лишало шведов выгодной возможности сосредоточить огонь всех своих орудий только на том отряде российских скампавей, который бы попытался первым атаковать шведские корабли.

В-третьих, в существующей литературе нигде не отмечен факт атаки российских скампавей в сражении в тыл эскадре Эреншельда. Выполнение такого маневра считается невозможным ввиду занятой шведами позиции. А. Мюнте, например, писал: «Эта позиция, бесспорно, была хорошо выбрана, ибо эскадра не могла подвергнуться нападению как в обход флангов, так и с тыла, а только с фронта, где подобно настоящей крепости лежал прам»⁹¹. Тем не менее описание маневра скампавей в тыл противника обнаружено нами в архивном документе — «Ведении» А. А. Вейде от декабря 1714 г. Приведем его полностью: «Ведение от дивизии моей Лефортовского полку и морского флоту офицером, которые были на скампавее с подполковником Парецким во время потребы (боя.— П. К.) на море с швецкими судами сего 1714-го году июля 27-го числа, в которую команду был послан с четырьмя скампавеями по указу царского величества вокруг острова в тыл швецких судов чрез господина генерала-адъютанта Павла Ивановича Егозинского (П. И. Ягужинского.— П. К.), о чем вышеупомянутый господин генерал-адъютант засвидетельствует письменно за свою рукою, а прочие 3 скампавеи ево, Парецковой, команды к потребе не поспели, и на оных обретающие офицеры здесья нихто упомянуты суть: морского флота капитан Миюшик, Лефортовского полку капитан Сава Мозалевской, поручики Борис Третьяков, Василий Конищев, прапорщик Яков Войнов»⁹².

Для того чтобы ответить на вопрос, вокруг какого острова совершили обходный маневр в тыл

эскадре Н. Эреншельда скампавеи, следует уточнить место гангутского боя в Рилакс-фиорде. В письмах-извещениях о Гангутской виктории от 29 июля 1714 г. Петр I так определял место битвы:

у Ангута, близ урочища Рилакс-фиель»⁹³. Приведем имеющиеся точки зрения относительно места баталии 27 июля 1714 г. А. П. Соколов точно его не обозначил, написав, что Н. Эреншельд построил эскадру «в полукружии между двух камней, тылом примыкая к третьему»⁹⁴. Ф. Ф. Веселаго утверждал, что «шведские суда стояли вогнутой линией, прикрытой с флангов и с тыла каменистыми островками», и на карте, серьезно искажающей этот шхерный район, нанес позицию Эреншельда на пространстве от южного края полуострова Падваланд в юго-восточном направлении, не учтя масштаба карты⁹⁵. А. З. Мышлаевский на подробной карте (масштаб: 1 верста в 1 дюйме) изобразил позицию шведов упирающейся флангами в острова Гавельсхольм и Лаккисёр, а тылом примыкающей к острову Стурён⁹⁶ (см. схему). Первая линия шведов в случае такого размещения их кораблей была слишком растянута, но Мышлаевский считал, что в предполагаемом им очень уж «просторном расположении судов» было одно из главных преимуществ шведской позиции, позволявшее задействовать в бою наибольшее число орудий⁹⁷. А. Мюнте лишь заметил, что шведы заняли «сильную позицию между двумя островками»⁹⁸. В последующем историки показывали место битвы согласно выводам Мышлаевского⁹⁹.

Однако в настоящее время прочно забыто, что существует еще одна точка зрения на место битвы. В 1869 г. российские моряки по почину и под руководством видного ученого-гидрографа контр-адмирала В. А. Римского-Корсакова установили место в Рилакс-фиорде, где, по преданию местного населения, были похоронены русские и шведы, павшие в давнем сражении. Возвышенность, у которой были сделаны погребения, носила у жителей тех мест название Гора (или Скала) мертвых, а две небольшие бухточки Рилакс-фиорда по сторонам от нее — Залива убитых и Залива мертвых. В 1870 г. на Горе мертвых был воздвигнут в память погибших россиян и шведов памятник по проекту архитектора И. А. Монигетти, выполненный скульптором Н. И. Бариновым, — большой крест из серого сердобольского гранита¹⁰⁰. В записке, прочитанной при открытии памятника, В. А. Римский-Корсаков высказал следующее: весьма возможно, что шхерный фрегат, или прам „Элефант“, стоял против острова Гавельсхольмен, а шесть галер, по три на стороне, образовывали дуги полукружия, примыкая концами одна к острову Сведегольму, а другая — к мысу к северу ...»¹⁰¹ (т. е. к мысу острова Черинг). Позднее в Главном гидрографическом управлении Морского министерства (существовало в 1885—1918 гг.) была создана карта-схема Гангутского сражения с обоснованным ранее В. А. Римским-Корсаковым расположением русских и шведских судов¹⁰².

По нашему мнению, В. А. Римский-Корсаков правильно определил место исторического сражения на основе сопоставления устных, письменных известий и картографических материалов.

При таком расположении эскадры Эреншельда логично считать, что маневр русских скампавей «вкруг острова в тыл шведских судов» был совершен в обход острова Сведьехольма (см. схему), к югу от которого на фарватере, ведущем из шхер к морю, находились в резерве остальные силы прорвавшегося сюда от мыса Гангут российского гребного флота. Посланы же в тыл противника скампавеи были из резерва, в котором находились не участвовавшие в битве скампавеи дивизии А. А. Вейде.

Таким образом, изучение тактического построения сражения убеждает, что говорить о «несложном фронтальном столкновении» (А. З. Мышлаевский) в Гангутской битве нельзя. В сражении гребных флотов в Рилакс-фиорде Петр I предвосхитил главные черты маневренной тактики, созданной применительно к корабельному флоту великим русским флотоводцем Ф. Ф. Ушаковым в конце XVIII в. Благодаря распоряжениям Петра I, умелым действиям передового отряда скампавей 26—27 июля 1714 г. эскадра Эреншельда была отрезана от корабельного флота шведов и заблокирована. Расположение ее в Рилакс-фиорде, казалось бы, не давало возможности россиянам применить какие-либо тактические приемы, навязать противнику невыгодный для него рисунок битвы, но Петр I блестяще справился с этой задачей.

В чем же проявилось флотоводческое искусство Петра I в Гангутском сражении — наиболее ярком примере его военной деятельности на море?

В Гангутской баталии abordажу шведской эскадры предшествовал длительный артиллерийский бой, который подготовил его успех. Расчленение боевого порядка отряда российского авангарда, сосредоточенного в Рилакс-фиорде, соответствовало характеру ставившихся перед его частями задач. Выделение в эскадру II скампавей, должных атаковать флагманский и самый мощный корабль шведской позиции — прам, позволило создать подавляющий перевес в силах на направле-

нии главного удара. 12 скампавей флангов были также в состоянии обеспечить активный захват 6 шведских галер начиная со стоявших крайними и постепенно продвигаясь к центру, что давало возможность иметь перевес в числе атаковавших судов при взятии каждой галеры, а шведам мешало использовать всю их артиллерию для отражения этой фланговой атаки. Обходной маневр российских скампавей в неприятельский тыл, безусловно, был полнейшей неожиданностью для шведов. Если взглянуть на действия русского авангарда в битве в Рилакс-фиорде в целом, то понятным становится и общий замысел сражения: шведской эскадре был нанесен одновременный удар по сходящимся к середине позиции шведов направлениям с флангов, центра и тыла, завершившийся абордажем. Осуществление такого плана сражения позволило обеспечить решительное превосходство в силах для абордажа не только флагманского корабля шведов, но и каждой из галер.

Следует отметить также такие черты битвы, как непрерывный характер атаки, использование в ходе боя общего резерва (для маневра в тыл), постоянное творческое руководство боем Петра I (именно во время битвы для атаки неприятеля с тыла «по указу царского величества» были посланы 4 скампаеи). Инициатива в сражении при Гангуте принадлежала россиянам; со стороны шведов битва была позиционной, а с русской она носила ярко выраженный маневренный характер.

Блестящая победа русского флота в Рилакс-фиорде была во многом следствием именно глубоко продуманной тактической организации битвы. Осуществленное Петром I руководство Гангутским сражением и всей операцией в целом позволяет поставить его имя первым в ряду великих русских флотоводцев периода парусных и гребных флотов: Г. А. Спиридова, Ф. Ф. Ушакова, Д. Н. Сенявина, П. С. Нахимова.

Благодаря созданным к моменту битвы материальным и моральным предпосылкам для достижения победы в Рилакс-фиорде (соотношение сил в артиллерии и людях, высокие боевые качества скампавей, мастерская тактическая организация битвы Петром I, опытность русских солдат и матросов в действиях на гребных судах и т. д.) потери шведов в битве были значительно больше. Если с русской стороны погибли 127 человек, то со шведской — 361 и 580 человек были пленены¹⁰³, в том числе, по имеющимся в литературе данным, 350 раненых¹⁰⁴. Среди шведов было много тяжелораненых, ибо, несмотря на усилия лекарей, через неделю в живых остались только 333 плененных при Гангуте, а к 5 сентября 1714 г. — 254 (последняя цифра без учета офицеров, содержавшихся отдельно)¹⁰⁵.

Подытожим сказанное. Вопреки установившемуся в историографии взгляду о превосходстве шведов во время Гангутской битвы в артиллерии (23 наличных пушки на скампаеях российского авангарда против 116 у шведов), архивные и изданные источники убеждают по крайней мере в равенстве сил: до 126 орудий в действии у россиян и до 92 шведских. Уточнены данные о людских силах русских и числе скампавей, занятых в сражении: не 23 скампаеи и около 3500 чел. на них, а 27 и приблизительно 3900 чел. Пересмотрен вопрос о тактике авангарда русского флота в битве в Рилакс-фиорде: устоявшееся мнение о трех атаках русских скампавей в ходе битвы основано на недостоверном источнике, оно противоречит авторитетным отечественным и иностранным первоисточникам, и от него, на наш взгляд, следует отказаться.

В заключение следует подчеркнуть, что, благодаря разработанной Петром I тактической схеме битвы, созданному русской стороной перевесу в числе судов и в людях при приблизительно равном равенстве сил артиллерии потери русских убитыми в Гангутском сражении были почти втрое меньшими, чем у шведов (хотя атакующая сторона обычно несет их в большем размере).

Примечания

Материалы для истории Гангутской операции (далее — МИГО). Вып. 1. Ч. 2. Пг., 1914. С. 195.

² Nordberg G. A. *Leben Karl des Zwölften, Königs in Sweden*. Hamburg. 1746. Т. 2. С. 524—525.

³ Он полностью издан на русском языке: МИГО. Вып. 3. Пг., 1914. С. 131—231.

⁴ Torngquist C. G. *Utkast till Swenska flottans sjö-tåg*. Stockholm, 1788. D. 2. S. 59—63.

⁵ Издание под заглавием «Журнал, или Поденная записка... Петра Великого с 1698 года даже до заключения Нейштатского мира» (ЖПВ).

⁶ Голиков И. И. *Деяния Петра Великого*. М., 1788. Ч. 12. С. 353—354; Шишков А. С. *Список кораблям и прочим судам всего российского флота*. СПб., 1799. С. 97—98.

⁷ МИГО. Вып. 1. Ч. 2. С. 198; Вып. 1. Ч. 1. Пг., 1914. С. VI, VII; Вып. 4. Пг., 1918. С. 628; ЦГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1714 г. Д. 4. Л. 113; Д. 3. Л. 101—101 об.; Ф. 53. Оп. 1. 1714 г. Д. 3. Л. 230—241 об.; ЦГВИА. Ф. 456. Оп. 1. Д. 14. Л. 2; Походный журнал 1714 года. СПб., 1913. С. 121.

⁸ МИГО. Вып. 1. Ч. 1. С. 31—37.

⁹ Тексты походного журнала Петра I за 25—27 июля 1714 г. и морского журнала Ф. М. Апраксина в значительной мере совпадают дословно, имеют общую последовательность изложения, но тексты дара короче, многие подробности исключены, в описание ряда важных для оценки сражения фактов внесены большие исправления.

¹⁰ Автографы работы Ф. К. Росваля, которыми пользовались историки флота Н. А. Бестужев, А. П. Соколов, Р. К. Скаловский, хранились в Архиве Морского министерства (ныне: ЦГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 870. Л. 1—2; Ф. 1331. Оп. 1. Д. 7. Л. 1—4 об.

¹¹ Последняя к настоящему времени издана: МИГО. Вып. 2. Пг., 1915. С. 471—521.

¹² Бестужев Н. А. Сражение при Ганго-Удде 1714 года // Соревнователь просвещения и благотворения. 1823. Ч. 24. С. 284—287

¹³ Соколов А. П. Гангзудская битва 1714 года // Морской сборник. 1850. Т. 4. № 12. С. 494—496; Скаловский Р. К. Военные действия русского флота в 1714 году // Там же. 1851. Т. 5. № 1. С. 388, 391—393; Веселого Ф. Ф. Очерк русской морской истории. СПб., 1875. С. 261—263.

¹⁴ Мышляевский А. З. Петр Великий. Война в Финляндии в 1712—1714 годах. СПб., 1896.

¹⁵ Jane F. T. The Imperial Russian Navy. L., 1904. P. 61—62.

¹⁶ Gyllengranat C. A. Sveriges sjökrigs — historia i sammandrag. Carlscrona, 1840. D. 2. S. 302—304; Munthe A. Nils Ehrensköld. Stockholm, 1900. S. 55—61; Uddgren X. E. Kriget i Finland 1714. Stockholm, 1909. S. 128—131.

¹⁷ Anderson R. Ch. Naval Wars in the Baltic during the Sailing-Ship Epoch 1522—1850. L., 1910. P. 160—161.

¹⁸ МИГО. Вып. 1—4.

¹⁹ Там же. Вып. 4. С. 868—886.

²⁰ Там же. Вып. 1. Ч. 1. С. 9.

²¹ Там же. Вклейка III.

²² Новиков Н. В. Гангут. Кампании 1713 и 1714 гг. на финляндском театре. Гангутская операция и бой 27 июля 1714 г. М., 1944. С. 67, 68.

²³ Тельпуховский Б. С. Северная война 1700—1721 гг. Полководческая деятельность Петра I. М., 1946. С. 156—157; История военно-морского искусства. Ч. 1. М., 1953. С. 176—178; Морской атлас. Т. 3. Ч. 1. М., 1959. Описания к картам. С. 223—224; Зверев Б. И. Страницы русской морской летописи. М., 1960. С. 83—87; Клоков Ю. Р. Северная война 1700—1721 гг. // Страницы боевого прошлого. Очерки военной истории России. М., 1968. С. 108; Павленко Н. И. Петр Первый. М., 1976. С. 220—221; Дважды Краснознаменный Балтийский флот. М., 1978. С. 24—25; Амон Г. А. Морские памятные даты. М., 1987. № 51. 2; История Северной войны. 1700—1721 гг. М., 1987. С. 136—137.

²⁴ «Элефант» в отечественной литературе относится к типу фрегатов. В русских источниках петровского времени он именуется прамом, «блокгоузом» или фрегатом. Однако, по шведской классификации, «Элефант» фрегатом никогда не назывался, он определялся как «блокгауз» (нем. Blockhaus, шв. Blockhus), «блокшиф» (нем. Blockschiff). Понятие «блокгауз» тогда было синонимично термину «прам». В собственноручном списке Балтийского флота Петра I 1720 г. есть, например, заголовок «Блокгоузы, или прамы» МИГО. Вып. 2. С. 494, 508; Вып. 3. С. 31, 144, 154; Вып. 4. С. 620; ЦГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Д. 22. Л. 417 об.; Uddgren X. E. Op. cit. S. 124, 128, 130; Svenska flottans historia. Malmö, 1943. Bd. 2. S. 139.

²⁵ МИГО. Вып. 1. Ч. 1. С. 3—4. Вклейки III, IV; Вып. 3. С. 35—36, 91—93; Отдел рукописей Библиотеки АН СССР (ОР БАН). Инв. № 30, 31, 385.

²⁶ МИГО. Вып. 1. Ч. 1. С. IX.

²⁷ На ряде современных схем сражения 3 шхербота шведов изображены ведущими артиллерийский огонь (Морской атлас. Т. 3. Ч. 1. М., 1958. Л. 11. История Северной войны. 1700—1721 гг. С. 135).

²⁸ МИГО. Вып. 1. Ч. 1. Вклейка III; ОР БАН. Инв. № 385; ЦГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1515. Л. 2.

²⁹ Мышляевский А. З. Указ. соч. С. 408—409, 411—412.

³⁰ МИГО. Вып. 1. Ч. 1. Вклейки III, IV; ОР БАН. Инв. № 385.

³¹ МИГО. Вып. 1. Ч. 1. Вклейки III, IV; ОР БАН. Инв. № 30, 31, 385; ЦГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1515. Л. 2.

³² МИГО. Вып. 1. Ч. 1. С. 3; Вып. 3. С. 35, 91.

³³ ОР БАН. Инв. № 32, 33, 385.

³⁴ Подсчеты по перечням артиллерии на взятых шведских кораблях.

³⁵ Соколов А. П. Указ. соч. С. 495.

³⁶ Мышляевский А. З. Указ. соч. С. 371, 408.

³⁷ Там же. С. 412.

³⁸ Новиков Н. В. Указ. соч. С. 67; Морской атлас. Т. 3. Ч. 1. Л. 11; Зверев Б. И. Указ. соч. С. 84; Клоков Ю. Р. Указ. соч. С. 108; Павленко Н. И. Указ. соч. С. 221.

³⁹ ЦГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 252. Л. 101.

⁴⁰ ЦГАОР СССР. ЗА—73. П. 134, Ч. 3. Номер листа не обозначен.

⁴¹ МИГО. Вып. 4. С. 334.

⁴² Кротов П. А. Строительство Балтийского флота в первой четверти XVIII века: Дис. канд. ист. наук. Л., 1987. С. 147—148, 151, 153—158, 260, 396.

⁴³ ЦГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 70. Л. 40.

⁴⁴ Там же. Л. 25 об.

- ⁴⁵ Там же. Л. 55 об.
- ⁴⁶ ОР БАН. Инв. № 88, 270, 408.
- ⁴⁷ МИГО. Вып. 3. С. 57, 58, 113.
- ⁴⁸ Там же. Вып. 4. С. 770.
- ⁴⁹ ОР БАН. Инв. № 385; ЦГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1515. Л. 2.
- ⁵⁰ ОР БАН. Инв. № 30, 31, 100, 101; МИГО. Вып. 1. Ч. 1. Вклейка III.
- ⁵¹ Мышлаевский А. З. Указ. соч. С. 409.
- ⁵² МИГО. Вып. 4. С. 29; Сборник военно-исторических материалов (далее — Сб. ВИМ). Вып. 5. СПб., 1893. С. 302—304, 407, 408.
- ⁵³ Мышлаевский А. З. Указ. соч. С. 411, 412.
- ⁵⁴ ЦГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 244. Л. 23, 18, 16—17 об., 13—14 об.
- ⁵⁵ Исключены из подсчета 23 офицера Воронежского, Копорского, Лефортовского и Шлиссельбургского полков, которых, как будет показано ниже, на 23 скампаевях, атаковавших шведскую эскадру с флангов и центра, не было.
- ⁵⁶ ЦГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 244. Л. 23, 177.
- ⁵⁷ Сб. ВИМ. Вып. 5. С. 409.
- ⁵⁸ ЦГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 244. Л. 169, 170, 178—178 об.
- ⁵⁹ Там же. Л. 153, 153 об., 157, 159, 177 об., 178.
- ⁶⁰ Мышлаевский А. З. Указ. соч. С. 411, 398; Прил. С. 15—16, 24—26.
- ⁶¹ Имеется в виду, по нашему мнению, наличие в шведской эскадре 2 орудий 36- и 4 восемнадцатифунтового калибров на галерах и 14 двенадцатифунтовых на праме, что создавало шведам преимущество в числе орудий самых крупных калибров.
- ⁶² МИГО. Вып. 3. С. 34—35.
- ⁶³ Бестужев Н. А. Указ. соч. С. 284—285; его же. Опыт истории российского флота. Л., 1961. С. 148; Соколов А. П. Указ. соч. С. 495; Веселаго Ф. Ф. Указ. соч. С. 262; Мышлаевский А. З. Указ. соч. С. 413; Новиков Н. В. Указ. соч. С. 67; Тельпуховский Б. С. Указ. соч. С. 157; История военно-морского искусства. Т. 1. С. 176; Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия первой четверти XVIII в. М., 1954; С. 564; Морской атлас. Т. 3. Ч. 1. Л. 11; Описания к картам. С. 224; Зверев Б. И. Указ. соч. С. 84; Клокман Ю. Р. Указ. соч. С. 108; Дважды Краснознаменный Балтийский флот. С. 24; История Северной войны. 1700—1721 гг. С. 136; Аммон Г. Л. Указ. соч. С. 52; Gyllengranat C. A. Op. cit. S. 302—303; Munthe A. Op. cit. S. 56—58; Jane F. T. Op. cit. P. 61; Anderson R. Ch. Op. cit. P. 160; Kosiarz E. Wojny na Bałtyku X—XIX w. Gdańsk, 1978. S. 262—263.
- ⁶⁴ Torpquist C. G. Op. cit. S. 61.
- ⁶⁵ Ibid. S. 60.
- ⁶⁶ Ibid., S. 62; Данные о потерях россиян из составленных сразу же после битвы ведомостей.
- ⁶⁷ Torpquist C. G. Op. cit. S. 63.
- ⁶⁸ Ibid. S. 61—62.
- ⁶⁹ МИГО. Вып. 3. С. 35.
- ⁷⁰ ОР БАН. Инв. № 385; ЦГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1515. Л. 2.
- ⁷¹ Nordberg G. A. Op. cit. S. 525.
- ⁷² Шарыпкин Д. М. Русские дневники шведов — полтавских пленников // Восприятие русской культуры на Западе: Очерки. Л., 1975. С. 67—71.
- ⁷³ МИГО. Вып. 3. С. 34—35, 91; Журнал ПВ. Т. 1. С. 439.
- ⁷⁴ Материалы для истории русского флота. СПб., 1865. Ч. 1. С. 550.
- ⁷⁵ Там же. С. 549—550; МИГО. Вып. 1. Ч. 1. С. VII; Походный журнал 1714 г. С. 121; ЦГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 244. Л. 5, 9.
- ⁷⁶ Книга Устав морской о всем, что касается доброму управлению в бытность флота на море. СПб., 1720. Прил. Сигналы генеральные. С. 2.
- ⁷⁷ МИГО. Вып. 3. С. 34, 91; Вып. 4. С. 870.
- ⁷⁸ Новиков Н. В. Указ. соч. С. 67.
- ⁷⁹ МИГО. Вып. 1. Ч. 1. Вклейки III, IV; ОР БАН. Инв. № 385; ЦГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1515. Л. 2; Д. 1516. Л. 1; Ф. 456. Оп. 1. Д. 14. Л. 2.
- ⁸⁰ МИГО. Вып. 4. С. 878—880.
- ⁸¹ Там же. Вып. 1. Ч. 2. С. 195.
- ⁸² Там же. Вып. 4. С. 874, 876, 877.
- ⁸³ Там же. Вып. 3. С. 185.
- ⁸⁴ Nordberg G. A. Op. cit. S. 525.
- ⁸⁵ МИГО. Вып. 4. С. 870, 874—877.
- ⁸⁶ Веселаго Ф. Ф. Указ. соч. С. 262.
- ⁸⁷ Мышлаевский А. З. Указ. соч. С. 409, 410.
- ⁸⁸ МИГО. Вып. 3. С. 35; Походный журнал 1714 г. С. 37.
- ⁸⁹ Мышлаевский А. З. Указ. соч. С. 413.
- ⁹⁰ МИГО. Вып. 4. С. 870.
- ⁹¹ Munthe A. Op. cit. S. 50.
- ⁹² ЦГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 244. Л. 46—46 об.
- ⁹³ МИГО. Вып. 1. Ч. 2. С. 195—199. *Фиель* на языке местного населения — это фиорд.
- ⁹⁴ Соколов А. П. Указ. соч. С. 494.
- ⁹⁵ Веселаго Ф. Ф. Указ. соч. С. 261; Прил. «З».
- ⁹⁶ Мышлаевский А. З. Указ. соч. С. 408; Прил. План 24.

⁹⁷ Там же. С. 408.

⁹⁸ Munthe A. Op. cit. S. 49.

⁹⁹ Uddgren H. E. Op. cit. S. 128; Тельпуховский Б. С. Сражение у мыса Гангут (1714 г.) // Военно-исторический журнал. 1941. № 3. С. 70, 71; его же. Северная война... С. 155; Новиков Н. В. Указ. соч. С. 65; Порфирьев Е. И. Петр I — основоположник военного искусства русской регулярной армии и флота. М., 1952. С. 252; История военно-морского искусства. Т. 1. С. 177; Морской атлас. Т. 3. Ч. 1. Л. 11; Kosierz E. Op. cit. S. 262; История Северной войны. 1700—1721 гг. С. 135.

¹⁰⁰ Морской сборник. 1870. № 2. Морская хроника. С. 64; № 9. Морская хроника. С. 1—2; Морской сборник. 1871. № 5. Морская хроника. С. 44—47; Прил. С. 1—3.

¹⁰¹ Там же. 1871. № 5. Прил. С. 2.

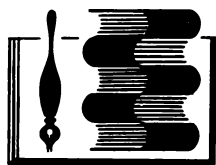
¹⁰² ЦГА ВМФ. Ф. 1331. Оп. 1. Д. 8. Л. 1, 2.

¹⁰³ МИГО. Вып. 3. С. 37, 93.

¹⁰⁴ Кротков А. С. Повседневная запись замечательных событий в русском флоте. СПб., 1894. С. 284; Первоисточник этих данных о числе раненых шведов нам выявить не удалось.

¹⁰⁵ Архив Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР. Ф. 83; Оп. 1. Карт. 25. Д. 69. Л. 1; Д. 70. Л. 1. об.; Д. 84. Л. 1; Anderson R. Ch. Op. cit. P. 160—161.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Т. С. СЕРГЕЕВ. КУЛЬТУРА СОВЕТСКОЙ ЧУВАШИИ. К 70-летию автономии республики. Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1989. 335 с. Тир. 4000

В работе освещаются основные в традиционном понимании отрасли культуры: история народного образования, подготовка специалистов в высших и средних специальных учебных заведениях, развитие науки, культурно-просветительная работа, национальная художественная культура Советской Чувашии. Книга явилась результатом многолетних изысканий автора, она основана на разнообразных источниках, в частности, архивных, социологических данных. На конкретных фактах предпринята попытка воссоздать процесс формирования и развития социалистической культуры Чувашии.

Раскрытию темы предшествует обстоятельный историографический обзор. Проблемы культурного строительства в республике освещаются на общесоюзном фоне, в сравнении с духовным прогрессом братских народов СССР.

В книге рассматривается состояние культуры Чувашии до Великой Октябрьской социалистической революции. Характеризуются особенности культурного строительства в Советской Чувашии. К факторам, положительно повлиявшим на процесс преодоления былой культурной отсталости чувашского народа, автор, в частности, относит создание Чувашской автономной области (1920 г.), преобразованной через пять лет в автономную социалистическую республику; образование Чувашской областной партийной, комсомольской, профсоюзной и других общественных организаций, мобилизовавших трудящихся республики на выполнение задач культурного строительства. Местные Советы активно участвовали в строительстве социалистической культуры с широким использованием родного языка. Существенны были дотации из государственного бюджета, обеспечивавшие опережающие темпы промыш-

ленного и культурного строительства Чувашии по сравнению с центральными областями. В вузах и техникумах городов страны обучались уроженцы Чувашии. Сохранялись и творчески использовались достижения прошлого в области культуры, особенно Симбирской чувашской учительской школы, деятельность которой была тесно связана с семьей Ульяновых. Важное значение имело использование чувашским народом русского языка, лучших достижений культур русского и других народов СССР, интернационализация духовной жизни трудящихся республики.

Касаясь периодизации истории культурного строительства в Чувашии, автор выделяет начальный этап культурной революции (1917—1941 гг.), затем — дальнейшее развитие культуры (1941 г.— конец 50-х — начало 60-х гг.). С этого времени проявились застойные явления в культуре. С середины 80-х гг. начался этап обновления всех сторон общественной жизни, в том числе и духовной. Заметим, что автору следовало бы рельефнее показать особенности языкового строительства. Это актуально в условиях утраты частью чувашской молодежи навыков общения на родном языке.

Читатель найдет на страницах книги немало ярких примеров связей культур народов СССР. Значительное внимание обращено на помощь чувашам со стороны русского народа, рабочего класса и интеллигенции таких культурных центров, как Петроград (Ленинград), Москва, Казань, Нижний Новгород (Горький), Симбирск (Ульяновск). Из содержания работы следует, что помощь горьковчан соседним нерусским народам была особенно ощутимой в конце 20-х — середине 30-х гг., когда Чувашская АССР (наряду с Марийской и Удмуртской автономными областями) временно входила в со-

став Нижегородского (Горьковского) края. На наш взгляд, нужно было наряду с положительными сторонами этого многостороннего процесса подробнее проанализировать такие негативные явления, как сужение демократии, ограничение национального суверенитета этих автономий, растущий диктат со стороны центральных партийных и советских органов, последствия которых объективно сказывались и в последующие годы.

В монографии характеризуются наряду с

общими тенденциями национальные и региональные особенности в культурно-созидательном процессе в автономной республике. Однако в ряде случаев этот процесс в той или иной области культуры представлен как прямолинейный, восходящий. В действительности же были и периоды подъема, и застоя, и даже спада.

В целом же рецензируемая работа обогащает историографию проблемы.

И. И. Бойко

Ю. Н. ЖУКОВ. СТАНОВЛЕНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ. 1917—1920. М.: Наука, 1989. 304 с. Тир. 1700

За последние годы стало ясно, насколько неполны наши знания о собственном прошлом, и прежде всего о периоде революции и гражданской войны. Это можно отнести и к политике и практике Советского государства по отношению к культурно-историческому наследию в 1917—1920 гг. Нужно сказать, что те несколько статей и разделов монографических работ, посвященных истории охраны памятников и опубликованных за полвека, упорно ограничивались либо рассмотрением проблемы только в первые дни Октября, да к тому же лишь в Петрограде и Москве, либо давали обобщенную характеристику деятельности правительства в этой области за весь период, но опять же относящуюся исключительно к двум республикам — РСФСР и УССР¹.

Советское государство в первые годы своего существования стремилось, несмотря на экстремальность ситуации, сделать все возможное для спасения, сбережения памятников истории и культуры, для того, чтобы произведения искусства, реликвии прошлых эпох использовались по преимуществу в научных и просветительных целях. В этой связи сразу же отметим следующее.

Разумеется, сегодня, когда достоянием гласности стали очень многие, ранее просто секретные документы, факты, свидетельствующие о незаконной продаже культурных ценностей за границу, о санкционированном партией гонении на православную церковь, закрытии молитвенных домов, приведшему вскоре к их варварскому и бессмысленному сносу, разрушению, у читателя, познакомившегося с рас-

сматриваемой книгой, может возникнуть справедливый вопрос: почему все это не нашло отражения в рецензируемой работе? И есть только один ответ. Ю. Н. Жуков не рассматривал именно эти факты только потому, что они вне избранных временных рамок исследования и их «отсчет» можно вести только с весны 1921 г. Вместе с тем отметим, что автор отнюдь не идеализирует действительность. Он не скрывает от читателей естественные для революции, гражданской войны потери культурно-исторического достояния. Более того, само формирование государственных органов охраны памятников рассматривается им как ответная реакция (именно на гибель, расхищение произведений искусства, реликвий) со стороны Советской власти, со стороны того круга старых специалистов, которые не могли оставаться в этих условиях равнодушными свидетелями.

Выходу в свет рецензируемой книги предшествовала апробация основных и в то же время наиболее спорных положений в журнальных статьях², а также издание научно-популярного варианта исследования, ограниченного, правда, чрезвычайно узкими географическими рамками Москвы и ее окрестностей³. Высказанные в монографии положения позднее были повторены в двух брошюрах общества «Знание»⁴. Наконец, автор неоднократно излагал свой — существенно отличающийся от закрепившихся ранее в литературе — взгляд на развитие процесса становления охраны памятников в нашей стране в многочисленных публикациях⁵.

И вот перед нами монография, меняющая

наши традиционные представления об одном не самом значительном, на первый взгляд, аспекте культурного строительства в СССР. Между тем анализ отношения Советского государства к судьбам произведений искусства, реликвий старины имеет принципиальное значение. Ведь он, проведенный на основе строго выверенных фактов, позволяет отвергнуть многочисленные спекулятивные суждения, неоднократно высказывавшиеся в периодической печати, в научных и научно-популярных работах.

Уже само построение рецензируемой книги дает возможность по-новому оценить воистину созидательное начало, заложенное в сути Советской власти. Несколько выйдя за хронологические рамки монографии, что оказалось вполне оправданным, автор внимательно проследил, как постепенно формулировалась, привлекая сторонников, мысль о необходимости государственной охраны культурно-исторического наследия. Как в длительных научных дискуссиях выкристаллизовывалось понимание того, что же следует считать памятником, заслуживающим сохранения, опеки.

Столь же скрупулезно исследует автор и иные вопросы той же эпохи. Среди них следует выделить объяснение причин безуспешных попыток специалистов и во второй половине XIX в., и в начале XX в. добиться от царских чиновников принятия закона об охране памятников, появления в России общественных организаций, стремившихся хотя бы в малой степени компенсировать преступное равнодушие государства и общества.

Характеристика катастрофической для памятников ситуации летом—осенью 1917 г. стала для автора тем основным фоном, на котором он и воссоздает картину решительных действий Наркомпроса, А. В. Луначарского, предпринятых в первые же недели после Октябрьской революции. При этом в работе раскрывается то важное обстоятельство, что именно активная позитивная политика рабоче-крестьянского правительства по отношению к культурно-историческому наследию и стала решающим фактором, приведшим специалистов к сотрудничеству с Советской властью, участию в деятельности комиссий по охране памятников.

И здесь мы подходим к важнейшему разделу работы — установлению характера и обстоятельств формирования первых за всю историю нашей страны государственных органов охраны памятников. Как удалось установить автору, данный процесс развивался далеко не так, как это излагается во всех без исключения ис-

следованиях. Импульсом для их создания послужила не некая директива «сверху», а реальные интересы губернских Советов — Петроградского, Московского, Рязанского, Орловского и иных, их горячая заинтересованность в спасении произведений искусства, реликвий. Лишь после того, как обнаружилось естественное для начального этапа их деятельности промахи и ошибки, выяснилась органическая необходимость в координации их разрозненных и потому слабых усилий. В мае 1918 г. последовало решение Наркомпроса РСФСР об образовании Отдела по делам музеев и охраны памятников, который, кстати, как справедливо указывает автор, возглавила Н. И. Троцкая, супруга Л. Д. Троцкого, а не И. Э. Грабарь, как утверждалось в нашей литературе.

Собрав в своих рядах не только всех немногочисленных тогда специалистов, но и вообще ученых, художников, архитекторов, кровно заинтересованных в сохранении культурно-исторического наследия, Отдел взял инициативу в свои руки. Благодаря проявленной настойчивости, решительности его местные органы — подотделы охраны — появились практически во всех губерниях РСФСР, а в ряде регионов (в Крыму, Татарии и др.) были созданы и уездные секции.

Аналогичные процессы, как установил автор, проходили и во всех остальных советских республиках. И там — на Украине, в Белоруссии, Литве, Латвии, Азербайджане, Армении — установление Советской власти означало и немедленное создание собственных органов охраны памятников, и развертывание действенной работы по спасению и даже реставрации самых выдающихся творений зодчих, произведений искусства.

Узнаем мы из монографии не только о формировании сети органов охраны памятников, к концу гражданской войны охватившей всю страну. Книга дает нам возможность впервые реально оценить и результаты деятельности этих органов, понять их значимость не по безликим цифрам, лишь изредка иллюстрированным отдельными примерами, как практиковалось ранее, а через рассказ о судьбах сотен замечательных, широко известных произведений зодчества, живописи, скульптуры, графики, прикладного искусства, значительная часть которых и поныне служит людям, науке.

Обширная, по преимуществу архивная источниковая база работы позволила автору решить и ряд весьма важных задач, объясняющих успешные действия Советского государства. Прежде всего следует отметить тщательней-

ший анализ законодательства, направленного на сохранение культурно-исторического наследия в рассматриваемый период. Мы узнаем не о трех-четырёх декретах, традиционно используемых в такого рода исследованиях, а почти о двух десятках их, которые и обеспечили юридическую неприкосновенность произведений искусства и реликвий старины, их преобразование в музеи либо в музейные экспонаты, ставшие доступными всем трудящимся. Заслуживает внимания и интересное наблюдение, раскрывающее одну из особенностей исследуемого периода. Оказывается, ленинские декреты, декреты ВЦИК и СНК РСФСР служили не только основой при разработке советскими республиками собственного законодательства. В отдельных случаях они просто переутверждались без каких бы то ни было дополнений или изменений.

Наконец, нельзя не отметить и еще один раздел работы, посвященный кадровому обеспечению

деятельности по сохранению и использованию культурно-исторического наследия. Исчерпывающее, насколько позволили источники, исследование вопроса заставляет нас прийти к мысли, что решение столь масштабной задачи в невиданно короткие сроки, да еще и в экстремальных условиях гражданской войны стало возможным только благодаря опоре на самые широкие круги беспартийных специалистов.

Рецензируемая монография вносит значительный вклад в изучение культурного строительства в СССР, проблем Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской войны. Принесет она и практическую пользу, так как делает общим достоянием большой и весьма плодотворный опыт, порой столь незаслуженно игнорируемый вплоть до настоящего времени.

В. Н. Баязин

Примечания

О с н о с Ю. Октябрьская революция и памятники художественной культуры // Искусство. 1940. № 6; Г а р д а н о в В. К. Музейное строительство и охрана памятников культуры в первые годы Советской власти. 1917—1920 // История музейного дела в СССР. М., 1957; С м и р н о в И. С. Ленин и советская культура. М., 1960; Р а в и к о в и ч Д. А. Охрана памятников истории и культуры в РСФСР. 1917—1960 // Труды НИИ музееведения и охраны памятников истории и культуры. М., 1970 и др.

² Ж у к о в Ю. Н. Первые мероприятия Советской власти по охране историко-культурного наследия в Петрограде 1917—1918 гг. // История СССР. 1983. № 5. С. 148—161; е г о ж е. Роль права в охране культурно-исторического наследия в первый год Советской власти // Советское государство и право. 1983. № 11. С. 117—122; е г о ж е. Сбережение памятников культуры в полосе Западного

фронта (1920 г.) // Военно-исторический журнал. 1983. № 3. С. 82—84.

³ Ж у к о в Ю. Н. Сохраненные революцией: Охрана памятников истории и культуры в Москве в 1917—1921 годах. М., 1985.

⁴ Ж у к о в Ю. Н. Бессмертие народного подвига. Памятники воинской славы русского народа и мемориалы Отечественной войны 1812 года. М., 1987; е г о ж е. Память Отечества. Сохранение культурно-исторического наследия в СССР. М., 1988.

⁵ Ж у к о в Ю. Н. Культурно-историческое наследие русской православной церкви и Великая Октябрьская социалистическая революция // Проблемы марксистской оценки роли православия в истории России. М., 1986; е г о ж е. Прошлое — настоящему // Огонек. 1987. № 34; е г о ж е. Фронт у Ясной Поляны // Московские новости. 1987. № 28.

А. Н. БОХАНОВ. КОЛЛЕКЦИОНЕРЫ И МЕЦЕНАТЫ РОССИИ. М.: Наука, 1989. 188 с. Тир. 14000

Эта небольшая книга не затеряется среди многообразных последних новинок исторической литературы: она посвящена теме столь же малознученной, сколь привлекающей все более пристальное внимание общественности. Автор рассказывает о собирателях и хранителях культурных ценностей России, о тех, кто содействовал развитию ее талантов.

Работа А. Н. Боханова, обращенная к массовому читателю и по содержанию столь же общедоступная, сколь и способная привлечь самый широкий интерес, документирована как

серьезное научное исследование. Не упустив, кажется, ничего из литературы, относящейся к теме, широко используя мемуаристику, эпистолярное наследие, периодическую печать, автор предпринял и обширные розыски в архивах (особенно в ЦГИА г. Москвы, которую можно считать своеобразным центром купеческого меценатства и благотворительности).

Отметим, в частности, освоение ученым рядом с материалами личного происхождения фондов благотворительных учреждений и обществ, Московской городской думы, Москов-

ской городской управы, Московской купеческой управы, канцелярии московского генерал-губернатора. Все это позволило показать в цифрах размеры состояний русских меценатов и суммы, направлявшиеся на нужды культуры и милосердия.

Главные герои книги — братья Сергей Михайлович и Павел Михайлович Третьяковы, Савва Тимофеевич Морозов, Савва Иванович Мамонтов — видные купцы и предприниматели второй половины XIX — начала XX в. Имена их давно уже стали достоянием истории, получив широкую известность, но, как ни парадоксально, автор едва ли не первый из советских историков попытался воссоздать жизненные пути этих меценатов и коллекционеров в определенной полноте и последовательности, оценить их вклад в развитие русской культуры. Попутно автор сообщает интереснейшие сведения и о других представителях этого удивительного «племени» благотворителей и филантропов, оставивших свой, пусть и не столь заметный след в культурном развитии России, — Бахрушиных, Солдатенковых, Алексеевых, Хлудовых, Солодовниковых и др., кто на свои средства строил школы и больницы, поддерживал народные промыслы, основывал библиотеки и музеи. Наверное, в любой другой стране каждому из них, отдавших столько сил и средств общественному служению, были бы посвящены отдельные исследования. Но наша историческая наука не считала благотворительность достойной сколько-нибудь серьезного изучения. Само это слово, как и связанные с ним — милосердие, благодеяние, филантропия — употреблялись не иначе как в пренебрежительном смысле.

Содержание рецензируемой работы убеждает, что избранная автором тема важна для понимания идейных и духовных стремлений русского общества, его нравственной атмосферы. В то же время рассказ о коллекционерах и меценатах, выдвигавшихся, как правило, из купеческой и промышленной среды, вносит новые штрихи в характеристику русской буржуазии.

Многие разного рода представители капитала предстают в повествовании одержимыми не только жадной эксплуатацией, наживы, погоней за сверхприбылью, но и не чуждыми духовных устремлений, способными к милосердию, готовыми содействовать народному просвещению. Отчисляя щедрые взносы на нужды образования и здравоохранения, на строительство приютов и бесплатных столовых, церквей и ремесленных училищ, они

тем самым своеобразно перераспределяли свои «сверхприбыли». Например, К. Т. Солдатенков, завещав лишь незначительную часть состояния родным (около 800 тыс. руб), отдал на благотворительные нужды 21 млн. руб. Рассказывая об этом самом крупном денежном пожертвовании, автор затрудняется, и это естественно, оценить в цифрах вклад в развитие культуры братьев Третьяковых, основателей общедоступной картинной галереи, или С. Т. Морозова — одного из учредителей общедоступного Художественного театра. А в каких денежных исчислениях можно оценить меценатство С. И. Мамонтова — ту его поддержку талантов, им же выявленных, без которой многие артисты и художники просто не состоялись бы!

Говоря об устойчивой тяге к благотворительности в среде русских предпринимателей, автор выявляет ее многообразные стимулы — от чисто филантропических до узкосвоекорыстных, отмечая прежде всего вполне утилитарную потребность в просвещении, в знающих, квалифицированных работниках. Соответствуя религиозным убеждениям, благотворительность служила и своеобразной рекламой прочности и стабильности данного торгового дома или промышленного предприятия, способствуя их престижности. Помогала она и карьере, облегчая получение чинов и наград.

Рассказывая о скромности в личном обиходе братьев Третьяковых, не любивших афишировать свои добрые дела, вершивших их тихо, незаметно, автор противопоставляет им иной тип благотворителя в лице миллионера, железнодорожного дельца Лазаря Самуиловича Полякова. Благодаря немалым и систематическим пожертвованиям (в том числе и в казну), Л. С. Поляков был увенчан чинами и орденами и, наконец, несмотря на некоторое противодействие в правительстве, возведен в дворянство (с. 33—35). И хотя эгоистические мотивы его «благодеяний» предельно ясны, вряд ли стоит торопливо обличать избранный им путь «наверх». В обществе, разделенном сословными, социальными, национальными перегородками, это был далеко не худший способ самоутверждения для еврея, уже самим своим происхождением обреченного на роль парии.

Соглашаясь с исследователем, который оценивает благотворительность как «типично классовую черту» буржуазии (с. 7), нужно лишь оговориться, что она не является специфически присущей только этому владеющему классу. Прав ли автор, объясняя

первенствующую роль в делах милосердия молодой русской буржуазии ее связью с народом, более тесной сравнительно с дворянством, давно эту связь оборвавшим (с. 8)? Это столь же несправедливо, как и утверждение, что «классовый эгоизм — отличительная черта буржуазии» (с. 62), или представление о русской аристократии как слое бездуховном (с. 94, 96). Разумеется, у растущей буржуазии было больше материальных возможностей для филантропии, меценатства, коллекционирования, но традиции благотворительности, как признает сам исследователь, заложена именно дворянством.

Показав прочную и, казалось бы, логическую связь между предпринимательством и благотворительностью, автор — и в этом его заслуга — раскрывает и серьезные, по-своему неразрешимые противоречия между ними, ярко проявившиеся именно в России. За редкими исключениями нашим бизнесменам и negociантам не удавалось гармонически сочетать свою деятельность с меценатством или коллекционерской увлеченностью — всегда что-то одно одерживало верх, подавляя и оттесняя другое. Возможно, сказывались особенности русского национального характера, о котором Ф. М. Достоевский сказал, что он ни в чем не знает меры, всегда, в любом деле стремясь дойти до края.

Собирание культурных ценностей, меценатство, как правило, постепенно отвращали от торгово-промышленной деятельности — настолько велика была власть искусства, сильно влияние людей, служивших ему, самой атмосферы, в которую попадал коллекционер из буржуазной среды. «Переход от возвышенных духовных интересов к «будничным» — торговым или промышленным — был тяжким не только для С. И. Мамонтова» (с.136). П. М. Третьяков, чем больше втягивался в собирание своей коллекции картин русских художников, тем сильнее тяготился «делом», дававшим сред-

ства для новых приобретений. Продолжая его по необходимости, душой он уже весь был в заботах о своей галерее. А ведь предпринимательство, как и искусство, требует всех сил и способностей, полной отдачи.

Автор обстоятельно останавливается на крахе торгово-промышленного предприятия С. И. Мамонтова, выясняя ряд его важных и новых подробностей. Они будут интересны исследователям промышленного и финансового капитала, его связей с государственным аппаратом, начавшейся коррупции. И все же решающую роль в крушении С. И. Мамонтова как дельца сыграли не тактические просчеты этого незаурядного организатора, не интриги недоброжелателей, а растущая безучастность к делам. Его думы и чувства принадлежали уже другому миру, целиком его поглотившему.

Рецензируемая книга появилась в то время, когда наше общество все более сознает значимость сохранения культурного наследия, бережной передачи его потомкам, все более поворачивается лицом к милосердию и благотворительности, изгонявшимся из нашего обихода. В этих условиях рассматриваемое исследование обретает особую социальную роль — оно не только напоминает о давних и славных традициях в отечественной благотворительности, но и позволяет использовать определенный практический опыт в их развитии. Рассказ о ярких, неповторимых судьбах русских меценатов имеет и иной, не столь утилитарный, а скорее общезначимый смысл. Это еще одно свидетельство сложности человеческой природы, невозможности постичь ее с помощью одних классовых критериев, необходимости для историка руководствоваться не только ими, но учитывать и психологические, морально-этические побуждения — все то, чем так долго в ущерб себе пренебрегала наша наука.

В. А. Твардовская

В. И. ЧЕСНОКОВ. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА РОССИИ 60—70-Х ГОДОВ XIX ВЕКА. Исследовательские очерки. Изд-во Воронежского ун-та. 1989. 208 с. Тир. 700

В рецензируемой книге рассматривается историческая наука в пореформенной России в контексте ее отношения с официальной идеологией. Работа основана на обширном массиве новых архивных документов. Ис-

следование имеет актуальное научное значение, отвечая интересам разработки таких проблем, как наука и государство, наука и общество, историческая наука и ее творцы.

В эпоху буржуазных реформ в России

культура и наука переживали бурный подъем. Историческая наука призвана была ответить на множество вопросов, волновавших современников общественного переворота. Что же происходило в действительности? Деятельность научных коллективов (Археографической комиссии с ее филиалами, Академии наук, Русского Археологического общества) и отдельных ученых сосредоточилась преимущественно на изучении древнейшего периода отечественной истории. Книга проливает свет на эту ситуацию. Автор проанализировал те способы, с помощью которых бюрократический охранительный аппарат традиционно пресекал многое из того, что выходило за пределы «видов правительства». В свою очередь, в обществе, не располагавшем полной исторической информацией, создавалась своеобразная охранительная атмосфера. Наряду с прямым воздействием на историческую науку через уставы университетов, отстранением异комыслящих от преподавания (это в определенной мере отражено в литературе), правительственный аппарат использовал и иные методы. Это — влияние на образ мысли ученых, тематику исследований и направление деятельности научных коллективов, распространение в обществе стереотипа охранительного мышления. Обращение к изучению столь трудноуловимого правительственного влияния на науку выводит исследование на качественно новый уровень и является принципиальным достижением автора.

Состояние отечественной исторической мысли раскрыто в книге на примере судеб ее ярких представителей — А. П. Щапова, П. В. Павлова, В. И. Модестова, М. П. Драгоманова и др. Нынешнему читателю становится явным то, что было недоступно современникам и в свое время питало историографические легенды¹, поскольку правда была глубоко спрятана в ведомственных архивах.

В исследовании вопроса о неудавшемся в 1871 г. избрании А. Н. Пыпина — двоюродного брата Н. Г. Чернышевского — в Академии наук (с. 96—109) автору удалось с помощью новых архивных находок опровергнуть мнение В. И. Семевского, не всегда идентичное ходу событий², а также существенно дополнить публикацию советского историка П. С. Ткаченко на эту тему³. Речь идет о том, как самодержавно-правительственная машина сорвала попытку Академии наук наладить исследовательскую работу в области новой истории России, пополнить состав

историков свежими силами⁴. В этой связи нельзя согласиться с высказанным в книге суждением о «заведомо гиблом решении» Академии наук и тем более относительно «невежества не только рядовых академиков, но и академического руководства в вопросах общественно-политической жизни страны и правительственной политики» (с. 109).

Не всегда убедительным оказывается в работе противопоставление правительственного аппарата и самодержавия (с. 128 и др.), хотя постановка вопроса о структуре самодержавно-государственного аппарата России XIX в. (с. 4) представляется интересной.

В книге справедливо отмечаются корпоративность Академии наук, проявления протекционизма при новых избраниях, невозможность привлечения ученых, «лично не известных и не симпатичных ее членам» (с. 102). Повествуя о групповых интересах среди профессоров, возобладавших, в частности, в Киевском университете в 70-е гг. (с. 141—155), автор впервые дал обобщенную оценку университетской рутины, когда ректор был по существу орудием группировки профессоров в университетском Совете, забаллотировавшей значительное число ученых, что нанесло преподаванию истории, пожалуй, не меньший ущерб, чем правительственные гонения. Различные течения в среде университетской интеллигенции, столкновения между ними в XIX в. еще ждут глубокого исторического изучения и анализа.

Как показано в книге, высшее учебное ведомство шло навстречу запросам исторической науки до тех пор, пока они не затрагивали идейных основ общественной жизни, а, наоборот, укрепляли последние, по мнению чиновников министерства. На этих негласных условиях осуществлялось финансирование исторической науки. Определялась также тематика крупных археографических предприятий; приобретались для хранилищ библиотек и музеев комплексы исторических источников. Предыстория издания «Писем и бумаг императора Петра Великого» показывает замысел — возвеличить деяния выдающегося царя из династии Романовых (с. 25—42). Приобретение за значительную сумму для Петербургской Публичной библиотеки древних документов «караимского историографа» А. Фирковича определялось идеологическими соображениями. Часть коллекции, представленная библейскими текстами, была «как раз тем, о нехватке чего в России уже давно шумело духовенство и бил тревогу Синод, опа-

сясь за потерю престижа православия перед католической Европой» (с. 17). Как компромисс царского правительства с научными запросами нового времени автор рассматривает учреждение археологических съездов (с. 56—72), открытие в Петербурге Педагогического общества (с. 78—95).

В работе аргументировано возражение против попыток в советской историографии определить роль Министерства народного просвещения в системе управления лишь в свете его финансовых возможностей⁵. Расход на дело народного образования составлял в пореформенное время 1—2% бюджета России. В действительности — и это подтверждено богатыми материалами рецензируемой книги — министерство было важнейшим идеологическим органом по защите идейных и политических устоев самодержавия. Под контролем правительства функционировали отделения Академии наук, её Азиатский и Этнографический музеи, Археологическая комиссия, архивы и многочисленные научные общества, велась подготовка историков на историко-филологических и юридических факультетах российских университетов, институтов и лицеев. Привлекает внимание ряд авторских соображений о соотношении правительственного курса и состояния исторической науки, а также идеологии пореформенной эпохи. В книге подчеркнута независимость конкретного течения научной жизни страны от правительственных инициатив (с. 184). Объективные закономерности научного прогресса не могли быть отменены методами министерского управления. Семена осмысленного отношения к российской действительности, посеянные в обществе в середине XIX в. и прораставшие на научной почве в 60—70-х гг. XIX в., не могли быть полностью уничтожены самыми реакционными силами (с. 189—190).

Исследование конфликтных ситуаций между насущными запросами науки и образования и официальными устремлениями открывает новые перспективы для изучения как развития исторической науки, так и роли правительственной политики. Книга выдвигает проблему изучения в широком плане взаимоотношений прессы, общества и состояния научного мира. Убедительно показано влияние правой прессы («Московские ведомости» и др.) в интерпретации событий в университетах и в Академии наук, уход в издательскую деятельность В. Я. Шульгина. После вынужденного отказа от докторского диплома он основал правую газету «Киевлянин».

История исторической науки и университетов заслуживает рассмотрения в органической связи с идейно-политической общественной борьбой. Многие факты, приведенные в книге, выявляют назревшую задачу создания сравнительно-исторического исследования истории науки и российских научных учреждений XIX — начала XX в. в контексте развития европейской науки и университетского образования.

Г. И. Щетинина

Примечания

См.: Лемке М. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб., 1985; Козьмин Б. Из истории либеральной общественности шестидесятых годов // Красный архив, 1931. № 2.

² Семевский В. И. Памяти А. Н. Пыпина. СПб., 1905. С. 169.

³ Ткаченко П. С. Новые материалы о А. Н. Пылине // Русская литература. 1967. № 4. С. 119—121.

⁴ См.: История Академии наук. Т. 1. М.; Л., 1958.

⁵ См.: Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968.

С. И. ДА Н Ч Е Н К О. РУССКО-СЕРБСКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ СВЯЗИ. 70—80-е годы XIX в. М.: Наука, 1989. 201 с. Тир. 1100

В рецензируемой монографии впервые в отечественной историографии проведен анализ одного из важнейших аспектов русско-сербских общественных связей — отражения событий внутренней и внешнеполитической жизни Сербии в русской периодике, причем различных направлений. Автор четко обрисовывает круг основных проблем, нашедших освещение

на страницах ведущих русских газет и журналов; показаны периоды подъема и спада интереса русской общественности к сербскому вопросу. Вполне обоснован вывод автора о том, что, несмотря на различие оценок по разным вопросам, дворянско-монархические, буржуазно-монархические и буржуазно-либеральные слои русского общества единодушно

призывали правящие круги России к более активной политике в Сербии — это свидетельствовало об определенном недовольстве в России приоритетом средне- и дальневосточной политики царизма по сравнению с балканско-средиземноморской. Здесь следует заметить, что работе недостает более развернутого внешнеполитического анализа действий русской и сербской дипломатии, особенно начала и середины 80-х гг. XIX в., характеристики внешнеполитических тенденций обеих стран, имевших далеко идущие последствия на Балканах. По существу, выпал из поля зрения автора новый для 70—80-х гг. аспект восточного вопроса — реакция на эту сложнейшую международную проблему в сербской и русской научной среде.

Наиболее обстоятельно освещены в монографии научные связи России (гл. III). По этой теме С. И. Данченко привлекла значительное количество документальных источников. Впервые широко использованы архивные материалы из личных фондов русских ученых — П. А. Кулаковского, А. А. Майкова, А. Н. Цыпина, И. С. Аксакова, Н. А. Попова, В. И. Ламанского, И. С. Пальмова и др. Немало данных почерпнуто автором из архивов Югославии (Сербская академия наук и искусств, Государственный архив Сербии, рукописный отдел Матицы сербской). Источниками послужили и многочисленные отчеты русских ученых о командировках в Сербию (как опубликованные, так и неопубликованные), переписка деятелей русской и сербской науки и различных научных обществ двух стран. Следует особо отметить, как освещена научная и педагогическая деятельность в Сербии в 1878—1882 гг. видного русского слависта П. А. Кулаковского. Объективно оценен его вклад в укрепление научных связей России и Сербии. Этот вопрос впервые исследуется в советской историографии.

Немаловажно и то, что в книге обобщены разнообразные формы научных связей — командировки русских ученых в Сербию, обмен научной литературой, рецензирование трудов, помощь в поиске необходимых для работы материалов, общественная деятельность ученых России и Сербии, направленная на укрепление взаимных контактов. Отмечается, что в конце 70-х — первой половине 80-х гг. XIX в. расширились связи сербской интеллигенции с русскими учеными и общественными деятелями научного направления, деятельность которых в этот период была особенно ощутимой. Конечно, можно было бы здесь ожидать от автора анализа и оценки собственно прорусского (в Сербии) и просербского (в России)

направлений общественного мнения. Такое исследование было бы тем более важно применительно к истории и Сербии, и России в связи с нарастающим напряжением между балканскими странами к середине 80-х гг., с наблюдавшимися среди известной части сербской и болгарской общественности поисками новых политических и общественно-научных ориентиров на Западе в противовес России.

И все же приведенные автором материалы позволяют утверждать, что связи России и Сербии имели огромное значение для развития науки и культуры обеих стран. Значительное внимание уделено в монографии раскрытию вклада в развитие общественных связей таких сербских деятелей, как Ст. Новакович, Й. Ристич, М. Миличевич и др. Автором прослежено становление направлений и школ в российском сербведении, выявлен рост в России балкановедения, которое после 70-х гг. XIX в. уже не замыкалось в рамках военно-политических обзоров. Добавим здесь, что вряд ли можно разделить сдержанность автора в оценке такого видного балканиста России XIX в., как Н. А. Попов. Думается, нужно было более широко охарактеризовать деятельность Н. А. Попова и А. Н. Пыпина, показать значение их трудов для исследования истории не только Сибири и Балкан, но и Восточного Средиземноморья в целом.

Особое место в монографии занимает освещение контактов революционеров России и Сербии. Разработка этой темы затруднена ограниченной источниковой базой. Тем не менее автор сумел внести вклад в исследование данного вопроса. С. И. Данченко глубоко проанализировала материалы сербской социалистической газеты «Радник» («Рабочий»), которую издавал в 1881 г. в Белграде видный деятель социалистического и рабочего движения Сербии Д. Ценич. На страницах «Радника» публиковались «Письма из России» — о русском революционном движении и русских революционерах, авторами которых были сербские студенты, учившиеся в Москве. В книге приводится их переписка с Д. Ценичем (хранящаяся в ЦГАОР СССР), при этом выделены основные темы «Писем из России», охарактеризовано отношение сербских студентов к борьбе русских революционеров против царизма. Рассмотрены также связи сербских радикалов с группой русского революционера П. Л. Лаврова. Представляет интерес анализ выступления видного деятеля радикального движения П. Тодоровича в связи с переводом в Сербии романа И. С. Тургенева «Новь». В монографии нашли отражение и участие сербской учащейся молодежи в русском рево-

люиционном движении. В период, когда и в России, и в Сербии реакция перешла в наступление, революционеры двух стран содействовали сохранению и развитию демократических и социалистических традиций.

Рассматриваемое исследование опровергает существовавшее ранее в историографии представление о том, что с конца 70-х гг. XIX в. отношения России и Сербии были фактически прерваны *. Как явствует из рецензируемой работы, русско-сербские связи продолжали развиваться в существенной мере благодаря контактам общественного характера даже в годы возрастания австрофильских тенденций в политике правящих кругов Сербии.

Рецензируемая монография восполнила

один из пробелов в освещении русско-сербских отношений в XIX в., обогатила отечественную историографию неизвестными фактами, свежими наблюдениями, относящимися к общественным связям России и Сербии в последней четверти XIX в.

В. И. Шерemet

Примечание

* См.: Пр ж и њ И. Сполашна политика Србије (1804—1914). Београд, 1939; Восточный вопрос во внешней политике России. М., 1978. С. 246—247.

С. В. МИРОНЕНКО. САМОДЕРЖАВИЕ И РЕФОРМЫ. Политическая борьба в России в начале XIX в. М.: Наука, 1989. 239 с. Тир. 10 000

Автор монографии исследует попытку Александра I реформировать политический и социально-экономический строй России: ввести конституцию и отменить крепостное право. Нельзя сказать, что это новый сюжет в историографии. Еще В. О. Ключевский в своих лекциях говорил о колебаниях Александра I «между конституционными идеалами и абсолютистскими привычками»; характеризуя вторую половину царствования Александра I, историк вел речь о трех проектах освобождения крестьян — Мордвинова, Аракчеева и Канкрин, составленных по поручению царя, о слухах, что «для империи выработывается новое государственное устройство: проект этот был поручен будто бы бывшему сотруднику императора Новосильцеву»¹.

Ключевский не был исследователем эпохи Александра I, но ссылка именно на такого талантливого автора университетского учебного курса помогает понять, как вольно или невольно создаются устойчивые историографические стереотипы, преодоление которых дается нелегко. И в данном случае деление царствования Александра I на два периода — реформаторски-либеральный и консервативный, воспринятое Ключевским от Н. К. Шильдера, дошло до наших дней. Автор монографии отказывается от этого стереотипа и приходит к выводу, что «реформаторские замыслы и внутренняя политика правительства оставались как бы двумя параллельными линиями, которым так и не суждено было соединиться в самой отдаленной точке. В этом смысле все

александровское царствование (за редкими исключениями, какими были, например, указ о вольных хлепашцах 1803 г. или личное освобождение крестьян в Прибалтике в 1816—1818 гг.) предстает удивительно цельным» (с. 207). В Заключении определена хронологическая грань подобного состояния 1822—1823 гг., когда наступила пора открытой реакции (с. 229). Но если бы читатель попытался конкретизировать эту «удивительную цельность», заметив, что Александр I в своих либеральных деяниях и помыслах был потенциально консервативен и это в итоге привело к открытой реакции, то и автор, и все содержание его книги этому бы воспротивились.

В монографии задача исследования справедливо «вписана» в общую тему «самодержавие и реформы» именно в такой последовательности. Поэтому изучение кардинального вопроса — «насколько реальны были в России начала XIX в. (1815—1825 гг., как ранее уточняет автор. — Б. Л.) введение конституции и освобождение крестьян?» (с. 6) — начинается с обстоятельной главы «Самодержавная власть. структура, организация, исполнители» (с. 28—60). Это оправдано не только тем, что в первое десятилетие XIX в. в стране установилась министерская система управления, но и потому, что ее складывание так или иначе связано с историей отторжения в проектах идей М. М. Сперанского, грозивших в какой-то мере поколебать единое самодержавие. Своеобразным мутантом предполагавшихся высших представительных учреждений явился Госу-

дарственный совет. Согласно манифесту от 1 января 1810 г., данный законосовещательный орган формировался царем из высших представителей дворянства. В книге на основе 22 формулярных списков его членов обрисован впечатляющий коллективный портрет этого органа (с. 37—40).

Статистическая разработка показателей в списках — источниковедческая удача автора, обратившегося вслед за П. А. Зайончковским к этому виду массовой документации. Автор разрушил некоторые устойчивые представления, например, о преклонном возрасте членов Совета. Оказывается, к 1825 г. только 13,5% его членов были старше 65 лет (3 человека), но зато моложе 50 лет было 5 человек (22,6%); 68,2% — профессиональные военные, непосредственные участники войн конца XVIII — начала XIX в. Характеристика состава высшей судебной инстанции в империи — Сената, содержащаяся в книге, опровергает расхожее мнение о сенаторах-старцах. Более 60% сенаторов были моложе 60 лет. Одряхление состава и Государственного совета, и Сената стало реальностью николаевского времени. В Сенате был сравнительно выше удельный вес лиц с высшим и специальным образованием, чем в Государственном совете. Менее однороден был Сенат по имущественному показателю: более 12% сенаторов были мелкопоместными. Меньшая элитарность состава Сената не могла не влиять на его положение в высшем эшелоне власти, хотя формально Государственный совет и Сенат были равны, — делает вывод автор (с. 48).

Показателен содержащийся в книге анализ формулярных списков бюрократии губернского звена — губернаторов, «доверенных лиц венценосца», и председателей губернских палат. Наша литература до сих пор ограничивается единственной книгой о русских губернаторах А. Блинова, вышедшей 85 лет назад. Среди губернаторов было меньше выходцев из непривилегированных сословий, чем среди сенаторов. Большинство также участвовало в войнах. Их состав был однороден и по имущественному положению: не было среди них земельных магнатов, но основная масса владела достаточным количеством крепостных (от 200 до 2000). Автор полагает, что они представляли «наиболее типичное ядро помещичьего класса» (с. 53). Что касается «типичности», то она относительна, так как уже в первой четверти XIX в. в российском обществе весьма заметен слой мелких помещиков, который в губернском корпусе не представлен. Председатели губернских палат — в основном потомственные дворяне, но явно беднее губер-

наторов. Около 37% не имели крестьян и земель, мелкопоместных было около 4%. Иначе говоря, это уже бюрократы-профессионалы.

Общую картину чиновничьего корпуса верхнего эшелона власти до губернской включительно автор воспроизводит на основе 442 формулярных списков. Они свидетельствуют, что правящая бюрократия распадалась на две крупные группы: чины второго — четвертого классов составляли 39,4%, а чины пятого, шестого — 50,7%. Именно они и «делали погоду». По нашим сегодняшним представлениям, более 80% из них были трудоспособного возраста (до 60 лет), а по меркам начала XIX в. по крайней мере 52% были вполне дееспособными (до 50 лет). Автор убедительно доказывает, что чем выше по служебной лестнице находились чиновники, тем меньше среди них было малоимущих.

Статистический портрет правящей бюрократии играет важную роль в общей установке автора о том, что в ее верхнем эшелоне не было видимых стимулов к переменам. Добавим, что вместе с тем широкий слой бюрократии был готов выполнять любое поручение верховной власти и мог бы вслед за Кукольником сказать: «прикажут, завтра буду акушером». Такой была психологическая атмосфера в правящем аппарате, которая, на мой взгляд, позволяла самодержцу осуществлять любые свои предначертания.

Значительно модернизированный аппарат управления по сравнению с екатерининским и павловским временем все же, как утверждает автор, не отвечал требованиям дня. Это обстоятельство и является объективной базой личного стремления Александра I к реформе политического строя.

В двух главах — «Самодержавие и крестьянский вопрос», «Самодержавие и конституция» — на фундаментальном фактическом материале, по преимуществу впервые вводимом в научный оборот, вполне убедительно показано, что конституция и отмена крепостного права не оставались лишь благими пожеланиями Александра I, но были воплощены в реально сформулированные проекты, которым оставалось только придать статус законов. Этого, однако, не произошло. Реальность же отражена автором в названии четвертой главы — «Крушение реформаторских замыслов. Правительственная реакция».

Отличие от своего прямого предшественника по разработке данной темы А. В. Предтеченского², видевшего в исторических реалиях александровских действий только его лицемерие, С. В. Мироненко убежден, что Александр I действительно хотел ограничить

самодержавие и отменить крепостное право. И автору удается убедить в этом читателя. Вот в чем, думается, новизна и ценность работы. Слабее автор выглядит в объяснениях причин провала подобных попыток царя.

Главную причину, которая не позволила освободить крестьян и попытаться изменить политический строй страны уже в начале XIX в., автор видит в «сопротивлении подавляющей части дворянства» (с. 282). Для реализации задуманных реформ самодержавие, по его мнению, должно было решиться на насилие над своей собственной социальной опорой. К этому Александр I не был еще готов, он «решительно исключал самую мысль о возможности давления на дворянство, настаивал, чтобы в основание любого проекта отмены крепостного права был положен принцип добровольности. И, признавая невозможность его соблюсти,— заключает автор,— верховная власть отказалась от реформ вообще» (с. 233). Несколько десятилетий спустя, уже в иных условиях, Александр II осознал неизбежность такого насилия, и буржуазные реформы начали осуществляться.

Слабость этих объяснений — результат засилья стереотипов в нашем историческом мышлении. Стереотип первый: самодержавие и крепостное право — «близнецы-братья». Так ли это? Если речь идет о феодальном строе и самодержавии, то это так. Но крепостное право только один — и самый тяжелый — вариант феодального строя. Россия знает два варианта этого строя: государственный и помещичий. Государственный и помещичий крестьянин — оба феодально зависимые, но первый пользуется гражданскими правами, а второй — личнoзависимый. Ликвидация личной зависимости от владельца во втором десятилетии XIX в. вовсе еще не означала бы ликвидацию феодального строя. Секуляризация церковных земельных имуществ, например, не что иное, как переход владельческих крестьян в разряд государственных. Это вовсе не затронуло основ феодального строя не только потому, что монастырских крестьян было во много раз меньше, чем помещичьих; случись невозможное, Екатерина II вместо расширения зоны помещичьего владения и личной зависимости крестьян распространила бы «идею секуляризации» на помещичьи владения, получила бы только более мягкий вариант феодализма.

Скажу больше, абсолютистскому правительству политически выгоднее, чтобы все его подданные имели одного владельца — государство, так что между самодержавием и вла-

дельцем крепостных всегда существовало соперничество, хотя они друг без друга жить не могли. Вмешательство Павла I в прерогативы владельцев своим указом о трехдневной барщине было первым сигналом о наступлении самодержавия на помещичий вариант феодализма. Поэтому не следует искать кризисные явления в крепостном хозяйстве для объяснения попытки Александра I отменить крепостное право. В данном случае действовал не столько «лагарповский заряд», сколько интересы государственного престижа: Россия, вершившая дела Европы, в ее глазах проигрывала как страна, в которой еще сохранялся средневековый институт личной зависимости. Если встать на такую позицию, сразу снимаются трудности, которые испытывал автор, пытавшийся найти объяснение попыткам Александра I отменить крепостное право в экономическом факторе, но тут же мотивировавший провал этих попыток незрелостью кризисных явлений в крепостном хозяйстве. Однако, когда он говорит о причинах успеха Александра II, то обращается к области политики (поражение в восточной войне и т. п.). И в первом, и во втором случаях автор помещает явное сопротивление большинства помещиков идее отмены крепостного права и склоняется к мысли П. Струве, что крепостное хозяйство не исчерпало свои потенции. Объяснение же лежит в другой плоскости: для каждого отдельного помещика даровой труд крестьян был выгоден, как вообще может быть выгодным даровой, пусть и малопродуктивный труд, но в общегосударственном масштабе — это расточительная трата трудового потенциала нации. Именно последнее и определяло суть кризиса феодальной системы (не только помещичьего ее варианта) к концу 50-х гг., когда выяснилось, что экономика России не обеспечивает ей статус великой державы.

Второй стереотип — представление о самодержавии и дворянстве также как о «близнецах-братьях». Забывают, что относительная самостоятельность царизма была так же реальна, как и «семейные размолвки» между помещиками, дворянскими корпоративными учреждениями и царской администрацией. Это обстоятельство, по моему, снимает авторский довод о том, что и в провале проекта отмены крепостного права, и в провале введения «Уставной грамоты Российской империи» роковую роль сыграла боязнь царя повредить со своей социальной базой, боязнь повторения отцовской судьбы. Если в первом случае это логически оправдано, то во втором — явно «не работает». Павловский деспотизм не мог не

усилить стремление думающей части дворянства к ограничению самодержавия. Созданный Александром I государственный аппарат, как показал автор, целиком и полностью был готов выполнять любую волю самодержца. Если же эта воля направлялась на установление режима, при котором часть власти самодержец делил с представителями своей социальной базы, то какие же могли быть опасности для царя? В данном случае никакое повторение судьбы отца не ожидало Александра I. Да, еще в 1817 г. Александр I узнал о возникновении замысла насильственного устранения монарха (с. 93). Но, во-первых, сама эта мысль возникла в радикальных кругах столичного офицерства, дезориентированного искаженными представлениями о намерениях Александра I. Во-вторых, зная об опасности, Александр I как раз после 1817 г. развернул активные приготовления двух, как говорят сейчас, судьбоносных проектов. Следовательно, оставив Александра I вовсе не угроза все того же повторения участи отца.

Никто иной, как сам Александр I, несет ответственность за провал своих конституционных проектов. Да, император искренне хотел реформировать политический строй, но он столь же искренне испугался, когда нужно было сделать последний и решительный шаг. И здесь позволю себе поставить вопрос: не мог ли наступивший династический кризис вызвать этот испуг? Если сопоставить момент отречения от права престолонаследия Константина (не позднее лета 1819 г.) с моментом охлаждения Александра I к разработанным проектам (проекту Гурьева — Балугьянского — примерно в декабре 1819 г. (с. 112) и к конституционному проекту — к концу 1820 г.), такой вопрос не выглядит особенно наивным. Заметим, что «охлаждение» еще не означало перехода к откровенной реакции, время которого автор определяет 1822—1823 гг.; он цитирует воспоминания Александры Федоровны, описавшей эту династическую тайну. Александр I сообщил Николаю летом 1819 г., что Константин отказался от своего наследственного права. А осенью того же года, будучи в Варшаве, Александр I говорил Константину: «Я должен сказать тебе, брат, что я хочу абдикировать (отказаться от престола. — *Б. Л.*); я устал и не в силах сносить тягость правительства; я тебя предупреждаю для того, чтобы ты подумал, что тебе надобно будет делать в сем случае» (с. 117). Автор комментирует эти действия Александра I как признак его «беспомощности и отсутствия так необходимых ему воли и энергии», с чем можно

и согласиться. Но когда он ставит вполне правомерный вопрос: «Нет ли связи между мыслями императора об отречении от престола и близящимся, как ему казалось, введением конституционного устройства?», его полуконментарий-полуответ абсолютно не приемлем: «Ведь вряд ли можно найти, — пишет автор, — более удобный момент для столь радикальных перемен, чем переход престола от одного монарха к другому» (с. 117).

Я думаю, что автор правильно ощутил наличие соответствующей связи, но неправильно ее интерпретирует: именно эта связь и объясняет отказ от преобразований. Не естественней ли предположить, что с точки зрения Александра I, знавшего о династическом кризисе, со всей остротой встал вопрос: имеет ли он право решать принципиальный для династии вопрос, может ли он, получивший самодержавную власть, передать наследнику власть, ограниченную представительными учреждениями? Не означает ли обращение именно к Константину, который ведь уже отказался от престола, чтобы он подумал, что ему «надобно будет делать в сем случае», — не означает ли это, что тяжесть решения он пытался переложить на племянника даже ценой своего (а не Константина) отречения? Каков бы ни был ответ на этот вопрос, автор абсолютно прав, когда утверждает историческую вину российского самодержавия, осознавшего уже в первой четверти XIX в. необходимость обновления политического и экономического строя страны, но не решившегося на «революцию сверху», которая могла быть, но не состоялась. Именно при таких обстоятельствах завязался узел, который не в силах были развязать или разрубить две запоздавшие демократические революции начала XX в.

Итак, рецензируемое исследование напрочь отбрасывает «опереточные» черты преобразовательной деятельности Александра I, какой она предстает в трудах предшественников автора. Это потребовало тотальной мобилизации всех традиционно используемых и многих новых источников, отражающих эпоху, нового подхода к их анализу и истолкованию. С этими задачами автор успешно справился; правда, ему не удалось использовать публикацию переписки Лагарпа с Александром I, не так давно вышедшую в Швейцарии.

Проблема «самодержавие и реформы» с выходом рассматриваемой работы расширила не только свои хронологические рамки, но и концептуальные горизонты. Если автор убедительно показал, что по инициативе Александра I шла успешная разработка проектов

реформ (радикальность последних он, скорее, недооценивает, чем переоценивает), которая была завершена созданием проектов законодательных актов, то ему не удалось с той же мерой убедительности показать, почему застопорились намечаемые преобразования, выявился отход от реформаторской альтернативы на сугубо консервативные позиции. Но и этот видимый пробел книги сыграет свою положительную роль в стимулировании дальнейшего изучения проблемы «самодержавие и реформы». Такова, на мой взгляд, научная значимость книги. Вместе с тем книга предостерегает современного широкого читателя (десяти тысячный тираж книги и прекрасные иллю-

страции не обычное явление для издательства «Наука»), что в реформу нельзя играть, общество, вступившее в полосу реформ, должно их довести до конца, иначе ему грозит неминуемый консервативный откат.

Б. Г. Литвак

Примечания

Ключевский В. О. Соч. Т. IV М., 1889. С. 192, 211.

² См.: Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.; Л., 1957.

АКТЫ ПИСЦОВОГО ДЕЛА (1644—1661). М.: Наука, 1977. 287 с. Тир. 1650;
АКТЫ ПИСЦОВОГО ДЕЛА 60—80-Х ГОДОВ XVII ВЕКА. М.: Наука, 1990. 475 с. Тир. 1350.

Более 70 лет тому назад увидели свет два тома документальной публикации «Акты писцового дела». Выявил документы кадастровых описаний и налогового обложения в архивных собраниях С. Б. Веселовский. Он подготовил документы для трех томов. Первый том — «Акты писцового дела. Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве» (М., 1913) — предварил появление фундаментального труда ученого о сошном письме, написанного по этим документам¹. Второй том частично был напечатан в 1917 г., уже после выхода монографии ученого. Только через 60 лет в 1977 г. появилась другая половина второго тома². И вот в 1990 г. публикация последнего, третьего тома «Актов писцового дела»³ завершена.

Историки располагают теперь обширным массивом документального материала за весь XVII век, включающим писцово-переписные описания конца 20—30-х гг., середины 40-х, конца 70-х — 80-х гг. этого столетия, а также документы по налогообложению. Публикация отражает значительность мероприятий российского правительства, связанных с проведением кадастровых описаний. Трижды в течение XVII в. оно обращалось к всеобщей регистрации платежеспособности населения всех видов феодальных владений. Писцово-переписное дело во внутренней политике российских государей и правительств XVII в. занимало важное место. Таким образом правительство

получало информацию о платежных силах населения и исчисляло налоговые поступления в казну. Финансовое положение России, вынужденной выходить из глубокого хозяйственного кризиса начала XVII в., было сложным в продолжение всего столетия. Велики были потери трудовых и производственных ресурсов, что засвидетельствовали дозорные описания 10-х гг. по многим уездам. Пустая государственная казна заставила правительство прибегнуть к мерам чрезвычайным — займам у народа. В 1613—1619 гг. последовало семь таких сборов⁴. Хроническая нехватка средств, порча монеты и чрезмерный выпуск медных денег для преодоления бюджетного дефицита подтолкнули правительство к реформе налогообложения: в 1679 г. была изменена единица исчисления налогов — ею стал двор вместо сохи.

Подступы к такому изменению уже были, а именно: сочетание поземельного и подворного обложения, выразившееся во введении живущей четверти в конце 20—30-х гг., использование результатов переписи 1646 г. для взимания некоторых налогов, по преимуществу вводимых вновь. Получив за счет смены единицы обложения прирост государственных доходов, правительство между тем не оставило намерения учесть и земли, вовлеченные в сельскохозяйственное производство. В середине 80-х гг. оно приступило к новому описанию земель, однако не довело

его до конца. Пожалуй, позицию правительства, заменившего единицу государственного налогообложения и многие виды податей единой — стрелецкими деньгами, нельзя назвать вполне решительной. Ведь оно окончательно не отказалось от поземельного учета. Но некоторая последовательность в фискальной политике прослеживается: двор как расчетная единица вводится уже при первом массовом описании и остается в обложении, и со временем приобретает самостоятельное значение.

Вокруг этих насущных вопросов финансово-налоговой жизни России XVII в. и группируются собранные С. Б. Веселовским для печати документы. Публикация показывает масштабность исторического мышления ее составителя, и тот проблемный, как мы теперь говорим, подход, которого столь не хватает иным историческим исследованиям. С. Б. Веселовский всегда стремился вводить в канву исторического исследования документы; понятно поэтому его желание их издать. Сегодня пророчески звучит его высказывание: «Исследование устареет и утратит под ударами критики часть своей первоначальной репутации, но исправно изданные первоисточники будут для науки прочным приобретением»⁵ Правда, заметим, что нередко репутация наших исторических сочинений зависела и от конъюнктурных соображений «управляемой» науки, когда источники использовались, по меткому выражению С. Б. Веселовского, как «группа оправдательных документов».

Появление «Актов писцового дела» не было обойдено вниманием ученых. На первый том откликнулись А. М. Гневушев и А. М. Дьяконов⁶. Материалы дореволюционных томов публикации и монографии «Сошное письмо» прочно вошли в исследовательский обиход. Так, богатство документов, помещенных в томах «Актов» (1913 и 1917 гг.), основательно использовал в своей книге «Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия» (М., 1986). Л. В. Милов, М. Б. Булгаков, И. М. Гарскова. Авторы охарактеризовали деятельность, функции, полномочия писцов, процедуру описания, межевания, измерения земли, оформления писцовых книг и, главное, изменение самой системы сошного письма с введением дворовой чети. Это лишь один пример массированного использования публикации С. Б. Веселовского. Собственно, ни одно сколько-нибудь серьезное исследование по социально-экономической тематике XVII в. не может обойтись без этих трудов.

По своему типу «Акты писцового дела» могут быть отнесены к тематической публикации. Вынесенная в подзаголовок первого тома тема — история кадастра и прямое обложение — сформулирована четко и емко. Потому среди документов мы видим не только непосредственно касающиеся механизма писцовых описаний и исчисления налогов, но и показывающие последствия установленного налогообложения, его посильности для налогоплательщиков. В этой связи интересны 47 документов — дело Устюжской четверти о дозоре и окладе посада Вязьмы⁷ Оно возникло по челобитью посадской общины в 1644 г. из-за обложения города в 1630 г. «не в силу» (что вызвало запустение и обезлюдение его в годы Смоленской войны) и «искони» не бывавшего порядка уплаты налогов в Ямской, Стрелецкий приказы и Большой Приход: вместо одного — Устюжской четверти. Дело длилось три года и закончилось в пользу посадских людей. Оклад Вязьмы был снижен, и подати опять стали вносить в Устюжскую четверть.

Самый набор документов из делопроизводства ведущих учреждений XVII в. — Поместного приказа и приказов-четвертей — весьма разнообразен по своим видам. Это — указные грамоты, памяти, наказы писцам, выписи «в доклад» и приговоры, челобитные, судные дела. Конечно, помещенные в «Актах писцового дела» документы перерастают тему публикации. Источники их возникновения — разные элементы тогдашней общественной структуры: посадская и крестьянская общины, их должностные лица, отдельные крестьяне и посадские люди, монастырские корпорации, представители господствующего класса от Строгановых до иноземца А. Гамильтона. Налогово-финансовая сфера — важнейшая в любом государственном хозяйстве — дает возможность получить представление о круге деятельности государственных администрации и учреждений — местных и центральных, их соподчиненности. Также наглядно представляют порядок рассмотрения дел и прохождения их по инстанциям снизу (от челобитчика) доверху («Государь пожаловал — велел выписать и дело взнести к боярам»), и неторопливость при этом дьяческого аппарата («И дела, государь, в Устюжской чети выписано, и дьяк Мина Грязев в Верх пред тебя, государя, дела нашего не несет») ⁸. Все три тома публикации С. Б. Веселовского содержат большой и живой материал об управленческой деятельности. Применительно к ней мы при-

вично говорим о ее пороках — неповоротливости, громоздкости, волоките и взяточничестве. Как будто приказы или съезжие избы это штаты управленцев с машинистками, стенографистками или даже компьютерами! Мне кажется, что бытующая в нашей литературе негативная оценка приказной системы в какой-то степени унаследована от дореволюционной, несет на себе отпечаток той современности, в которой живет исследователь. Зададимся вопросом, могла ли система управления быть иной, более спорой при тех средствах коммуникации, которые существовали в русском обществе XVII в.? Ведь внутренняя структура приказов и приказных изб была вполне законченной, единообразной, четкой; то же можно сказать и об их рабочем аппарате. Суждение о приказной системе нуждается, на мой взгляд, в корректировке, в рассмотрении ее в контексте общественно-политического развития России XVII в. и ее социально-психологического климата. Первый пример такого подхода — книга Н. Ф. Демидовой «Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма» (М. 1987). Публикация «Актов писцового дела» может способствовать дальнейшему продвижению по такому пути.

Кроме вопросов налогообложения, сплошной просмотр документов прорисовывает другую важную сторону финансового хозяйства России. А именно — перелив поступавших в кассы приказов казенных средств в другие учреждения для их расхода и распределения на государственные нужды. Уже упомянутое дело Вязьмы свидетельствует, что налоги с посада, уплачиваемые в Устюжскую четверть, из нее отсылались в свой черед «по приказом». Хочу еще раз обратить внимание на то, что сюжет добюджетной поры действия финансово-налоговой системы в экономике России остается наименее изученным.

Большая часть документов издания «Акты писцового дела» географически относится к районам черносошного Севера. Объясняется это объективными причинами. Когда С. Б. Веселовский работал в архиве, то материалы Поместного приказа, как раз относящиеся к центру России, были еще не разобраны и плохо описаны. Такая особенность публикации оговорена в предисловиях. Третий том ее значительно пополнен документами из фонда Поместного приказа. Они относятся к описанию 1684—1687 гг. и отражают механизм комплектования аппарата писцов, ставившиеся перед ними задачи, сроки описания и т. д.

Сравнение этого и подобного ему материала, помещенного в дореволюционных томах, поможет лучше охарактеризовать работу административного аппарата в столь важной отрасли государственного хозяйства, как финансово-налоговая.

Отмеченная региональная особенность публикации имеет свои положительные стороны. Хорошо известно, что черносошные районы России с их более высоким в сравнении с поместью-вотчинными владениями обложением государственными налогами были основным резервуаром для фискальных поступлений. И документы «Актов писцового дела» показывают усилия правительства по извлечению этих средств в условиях невысокой платежеспособности населения. Крестьяне в своих челобитных настойчиво говорят о непомерности платежей и своем «кохудании», правительственные администраторы столь же настойчиво «борются» с ними, взыскивая недоимки «немерными правежами». Это противостояние проходит красной нитью через все документы, в особенности относящиеся к 60—70-м гг. XVII в. Недоимки, накапливавшиеся из года в год и свидетельствовавшие о финансовом дефиците, запустевшие деревенские участки, «исход» крестьян из родных мест — таковы реалии тех десятилетий. Отписка на государя убранного и умолоченного хлеба с запустевших крестьянских участков, владельцы которых «сошли на Вятку и в сибирские городы», скрупулезный учет «новоприбылых» доходов, отдача участков на льготное, в оброчное, а еще лучше тяглое пользование — все это реальные мероприятия администрации по увеличению государственных доходов.

И в подобной каждодневности XVII в. жили и действовали люди. Это, к примеру, опытный «аппаратчик» дьяк Устюжской четверти в 1644—1649 гг. Мина Грязев; писцы Сольвычегодского уезда Павел Бобарыкин и Борис Васильев, которые в своих переписных книгах 1646 г. показали «пустоты многия», и царь с «доклада» М. Грязева их книгам «верить не указали»; в 1647 г. они были посланы в уезд дворы «писать сызнова», где заболели, да так, что Бобарыкин умер. Это и зарвавшийся воевода Чаронды П. И. Протопопов, которому одновременно с управлением округой было поручено ее описание, однако по челобитьям крестьянской общины он был смещен. Это и многочисленные крестьяне, отстаивающие свою правоту при уплате налогов, скрупулезно фиксирующие «кормы», несенные писцу Устюжского уезда А. И. Лодыженскому, а глав-

ное хозяйствовавшие — бравшие для разработки участки земли, забрасывавшие свои держания и снова возвращавшиеся на них. Землепользование порой сопровождалось конфликтами, и тогда тяжущиеся стороны предъявляли для разбирательства документы — «письменные крепости»: купчие, закладные, раздельные грамоты, свидетельства поручителей. Перед исследователем предстает весьма колоритная обстановка XVII в., хотя и показанная, по меткому замечанию М. М. Богословского, «сквозь узенькое оконце приказной хоромины XVII века».

Завершение публикации «Актов писцового дела» — отрадное событие. Вызывает сожаление, что эта публикация растянулась на столь долгие годы. Издание тома 1977 г., завершившего публикацию тома 1917 г., несмотря на отделяющие их шесть десятилетий, выдержано в стиле работы ее составителя С. Б. Веселовского. И в этом немалая заслуга одного из издателей этого тома — А. Л. Станиславского, вложившего в эту работу много сил и души. Тринадцать же лет, прошедшие после выхода тома «Актов» 1977 г., сказались на подготовке третьего тома (1990 г.): обнаруживается разный принцип составления заголовков, подстрочных примечаний к документам; эти археографические элементы, по-моему, проигрывают в третьем томе в сравнении с томом 1977 г. Заголовки в третьем томе тяжелы и перегружены информацией. Они, пожалуй, скорее описательные, нежели аналитические; явные описки внесены в публикуемый текст. Документы рецензируемых томов должны были предстать перед читателем археографически более унифицированными. Третий том «Актов» не имеет именного указателя, которым снабжены оба дореволюционных тома.

Предметный указатель ко всем трем томам, помещенный в третьем томе, как и задумывал С. Б. Веселовский, не всегда подробен (см., например, глухую статью «монастыри»), поскольку издатели были ограничены объемом публикации. Но все это лишь досадные моменты.

Нужность этой работы, дающей громадный документальный материал в руки исследователя, несомненна.

Е. Н. Швейковская

Примечания

Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. Т. I. М., 1915; Т. II. М., 1916.

² Подготовили к печати А. Л. Станиславский и Э. Г. Чумаченко. Под редакцией В. И. Буганова и Б. В. Левшина.

³ Подготовила к печати Н. К. Ткачева. Под редакцией В. И. Буганова и Б. В. Левшина.

⁴ С. Б. Веселовский обстоятельно рассмотрел мотивацию правительства при введении запроса в 1613 г. и пятинных сборов в 1614—1619 гг. См.: Веселовский С. Б. Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1909. По своей документальной насыщенности работа примыкает к рассматриваемой публикации.

⁵ Акты писцового дела. М., 1913. С. VI.

⁶ См.: Журнал Министерства народного просвещения. 1914. Ч. 50; Научный исторический журнал. Т. 2. Вып. 3.

⁷ Акты писцового дела. М., 1977. С. 94—205.

⁸ Там же. С. 196, 198.

И. Д. КОВАЛЬЧЕНКО. МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ. М.: Наука, 1987. 439 с. Тир. 3200

В рецензируемом труде широко обобщаются практическая разработка и применение методов исследования в советской историографии.

Первая часть книги — «Общие проблемы методологии и методы исторического исследования» — включает в себя широкий спектр проблемы. Они так или иначе связаны с со-

держательной стороной методов исторического исследования. Проблемы эти во многом традиционны — о предмете исторической науки, ее месте в системе общественных наук, об особенностях прошлого как объекта исторической науки и вытекающих отсюда особенностях его познания, о субъективном и объективном в действительности и ее

познании, об историческом источнике и историческом факте, о структуре исторического исследования. Ценностью и новизной отличаются те многочисленные наблюдения и выводы автора, в том числе по ряду спорных вопросов, которые и составляют существо предлагаемого им решения упомянутых традиционных проблем.

Содержание работы убеждает, например, в том, что нельзя различать исторический материализм и историческую науку по тому, какая из этих наук изучает законы (и какие законы — так называемые «социологические» или «исторические»), а какая — нет. Подобная постановка вопроса ненаучна. Интересны и поучительны конкретные наблюдения и выводы относительно особенностей прошлого как объекта познания, соотношения прошлого и настоящего (с. 96—98) и связанной с этим проблемы актуальности исторических исследований (с. 207—208). Думается, что обильным использованием чисто философской и философско-исторической литературы автор обязан прежде всего опыту профессионального историка. Возникает вообще вопрос о мере эффективности исследований по методологии истории в зависимости от их близости к практике конкретного исторического исследования, под которой подразумевается история исторической науки и ее современное состояние. Рецензируемая работа в высокой степени опирается на современный уровень исторического исследования и в значительной степени учитывает опыт развития исторической науки в прошлом. Последнее очевидно уже из самого перечня проблем книги. Поэтому знакомство с книгой полезно и поучительно для историка.

В структуре книги проблема метода объединяет вокруг себя такое количество методологических проблем, что можно утверждать: методология — это не только учение о методе, или, как пишет автор, теория методов. Метод или совокупность методов — не единственное средство познания, таким средством являются принципы, категории, исторические понятия. Под методологией в широком смысле правильно понимать теоретическое выражение практики конкретного исторического исследования, ее проблем и потребностей. При этом, конечно, в том и другом своем значении методология — это не своеобразная отмычка, она не содержит и не может содержать ответы на любой частный исторический вопрос: это лишь средство поиска таких ответов. Книга подтверждает

дает правильность подобного расширительного понимания области методологии и ее задач. В этой связи не кажется ошибочным и то, что в первой части книги методам как таковым посвящена лишь одна глава, которая здесь не доминирует, а вся вторая часть книги посвящена количественным методам. Выделение этой темы в качестве самостоятельной не только обоснованно; более того, в ней — самое веское доказательство новизны рецензируемого исследования в целом.

Отдельные вопросы в книге решены, другие — только поставлены или намечены, что, впрочем, не является ее недостатком. К числу последних относится проблема математизации того уровня исторического познания, который включает в себя теории, понятия, категории. Автор пишет, что математизация на этот уровень «пока еще не вышла» (с. 322). Но не вполне ясно, как именно математические методы содействуют «уточнению понятийного аппарата исторической науки и позволяют в определенной мере унифицировать ее язык...» (с. 321). Вероятно, это особая область методологических поисков. В этой связи нельзя не учесть и того обстоятельства, что попытки унификации языка историка предпринимались неоднократно и пока в целом безуспешно. Одной из ранних таких попыток была, например, «социальная физика», затем позитивизм. Конечно, неудача этих попыток сама по себе не может быть препятствием для поисков сегодня или в будущем, но правильно ли сформулирована проблема поисков в прошлом и как ее научно сформулировать сегодня? Например, очевидно, что точность языка историка, требование которой является вполне естественным, не покрывается понятием математической точности как результата измерения, расчета. Точность языка историка — понятие более широкое, чем понятие математической точности, хотя отчасти и включает последнюю. К тому же неточность — в математическом смысле — естественного языка, как тонко подметил автор, является, с другой стороны, его преимуществом (с. 313). Поэтому отнюдь не праздным является вопрос: что значит дать математическое выражение исторического понятия? Уже готового понятия либо одной из ступеней его развития? Нельзя не признать при этом плодотворной следующую постановку вопроса в монографии: применение математических методов «не может быть успешным без пристального вни-

мания к теоретическим и особенно методологическим и логическим проблемам исторических исследований» (с. 322). Если взять конкретно проблему языка историка, исторических понятий и шире — логики исторического познания, то именно таких исследований сегодня недостает, их проведение — актуальная и назревшая задача.

В заключение представляется существенным обратить внимание на необходимость более конкретного подхода к одному из важных вопросов методологии, хотя его трактовка в монографии в общем виде теоретически бесспорна. Речь идет об объективности и партийности, о том, что «... пролетарская партийность в научном познании органически сочетается с полной объективностью» (с. 245), они «органически слиты» (с. 250). Конечно,

это верно в принципе. Однако, если партийность есть выражение интереса, то в ней выделяются интересы общие, стратегические и частные, преходящие. Влияние их на объективность не может быть одинаковым и однозначным. Не здесь ли скрывается один из источников встречающейся порой излишней политизации исторического знания, которая препятствует объективности и не может принести существенной пользы в практически политическом отношении?

Рецензируемая книга — это работа по методологии истории в широком смысле слова, открывающая новые возможности для ее изучения.

Н. И. Смоленский

Во второй части монографии И. Д. Ковальченко — «Количественные методы в историческом исследовании» — впервые в нашей исторической литературе дается столь полное и систематическое изложение всего комплекса методологических и методических проблем, связанных с применением в исторических исследованиях количественных методов и электронно-вычислительной техники. Среди них — место количественных методов в историческом познании и их соотношение с традиционными описательными методами, причины и следствия математизации исторической науки, особенности формализации и измерения исторических явлений и процессов, цели и возможности моделирования в истории. Разработка этих вопросов логично вытекает как из теоретических построений первой части книги, являясь их дальнейшим развитием и конкретизацией, так и из обобщения исследовательского опыта историков-клиометристов. Заглядывая в лабораторию ученого, шаг за шагом прослеживая весь сложный путь его исканий от постановки задачи, выбора источников и адекватных методов их обработки до интерпретации полученных результатов, автор наглядно показывает и те трудности, с которыми сталкиваются историки при познании прошлого, и возможности их преодоления.

Пристальный интерес к этим сюжетам — отнюдь не дань моде или следствие научных пристрастий и предпочтений автора (основоположника и признанного главы советской школы историков-клиометристов), а закономерное отражение общих тенденций

развития исторической науки. И дело не только в том, что как всякое новое явление в истории науки проникновение количественных методов и ЭВМ в исторические исследования требует своего осмысления и участниками, и сторонними наблюдателями этого процесса — историками-клиометристами и науковедами. (Не стоит упускать из виду, что особенно многих традиционных методов исторического исследования, сущность которых постигается историками зачастую скорее на интуитивном, чем на теоретическом уровне, также нуждаются в дальнейшем изучении.) Гораздо важнее другое. Именно процесс математизации исторической науки вновь привлек внимание исследователей к теории исторического познания. Не только методологи, но и историки-практики впервые, пожалуй, так явственно ощутили связь между методологией, методикой и техникой исторического исследования. Не случайно, что именно в ходе бурных дискуссий сторонников и противников применения математики в истории, проходивших как на Западе, так и в нашей стране в 70-е — начале 80-х гг., вновь были поставлены вопросы о сущности и отличительных особенностях исторического познания, месте истории в системе других социальных наук и перспективах их сближения, возможности существования «новой количественной истории», характере исторических законов и др. Математизация исторической науки повлекла за собой не только расширение предметной области исторических исследований, усложнение их методического и технического арсенала, постановку новых задач

и пересмотр многих старых концепций. Не менее, а, возможно, еще более важное следствие этого процесса — формирование нового стиля научного мышления, отличительными чертами которого являются большая концептуальность и строгость логических построений, склонность к формализации, переход от имплицитных к эксплицитным теориям и т. д.

Рассматривая причины и проявления математизации исторических исследований, автор подчеркивает прежде всего объективную сторону этого процесса, его обусловленность всем ходом развития исторической науки. Его основными факторами он считает резкий рост объема научной информации на фоне стремительного ускорения темпов развития науки в целом, интеграцию научных исследований, требующую, в свою очередь, универсализации языка науки, широкое распространение в гуманитарных науках, в том числе и в истории, системного подхода — одного из важнейших общенаучных методов с присущим ему внутренним тяготением к математизации. Отмечая, что сложность и противоречивость явлений общественной жизни такова, что «в системе понятий и категорий они могут быть адекватно отражены лишь в естественно-языковой форме» (с. 313), автор рассматривает описательные методы в качестве основной формы исторического анализа. (Здесь уместно задаться вопросом, допускает ли автор возможность создания в истории математической теории, являющейся логическим завершением математизации любой науки.) Переход же к количественным методам происходит, по его мнению, лишь с того момента, когда появляется возможность измерить основные показатели исторических явлений и процессов и сформировать систему их численных характеристик, а знания об этих феноменах приобретают теоретический характер. Неоднократно подчеркивая, что количественные и повествовательные методы выступают в том или ином единстве, он в то же время четко разграничивает сферу их наиболее эффективного применения.

Освоение математики и ЭВМ началось историками в рамках исследований, связанных с измерением и математической обработкой различных количественных характеристик исторических феноменов. Необходимость таких работ сегодня, пожалуй, уже ни у кого не вызывает сомнений. Однако будущее клиометрических исследований, как и всей исторической науки, связано в первую очередь с переходом на более высокий уровень применения количественных методов — а именно

с созданием математических моделей исторических явлений и процессов. О проблемах моделирования написаны тысячи книг и статей. Но построение моделей, опрокинутых в прошлое, — дело настолько новое и сложное, что историки не могут воспользоваться готовыми рецептами своих коллег (экономистов, социологов, психологов), уже накопивших в этой области значительный опыт. Вот почему анализ первых результатов и перспектив математического моделирования в истории в последней главе книги представляет особый интерес. Настойчиво подчеркивая определяющее значение «качественного» этапа моделирования, под которым автор понимает «теоретический анализ конкретно-научных представлений об объекте моделирования» (с. 366), он на конкретных исторических примерах раскрывает эвристические возможности математического моделирования на разных уровнях исторического познания: эмпирических моделей, призванных облегчить переход от эмпирического к теоретическому знанию; моделей, целью которых является математическая верификация заранее сформулированных гипотез; и, наконец, дедуктивного моделирования, в основе которого — абстрактные, теоретические представления о сущности познаваемого объекта. Конкретно-исторические примеры, которые иллюстрируют в книге основные положения исследования, имеют в данном случае самостоятельную ценность. Обобщая результаты собственных изысканий по аграрной истории России, а также наблюдения других исследователей, автор дает концентрированную характеристику сущности аграрного строя России на рубеже XIX—XX вв., прослеживая с помощью дедуктивных моделей процесс формирования единого аграрного рынка, специфику проявления действий законов товарно-капиталистического производства в рамках различных типов крестьянских и помещичьих хозяйств и оценивает возможные альтернативы развития России в XX в. на основе имитационного моделирования буржуазно-демократической («крестьянской») и буржуазно-консервативной («помещичьей») разновидностей аграрной эволюции. (Отметим, что это по существу одна из первых попыток ввести некие количественные критерии воздействия социальных условий общественного прогресса на развитие производительных сил.)

В работе выделены два принципиально отличных типа моделей — отражательно-измерительные, являющиеся инвариантной

реконструкцией прошлого и характеризующие реальное состояние объекта познания, и имитационно-прогностические, воспроизводящие несколько вариантов функционирования и развития того или иного исторического феномена и представляющие гипотетическое отражение действительности. Сегодня историки работают преимущественно с измерительными моделями, область применения которых весьма широка: от моделирования структуры различных типов мелкого и крупного хозяйства в рамках феодальных, капиталистических и социалистических отношений до изучения политического сознания русского крестьянства и итальянских гуманистов. Однако ограниченность такого рода моделей заключается в том, что, фиксируя статистическое, одномоментное состояние объекта познания, они дают лишь горизонтальный срез событий. История же — прежде всего развертывание событий во времени. Изучение истории как процесса возможно только на основе имитационного моделирования, требующего гораздо более сложного математического аппарата. Вплоть до недавнего времени советские историки, как подчеркивается в книге, практически не прибегали к имитационному моделированию как из-за недостаточной разработанности методов изучения динамики, так и из-за предубеждения о методологической несостоятельности столь распространенных в западной историографии так называемых контрфактических моделей, воспроизводящих реально не существовавшие исторические ситуации. Положение существенно изменилось в связи с постановкой в советской исторической науке проблемы альтернативности в истории, пристального интереса к изучению всех поворотных моментов, «развилки» исторического процесса. Излагая свое понимание альтернативных ситуаций в историческом развитии, автор предостерегает против необоснованного расширения круга исторических альтернатив: «альтернативы складываются только тогда, когда в действительности содержатся существенно отличные

возможности перехода к новому и когда имеются общественные силы, ведущие борьбу за реализацию отличных возможностей» (с. 83). Развивая эту мысль, он выделяет имитационные модели альтернативных, т. е. «объективно и субъективно возможных, но практически не реализованных исторических ситуаций» (с. 365) и контрфактические модели гипотетических, не существовавших в действительности ситуаций, которые таят, по его мнению, опасность подмены «имитационной реконструкции изучаемой реальности ее субъективным конструированием исследователем» (с. 413). Однако на практике провести это деление бывает достаточно трудно, в особенности на начальных этапах исследования, поскольку зачастую крайне сложно, а порой и невозможно составить истинное представление о потенциальных возможностях исторического процесса и оценить вероятность того или иного исхода развития событий, не прибегая к моделированию различных вариантов функционирования и эволюции исторических феноменов.

Особое внимание уделяется в книге методам многомерной типологии исторических явлений (множественной регрессии, кластерному и факторному анализу и др.), позволяющим не только конструировать абстрактные сущности изучаемых феноменов, но и оценить меру совпадения с ними реальной действительности, что делает их незаменимыми при решении задач, связанных с членением географического и социального пространства. Дальнейшие перспективы применения количественных методов в исторических исследованиях автор связывает прежде всего с разнo-вариантной реконструкцией исторической действительности, моделированием альтернативных ситуаций, выделением типических черт исторических явлений и процессов, позволяющим более глубоко проникнуть в сущность исторических закономерностей.

Т. Л. Моисеенко

© 1990 г.

Ю. И. ИГРИЦКИЙ

КОНЦЕПЦИЯ ТОТАЛИТАРИЗМА: УРОКИ МНОГОЛЕТНИХ ДИСКУССИЙ НА ЗАПАДЕ

Когда известный американский политолог У. Лэкер выступил в октябрьском номере журнала «Комментари» за 1985 г. со статьей «Есть ли сейчас и была ли когда-нибудь такая вещь, как тоталитаризм?», он выразил сомнения, уже более четверти века терзавшие многих западных теоретиков. И, конечно, вслед за этим вопросом напрашивался другой: если обществоведческая концепция столь длительное время подвергается сомнению учеными, почему она все же остается в арсенале науки?

Тот же Лэкер дал такой ответ на этот вопрос: «В отличие от некоторых других современных споров, дискуссия по поводу тоталитаризма не могла быть чисто академическим делом. Частично она идет вокруг слов, категорий и дефиниций; однако превыше всего она касается политических реальностей и посему имеет существенное практическое значение»¹.

Как видим, причины долгожительств данной концепции предлагается искать не столько в научно-онтологической области, сколько в сфере восприятия современной политики. И с этим трудно не согласиться. Миллионы людей в десятках стран едва ли не каждодневно слышат или сами употребляют выражения «тоталитаризм», «тоталитарный режим», «тоталитарное государство», не очень-то задумываясь об их точном содержании и не ведая о дискуссиях, которые велись и ведутся в этой связи теоретиками, но совершенно определенно представляя, к каким историческим и сегодняшним общественным реалиям они приложимы, а к каким нет. То, вокруг чего, как мы увидим ниже, увлеченно спорили ученые, давно принято обыденным сознанием как естественное обозначение мировых реалий и противоречий.

Если учесть, что в настоящее время термин «тоталитаризм» и различные производные от него стали широко употребляться и в советской печати, поиск ответов на вопрос, поставленный У. Лэкером пять лет назад, не только не теряет своего значения, но, наоборот, приобретает особую актуальность. Причем для советских людей эта актуальность преломлена через призму очень болезненного восприятия той чудовищной несправедливости, которая десятилетиями творилась во имя отвлеченных идеалов и только сейчас полностью обнажается. Вероятно, именно поэтому в Советском Союзе пока нет больших различий между пониманием тоталитаризма учеными и рядовыми гражданами. Теоретический анализ данного явления только-только начинает осуществляться советскими обществоведами²; на горестный же вопрос: было ли советское общество тоталитарным на том или ином его этапе, либо на всем его историческом протяжении? ответы — и искушенными, и неискушенными в социально-политических науках людьми — даются, скорее, «от практики», чем от теоретического осмысления.

Но ответы не однозначны. В Программном заявлении XXVIII съезда КПСС говорится о разрыве с «авторитарно-бюрократическим строем». А в «Демократической платформе КПСС» речь все-таки идет о «тоталитарном социализме» и «тоталитарной системе власти».

Может быть, и за этими формулировками скрываются не столько концептуальные различия, сколько разная степень неприятия сталинщины, казарменного социализма, огосударствления общества. Будучи личным делом каждого, неприятие прошлого еще долгое время будет жить отдельно от академических исследований феномена тоталитаризма. Это естественно. Но, думается, для внесения большей ясности и в обыденное, и в научное сознание нелишне расширить информационное поле, окружающее данный феномен.

Игрицкий Юрий Иванович, кандидат исторических наук, заведующий отделом стран Восточной Европы ИНИОН АН СССР.

Этому и посвящена настоящая статья. Не претендуя на решение всех возникших проблем, она служит лишь приглашением к размышлению на основе материала, показывающего, как сложился и эволюционировал в ходе нескончаемых дискуссий западных ученых круг понятий, связанных с тоталитаризмом.

* * *

Если концепция тоталитаризма была сконструирована, как ей и положено, в тиши научных кабинетов, то сам термин «тоталитаризм» и различные производные от него впервые появились в широкой печати, а еще точнее, в агитации и пропаганде, сопутствовавшим приходу фашистов к власти в Италии. Сторонники, а затем и противники Муссолини называли «тоталитарными» цели фашизма и тот порядок, который стремились создать в стране чернорубашечники. При этом, естественно, сам Муссолини и его идеологи (Дж. Джентиле, А. Рокко) прославляли «тоталитарную волю» и «тоталитарную идею» фашистского движения; антифашисты же обличали тоталитарные методы власти фашизма, подрывающие демократию и ведущие к диктатуре. Единомыслие и конформизм нарождающегося фашистского общества, подавление инакомыслия и соперничающих политических сил — таковы с самого начала были цели и средства, ассоциировавшиеся с «тоталитаризмом», «тоталитарным режимом», «тоталитарным государством».

Следует оговориться: в официальных документах фашизма чаще фигурировали понятия «корпоративное государство», «национальное государство», «абсолютное государство». Но эти понятия были неоригинальными и размытыми, они не давали представления о той форме власти, которую фашистская пропаганда преподнесила как «новый тип государства», противостоящий буржуазно-либеральному правлению. Поэтому в конце 20-х гг. слово «тоталитаризм», предполагающее более определенное противопоставление фашизма традиционной буржуазной демократии, вошло в употребление в печати Англии и США. В 1929 г. лондонская газета «Таймс» впервые попыталась возвести это слово в ранг политического термина, характеризуя с его помощью нацизм, поднимающий голову в Германии, и Советский Союз. На протяжении 30-х гг. о «тоталитаризме» и «тоталитарных режимах» в Италии, Германии и СССР часто писала пресса по обе стороны Атлантики. В одном из докладов на симпозиуме, организованном в 1939 г. Американским философским обществом, тоталитаризм был расценен как «восстание против всей исторической цивилизации Запада»³.

Материалы этого симпозиума отразили, с одной стороны, ту quintэссенцию в трактовке тоталитаризма, которая сохранилась в дальнейших исследованиях (государство, полностью подчинившее себе общество), а с другой стороны, невысокий уровень анализа и скудость эмпирических данных, характерные для начального этапа изучения тоталитаризма. Открывший дискуссию американский политолог Ф. Мурстин Маркс усмотрел различие между фашизмом и социализмом в том, что в Италии фашистская партия находилась на грани поглощения государством, а в СССР — государство на грани поглощения партией⁴. Только один доклад был посвящен экономическим аспектам тоталитарного государства (в дальнейшем отсутствие интереса к взаимосвязи экономики и политики тоталитаризма проявится еще более отчетливо). Автор этого доклада — М. Бонн из Лондонской школы экономики — подчеркнул схожесть политического произвола Гитлера, Муссолини и Сталина и вместе с тем отсутствие общих принципов в механизме хозяйствования трех стран. Некоторые мысли автора любопытны в свете современных дискуссий о взаимосвязи и истоках сталинизма и тоталитаризма. По его мнению, марксизму в целом и Ленину в частности было присуще отрицательное отношение к государству как к воплощению зла и эгалитарное отношение к обществу; в этом ленинизм полностью отличался от фашизма и нацизма, и лишь в 30-х гг. «Россия также начала дрейфовать в сторону иерархической неэгалитарной системы — коллективизма, управляемого бюрократией»⁵.

Почти все выступавшие на симпозиуме 1939 г. отмечали невиданную до тех пор массовую поддержку государства в СССР, Германии и Италии как один из основных признаков тоталитаризма. В этом явлении кое-кто увидел подтверждение выдвинутой Х. Ортега-и-Гассетом идеи «восстания масс», поднятых на поверхность активной политической жизни индустриализацией, миграцией и социальной мобильностью.

Вторая мировая война затормозила ход теоретических разработок тоталитаризма, да и мудрено было заниматься ими в условиях, когда государства, отнесенные к разряду тоталитарных, сошлись в смертельной схватке между собой вместо того, чтобы, по логике концепции, сообща вести борьбу против «либеральных демократий». Окончание же войны создало в мире качественно иную

политическую ситуацию, что отразилось на характере этих разработок. С одной стороны, перестали существовать фашистский и нацистский режимы, с формированием которых и был связан в первую очередь генезис концепции тоталитаризма. С другой стороны, возникла жесткая конфронтация бывших союзников по антигитлеровской коалиции, проявлявшаяся не только в борьбе за сферы влияния в мире и гонке вооружений, но также в противостоянии различных политических систем. Эта ситуация и сопутствовала широкому развороту исследований тоталитаризма в конце 1940-х — начале 1950-х гг. на Западе, прежде всего в США. Именно с тех пор в сознании широких слоев населения крупнейших капиталистических стран оказались прочно закрепленными ассоциации Советского государства с понятием «тоталитаризм». По мнению профессора Принстонского университета С. Коэна, в американской советологии того периода сформировался «антикоммунистический консенсус», в основе которого лежали постулаты «тоталитарной школы»; политика антикоммунизма питала эти постулаты, но сама советская действительность отнюдь не опровергала их⁶

Можно сказать, таким образом, что в последние четыре десятилетия на изучение тоталитаризма как социально-политического феномена решающее влияние оказывала и оказывает взаимосвязь трех факторов: политико-идеологического, массово-психологического и собственно научного. Под последним имеется в виду внутренняя потребность западной политологии и социологии дать дефиницию и типологические характеристики ранее неизвестных им явлений (каковыми, бесспорно, были общество, возникшее в СССР, итальянский фашизм и германский нацизм). При этом обществоведческая мысль на Западе проявляла свойственный науке скепсис в отношении декларативного, а порой и неразборчивого употребления терминов «тоталитаризм», «тоталитарный» в декларациях политических деятелей и широкой печати. Но в то же время сложившийся политический и психологический фон подталкивал к принятию концепции тоталитаризма как некоей уже устоявшейся парадигмы современного разделенного мира.

Противоречие между претензией концепции на глобализм и ограниченностью эмпирического материала с самого начала вызывало споры среди самих западных исследователей, со временем становившиеся все более бурными. С одной стороны, концепции отводилась широкая когнитивная роль; с другой — попытки реализовать эту роль в конкретных исследованиях нередко порождали скороспелые, наивные выводы. Еще в ходе упоминавшейся дискуссии 1939 г. один из ее участников заявил, что тоталитаризм нельзя просто приравнять к диктатуре; иначе человеческая история, засвидетельствовавшая приход и уход десятков разнородных деспотических режимов на протяжении тысячелетий, сделает это понятие бессмысленным. В чем же, по его мнению, современные тоталитарные государства отличались от более ранних диктатур? Оказывается, в том, что если прежде диктаторы «происходили из хороших семей», то теперь они рождались в семьях сапожников, кузнецов, чиновников!

Соблазн придать концепции тоталитаризма глобальный и вневременной характер возобладал во многих исследованиях западных социологов в 50-х гг. и позже. С ним пытались бороться те приверженцы концепции, которые видели ее главное предназначение в том, чтобы расставить на противоположных полюсах общественного развития буржуазно-демократический строй западного образца и Советское государство. Понятно, что эта антитеза не становилась более убедительной от экстраполяции феномена тоталитаризма на историю прошедших эпох. Размыwanie временных рамок данного явления давало козыри в руки тем ученым, которые ставили под сомнение концепцию в целом.

Как бы то ни было, в 50—60-х гг. в немарксистской политологии и социологии выявились две главные точки зрения: 1) тоталитаризм представляет собой специфическое явление, характерное для некоторых государств XX в., отклонившихся от «нормального» исторического пути, по которому шли всегда Англия, Франция и США; 2) тоталитаризм имеет глубокие исторические корни и не раз наблюдался в истории разных эпох и народов.

Как ясно из сказанного выше, в основе расширительного толкования тоталитаризма лежит стремление выделить в отдельную категорию диктаторские, деспотические, тираннические формы правления, когда бы они ни возникали. Согласно данному толкованию, не имеют решающего значения ни стадия, ни уровень, ни социальные, политические, культурные особенности развития общества, в лоне которого рождаются такие формы. Объединяющим признаком служит, как правило, такая узурпация или сверхцентрализация политической власти, при которой все (или

почти все) сферы жизнедеятельности данного социума оказываются под ее контролем. Конечно, здесь возникают уточняющие вопросы об источниках и носителях власти, ее социальной опоре, методах осуществления контроля и многие другие, причем с продвижением теоретической мысли вглубь веков ответить на них становится все труднее.

Еще в годы второй мировой войны такой столп мировой социологии, как П. Сорокин, стремясь показать условность концепции тоталитаризма, утверждал, что посредством выдвигаемых ее сторонниками критериев можно обнаружить тоталитарные периоды даже в истории Древнего Рима после правления императора Диоклетиана и в государстве древних инков⁷ Но то, что служило для Сорокина предметом иронии, вскоре станет серьезно обсуждаться многими его коллегами.

Так, английский социолог С. Андрески, довольствуясь общим определением тоталитаризма как «постоянного контроля государства над всей общественной жизнью», пришел к выводу об очень высокой степени тоталитарности правления династии Птолемеев в Древнем Египте и теократической власти в империи инков; несколько меньше эта степень проявлялась, по его мнению, в системах власти позднего Рима и Японии периода династии Токугава, но все же и они были «весьма тоталитарными»⁸

Определенным подспорьем концепции тоталитаризма послужила теория, выдвинутая известным еще в веймарской Германии историком К. Виттфогелем, эмигрировавшим в США. Изучая историю восточных деспотий и, в частности, тех, которые он назвал «гидравлическими обществами» (например, в Китае и Месопотамии, где на ирригационные работы привлекались многие тысячи людей), Виттфогель сделал вывод о существовании там «возрастающей тенденции к неограниченной власти» и «чрезмерного автократического и бюрократического террора»⁹ «Абсолютистский режим,— писал Виттфогель,— может возглавляться сбалансированной олигархией, „политбюро“, члены которого в более или менее равной степени участвуют в осуществлении верховной власти»¹⁰

С легкой руки Виттфогеля, «гидравлические общества» Древнего Востока объясняются «архетипами тоталитарных режимов» XX в. и в новейшей литературе¹¹

Когда к анализу тоталитаризма подключились философия и социальная психология, ряд исследователей попытались обнаружить истоки данного явления в истории общественной мысли. Не кто иной, как Карл Поппер, бросил на чашу весов в этих поисках свой немалый авторитет, чтобы проследить элементы тоталитарного мышления у Платона, создавшего типизированный образ идеального политика в идеальном государстве с деструктивными задачами уничтожения существующих институтов и традиций ради движения общества вперед. При этом идеальный политик не должен чураться «очищать, выметать, изгонять, запрещать и убивать»¹². Другие авторы, ссылаясь уже на Поппера, вменили Платону в вину идею государства, обобществляющего и регламентирующего частную жизнь граждан. Обнаружили ростки «тоталитарной идеологии» и во французском Просвещении XVIII в., в частности, у Руссо, провозглашавшего императив «общей воли» граждан и общественного договора¹³

Еще легче оказалось обнаружить «тоталитарные личности» среди политических деятелей в истории. К ним разные западные исследователи отнесли Кромвеля, Робеспьера, Сен-Жюста, Ивана Грозного, Петра I¹⁴.

Столь расширительное толкование тоталитаризма вызвало критику со стороны многих немарксистских историков, социологов, политологов. Да и сами приверженцы концепции стремились уточнить и сузить рамки ее применения. Известный советолог профессор Лондонского университета Л. Шапиро во вступительной части своей книги «Тоталитаризм» сетовал на неразборчивость, неточности и понятийную путаницу при употреблении этого термина политиками, публицистами, учеными. Ему не импонировало распространение признаков тоталитаризма на Древний Рим, Спарту, средневековую Японию и т. д.¹⁵

Но в другой главе той же книги «Как нов тоталитаризм?» Шапиро в конце концов пришел к тем же позициям, которые он критиковал выше. Да, писал он, в Древней Спарте не было «тоталитарного вождя», но зато там молодежь с детства воспитывалась в духе аскетизма и обучалась военному искусству; следовательно, можно провести «некоторую параллель» между Спартой и современными тоталитарными режимами, особенно нацистской Германией¹⁶ Да, в империи древних инков не ставилась задача легитимизировать власть императора с помощью массовой лояльности и энтузиазма, но там имели место фактическое слияние церкви и государства, «идеологический контроль» посредством религии и мобилизации масс на выполнение трудовых повинностей — а посему империю инков можно назвать «первым крупным доиндустриальным обществом, проявляющим черты тоталитаризма»¹⁷ А взята Англия времен Тюдоров, продолжает

Шапиро,— власти, призванные следить за соблюдением законов, были там коррумпированы, что нередко приводило к судебным фарсам, характерным для современных тоталитарных систем. И уж тем более тоталитарной была Московская Русь времен Ивана Грозного, создавшего «широкую систему политического террора»¹⁸.

Даже если оставить в стороне формационные различия между обществами, в которых обнаруживаются «тоталитарные» черты, и позволить себе роскошь абстрагироваться от хозяйственной деятельности «тоталитарных» государств разных эпох и народов, все равно возникают вопросы, не имеющие ясных ответов. Если аскетизм древних спартанцев, теократизм инков, всевластие и террор монархов равновеликим образом характеризуют тоталитаризм, то каковы же его главные критерии сегодня? И в чем отличие тоталитарного государства от авторитарного? Еще важнее следующее соображение. Можно, разумеется, во всех государствах и обществах, как бы далеко по времени и уровню развития они не отстояли друг от друга, найти некие общие черты. Но невозможно обойти вопрос: как соотносятся между собой их сущностные характеристики и совокупность этих характеристик. Если различий больше, чем сходства, типизация оказывается сомнительной.

Можно, конечно, исходить из того, что перечисленные государства прошлого не были целиком тоталитарными, а лишь обладали отдельными чертами тоталитаризма. Но в таком случае еще более неумолимо встает вопрос о том, что же все-таки означает тоталитаризм, ибо нельзя рассматривать какое-либо явление как часть целого, не представляя себе самого целого.

* * *

Понятно, что все эти проблемы возникали и перед западными исследователями. Многие из них были склонны ограничить изучение тоталитаризма рамками современности, считать данное явление характерным лишь для XX в. и — более того — считать его одним из главных признаков, «ключевым словом в словаре историка XX века»¹⁹.

Первые же крупные монографии, посвященные тоталитарным режимам современности, стали классическими в немарксистской социологии и политологии; на них в той или иной степени базировались многие последующие исследования приверженцев этой концепции.

Более ранняя из них — «Происхождение тоталитаризма» — была написана Ханной Арендт, учившейся философии у Ясперса и Хайдеггера в Германии и эмигрировавшей после прихода к власти нацистов сначала во Францию, а затем в США (где и вышла данная книга). Арендт выводила возникновение тоталитарных режимов из тоталитарных движений, которые могли зародиться, по ее мнению, лишь при наличии двух условий — наличия в обществе аморфной социальной структуры (граничащей с бесклассовостью) и «тоталитарного лидера». Тоталитарное государство прибегает к целенаправленному обману масс путем пропаганды и террору, принимающему «абсолютные» формы; при этом ставится цель преобразовать не только старое общество, но и саму человеческую природу²⁰. Тем самым тоталитаризм вносит в жизнь нечто иррациональное — человек становится сам себе и законом истории, и инструментом его воплощения, а в зависимости от обстоятельств и воли вождя — и господином, и рабом, и судьей, и судимым. Более того, полная реализация требований такого режима ведет к «фабрикации человечества»: с одной стороны, происходит «уничтожение особой ради сохранения рода», а с другой — «изготовление Одного из всех», «становление всех Одним Человеком»²¹.

Бесспорно, эти выводы в духе антиутопии были продиктованы прежде всего гитлеровским геноцидом и нависшей было над миром фигурой «белокурой бестии» — память о том и другом еще была слишком свежа у эмигрантов из Германии в то время, когда Арендт писала свою книгу (1951 г.). Но проходит полтора десятилетия, и в предисловии к переизданию книги она указывает, что термин «тоталитаризм» следует употреблять осторожно. Не только исчезли, по ее мнению, корни нацизма в Германии, но и в единственной крупной тоталитарной державе, сохранившейся после второй мировой войны, — СССР — развернулся процесс «детоталитаризации». Лишь Китай с его «культурной революцией» еще давал пищу для наблюдений исследователям тоталитаризма²².

Угол зрения, связывающий тоталитаризм непременно с массовым террором, обожествлением вождя и роботизацией масс, предоставлял крайне ограниченные возможности для дальнейшей разработки концепции. Поэтому влияние книги Арендт на послевоенное поколение западных исследователей тоталитаризма было значительно менее сильным, чем влияние другого классическо-

го труда немарксистской политологии — «Тоталитарная диктатура и автократия». Его авторами были тоже эмигрант из Германии Карл Фридрих (в США с 1939 г.) и известный политолог профессор Гарвардского университета Збигнев Бжезинский — фигура теперь настолько известная и авторитетная среди советологов, что нет необходимости его представлять.

Авторы задались целью определить «общую модель» тоталитаризма как новой формы государственного управления и сами констатировали, что это непростое. «Все говорят о тоталитарных диктатурах и тоталитаризме,— писали они в данном труде, вышедшем в 1956 г.— Их называют тираниями, деспотизмами, абсолютизмами. И тем не менее даже наиболее элементарные аспекты этой формы государственного управления окружены величайшей неясностью»²³.

Тем не менее Фридрих и Бжезинский нашли достаточно оснований для вывода о том, что тоталитарные диктатуры явились «логическим развитием некоторых тенденций нашего современного индустриального общества (часто именуемого капитализмом)»²⁴ Этот вывод примечателен тем, что он, во-первых, шел вразрез с мнением участников дискуссии 1939 г. о тоталитаризме как «восстании против исторической цивилизации Запада» — ведь индустриальное общество и капитализм увенчали именно западноевропейскую историческую традицию. Во-вторых, он подтверждал мнение исследователей-марксистов о зарождении в недрах монополистического капитализма крайне реакционных шовинистических и милитаристических течений, получивших свое логическое завершение в фашизме.

Разъясняя связь между тоталитаризмом и индустриализмом, Фридрих и Бжезинский указали, что тоталитарные диктатуры могут возникнуть «только в условиях массовой демократии и современной технологии»²⁵. Это положение использовалось впоследствии многими западными учеными как решающий довод в пользу ограничения хронологических рамок тоталитаризма XX веком. Однако в нашем столетии оба признака — рост политической активности масс (что и имели в виду авторы под массовой демократией) и научно-техническая революция — проявились при разных социальных системах. Следовательно, продолжая логику авторов, можно было бы заключить, что существуют определенные факторы социально-политического (а, возможно, также экономического) порядка, которые, накладываясь на указанные условия, ведут к зарождению тоталитарных структур в разных типах обществ. Тогда возникает вопрос: насколько вероятен или закономерен такой ход событий в каждом из этих обществ?

Фридрих и Бжезинский поступили достаточно просто и объяснимо: для капиталистического общества объявили тоталитарные тенденции аберрацией, нарушением нормального развития, а для социалистического общества, скорее, естественным состоянием.

Впервые в западной политологии Фридрих и Бжезинский предложили определение тоталитарных режимов на основе шести критериев, которые получили в последующей литературе название «тоталитарного синдрома» и принесли авторам широкую известность в научных кругах Запада. Вот эти критерии:

1) официальная идеология, охватывающая все жизненно важные аспекты человеческого существования и поддерживаемая всеми гражданами общества; эта идеология содержит хилиастический призыв, основанный на категорическом неприятии существующих в старом мире порядков и сплочении во имя построения нового мира, если потребуется, насильственным путем;

2) единственная массовая партия, как правило, возглавляемая одним человеком, диктатором и вбирающая в себя относительно небольшую часть населения (до 10%), чье ядро непоколебимо предано идеологии; эта партия организована по олигархическому принципу и, как правило, либо стоит над бюрократической государственной организацией, либо полностью с ней переплетена;

3) система террористического полицейского контроля, поддерживающего партию, но также осуществляющего контроль над нею в интересах ее вождей, контроля, направленного не только против «врагов» режима, но также против произвольно выбираемых групп и классов населения;

4) технологически обусловленный почти полный контроль партии над всеми средствами массовой информации — прессой, радио, кино;

5) точно такой же контроль партии над всеми вооруженными силами;

6) централизованное руководство всей экономикой посредством бюрократической координации ее ранее независимых составных частей; аналогичное руководство большинством других общественных организаций²⁶.

Очевидно, автором «тоталитарного синдрома» следует считать в большей степени Фридриха, чем Бжезинского, поскольку первые пять пунктов были изложены им несколько ранее, на специально посвященной тоталитаризму конференции Американской академии искусств и наук²⁷ «Синдром»

стал классической характеристикой тоталитаризма в западной политологии; на нее с тех пор ссылались и ее использовали десятки других исследователей.

Нельзя отказать Фридриху и Бжезинскому в том, что они выявили ряд факторов, по которым государства, находившиеся в фокусе их внимания, можно было сопоставить. Подчеркнем: сравнение не есть уподобление, оно вычлениет и общее (нет таких общественных систем, которые не имели бы между собой абсолютно ничего общего), и особенное. При научно обоснованном сопоставлении различных общественных организмов добывается материал, продвигающий вперед изучение как каждого из них в отдельности, так и мирового опыта в целом.

Вместе с тем трудно отделаться от впечатления, что «тоталитарный синдром» изложен Фридрихом и Бжезинским так, как если бы вывод о сходстве фашизма, нацизма и социализма был сделан ими еще до того, как они приступили к обработке эмпирических данных. Во всяком случае, они обходили вниманием или проявляли лишь периферийный интерес к тому, что отличало советскую систему от фашизма и нацизма, а также и к тому, что было общим для фашизма, нацизма и буржуазно-демократических государств. Достаточно ли в таком случае «синдрома» для того, чтобы постулировать подобие государственного и общественного строя фашистской Италии, гитлеровской Германии и СССР?

Посмотрим внимательнее на шесть признаков «синдрома». Первые пять из них относятся к области идеологии и политики; только шестой — к экономике (отнюдь не отражая всех качественных параметров этой сферы); что касается социальных, национальных, историко-культурных факторов, то они просто остались за пределами схемы. Следовательно, правильнее было бы говорить о приложимости «синдрома» не к типам обществ в трех «тоталитарных» странах (и не к обществу вообще), а к их политическим системам. Устраните из любой общественной типологии социально-экономический аспект, и она девальвируется по крайней мере наполовину.

Далее, в отношении пятого и шестого признаков (контроль над вооруженными силами и государственное управление экономикой) сами Фридрих и Бжезинский констатировали, что они присущи и «конституционным системам» (т. е. либеральным демократиям). Вообще говоря, трудно представить полностью оформившееся и стабильное государство, которое бы не сосредоточило бы в своих руках власть над армией. Так что эта позиция «синдрома» вовсе лишена смысла.

Важную нагрузку в концепции Фридриха и Бжезинского несет наличие официальной идеологии с теми характеристиками, которые изложены выше: всеобъемлющим ее распространением и нацеленностью на революционную переделку общества, а затем и всего мира. По-настоящему существенным здесь является только второй момент, и он существенно различается в фашистско-нацистской и коммунистической идеологиях. Фашизм и нацизм с их культом силы, триумфа генетически «чистых» народов обосновывали необходимость вооруженной агрессии одних государств против других, опираясь на нищезанятость и социальный дарвинизм. В коммунистическом мировоззрении акцент всегда ставился на равные права народов и непреодолимость идей, укореняющихся в каждом обществе изнутри.

Данная статья ни в коей мере не может претендовать на анализ разных общественных систем и их исторических форм. Как и не призвана она доказать, что сталинизм и сталинщина не имели ничего общего с теми режимами, которые сложились в Италии Муссолини и Германии Гитлера. Представляется правомерным исходить из общего определения сталинизма как псевдореволюционной, псевдосоциалистической политики и идеологии вождизма с опорой на бесконтрольную власть партийно-государственной бюрократии, осуществляемую прямым принуждением и насилием. Феномен понимаемого таким образом сталинизма интернационален, он не ограничивается рамками одной страны (СССР); в той или иной мере и с теми или иными особенностями он проявлял себя и в других странах, где ставилась цель построения социализма (хотя еще предстоит разобраться во взаимосвязи внешних и внутренних причин его возникновения в каждой из них). Сталинщина — это конкретная практика сталинизма в Советском Союзе.

Рассматривая сталинизм в качестве деформации развития послереволюционного общества на пути к демократическому социализму, а фашизм — в качестве деформации либерально-демократического правления, нельзя не видеть, что обе системы сходятся в попрании прав и свобод человека, псевдодемократических политических формах, пренебрежении к нравственно-этическим нормам, подчинении личности государству методами принуждения и террора. Но вместе с тем нельзя не заметить и экономических, социальных, духовных контрастов между обществами, которые сложились в трех странах. Есть резон поэтому в выводе советских исследователей о том,

что концепция тоталитаризма способствует растворению фашизма как социально-политического явления в более широком контексте, позволяющем подменить вопрос о сущности фашизма вопросом о формах осуществления его власти²⁸. Следуя данной логике, можно заключить, что сталинизм и сталинщина также теряют свои специфические черты при уподоблении фашизму в общем контексте тоталитарной теории. И все же точки соприкосновения остаются — вот только достаточно ли их для уподобления? А главное — являются ли они системообразующими чертами, причем чертами именно тоталитаризма, а не какого-либо другого «изма»?

Какие условия способствовали тому, что в германском и итальянском обществе 20—30-х гг. деградировали утвердившиеся было либерально-демократические государственно-политические структуры, а в советском обществе не вызрели ростки социалистической демократии? — вот ключевая проблема в анализе явления, именуемого тоталитаризмом XX в. Проблема, в которой критерии и признаки явления, масштабы и хронологические рамки, национально-общее и особенное, системная типология еще ждут своих исследователей.

* * *

После смерти Сталина и особенно после XX съезда КПСС «тоталитарный синдром» оказался подвергнутым серьезному испытанию на концептуальную прочность. Хотя развенчание культа личности покойного диктатора не только не вылилось в последовательную борьбу против сталинизма, против казарменного социализма как политической системы, но вскоре было повернуто вспять, из «синдрома» выпали такие броские признаки, как единоличная власть вождя и массовый террор. Выходило с учетом сказанного выше, что тоталитаризм, определяемый с помощью этих признаков, становится достоянием истории, причем истории не очень продолжительной.

Росту сомнений относительно применимости концепции тоталитаризма во второй половине нынешнего столетия способствовали процессы деколонизации на огромных пространствах африканского и азиатского континентов. Возникшие там молодые государства не укладывались в биполярную систему противостояния «тоталитарных» и «демократических» государств. Среди них в тот период не было ни одного буржуазно-демократического государства, но не было и таких, которые полностью подпадали бы под «тоталитарный синдром».

С точки зрения международной политики, в условиях перехода от курса «холодной войны» к мирному сосуществованию потребностью стал, скорее, акцент на общности развития всех государств, чем на их полярном противопоставлении. Образ СССР как «тоталитарного врага» стал меркнуть в сознании населения западных стран на рубеже 50—60-х гг., и это обстоятельство также ставило во главу угла концепцию в целом.

Одним из первых западных политологов, понявших неадекватность объяснения советского общества с позиций неизменной «тоталитарной модели», был сам З. Бжезинский. Еще в год написания вместе с Фридрихом «классической» работы Бжезинский в статье «Тоталитаризм и рациональность» отмечал, что «советский тоталитаризм, наиболее развитое тоталитарное общество нашего века, вступает в новую стадию развития», поскольку тоталитаризм несовместим с «требованиями современного индустриального и, следовательно, также бюрократического порядка»²⁹.

Обратим внимание на контекст, в котором Бжезинский употребляет термин «бюрократический порядок». Из него подразумевается, что «чистый» тоталитаризм основан на всевластии вождя, а не бюрократии, и именно поэтому они несовместимы. Кроме того, бюрократизмом объявляется всякий индустриальный порядок, а не только советский. Следовательно, сам по себе бюрократизм еще не плох; плохо вырождение его в тоталитарное принуждение, тоталитарные структуры.

На протяжении 60—70-х гг. критика концепции тоталитаризма самими немарксистскими учеными стала столь же типичным явлением, как ранее приверженность ей. Критикующие, среди которых оказались авторитетные советологи И. Дейчер, Р. Такер, А. Инкельс, практически единодушно указывали на то, что она заслоняет многообразие социально-исторических явлений и связей, сводит содержание и механику исторического процесса к действиям отдельных политических группировок и деятелей, изображает советское общество застывшим социальным организмом³⁰.

Приведем ряд наиболее типичных возражений против использования тоталитарной модели как основы изучения СССР, которые выдвигались самими западными исследователями.

Ч. Джонсон: тоталитарная модель исключает идею развития советского общества³¹.

У. Уэлш: многие перемены, происшедшие в СССР и странах Восточной Европы начиная

с середины 50-х гг., «делают их определение в качестве тоталитарных крайне сомнительным»³²

Г. Гласснер: с помощью концепции тоталитаризма невозможно исследовать динамику процессов в социалистических странах³³.

А. Кун: «Не бывает такой вещи как целиком контролируемая или неконтролируемая система»³⁴.

Т. Джонс: «Не существует модели тоталитаризма, так как взаимоотношения между условно принятыми элементами ее никогда не были разъяснены»³⁵

А. Инкельс: эта модель игнорирует «источники общественной поддержки существующей в СССР власти»³⁶.

Дж. Хаф: даже во времена Сталина термин «тоталитаризм» не мог быть полностью применен к СССР в силу существенного противоречия: с одной стороны, тоталитарное общество объявляется закостеневшей социальной системой, в чем заинтересована правящая элита; с другой стороны, делается упор на то, что эта самая элита стремится преобразовать общество и переделать человека³⁷

А. Даллин: ошибочна как концепция «советского тоталитаризма», так и строящиеся на ее основе гипотезы «кремленологов», которые «по самой своей природе не могут обеспечить плодотворный и трезвый научный поиск»³⁸

Были подвергнуты сомнению и основные постулаты концепции тоталитаризма. Прежде всего решили, что те черты, которые Арндт, Фридрих и Бжезинский клали в основу концепции — наличие пользующегося неограниченной властью тоталитарного лидера и применение массового террора, — либо указывают на крайнюю ограниченность тоталитаризма во времени и пространстве, либо могут быть отнесены лишь к некоему «чистому», «абсолютному» типу тоталитарных режимов.

Далее возник вопрос: можно ли отнести ту или иную страну к разряду таких режимов в силу существования в ней однопартийной системы? Этот вопрос был поставлен на семинаре западных советологов в Лондонской школе экономики и политических наук в мае 1966 г. Открывавший дискуссию Р. Арон переформулировал его так: может ли партия в однопартийном государстве единолично вершить всеми государственными делами? — и дал противоречивый ответ. С одной стороны, заявил он, ввиду наличия в СССР общественных организаций и сил там существует некий «социальный плюрализм» на более низком по отношению к партии уровне, при котором «многие социальные силы могут ограничивать контроль и сдерживать власть партии». С другой стороны, в СССР «единственная партия обладает верховной властью», члены КПСС занимают высшие посты в государстве и экономической сфере. Резюмируя, Арон выразил сомнение в том, что категория однопартийных государств сохраняет свою полезность в классификации политических режимов, и предупредил исследователей против соблазна сосредоточиться на одном этом аспекте изучения государственного строя в ущерб другим³⁹ Подводящий итоги дискуссии Р. Дарендорф констатировал, что вопрос о границах употребления политической власти еще не решен в западной политологии, но при его постановке количество партий в государстве и их тип не играют решающей роли⁴⁰

Но если возникновение тоталитаризма связывается с наличием массовых движений и технологических возможностей воздействия на массовое сознание и при этом не ставится в зависимость от числа партий, напрашивается подтверждение вывода о возможностях генезиса тоталитаризма всюду, где есть сильные массовые политические партии, влиятельные пресса, радио, телевидение, хорошо обученные полиция и армия. Известный французский социолог Ж. Эллюль заявил, что технократия неизбежно ведет к тоталитаризму⁴¹ Усилиями другого известного социолога — Дж. Тэлмона — появилось причудливое определение — «тоталитарная демократия»⁴². Более того, некоторые западные авторы увидели «обобщающую функцию концепции тоталитаризма» в том, что она помогает понять «состояние современного человека вообще»⁴³

В целом на том этапе, когда критика тоталитарной концепции приобрела значительный размах (вторая половина 60-х гг.), она вызвала двоякую реакцию в западной советологии: стремление существенно видоизменить ее, убрав наиболее сомнительные постулаты, и желание отстоять ее основы.

Первая реакция проявилась прежде всего в отношении самого термина «тоталитаризм»: кое-кто из исследователей стал употреблять словосочетания «тоталитаризм без террора», «зрелый тоталитаризм» и даже «просвещенный тоталитаризм». Однако эти уловки лишь загоняли полити-

ческую теорию в угол, так как критерии «зрелого тоталитаризма» выявить еще сложнее, чем критерии уже существовавшего понятия. Представители «оппозиции» охарактеризовали и этот термин как «эпитет „холодной войны“»⁴⁴.

Чаще всего вместо тоталитаризма стали говорить об авторитаризме. Критерии и рамки его также не были определены достаточно четко. Один из ведущих адептов теории модернизации, например, полагает, что авторитарные режимы включают военные диктатуры — социалистические, фашистские и просто националистические⁴⁵. Директор Русского института при Колумбийском университете М. Шульман в лекции «Учиться жить с авторитарными режимами», прочитанной в июне 1976 г. в Женеве, отнес к ним «тоталитарные государства», где подавляется оппозиция, — они могут быть «правыми» или «левыми», но так или иначе противостоят либеральным демократиям западного образца⁴⁶.

По классификации однопартийных государств, предложенной итальянским политологом Дж. Сартори, такие государства делятся на «тоталитарные», «авторитарные» и «прагматические», причем авторитаризм отличается от тоталитаризма не столь всеобъемлющим («нетотальным») охватом официальной идеологии, более слабой степенью принуждения, применяемого к гражданам, а также стремлением правящей группы или организации отделить от себя (а не ликвидировать) другие влиятельные группы или организации. Советский Союз при Сталине Сартори отнес к «тоталитарной» категории, а на современном этапе — к «авторитарной»⁴⁷. Профессор Свободного университета в Западном Берлине Р. Левенталь охарактеризовал государственный строй СССР как «посттоталитарный авторитаризм»⁴⁸.

Таким образом, часть западных политологов просто воспользовалась термином «авторитаризм» для характеристики социалистических стран, не отказавшись полностью от концепции тоталитаризма, и лишь сузив пространственно-временную сферу ее приложения.

Других это не устроило. «К сожалению, термин „авторитаризм“, — констатировал У. Лэкер, — может означать множество разных вещей. Невозможно представить политический режим, полностью лишенный власти»⁴⁹. Поэтому к авторитарным режимам можно отнести все диктатуры и полудиктатуры, включая монархии (Саудовская Аравия, Иордания при короле Хусейне, Марокко при Хасане) и столь разные страны, как Пакистан, Вьетнам, Индонезия, не говоря уже обо всех африканских и многих латиноамериканских государствах. Даже ФРГ при Аденауэре, Франция при де Голле и Израиль при Бен Гурионе были до известной степени авторитарными. «Какой прок от категории, которая может быть приложена к 9/10, если не больше, стран — членов ООН?» — риторически вопрошает Лэкер⁵⁰.

Был продолжен поиск модели, которая более адекватно отразила бы существенные черты государственного и социального строя в СССР и союзных ему странах. Как грибы после дождя, стали плодиться дефиниции типа «администрируемое общество», «мобилизационная система», «консультативный авторитаризм», «моноиерархическое общество» и др.⁵¹ Убедительной типологической аргументации они не содержали, и поэтому сфера их распространения ограничивалась, как правило, работами одного-двух авторов. Это дало основания одному из советологов заявить, что не только старая концепция, но и «модели-отпрыски» не обеспечивают основу адекватного понимания советской действительности⁵². «Хотя мы сознательно отвергли тоталитарную модель, — указывает американский политолог Дж. Хаф, — она продолжает сказываться на многих наших выводах о мотивах и динамике действий СССР. Нужна же готовность, даже решимость подвергнуть наши выводы пристальному изучению дабы отделить наши антипатии к советской системе от нашего описательного анализа ее»⁵³.

В условиях дефицита базовой советологической модели (ибо ни одна из вновь созданных схем не сумела получить такое распространение, как раскритикованная концепция тоталитаризма) на авансцену выдвинулась точка зрения, несущая в себе элементы веберианства, троцкизма и современного левого радикализма. Согласно этой точке зрения, в СССР сложилось бюрократическое общество, характеризующееся такой же или еще большей самодовлеющей природой государства и отчужденностью правящей партии от народа, какие присущи монополистическому капитализму. «Современные коммунистические системы можно скорее всего классифицировать как „посттоталитарные режимы“ в форме авторитарно-бюрократического партийного господства», — пишет профессор Ганноверского университета (ФРГ) С. Енкнер⁵⁴.

Как и в случае с тоталитаризмом, бюрократизация и бюрократия выступают в западной политологической литературе в качестве глобального феномена определенной эпохи, охватывающей и современность. Литература эта настолько обширна, что заслуживает специального анализа

вне рамок данной статьи. Приведем лишь два вывода в дополнение к ранее цитировавшейся мысли З. Бжезинского. Согласно американскому политологу Р. Бендиксу, бюрократическое общество неизбежно порождается процессом индустриализации, которая требует громоздкого механизма хозяйственного управления, подавляющего инициативу личности⁵⁵. Еще одна западная исследовательница связывает рост бюрократических тенденций с расширением социального обеспечения, предусматривающего создание специальных служб, которые не сужают, а расширяют пропасть между государством и обществом: материальное положение масс улучшается, а их политические права становятся все более трудно реализуемыми⁵⁶.

На волне обостренного интереса западных исследователей к работам М. Вебера участилось обращение к веберовской концепции власти. В первую очередь здесь привлекает внимание тезис Вебера о том, что если при капитализме элементы бюрократизации экономики и государственного управления аккумулируются постепенно по мере их развития, то при социализме они возникают с самого начала в силу единства политической и экономической власти⁵⁷. По мнению А. Ноува, высказанному в середине 70-х гг., когда он занимал пост директора Института по изучению СССР и Восточной Европы в г. Глазго, «опасность бюрократического деспотизма... была, возможно, заключена в ленинской концепции изменений, организованных и навязанных сверху преимущественно крестьянской стране... Решение в пользу централизованного планирования и против рыночных сил изменило не только экономическую, но и политическую обстановку, направляя ее в сторону того, что получило название тоталитаризма»⁵⁸.

* * *

У читателя, однако, не должно сложиться впечатление, что диверсификация политических разработок и возникновение новых понятий похоронили концепцию тоталитаризма. Сами термины «тоталитаризм», «тоталитарное государство» настолько прочно укрепились в лексиконе, причем в массовом лексиконе гораздо прочнее, чем в научном, что в подавляющем большинстве случаев средства массовой коммуникации за рубежом прибегали именно к ним, когда требовалось лапидарно охарактеризовать СССР и советскую систему. С ростом консервативных тенденций на Западе в конце 70-х — начале 80-х гг. это стало особенно заметным.

Что касается адептов тоталитарной концепции, то в результате размывания ее методологических основ кое-кто из них отошел от нее. Например, американский политолог Дж. Армстронг, автор одной из наиболее известных книг о тоталитаризме в СССР, выпустил труд «Европейская административная элита», в которой дал сравнительный анализ общественных функций местных и высших кадров управления экономикой во Франции, Англии, Германии (ГДР и ФРГ) и СССР. Уже само применение сравнительного метода изучения явлений в разных общественных системах свидетельствовало о стремлении выйти за рамки теории тоталитаризма. Главное же заключалось в том, что Армстронг пришел к выводу об общих чертах формирования управленческих кадров во Франции, США и СССР⁵⁹; он полностью избегал употреблять термин «тоталитаризм».

Зато активно выступил за сохранение этого термина в обществоведении Л. Шапиро. В уже упоминавшейся книге «Тоталитаризм» и одноименной статье в восьмитомной международной энциклопедии «Марксизм, коммунизм и западное общество» он заявил, что наука обеднеет, лишившись этого понятия⁶⁰. Правда, по мнению Шапиро, концепция полностью сохраняла свою научную адекватность только для характеристики фашизма, нацизма и сталинизма. «Следует заметить с самого начала, — писал автор, — что в отношении Советского Союза имеются особые соображения. Как в Италии, так и в Германии созданные там режимы были делом рук одного человека, который завоевывал власть, удерживал ее в течение некоторого времени, а затем погибал, потерпев поражение в войне. В случае с Россией Сталин унаследовал власть, завоеванную Лениным, а после смерти Сталина в 1953 г. в Советском Союзе произошли перемены. Поэтому поиск общих черт всех трех режимов должен быть в отношении СССР ограничен сталинской эрой; вопрос же о том, применим ли термин „тоталитаризм“ к Советской России ранних лет или после 1953 г., следует оставить открытым для дальнейшей дискуссии»⁶¹.

Шапиро дал критический залп и по «тоталитарному синдрому» Фридриха и Бжезинского. «Синдром сделал свое дело, — заявил он, — но пора отойти от него. Каким бы ценным он ни был, он затрудняет анализ, так как путает две совершенно разные вещи: характерные черты или контуры и инструменты правления»⁶².

В действительности тоталитарный режим имеет пять признаков: 1) наличие вождя; 2) подчи-

нение ему законности и порядка; 3) контроль над личной моралью и личной жизнью; 4) постоянная мобилизация населения на поставленные правительством цели; 5) легитимность режима, проистекающая из поддержки его массами⁶³

Как, вероятно, помнит читатель, Шапиро был весьма непоследователен, сначала отмечая поиски тоталитаризма в древней и средневековой истории, а затем, по существу, повторяя их. Аналогичная непоследовательность видна и в данном случае. Усомнившись в применимости тоталитарной концепции к советскому обществу до и после господства сталинизма, он тем не менее убирает из «тоталитарного синдрома» репрессии и террор. Но если на место террора ставится контроль и мобилизация масс, то это как раз помогает «дотянуть» концепцию до современности. Возникают, однако, вопросы: как установить, контролируется ли государством личная мораль и следует ли в таком случае считать все аморальные, противоправные, низменные поступки граждан следствием достаточности либо недостаточности такого контроля? Наконец, если тоталитарный режим покоится на поддержке масс, то в чем истоки легитимности либерально-демократического государства?

Попытки внести коррективы в концепцию тоталитаризма с учетом меняющихся реалий стимулировались, как уже отмечалось, подъемом консерватизма на Западе на рубеже 70—80-х гг. Одну из таких попыток, пожалуй, в наиболее развернутом виде предпринял профессор Университета Рутгерса (США) М. Кертис. Он определил тоталитаризм как «специфический тип современного режима в век массовой демократии, который держит население под контролем с помощью разнообразных средств, особенно террора»⁶⁴ Существует, отметил автор, целое семейство форм правления, сходных с тоталитаризмом: разного рода диктатуры, деспотии, аристократические режимы, бонапартистские системы и полицейские государства; все они объединяются «элитистским управлением, произвольным использованием политической власти, сведением к минимуму личных прав индивидуума, иерархическими институтами»⁶⁵ Однако тоталитарные режимы современности отличаются от аналогичных систем прошлого тем, что они больше опираются на поддержку масс и массовые движения, а не на экономические и политические элиты.

После двух десятилетий дискуссий о том, что же такое тоталитаризм, этих общих постулатов было явно мало для внесения ясности в рассматриваемый вопрос. Поэтому Кертис, взяв за основу «синдром» Фридриха и Бжезинского, выстроил целый каскад критериев тоталитаризма, включающий 13 позиций. Вот эти критерии: 1) официальная идеология, нацеленная на построение политического и социального порядка и создание нового типа личности; 2) монополия на контроль за личной жизнью индивидов с целью обеспечения тоталитарного конформизма; 3) террор и политическая полиция; 4) иерархическая однопартийная система; 5) подмена личных интересов общественными; 6) централизация власти, недопущение оппозиции и инакомыслия; 7) неподконтрольность высшей власти; 8) контроль над средствами массовой информации и образовательной системой для мобилизации граждан; 9) отсутствие «настоящих» свободных выборов; 10) монополичный контроль над оружием и вооруженными силами; 11) отказ гражданам в свободном выезде за границу; 12) централизованная плановая экономика с контролируемым потреблением; 13) личная диктатура вождя⁶⁶

М. Кертис пытается проследить вехи складывания тоталитарных режимов в Италии, Германии и СССР. Примечательно, что он датирует зарождение тоталитарной власти в Италии 1924 годом (когда были приняты ограничения свободы печати), в Германии — только февралем 1933 г. (когда был принят закон, позволявший арестовывать по подозрению в подрывной деятельности), а в СССР — роспуском Учредительного собрания в январе 1918 г. и «красным террором». Итоги же тоталитаризма он вслед за Р. Пайпсом, С. Хуком и некоторыми другими советологами выводит из ленинской концепции партии нового типа, а ранее, в глубине веков, — из традиций православной церкви и великомосковских князей, заставлявших своих подданных нести государственную службу⁶⁷

Оговорки, которые делает Кертис, лишь подчеркивают эклектизм его схемы. Так, он допускает, что в течение известного времени после Октября тоталитарный контроль ограничивался, поскольку был введен нэп и сохранялся частный сектор в народном хозяйстве. Однако из такой постановки вопроса следует, что тоталитаризм возникает вместе с обобществлением (или огосударствлением) собственности на средства производства, чего, как известно, не было ни в фашистской Италии, ни в нацистской Германии.

Еще один критерий тоталитаризма ввел (в статье, о которой говорилось в самом начале) У. Лэкер. Он допускал, что «любой режим, получивший на выборах 99% голосов избирателей,

является тоталитарным по определению»⁶⁸. Правда, он оговаривался, что прибегает в данном случае к преувеличению, но эта оговорка лишь высветила методологические затруднения тех сторонников тоталитарной концепции, которых не удовлетворяет ограничение ее применения рамками «чистого» феномена и относительно узкого исторического периода 20—50-х гг. Ведь на основе полусерьезной формулы Лэкера только СССР и подпадает под дефиницию тоталитарного государства; однако же свести роль теории к иллюстрации практики одного-единственного государства значит по существу похоронить ее.

Понимание такого рода методологических трудностей и ловушек побуждает некоторых исследователей к выявлению дифференцированных уровней тоталитарности. Так, С. Андрески охарактеризовал Советский Союз начала 50-х гг. как тоталитарное государство близкое к 100-процентному «чистому» типу; «третий рейх» был, по его мнению, тоталитарным на 85% накануне второй мировой войны и на 95% к концу войны; режим Муссолини и вовсе достиг лишь 55-процентного уровня тоталитарности. При этом главным критерием тоталитаризма Андрески считает степень сохранения «независимых организаций» в государстве⁶⁹.

Есть, наконец, точка зрения, выводящая тоталитаризм из марксистской теории обобществления. Живущий и преподающий в Англии польский философ Л. Колаковский полагает, что только система, ликвидировавшая частную собственность, может служить фундаментом подлинной тоталитарной диктатуры. А раз так, то тоталитаризм — синоним не фашизма, а «коммунизма» в его сталинском варианте. «Сталинское правление — это правление образцового коммунизма,— заявил Колаковский.— Все остальные варианты коммунистического государства являются или незрелыми, или побочными, или искаженными». Поэтому, добавил он, после смерти Сталина «советский тоталитаризм стал больным тоталитаризмом, теряющим свою прежнюю эффективность»⁷⁰.

* * *

Как же реагируют на видоизменение теоретических представлений о тоталитаризме западные исследователи, не являющиеся сторонниками концепции? Им приходится принимать во внимание ряд факторов, из которых по крайней мере два побуждают к тому, чтобы отнестись к тоталитарным построениям терпимее.

Во-первых, это непрекращающееся использование всех терминов, о которых речь шла выше, средствами массовой коммуникации Запада (чему, повторимся, в немалой степени способствовала консервативная волна в политике и идеологии). Такой психологический фон не может целиком перечеркнуть научную критику, но он способствует ее сужению.

Во-вторых, на смену концепции тоталитаризма не пришла никакая другая, которая могла бы полностью обесценить ее исходное назначение — описать и классифицировать политические режимы, представляющие аберрации современного движения стран и народов к большей свободе и демократии. Прямой противоположностью «разъединяющей» функции концепции тоталитаризма была «сближающая» функция концепции конвергенции, но она так и не проявилась в действительности в тот период, когда мирное сосуществование 60-х и разрядка 70-х гг., казалось, облегчили осуществление внутренних реформ в социалистических странах. Глобальная теория модернизации, ставящая акцент на общности развития государств и обществ в определенных исторических условиях, лишь способствовала переориентировке многих блестящих аналитических умов на благородный экуменистический поиск, но потеснить тоталитарные схемы в их собственных «владениях» она не сумела, да и не была для этого предназначена. «Процесс „детоталитаризации“ оказался палкой о двух концах,— пишет английская исследовательница Р. Уокер,— ибо, как ни старались западные аналитики, они обнаружили, что заменить тоталитарную модель более сбалансированной и достоверной альтернативной трудно»⁷¹.

Выходило, что, как ни условна была концепция тоталитаризма, а более пригодной для характеристики определенных режимов политическая наука не придумала. «Я лично считаю, что, избавившись от этой концепции, мы не так уж много потеряли бы,— пишет один из критиков.— Но если нам придется сохранить ее в качестве предмета изучения, то было бы полезнее использовать ее как концепцию „идеального типа“, чем модель»⁷².

В критике концепции аргументы о ее полной надуманности уступили место указаниям на неправомерно широкое и безальтернативное ее использование. Речь шла, собственно, о том же, о чем писал ее приверженец У. Лэкер,— о политизации научных категорий и понятий. С. Коэн прямо заявил: «тоталитарная школа», подавившая другие направления, повинна в «интеллектуаль-

ном кризисе», поразившем американскую советологию и продолжающемся по сей день⁷³. Английский политолог А. Браун пришел к выводу, что концепция тоталитаризма ошибочна не сама по себе, а в таком варианте ее приложения к современному советскому обществу, при котором оно предстает единым вместе с партией, монолитом, лишенным каких бы то ни было ростков плюрализма⁷⁴. Социолог Т. Боттомор, соотечественник Брауна, отметил, что невозможно целиком сформировать такую личность, которая требуется для полного господства тоталитарного режима⁷⁵.

Чтобы подвести некоторый итог эволюции рассматриваемых понятий и схем, а также дебатов вокруг них в западной научной литературе, приведем характеристику, данную в «Международной энциклопедии социологии», вышедшей шесть лет назад. «Идея тоталитаризма,— читаем в этом издании,— правильно определяет новые силы, которыми государства XX в. распоряжаются в целях контроля над населением своих стран». Однако, говорится далее, степень контроля никогда не была действительно тотальной. Кроме того, затушевывались «весьма различные цели и динамика нацистской и сталинистской систем», а также тот факт, что корни фашизма крылись «в отчетливо капиталистическом кризисе». Поэтому как разъясняющая концепция тоталитаризм не годится; правильнее говорить о «государственном социализме» в СССР и «фашизме» в гитлеровской Германии, а также Италии времен Муссолини. Вместе с тем в этой концепции правомерно видеть предостережение против вырождения современного государства, какое имело место в трех упомянутых системах и может где-либо снова произойти в будущем⁷⁶.

Как видим, в авторитетном международном издании, во-первых, поставлена под сомнение концепция тоталитаризма как таковая — правомернее, по мнению авторов «Энциклопедии», говорить лишь об идее неких сил контроля государства над массами, триумф которых чреват вырождением государства. Во-вторых, отрицается типологическое единство не только большой разновременной группы недемократических государственных систем, но даже сталинизма, нацизма и фашизма. Вероятно, здесь решающую роль сыграло то, что данное издание посвящено социологии и подготовлено социологами. В отличие от политологов, которые вряд ли столь решительно низвели бы тоталитаризм с уровня систем на уровень тенденций, социологи рассматривают не только и не столько государство, сколько общество в целом с его сложными групповыми структурами и межгрупповыми связями, с социальными нишами и взаимодействием индивидов. Прав Т. Боттомор и другие критики концепции тоталитаризма в том, что чем ближе социальная группа или личность к основанию общественной пирамиды, тем труднее установить над ними тотальный контроль. Режим может стремиться к этому, но осуществить такой контроль на деле — столь же утопическая задача, сколь заставить всех людей мыслить и действовать строго единообразно.

В этом, собственно, и заключается главное уязвимое место концепции тоталитаризма с точки зрения научной методологии — никому не дано превратить все общество в *toto*, и поэтому власть, стремясь к своей тотальности, никогда ее не достигает *in toto*. Можно говорить лишь о разной степени тотальности власти в недемократических обществах — но кто обозначит ту грань, за которой то или иное государство из просто недемократического превращается в тоталитарное? Тем более — в «чисто» тоталитарное?

Главный урок дискуссий о тоталитаризме в западной литературе состоит, следовательно, в том, что в общественно-политическом развитии стран и народов мира, вероятно, существуют явления, к которым тоталитарная концепция может быть приложена с большими или меньшими основаниями.

К государствам и обществам до XX в.— с меньшими основаниями (если вообще здесь уместно говорить об основаниях), чем к современным.

К государствам XX в.— с большими основаниями, чем к обществам XX в. (сомнительно существование тоталитарных обществ).

К режимам — с большими основаниями, чем к государствам (имея в виду под режимами специфические средства и методы использования государственных структур правящими политическими группировками в соответствующих исторических условиях).

К одним недемократическим режимам XX в.— с большими основаниями, чем к другим.

На этом можно было бы поставить точку в обзоре дискуссий о тоталитаризме, которые велись западными учеными вплоть до последнего времени. Однако представляется правомерным хотя бы в самых общих чертах ввести в фокус зрения то, чего не существовало еще несколько

лет назад,— новые суждения советских обществоведов о политической системе СССР, которую большинство зарубежных политологов считают тоталитарной либо с момента возникновения, либо в определенных хронологических границах. Эти суждения или предваряют (большей частью), или вытекают из осмысления круга проблем, неумолимо вставших не только перед советскими обществоведами, но и перед обществом в целом: является ли оно социалистическим, и что такое социализм? чем и насколько социализм в теории и на практике отличается от других общественных систем? произошли ли в советской истории (и на каких этапах) принципиальные отклонения от «конструкторского проекта» основоположников или не произошли?

Как и следовало ожидать, с крахом искусственно насаждавшегося теоретического единомыслия хлынуло половодье формулировок, определений и терминов. Будучи творением плюралистического импульса, они, однако, не являются залогом наличия адекватного им числа теорий и концепций — различия между многими из них, как правило, чисто терминологические. Это прекрасно иллюстрирует «семейство» дефиниций, возникшее после публикации знаменитого отклика-размышления Г. Х. Попова на роман А. Бека «Новое назначение». На базе самого краткого определения деформированного социализма как «административной системы» родились производные, характеризующие эту систему как «командно-административную», «административно-командную», «командно-бюрократическую», «административно-бюрократическую» и т. д. Эти определения можно считать уже общепринятыми, они (нередко попеременно) употребляются большинством советских ученых и публицистов. Их объединяет то, что они все констатируют отклонение советского общества от тех принципов, которые были провозглашены социалистической теорией. Вместе с тем они не содержат в себе и намек на то, когда, почему и в каких масштабах данное отклонение произошло; имеется ли в виду только сталинизм, либо сталинизм плюс брежневщина, либо целиком система, возникшая после 1917 г. Эти вопросы указанные термины сами по себе оставляют за кадром; разъясняющие ответы на них надо искать (но не обязательно можно найти) в ткани соответствующих работ.

Такая неопределенность побудила многих авторов, не оспаривая достоверности вышеприведенных определений и не отказываясь от их употребления, к поиску новых, хотя бы более точно характеризующих сталинщину и сталинизм. Здесь-то и возникла проблема: прибегать к устоявшимся в зарубежной политологии понятиям или не прибегать? Если прибегать, то выбирать, по существу, приходится между «авторитаризмом» и «тоталитаризмом», либо взять на вооружение оба понятия применительно к разным периодам истории советского общества. Можно, разумеется, использовать и традиционные для мировой мысли дефиниции — «деспотия», «тирания», «диктатура», которые имеют многовековую историю употребления не только в науке, но также в литературе и быту. Последнее обстоятельство, однако, снижает их научно-когнитивный уровень.

Как бы то ни было, терминологический набор в последнее время существенно расширился. Приведем ряд примеров, не претендуя на исчерпывающую полноту. Историки Г. А. Бордюгов и В. А. Козлов уточняют сложившееся понятие: сталинизм — это «административно-командная система репрессивного типа»⁷⁷ Философ А. П. Бутенко пишет о «сталинском деспотическом режиме», который расшифровывает как «антидемократическую, основывающуюся на принципе номенклатуры командно-административную систему управления экономикой и всем обществом»⁷⁸ Г. Г. Водозазов называет сталинизм «диктатурой бюрократии», причем в ее самых варварских, самых террористических формах⁷⁹ Мы имеем также характеристику сталинизма В. П. Киселева как «деспотически казарменного» социализма⁸⁰

Ряд исследователей вводят в формулировки термины «авторитарный» и «авторитаризм». Л. А. Гордон и Э. В. Клопов отождествляют сталинизм с «авторитарно-деспотическим режимом» и пишут также об «авторитарно-административной системе»⁸¹ Речь заходит, далее, просто об «авторитарной системе»⁸², о «бюрократическом авторитаризме»⁸³ и о победе в СССР в 30-е гг. «авторитарной тенденции»⁸⁴

Наконец, входит в употребление и конкретно интересующий нас термин. Имею в виду не разговорно-эмоциональное употребление и не чисто публицистическое, но то, к которому прибегают ученые, хорошо знающие сферу его применения в зарубежной политологии. Следовательно, можно говорить об осознанном предпочтении данного термина другим. В. В. Согрин считает понятие «тоталитаризм» научным и убежден в том, что сталинский режим (при его принципиальных отличиях от нацизма) отвечает признакам тоталитарного государства⁸⁵ И для Ю. Н. Афанасьева не подлежит сомнению, что сталинизм является тоталитаризмом⁸⁶, но он мало сомневается и в том, что Советское государство в принципе тоталитарно. А. М. Мигранян, возможно, и не

подписался бы под отождествлением советской модели социализма в ее современном виде с тоталитаризмом, но, судя по тому, что он постоянно призывает к некоему просвещенному авторитаризму, («авторитаризм — это мечта для нас»), переход к этому состоянию от сталинского «тоталитарного режима»⁸⁷, видимо, по его мнению, еще не произошел. Очень уверенно и однозначно, исходя из критериев социальной психологии, делают вывод об идентичности сталинизма и тоталитаризма, тоталитарного общества представители данной науки⁸⁸.

К сказанному можно добавить, что восприятие сталинизма и сталинщины как тоталитаризма облегчается использованием промежуточных терминов: «тотальный бюрократизм», «тотальная централизация управления всеми сферами общественной жизни»⁸⁹ и т. д.

Так все же, «что это было?» — спросит читатель. Получив ответ на этот вопрос, ему будет легче понять, «что это есть» в наши дни. Последнее особенно важно, если учесть, что появилось мнение об «окончательном сформировании тоталитарной командно-административной системы» в середине 70-х гг., когда, согласно данной точке зрения, бюрократия в СССР полностью превратилась в правящий класс⁹⁰.

Повторимся: историографическая по характеру статья, посвященная западной литературе, не претендует и не может претендовать на содержательный анализ социально-политических структур. Точки зрения советских ученых приведены здесь лишь для «объемности», для показа разных подходов в среде не только зарубежных, но и советских обществоведов. Проблема тоталитаризма (соответствия теоретических схем реальным явлениям в истории) многомерна и сложна. Бесспорно оправданной является лишь сама постановка вопроса, все остальное подлежит дальнейшему осмыслению. Причем не только в советской науке (для которой эта задача носит целинный характер), но и в западной. Еще не приведены решающие доводы — ни те, которые окончательно утвердили бы парадигмическую достоверность концепции тоталитаризма, ни те, которые решительно опровергли бы ее.

Для советских исследователей эта проблема стоит сейчас неизмеримо острее, чем для всех прочих, ибо лишь для них она связана с осмыслением прошлого, от которого еще не полностью отделило себя настоящее. Не стоило бы копыя ломать, если бы речь шла о выявлении «тоталитарного синдрома» только за рубежом — это была бы теоретическая задачка нескольким десяткам ученых, специализирующихся по соответствующим странам. Но, увы, сотням миллионов людей в мире именно СССР вплоть до последнего времени казался воплощением тоталитаризма и тоталитарной угрозы. Образ «империи зла» также возник на дрожжах этих идеологизированных представлений, ставших обыденными. Сумела ли перестройка вызвать их необратимую эрозию? Хотелось бы, чтобы это было так, но главным условием «успеха» этой эрозии является успех перестройки.

Что касается обиходного употребления слов «тоталитаризм», «тоталитарный режим» советскими людьми в отношении собственного прошлого, то в этом проявляется прежде всего эмоциональное неприятие произвола, творившегося государством и от имени государства. Здесь не о чем спорить на концептуальном уровне. Назвать Сталина не диктатором, не палачом собственного народа, а «тоталитаристом», значит польстить ему. Но дело не только в личности Сталина.

Ознакомление с теперь уже далеко не единичными отечественными публицистическими и научными работами о «сталинском» периоде истории страны выявляет многозначительный феномен: более или менее достоверно показать процесс аккумуляции ошибок, антигуманных решений и преступлений в этот период легче, чем дать ему научно-теоретическое определение. Легче описать, как это было, чем выяснить, что это было.

Именно вместе с ответом на вопрос, какое общество построено или недостроено в нашей стране, будет внесена бóльшая ясность и в вопрос о приложимости концепции тоталитаризма или ее отдельных блоков к Советскому государству. Автору этих строк представляется перспективным анализ тех явлений, которые зарубежная политология относит к тоталитарным признакам, через призму деформаций незрелого демократического процесса в разных типах обществ при определенных исторических условиях. Есть резон в следующем рассуждении американского историка и политолога Р. Даниэлса в недавней книге «Можно ли реформировать Россию?»: «Тоталитаризм левого толка или сталинизм представляет собой прямой и естественный продукт революции. Тоталитаризм правого толка — это исход контрреволюционной борьбы против реальной или возможной революции. В обоих случаях для сохранения власти и контроля над обществом применяются все доступные средства принуждения, усиленные современной технологией вооружения, надзора и составления досье. Тоталитаризм — характерная для XX в. форма постреволюционной диктатуры, устанавливаемой либо правыми, либо левыми»⁹¹

Однако при таком подходе к тоталитаризму возникают новые вопросы, требующие много-трудного исследования, например, вопрос о причинно-следственной связи между тоталитарными тенденциями и революционными изменениями вообще. Еще не предъявлено неопровержимых доказательств неизбежности сталинизма в СССР (не предъявил их пока и профессор Даниэлс). Если это будет сделано, вся проблема, вероятно, выветится в совершенно иной плоскости.

Примечания

- L a q u e u r W. Is There or Has There Ever Been Such a Thing as Totalitarianism? // Commentary. N. Y. October 1985. P. 3.
- ² Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1989. См. также: Тоталитаризм, автократизм и демократия в глобальном контексте // Латинская Америка. 1990. №№ 1—3.
- ³ Symposium on the Totalitarian State. Proceedings of the American Philosophical Society. Philadelphia, 1940. P. 101.
- ⁴ Что касается нацистской Германии, то в ней, по мнению автора, функции государства и НСДАП четко разграничивались (Там же. С. 16).
- ⁵ Symposium on the Totalitarian State... P. 87.
- ⁶ Cohen S. Rethinking the Soviet Experience. N. Y., 1984. P. 19.
- ⁷ Sorokin P. A. Russia and the United States. N. Y., 1944. P. 12, 15.
- ⁸ Andreski S. Is Totalitarianism a Meaningful Concept? // Totalitarianism: Temporary Madness or Permanent Danger? Boston, 1967. P. 31—32.
- ⁹ Wittfogel K. Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power. L., 1989. P. 101—108, 189.
- ¹⁰ Ibid. P. 106.
- Hirszowicz M. The Bureaucratic Leviathan: A study in Sociology of Communism. Oxford, 1980. P. 38.
- ¹² Popper K. The Open Society and Its Enemies. 4th ed. Vol. 2. Princeton, 1963. p. 166.
- ¹³ Curtis M. Totalitarianism. New Brunswick; L., 1980. P. 6.
- ¹⁴ Ibid. P. 19.
- ¹⁵ Schapiro L. Totalitarianism. L., 1972. P. 15.
- ¹⁶ Ibid. P. 91.
- ¹⁷ Ibid. P. 92.
- ¹⁸ Ibid. P. 94.
- ¹⁹ Totalitarianism: Temporary Madness of Permanent Danger? Boston, 1964. P. IX.
- ²⁰ Arendt H. the Origins of Totalitarianism. N. Y., 1966. P. 458.
- ²¹ Ibid. P. 465—467.
- ²² Ibid. P. XII.
- ²³ Friedrich C. J., Brzezinski Z. K. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge (Mass.), 1956. P. 3.
- ²⁴ Ibid.
- ²⁵ Ibid. P. 13.
- ²⁶ Ibid. P. 9—10.
- ²⁷ Friedrich C. J. The Unique Character of Totalitarian Society // Totalitarianism. Proceedings of a Conference Held at the American Academy of Arts and Sciences. March 1953. Cambridge (Mass.), 1954.
- ²⁸ Галкин А. А. Социология неонацизма. М., 1971. С. 23.
- ²⁹ Brzezinski Z. K. Totalitarianism and Rationality // American Political Science Review. Baltimore, 1956. Vol. 50. № 3. P. 751.
- ³⁰ Deutscher I. Russia in Transition and Other Essays. N. Y., 1957; Tucker R. Comparative Politics of Movement-Regimes // American Political Science Review. Columbus, 1961. Vol. 55. № 2. p. 281—289; Inkeles A. Models and Issues in the Analysis of the Soviet Society // Survey. L., 1966. Vol. 22. № 3. P. 3—14.
- ³¹ Johnson Ch. Comparing Communist Nations // Change in Communist Systems. Stanford, 1970. P. 1—32.
- ³² Welsh W. A. Leaders and Elites. N. Y., 1979. P. 114.
- ³³ Glaessner G.-I. Neue Konzepte der Kommunismus forschung // Aus Politik und Zeitgeschichte. Bonn, 1984. S. 27.
- ³⁴ Kuhn A. Unified Social Science. Homewood (Ill.), 1975. P. 401.
- ³⁵ Jones T. A. Modernization Theory and Socialist Development // Social Consequences of Modernization in Communist Systems. Stanford, 1970. P. 42.
- ³⁶ Inkeles A. Op. cit. P. 8.
- ³⁷ Hough J. F., Fainsod M. How the Soviet Union is Governed. Cambr. (Mass.), 1979. P. 521—522.
- ³⁸ Dallin A. Bias and Blunder in American Studies on the USSR // Slavic Rev. Wash., 1973. Vol. 32. № 3. P. 570, 574.
- ³⁹ Aron R. How Non-Monopolistic Can a Monopolistic Party Be? // Political Opposition in One-Party States. L., 1972. P. 18—20.
- ⁴⁰ Ibid., P. 31—32.
- ⁴¹ Ellul J. The Technological Society. N. Y., 1963.

- ⁴² Talmon J. The Origins of the Totalitarian Democracy. Utah, 1961.
- ⁴³ Mason P. T. Introduction // Totalitarianism: Temporary Madness of Permanent Danger? P. X.
- ⁴⁴ Laird R. D. The Soviet Paradigm: An Experience in Creating a Monohierarchical Society. N. Y., 1971. P. 92.
- ⁴⁵ Moore W. E. World Modernization. The Limits of Convergence. N. Y., 1979. P. 138.
- ⁴⁶ Shulman M. D. On Learning to Live with the Authoritarian Regimes // Foreign Affairs. N. Y., 1977. Vol. 55. № 2. P. 326, 333.
- ⁴⁷ Sartori G. Parties and Party Systems: A Framework for Analysis. Vol. I. L.; N. Y., 1976. P. 227.
- ⁴⁸ Цит. по: Laqueur W. Op. cit. P. 33—34.
- ⁴⁹ Ibid. P. 30.
- ⁵⁰ Ibid.
- ⁵¹ Kassof A. The Administered Society: Totalitarianism without Terror // World Politics. Princeton, 1964. Vol. 16. № 4. P. 558—575; Laird R. D. Op. cit.; Kaiser H. Vom Totalitarismus zum «Mobilisierungs»-Modell // Neue Politische Literatur. Frankfurt a. M., 1973. Jg. 18. H. 2. S. 141—169; Rigby T. H. A Conceptual Approach to Authority, Power and Policy in the Soviet Union // Authority, Power and Policy in the USSR. L.; Basingstoke, 1980. P. 9—31.
- ⁵² Zimmerman W. Rec.: Hough J. F., Fainsod M. How the Soviet Union is Governed // Slavic Review, Stanford, 1980. Vol. 39. № 3. P. 482.
- ⁵³ Hough J. F. Petrification or Pluralism? // Problems of Communism. Wash., 1972. Vol. 21. № 2. P. 45.
- ⁵⁴ Jenkner S. Entwicklung und Stand der Totalitarismusforschung // Aus Politik und Zeitgeschichte. Bonn, № 31. S. 21.
- ⁵⁵ Bendix R. Force, Fate and Freedom. Berkeley (Cal.), 1984. P. 89.
- ⁵⁶ Etzioni-Halivi E. Bureaucracy and Democracy: A Political Dilemma. L. [etc.], 1983. P. 123—124, 126.
- ⁵⁷ Glassman R. M., Murvar V. Introduction // Max Weber's Political Sociology. Westport (Conn.), 1984. P. 4—5.
- ⁵⁸ Nove A. Stalinism and after. L., 1975. P. 20, 34.
- ⁵⁹ Armstrong J. European Administrative Elites. Princeton, 1973. P. 188.
- ⁶⁰ Schapiro L. Op. cit. P. 124; Idem. Totalitarianism // Marxism, Communism and Western Society: A Comparative Encyclopedia in 8 vols. Vol. 8. N. Y., 1983. P. 200.
- ⁶¹ Schapiro L. Totalitarianism. P. 15—16.
- ⁶² Ibid. P. 20.
- ⁶³ Ibid. P. 20—43.
- ⁶⁴ Curtis M. Totalitarianism. P. 2—3.
- ⁶⁵ Ibid.
- ⁶⁶ Ibid. P. 7—13.
- ⁶⁷ Ibid. P. 14, 19.
- ⁶⁸ Laqueur W. Op. cit. P. 30.
- ⁶⁹ Andreski S. Max Weber's Insights and Errors. L., [etc.], 1984. P. 44—45.
- ⁷⁰ Kolakowski L., Urban G. The Devil in History: A Conversation // Encounter. L., 1981. Vol. 56. № 1. P. 12—14.
- ⁷¹ Walker R. Ideology in the USSR. Essex, 1984. P. 5.
- ⁷² Holmes L. Politics in the Communist World. Oxford, 1986.
- ⁷³ Cohen S. Op. cit. P. 3—4, 25.
- ⁷⁴ Brown A. Pluralism, Power and the Soviet Political System: A Comparative Perspective // Pluralism in the Soviet Union. L., 1983. P. 66.
- ⁷⁵ Bottomore T. Sociology and Socialism. Brighton, 1984. P. 93—94.
- ⁷⁶ The International Encyclopedia of Sociology // Ed. by M. Mann. N. Y., 1984. P. 399.
- ⁷⁷ Бордюгов Г. А., Козлов В. А. Время трудных вопросов: История 20—30-х годов и современная общественная мысль // Правда. 1989. 30 сентября. С. 3.
- ⁷⁸ Бутенко А. П. Современный социализм: Вопросы теории. М., 1989. С. 249.
- ⁷⁹ Водолазов Г. Ленин и Сталин // Осмыслить культ Сталина. М., 1989. С. 142.
- ⁸⁰ Киселев В. П. Об эволюции модели социализма // Вопросы философии. М., 1989. № 10. С. 31.
- ⁸¹ Гордон Л. А., Клопов Э. В. Что это было? М., 1989. С. 140, 144.
- ⁸² Барсуков Н. Март 1953-го // Правда. 1989. 27 октября. С. 3.
- ⁸³ Капустин М. К феноменологии власти. Психологические модели авторитаризма: Грозный — Сталин — Гитлер // Осмыслить культ Сталина. С. 486—487.
- ⁸⁴ Бордюгов Г., Козлов В. «Революция сверху» и трагедия «чрезвычайщины» // Литературная газета. М., 1988. 12. 10. С. 11.
- ⁸⁵ Виноват ли марксизм? // Аргументы и факты. 1990. № 2. С. 2—3.
- ⁸⁶ Афанасьев Ю. Перестройка и историческое знание // Иного не дано. М., 1988. С. 498.
- ⁸⁷ Советская культура. М., 1989. 20 мая. С. 4; Латинская Америка, 1990. № 1, с. 45.
- ⁸⁸ Гозман Л., Эткинд А. Культ власти. Структура тоталитарного сознания // Осмыслить культ Сталина. С. 338—339; и х же. Люди и власть: От тоталитаризма к демократии // В человеческом измерении. М., 1989. С. 378 и др.

⁸⁹ Волкогонов Д. А. Триумф тирана, трагедия народа // Суровая драма народа. Ученые и публицисты о природе сталинизма. М., 1989. С. 278; К и с е л е в В. Сколько моделей социализма было в СССР // Иного не дано. М., 1988. С. 363.

⁹⁰ К и в а А. Мертвая буква. Кому и чему служит государственная идеология // Известия. 1990. 16 апреля. С. 3.

⁹¹ Daniels R. V Is Russia Reformable? Change and Resistance from Stalin to Gorbachev. Boulder; London, 1988, p. 11.

ПОПЫТКИ ФОРМИРОВАНИЯ МНОГОПАРТИЙНОГО ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В 1917 ГОДУ В РОССИИ

По крайней мере до середины 1960-х гг. среди западных «экспертов по русскому вопросу» существовало общее согласие относительно того, что, хотя к моменту своего свержения в феврале 1917 г. царизм как система уже полностью обанкротился, причиной тому в большей степени были тяжелейшие испытания, выпавшие на долю России в первой мировой войне, а не внутренняя слабость самого режима. Не менее широко разделялось мнение о том, что после гибели старого режима представительное национальное Учредительное собрание смогло бы создать в России демократическую республику по западному образцу, если бы Ленин, во исполнение собственных хитроумных планов, каким-то образом не осуществил захват власти. В наши дни единодушные среди западных историков относительно полного банкротства монархии в феврале 1917 г. сильно, как и прежде¹ Тем не менее комплексные исследования, проведенные за последние двадцать пять лет, поставили, мягко говоря, под сомнение утверждение о способности царизма к самореформированию даже в условиях мира, а также о возможности создания в России 1917 г. либерального демократического правительства, не появившись тогда Ленин².

Очевидная неспособность Временного правительства остановить или хотя бы замедлить постоянно нарастающую революционную волну, захлестнувшую после Февральской революции всю Россию, привела в конце августа к неудавшейся попытке генерала Л. Г. Корнилова восстановить традиционный порядок с помощью военного переворота (поняв, что эта попытка провалилась, генерал А. М. Крымов, на чьи войска была возложена задача занять Петроград, как говорят, заявил, что «последняя карта для спасения родины бита, и жизнь более не имеет цены», и тут же застрелился³ Но в самом ли деле это означает, что в октябре — ноябре 1917 г. не существовало альтернативы созданию чисто большевистского режима, что с неумолимостью рока привело к длительной, беспощадной, невообразимо опустошительной гражданской войне, к утрате демократического характера большевистской партии (равно как и идей равенства, за которые она выступала в 1917 г.), а также к возникновению на мировой арене коммунистического ультраавторитаризма?

В течение многих лет, прошедших с того дня, когда я впервые занялся исследованием событий 1917 г., я задавал себе этот вопрос бесконечное число раз. Может быть, вставал он и перед другими историками, особенно в свете современной тенденции к передаче первичных правительственных функций в руки Советов и созданию многопартийной системы, когда в Советском Союзе утверждается демократическая социалистическая политическая система. Была ли реальная возможность учредить такую систему в 1917 г.? Если да, то кто несет ответственность за то, что эта возможность была упущена, и какое значение для настоящего могут иметь события революционного периода? Анализ данных проблем, в значительной степени основанный на моих собственных исследованиях революций 1917 г., и послужит главной темой предлагаемой вниманию читателей статьи.

Когда ученые на Западе размышляют о потенциальных возможностях многопартийного демократического социализма в России 1917 г., они, как правило, связывают эту идею с умеренными социалистами — меньшевиками и эсерами. Большевики же при этом ассоциируются с идеей диктатуры пролетариата, которую обычно приравнивают к высокоцентрализованной и авторитарной

Рабинович Александр, профессор университета штата Индиана (США).

советской однопартийной политической системе, сложившейся в России в первые годы после Октября. В этой концепции игнорируется тот факт, что на протяжении восьми месяцев между Февральской и Октябрьской революциями большинство лидеров меньшевиков и эсеров, исходя из идеологических, равно как и практических соображений, поддерживали Временное правительство, в котором доминировали либералы (фактически начиная с мая меньшевики и эсеры согласились занять в нем ряд министерских постов). С другой стороны, на протяжении всего 1917 г. большевики выступали не за создание большевистского режима (насколько я могу судить, за весь период между Февралем и Октябрем возможность установления однопартийного правления ни разу не обсуждалась всерьез и даже не проговаривалась большевиками), а скорее за переход политической власти от «буржуазного» Временного правительства к демократически избранным и имеющим демократическую структуру многопартийным Советам, отражающим чаяния народа. Именно это и означал для революционных масс Петрограда большевистский политический лозунг «Вся власть Советам!»

Действительно, в ходе Февральской революции Ленин призывал к скорейшему переходу к революции социалистической⁴. Однако вскоре после своего возвращения в Россию в начале апреля он отказался от этого лозунга⁵. Более того, весной и в начале лета 1917 г. он пытался, как потом оказалось безуспешно, развеять надежды своих особо нетерпеливых сторонников на незамедлительное свержение Временного правительства⁶. Главным и отнюдь не малозначительным следствием первоначального радикализма Ленина явилось прекращение многообещающих дискуссий, направленных на восстановление единства с меньшевиками⁷. Не менее существенным было и то, что Апрельская Всероссийская партийная конференция, во многом благодаря неустанным усилиям Ленина, приняла революционную, хотя и компромиссную политическую программу, осуждавшую Временное правительство и призывавшую к передаче власти Советам (именно тогда и был официально принят лозунг «Вся власть Советам!»). Важно также отметить, что в этой программе затухали фундаментальные различия в теории и практике, существовавшие между тремя четко различимыми группами. К первой из них относились Ленин (а позднее и Троцкий⁸) и те партийцы, которые видели в установлении революционной власти Советов в России не самоцель, а лишь ступень к незамедлительному осуществлению всемирной социалистической революции. Вторая влиятельная группа состояла из значительно более умеренных национальных партийных лидеров во главе с Л. Б. Каменевым, для которого переход власти к Советам был, в первую очередь, средством построения прочного союза групп одного политического направления, чьи задачи в лучшем случае свелись бы к формированию чисто социалистического коалиционного кабинета, временно исполняющего обязанности до созыва Учредительного собрания. Наконец существовала группа центристов, представленная лидерами, чьи взгляды на развитие революции были подвержены колебаниям в зависимости от текущей ситуации и от того, какой она им представлялась.

В контексте идущей сегодня дискуссии ключевой момент, однако, состоит в том, что политический курс, обозначенный на Апрельской конференции, сделал большевиков главными выразителями самых глубоких политических чаяний масс, борцами за «народную власть», осуществляемую избранными народом многопартийными Советами.

Разумеется, решение умеренных социалистов связать свою судьбу с либералами ни в коей мере нельзя считать бесповоротным. В период между Февралем и Октябрем относительный консерватизм либералов в условиях углубления революции на уровне масс оказывал все возрастающее давление на лидеров меньшевиков и эсеров, побуждая их порвать с «буржуазными» партиями и поддержать идею создания однородного социалистического, демократического советского правительства, которое приступило бы к проведению незамедлительных фундаментальных реформ и быстро покончило бы с войной. В результате некоторые центристские лидеры меньшевиков и эсеров стали проявлять непоследовательность в своей поддержке Временного правительства (например, меньшевики Ф. И. Дан и Б. О. Богданов). Но более важным оказалось значительное усиление влияния левых фракций меньшевистской и эсеровской партий (в первую очередь, меньшевики-интернационалисты и левые эсеры), выступавших против коалиции с либералами и поддерживавших передачу власти Советам, или, по меньшей мере, создание однородного многопартийного социалистического правительства. В Петрограде этот процесс развивался практически непрерывно. На мой взгляд, особо важны три ключевых момента при оценке возможностей создания многопартийной, демократической, социалистической, политической системы под эгидой Советов в России 1917 г. Эти моменты охватывают период проведения I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов и первое время после этого съезда, период провала

корниловского выступления и первое время после него с кульминацией, приходящейся на Демократическое совещание, и, наконец, период непосредственно до и после захвата власти большевиками в октябре.

С точки зрения нынешней дискуссии, первый из названных периодов особенно поучителен, поскольку тогда впервые стала очевидной огромная популярность большевистской программы среди народных масс, а также растущая пропасть между теми, кто выступал в поддержку сохранения коалиции с либералами и за политику «революционного оборончества»⁹, т. е. правым и центристским крылом меньшевиков и эсеров, с одной стороны, и теми, кто требовал положить конец коалиции с либералами и создать силами руководства Советов чисто социалистическое правительство, т. е. большевиками, левыми эсерами и меньшевиками — интернационалистами — с другой¹⁰. Среди конкретных вопросов, которые выявили эти расхождения, было в то время и отношение к большевикам в свете их неудачных попыток навязать свою власть Советам силой оружия 10 июня* и вновь в июльские дни (равно антагонизировавшей стороны проблемой стал вопрос о том, как реагировать на все растущую враждебность масс петроградского населения к Временному правительству, отразившуюся, в частности, в ходе демонстрации 18 июня).

На заседаниях Петросовета, состоявшихся 11 июня, когда уже было ясно, что запланированную на предыдущий день большевистскую демонстрацию удалось предотвратить, видный меньшевик И. Г. Церетели, поддержанный лидером правых эсеров Н. Д. Авксентьевым, обвинил большевиков в заговоре с целью захвата власти и потребовал их разоружения, а также разоружения воинских частей, поддерживавших большевиков. Церетели считал, что ограничиваться идеологической борьбой против большевиков и словесными запретами вооруженных демонстраций стало невозможно. По его мнению, необходимы практические меры для того, чтобы большевики не смогли с оружием в руках выступить против демократической системы¹¹. Но по этому вопросу против Церетели выступили не только Ю. О. Мартов, глава меньшевиков-интернационалистов, и С. Саакян от левых эсеров, но и Дан, меньшевик-центрист. В результате предложение Церетели было отвергнуто¹². Мартов заявил, что принятие подобной резолюции подрвет самые основы новой свободной демократической системы в России. Отметив, что на форуме много говорилось об авантюризме большевиков, он предостерег, что речь идет не о маленькой группе, а об огромных массах рабочих, стоящих за ней. И вместо того, чтобы попытаться вывести эти массы рабочих из-под большевистского влияния, предлагаются поспешные меры, которые лишь создадут пропасть между оппонентами большевиков и наиболее активной частью пролетариата. Мартов призвал воздержаться от применения силы, а рабочим заявить, что их недовольство вполне оправдано и что съезд ускорит проведение реформ по управлению и организации промышленности¹³.

Разногласия в лагере меньшевиков и эсеров, выявившиеся по вопросу об отношении к большевикам 11 июня, стали еще более острыми в результате Июльского восстания, вновь продемонстрировавшего недовольство народных масс политикой Временного правительства. На протяжении почти двух дней (3—5 июля) разместившиеся в Таврическом дворце Центральный Исполнительный Комитет Всероссийского Съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов и Исполнительный Комитет Всероссийского съезда крестьянских депутатов были в полном смысле слова заложниками тысяч ожесточенных и хорошо вооруженных рабочих, солдат и матросов, которые требовали от руководства Советов, находившегося под контролем умеренных социалистов, немедленно взять в свои руки всю власть. Порядок в столице удалось восстановить только после того, как слухи о связях большевиков с немцами, а также о том, что верные правительству части идут к Петрограду с Северного фронта, убедили прежде нейтральные части Петроградского гарнизона взять на себя выполнение полицейских функций¹⁴. Как только кризис потерял свою остроту, исполкомы поспешили принять резолюцию в поддержку существовавшего правительства и высказались за скорейший созыв пленума Исполнительного комитета для пересмотра вопроса об отношении к правительству¹⁵.

Тем временем успешно начавшееся русское наступление на Юго-Западном фронте было остановлено противником, что означало беспрецедентную катастрофу. На совместном заседании всероссийских исполнительных комитетов, состоявшемся в ночь на 9—10 июля, враждебность большинства в Советах по отношению к большевикам достигла своего апогея. Выступая от имени большинства, Дан, который воспрепятствовал принятию суровых мер против большевиков в июне, предложил незамедлительно провозгласить Временное правительство «правительством

* Здесь и далее даты приводятся по старому стилю.

спасения революции» с возложением на него чрезвычайных полномочий. Меньшевики-интернационалисты и левые эсеры решительно высказались против предложения Дана, сводившегося к выдаче карт-бланш правительству, программа которого и даже состав были в то время еще неизвестны¹⁶. Несколькими днями ранее, во время июльского кризиса, Мартов впервые высказался в пользу формирования чисто социалистического кабинета, «способного повести революцию вперед», тем самым еще более сблизившись с левыми эсерами и большевиками. (Интернационалисты-«независимцы», группировавшиеся вокруг горьковской газеты «Новая жизнь», сделали то же самое.) На заседании 9—10 июля Мартов выступил с заявлением, что программа Советов, направленная на спасение страны, не может быть осуществлена при наличии врагов слева. Но к нему никто не прислушался. Как и можно было ожидать, исполкомы поддержали предложение о расширении полномочий Временного правительства¹⁷, но в то же время усилилась и агитация меньшевиков-интернационалистов за создание многопартийного демократического социалистического правительства под эгидой Советов. Большевики настаивали на формировании правительства исключительно партиями и группами, представленными в последних, а некоторые левые эсеры и меньшевики-интернационалисты призывали к созданию правительства, которое бы представляло всю «революционную демократию». И отнюдь не случайно, что именно в это время на расширенном заседании большевистского Центрального Комитета было отвергнуто требование Ленина, скрывавшегося тогда в Разливе, свернуть деятельность партии в Советах и начать подготовку вооруженного восстания вне их рамок. Вместо этого большевистское руководство приняло решение пригласить интернационалистов (вероятно, меньшевиков-интернационалистов) и эсеров (левых эсеров) на предстоящий Всероссийский съезд партии¹⁸ с тем, чтобы изучить возможности для консолидации левых сил.

В действительности большевики, меньшевики-интернационалисты и левые эсеры уже продуктивно сотрудничали друг с другом на уровне таких низовых организаций, как районные Советы, а также в Межрайонном совещании районных Советов (общегородской орган, созданный в качестве противовеса Петроградскому Совету, где доминировали умеренные социалисты, и как оплот против контрреволюционеров. Этот сильный импульс к единению против контрреволюции нашел свое яркое проявление в резолюции, поддержанной всеми левыми социалистическими группами и принятой Нарвским районным Советом: «Принимая во внимание разложение в рядах революционной демократии всех партий и оттенков, мы <...> считаем такое явление недопустимым и вредным ввиду грозной опасности, угрожающей стране как извне, так и изнутри. Считаю далее, что все политические группировки и многочисленные оттенки исходят „сверху“ — оттенки, которые большинство в „низах“ даже не понимает и не знает и не может понять корня их <...> всех разногласий, мы <...> призываем откликнуться профессиональные союзы и т. д., словом, тех, кто участвует в общеполитической борьбе и кому дорога наша молодая свобода <...> и рекомендуем сплотиться всем вокруг Совета рабочих и солдатских депутатов, как высшего органа демократии. Предлагаем „верхам“ найти общий язык, дабы сплоченнее бороться с врагами революции»¹⁹.

«Корниловский период», с моей точки зрения, представляет особый интерес. Именно в это время возможность создания многопартийной демократической социалистической советской политической системы, включавшей в себя большинство социалистов России, была наиболее близка к своей реализации. Весь спектр социалистических партий и группировок включился в борьбу против Корнилова, и все они разделили лавры быстрой победы над ним. Это помогло в значительной степени рассеять ту взаимную враждебность, которая в прошлом разделяла социалистов. Даже Ленин, еще накануне выступления Корнилова всячески противившийся сотрудничеству большевиков с другими социалистическими группами во имя защиты революции²⁰, явно оказался под впечатлением возможностей, открывавшихся в результате быстрого триумфа левых сил в борьбе против Корнилова. В работах Ленина, написанных в первые две недели сентября, мы вновь встречаем одобрение им многопартийной Советской власти, пусть хотя бы и в виде первого шага на пути к социалистической революции. Немедленная передача всей власти Советам, писал Ленин 1 сентября, могла бы «обеспечить, с гигантской вероятностью мирное движение вперед всей российской революции и чрезвычайно большие шансы больших шагов вперед всемирного движения к миру и к победе социализма»²¹. «Взяв всю власть, — утверждал Ленин в статье, написанной предположительно 6 сентября, — Советы могли бы еще теперь — и, вероятно, это последний шанс их — обеспечить мирное развитие революции, мирные выборы народом

своих депутатов, мирную борьбу партий внутри Советов»²². 9 сентября Ленин пишет: «...исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками, исключительно немедленный переход всей власти к Советам сделал бы гражданскую войну в России невозможной. Ибо против такого союза, против Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов никакая буржуазией начатая гражданская война немыслима, этакая „война“ не дошла бы даже ни до одного сражения»²³. В поддержку своих рассуждений Ленин указывал на беспомощность буржуазии во время выступления Корнилова. На сей раз, утверждал он, союз большевиков, эсеров и меньшевиков «дал... полнейшую, с невиданной еще ни в одной революции легкостью достигнутую победу над контрреволюцией»²⁴.

Пересматривая после поражения Корнилова свое отношение к вопросу о правительстве, умеренные социалисты вновь столкнулись с ситуацией, напоминавшей июльские дни. Снова Временное правительство лежало в руинах²⁵, снова требования революционных политических преобразований, раздававшиеся из среды народных масс, достигли крешендо. В июле народные массы Петрограда вышли на улицы, чтобы добиться осуществления своих политических целей, в особенности передачи «всей власти Советам». Теперь же, упоенные первой радостью своего триумфа над Корниловым, низовые массовые организации, заводские рабочие, солдаты и матросы, участвовавшие в антикорниловском движении, высказывались относительно характера, состава и программы будущего правительства в потоках писем, резолюций и политических деклараций²⁶.

Политические резолюции, принимавшиеся в это время, не отражали идеи какой-то одной партии или организации. Они выдвигались и большевиками, и меньшевиками-интернационалистами или левыми эсерами, а также отдельными лицами или представителями «групп интересов» без какой-либо четкой политической ориентации. Эти заявления весьма отличались друг от друга по содержанию. Одни призывали к созданию правительства, представляющего интересы рабочих, солдат и крестьян; другие, и их, возможно, было большинство, ратовали за передачу власти Советам или, по меньшей мере, за формирование революционного правительства, ответственного перед Советом (часто подобные требования сопровождалось призывом к проведению еще одного съезда Советов). Тем не менее общим практически для всех этих резолюций было неприятие дальнейшего сотрудничества в какой бы то ни было форме с имущими классами общества и стремление к немедленному созданию чистосоциалистического правительства, которое положило бы в кратчайший срок конец войне. Совершенно очевидно, что не только для Ленина, но и для десятков тысяч простых людей быстрый разгром Корнилова стал подтверждением гигантских возможностей социалистических группировок, когда эти силы действуют в условиях единства. Подобные заявления известны исследователям в весьма больших количествах, что хорошо отражает общую картину ситуации; их можно найти и в прессе тех лет, и в сборниках опубликованных документов. Убедительно подтверждаемые другими видами источников, они позволяют сделать вывод, что среди рабочих и солдат Петрограда, а также матросов Балтики, которые хоть в какой-то мере участвовали в политической деятельности, такие настроения были распространены повсеместно.

После корниловского выступления умеренные социалисты оказались под таким давлением, что даже начали пересматривать свое отношение к вопросу о государственной власти. Нажим этот вел к тому, что в их рядах усиливалась тенденция к разрыву с либералами и к образованию чистосоциалистического кабинета. Это стало очевидным в ходе острых дискуссий, начавшихся 31 августа в Петроградском Совете и всероссийских исполнительных комитетах относительно внесенной большевиками резолюции «О власти», написанной Каменевым и поддержанной всем большевистским руководством. Резолюция призывала к исключению из состава правительства кадетов и всех представителей имущих классов; в ней утверждалось, что единственный выход, оставшийся для демократии, состоял в создании правительства из «представителей революционного пролетариата и крестьянства», первым шагом которого будет провозглашение «демократической республики». (Важно иметь в виду, что, хотя эту резолюцию и истолковывали повсеместно как призыв к передаче власти Советам, сам Каменев на этом не настаивал, по-видимому, не исключая возможности создания социалистического кабинета, который включил бы представителей таких «демократических» институтов, как профсоюзы, земства, городские думы и кооперативы, номинально не входившие в Совет²⁷.) 1 сентября Петроградский Совет принял резолюцию, предложенную Каменевым²⁸. В итоге этот шаг потребовал реорганизации всего руководства Петроградского Совета, что впоследствии оказало колоссальное влияние на ход развития революции. До поры до времени, однако, позиция всероссийских исполнительных комитетов оставалась фактором гораздо более

важным, что и было естественным, поскольку власть Петроградского Совета ограничивалась пределами столицы. И именно в исполкомах движение за разрыв коалиции с либералами и за создание чистосоциалистического правительства оказалось заторможенным. После бурных дебатов, растянувшихся на три дня, исполнительные комитеты отвергли резолюцию Каменева, а также предложение Мартова, призывавшие к созданию чисто социалистического министерства, ответственного перед «демократическим парламентом» (который, по идее, должен был представлять всю «революционную демократию»). Вместо этого исполнительные комитеты приняли совместную эсеро-меньшевистскую резолюцию, где говорилось о скорейшем созыве Всероссийской конференции всех демократических организаций и демократических органов местного самоуправления. Целью этой конференции провозглашалось формирование сильного революционного правительства, способного осуществить программы революционной демократии и руководить страной вплоть до созыва Учредительного собрания; пока же конференция (т. н. Демократическое совещание) еще не приступила к работе, авторы резолюции призывали продолжать оказывать поддержку существующему правительству²⁹.

* * *

Демократическое совещание, проходившее в Петрограде с 14 по 22 сентября, обычно характеризовалось советскими историками как уловка со стороны умеренных социалистов, призванная усилить поддержку Временного правительства (вероятно, потому, что ко времени проведения конференции Ленин уже считал невозможным мирный переход власти к Советам и выступил с призывом к немедленному вооруженному восстанию). Более того, неоспоримым остается тот факт, что из практических соображений конференция способствовала созданию очередного коалиционного правительства, составленного из либералов и умеренных социалистов и возглавлявшегося Керенским. Тем не менее подобный результат был отнюдь не предопределен с самого начала. На протяжении двух недель между объявлением о предстоящем созыве конференции и ее началом в среде меньшевиков и эсеров продолжала крепнуть идея о создании однородного социалистического правительства. На заседании меньшевистского ЦК, состоявшемся 5 сентября, мнения участников, например, разделились почти поровну между сторонниками и противниками продолжения сотрудничества с либералами; видные «оборонцы» (например, Б. О. Богданов) примкнули теперь к меньшевикам-интернационалистам, ратовавшим за создание чисто демократического режима. Даже «непримиримые» глашатаи коалиции (Церетели), по-видимому, сочли для себя необязательным следовать решению конференции, каким бы оно ни было. Тем временем в рамках эсеровского движения левые эсеры, также серьезно укрепившие свои позиции, начали с большей решимостью проводить свою собственную политическую линию. На второй неделе сентября они установили свой контроль над эсеровской организацией Петрограда; одновременно левые эсеры развернули кампанию за созыв Всероссийского съезда Советов с целью создания однородного социалистического правительства, ответственного перед демократией³⁰.

Среди примерно 1200 делегатов Демократического совещания, съехавшихся в Петроград со всей России, существовал серьезнейший раскол по вопросу о власти, и представляется бесспорным, что некоторые из тех, кто голосовал вместе с большинством, проявляли известные колебания (что было, например, весьма характерно для Дана³¹). Противники какой бы то ни было коалиции с либералами составляли большинство делегаций как большевиков, так и меньшевиков, а также среди делегатов от Советов³². В итоге дебаты и на пленарных заседаниях конференции, и на заседаниях ее Президиума были неизменно бурными и ожесточенными. Конечный результат оставался неясным вплоть до последнего дня, и решающими оказались голоса относительно консервативных делегатов, представлявших, как правило, не Советы, а другие демократические институты. В этом смысле историческое значение Демократического совещания состоит, может быть, не столько в его непосредственных результатах, а в том, каким образом оно отразило продолжавшую развиваться в среде умеренно социалистического руководства Советов тенденцию к поддержке создания многопартийного однородного социалистического правительства; важным было и то, что деятельность Демократического совещания заставила всех по-новому взглянуть на роль Советов в качестве арбитра государственной политики. 21 сентября, когда Демократическое совещание санкционировало начало переговоров с Керенским по вопросу о составе нового правительства, большевики присоединились к левым эсерам, призвавшим к созыву еще одного съезда Советов. Эта основная линия на создание однородного социалистического правительства съездом Советов

будет определять политическую линию большевиков, равно как левых эсеров и меньшевиков-интернационалистов, всю оставшуюся часть сентября и первые полторы недели октября.

* * *

Таким образом, мы подошли к периоду, непосредственно предшествовавшему захвату власти большевиками и сразу после него. Я уверен, что читатели обратили внимание на то, что до сих пор о Ленине мною было сказано относительно немного. Теперь я хочу восполнить этот пробел, потому что на кульминационной стадии революции 1917 г. роль Ленина оказалась решающей в судьбе попыток сформировать многопартийное демократическое социалистическое правительство.

Вспомним, что в первые дни после поражения Корнилова, когда объединенные силы большевиков, меньшевиков и эсеров казались всепобеждающими, Ленин отказался от курса на вооруженное восстание без участия в нем Советов, на чем он настаивал в июле, и допустил возможность того, что революция все еще может развиваться мирным путем, если умеренное социалистическое руководство Советов безотлагательно возьмет власть в свои руки. Помня о том, как развивались события дальше, вопрос о том, насколько искренне готов был Ленин проводить ненасильственную политику, следует оставить открытым (в отличие от большинства большевиков, не говоря уж о меньшевиках-интернационалистах и левых эсерах, Ленин даже в начале сентября уделял значительно больше внимания продолжению борьбы за власть внутри Советов, нежели целенаправленному сотрудничеству между партиями, в них входившими).

Так или иначе ленинская «умеренность» продолжалась менее двух недель. По всей видимости, существовало несколько взаимосвязанных причин, по которым в середине сентября Ленин снова стал апеллировать к революционному насилию. С одной стороны, такие факторы, как укрепление позиций крайне левых в Финляндии (где все еще скрывался Ленин), поддержка большевистской программы большинством в Петроградском и Московском Советах и в ряде других региональных Советов, резкое расширение волнений среди требовавшего земли крестьянства, продолжавшийся распад армии на фронтах и все усиливавшиеся в солдатской массе требования немедленного заключения мира и признаки революционного брожения на германском флоте, очевидно, укрепили надежды Ленина на то, что захват власти большевиками получит сильную поддержку в городах, тогда как в провинции и на фронте сопротивление ему уже не будет столь ожесточенным, и что создание подлинно революционного правительства в России послужит толчком для массовых восстаний в других европейских странах. Более того, выглядит вполне правдоподобным, что как только Ленин почувствовал возможность осуществления быстрой одноэтапной революции и создания крайне левого правительства, его интерес к «компромиссу» с умеренными социалистическими партиями несколько остыл.

С другой стороны, в известной мере противореча сам себе, Ленин, по-видимому, всерьез обеспокоился, что правительство каким-то образом все еще в состоянии снизить революционный накал, заключив сепаратный мир, сдав Петроград немцам, победив на выборах в Учредительное собрание или спровоцировав стихийное восстание. Его, наверное, также тревожило и то, что если партия будет слишком медлить, то она начнет терять влияние среди масс и не сможет остановить сползание России в полную анархию. По всем этим причинам, а, может быть, и по ряду других 12 и 14 сентября (как раз когда Демократическое совещание начало свою деятельность) Ленин пишет два очень резких письма в Центральный Комитет, требуя отзыва делегатов с Демократического совещания и немедленной организации вооруженного восстания, по его словам, «не теряя ни минуты»³³.

Для большевистских лидеров в Петрограде эти письма были как гром среди ясного неба. Следуя, в частности, и умеренным заявлениям самого Ленина, сделанным им ранее, они работали в тесном контакте с меньшевиками-интернационалистами и левыми эсерами, пытаясь убедить большинство Демократического совещания взять на себя задачу по формированию однородного социалистического правительства. «Мы все ахнули», — вспоминал позднее Бухарин³⁴. Центральный Комитет собрался на чрезвычайное заседание вечером 15 сентября, спустя несколько часов после того, как ленинские письма были получены в Петрограде. Среди участников этого заседания присутствовали не только члены высшего руководства партии, обычно находившиеся в Петрограде, но и несколько членов ЦК, приехавших в столицу на Демократическое совещание. Как показывает протокол заседания, страстные увещания Ленина встретили весьма холодный отклик; создается впечатление, что ЦК в итоге был более всего озабочен тем, чтобы суть ленинских посла-

ний не получила огласки. Поэтому было решено сохранить лишь по одной копии каждого письма, а все другие уничтожить³⁵ Более того, в течение всего конца сентября воинственные статьи Ленина, предназначавшиеся для большевистской печати, систематически блокировались, а в прессе публиковались его ранние, более умеренные обращения, чем создавалась иллюзия, что они по-прежнему отражают его воззрения.

Нет нужды говорить, что Ленин был разъярен. Поскольку большевистское руководство в Петрограде в согласии с другими левыми группировками проводило четкую политику, направленную на создание однородного социалистического правительства Всероссийским съездом Советов, который должен был открыться 20 октября, Ленин пришел к убеждению, что партия теряет последние золотые возможности захватить власть. Из Финляндии, а с начала сентября из своего убежища в северо-западных пригородах Петрограда Ленин направляет в столицу целый ряд статей, бичующих его товарищей по партии. Эта критика перемежалась с еще более настойчивыми требованиями безотлагательного свержения Временного правительства.

С наиболее жесткой критикой Ленин выступил 29 сентября, когда он вернулся в Петроград, еще до того, как ему было разрешено присутствовать на заседаниях ЦК. В своем заявлении он характеризует политику «ожидания» съезда Советов как «идиотизм» и сообщает о том, что подаст прошение о выходе из ЦК для того, чтобы, по его словам, оставить за собой свободу агитации в низах партии и на ее следующем съезде³⁶ Нет никаких свидетельств тому, что эта отставка когда-нибудь рассматривалась всерьез, и Ленин, разумеется, имел возможность лично отстаивать свой призыв к незамедлительному вооруженному восстанию на заседании ЦК, которое состоялось 10 октября, менее чем через полторы недели после сделанного им заявления.

Без сомнения, завидная способность Ленина убеждать никогда не подвергалась более суровому испытанию, чем на историческом заседании большевистского ЦК, состоявшемся 10 октября. Из 21 члена ЦК на заседании присутствовали 12³⁷ На повестке дня стоял вопрос о полном пересмотре стратегии, направленной на мирный переход власти к многопартийным Советам, стратегии, которая со времени Апрельской конференции принесла партии небывалые влияние и авторитет среди революционных масс. Опубликованный протокол этого заседания малоинформативен и, к сожалению, не содержит записи выступлений оппонентов Ленина. Из других источников мы знаем, что сторонники и противники немедленного вооруженного выступления против Временного правительства отстаивали свои точки зрения страстно и многословно. Мы также знаем, что, в конце концов, 10 из 12 членов ЦК склонились перед доводами Ленина и согласились начать немедленную подготовку к захвату власти, поставив его «на очередь дня»³⁸

Тут было бы уместным спросить, почему потребовалось столько времени для того, чтобы партийное руководство вяло увещеваниям Ленина, и почему, в самом деле, ленинские директивы по незамедлительной организации вооруженного восстания не были реализованы даже после того, как 10 октября ЦК принял свое решение? В книге «Большевики приходят к власти» я подробно останавливаюсь на этом вопросе и прихожу к выводу, что целый ряд различных факторов сыграл здесь свою роль.

Прежде всего против осуществления прямых антиправительственных действий исключительно собственными силами в период до съезда Советов существовала активнейшая оппозиция в лице правых большевиков, таких, как Л. Б. Каменев и Г. Е. Зиновьев (присутствовавших на заседании 10 октября), а также видных московских большевиков А. И. Рыкова и В. П. Ногина (которых на нем не было). В марте 1917 г. эти лидеры с известными оговорками выступали в поддержку Временного правительства. Впоследствии, хотя и продолжая оспаривать мнение Ленина о том, что в России быстро созревают условия для скорейшего осуществления социалистической революции, они сделались убежденными сторонниками идеи формирования руководством Советов однородного, демократического, многопартийного социалистического правительства, которое находилось бы у власти вплоть до созыва Учредительного собрания. Выступая против поспешных действий со стороны большевиков, они сохраняли уверенность в том, что Учредительное собрание подпадет под сильное влияние революционных социалистических группировок и сможет построить демократическую политическую систему, ориентированную на Советы. Благодаря тому, что их взгляды совпадали с точками зрения, разделявшимися в других левых социалистических группировках, правые большевики, такие как Каменев, считались одними из наиболее авторитетных партийных лидеров 1917 г. Доводы, приводившиеся правыми большевиками против организации вооруженного восстания в конце сентября и в октябре, традиционно отменялись советскими историками как полностью не обоснованные. Тем не менее сегодня, во времена гласности, мы, возможно,

приходим к мысли о том, что значительная часть их рассуждений о потенциальных опасностях единоличного захвата власти большевиками в отсталой России и о том, что полагаться следовало бы на решающие социалистические революции за рубежом, которые ожидалась тогда в скором времени, была, если судить о них в ретроспективе, весьма мудрой.

Как бы то ни было, среди большевистских лидеров Петрограда как на всероссийском, так и на местном уровне взгляды Каменева в 1917 г. нашли относительно мало сторонников. Для объяснения прохладного отношения к призывам Ленина тех, кто был с ними знаком, гораздо существеннее представляется сопротивление ему таких вождей партии, как Троцкий, для которого идея скорейшей социалистической революции в России сохраняла свою притягательность, но скепсис вызывала возможность успешной мобилизации рабочих и солдат для нанесения «решительного штыкового удара», за который ратовал Ленин. Отчасти из-за того, что их контакты с рабочими и солдатами не прерывались, эти лидеры на местах более реалистично, чем Ленин, оценивали пределы возможностей партии в том, что касалось ее авторитета и влияния на массы, и знали, насколько последние были преданы Советам как законным демократическим органам, в которых все подлинно революционные группировки должны были бы сотрудничать во имя осуществления революции. Важно также подчеркнуть, что многие из этих лидеров (хотя и не Троцкий), равно как и их коллеги по всей стране, были искренне привержены этому идеалу и не хотели разрушать предпосылки для его претворения в жизнь. И наконец, пережив на собственном опыте борьбу с Корниловым, они в меньшей степени, чем Ленин, опасались того, что Керенский сможет справиться с левыми силами.

Тем не менее, несмотря на все эти соображения, упомянутые лидеры, действуя в соответствии с решением ЦК, принятым 10 октября, совершенно искренне принялись изучать возможности организации народного восстания. Но по прошествии нескольких дней многие из них оказались вынужденными прийти к выводу, что в данный момент партия была не подготовлена для того, чтобы немедленно начать массовое восстание и что в любом случае большинство рабочих и солдат, по всей видимости, не откликнется на призыв партии к выступлению, пока не соберется съезд Советов (дата открытия которого была перенесена с 20 на 25 октября)⁹⁹. Более того, им пришлось признать, что, узурпируя prerogatives Всероссийского съезда Советов, они подорвут шансы на сотрудничество с такими потенциально незаменимыми союзниками, как левые эсеры и меньшевики-интернационалисты, а также рискуют потерять поддержку таких массовых организаций, как профсоюзы, фабричные цеховые комитеты и даже Петроградский Совет.

В свете всех этих препятствий, вставших на пути незамедлительной организации вооруженного восстания, постепенно выработался следующий подход:

- 1) сами Советы (из-за их популярности среди рабочих и крестьян), а не органы партии должны осуществить свержение Временного правительства;
- 2) для того, чтобы получить максимально широкую поддержку, любое выступление против правительства необходимо будет представить как оборонительное мероприятие по защите Советов;
- 3) такое выступление следует откладывать до тех пор, пока не представится удовлетворительный предлог для него;
- 4) чтобы ослабить потенциальное сопротивление и максимально повысить шансы на успех, нужно использовать любую возможность для подрыва позиций Временного правительства мирными средствами;
- 5) формальное свержение существующего правительства необходимо будет связать с решениями II Съезда Советов, что придаст этому акту законный характер.

Разумеется, реализация такого более тонкого подхода была связана с опасностью того, что Временное правительство не удастся свергнуть до открытия съезда Советов. Однако среди высшего большевистского руководства в Петрограде, кажется, один лишь Ленин был несколько озабочен подобной возможностью. Введенный из себя тем, что он считал поведением, граничившим с преступлением, Ленин бомбардирует большевистских лидеров непрерывными требованиями начать немедленное вооруженное выступление против Временного правительства — и все безрезультатно. Но, разумеется, 24—25 октября, когда Военно-революционный комитет решает ответить на угрожающий удар Керенского против большевиков и отреагировать на личное вмешательство Ленина в Смольном, захватив ключевые объекты в Петрограде и атаковав Зимний дворец, опасения Ленина, что в момент открытия съезда Временное правительство все еще будет функционировать, наконец, потеряли свою основу.

Некоторые западные историки утверждали в этой связи, что главная цель настоятельных при-

звон Ленина свергнуть Временное правительство с помощью оружия до открытия съезда Советов состояла в том, чтобы лишить съезд какой бы то ни было возможности сформировать социалистическое коалиционное правительство, в котором умеренные социалисты имели бы значительное влияние, и где руки Ленина могли оказаться связанными. Если Ленин думал именно так, то стратегия его увенчалась блестящим успехом. Накануне открытия съезда и до начала военной операции, завершившейся обстрелом Зимнего дворца и арестом Временного правительства, казалось почти бесспорным, что попытки сформировать многопартийное демократическое социалистическое правительство, которое своей программой сделало бы заключение мира и проведению реформ, могут быть, по меньшей степени, плодотворными. В последние дни и часы перед открытием съезда Советов левые эсеры и меньшевики-интернационалисты делали все возможное для консолидации своих рядов, готовясь к решительной борьбе на съезде по вопросу о правительстве. Большевики действовали в том же духе, хотя, как мы уже видели, начиная с 10 октября они под интенсивным давлением со стороны Ленина стали предпринимать шаги, имевшие целью поставить съезд перед свершившимся фактом. Изоляцию, в которой оказалось Временное правительство, поставленное в такие условия, хорошо иллюстрирует событие, происшедшее в Предпарламенте вечером 24 октября. После страстного и местами почти истеричного призыва Керенского поддержать его репрессивную акцию против большевиков, большинство делегатов высказались за резолюцию, требовавшую, помимо прочего, чтобы Временное правительство либо немедленно провозгласило свою готовность к осуществлению радикальной программы «земли и мира», либо ушло со сцены⁴⁰. Вместе с левыми эсерами и меньшевиками-интернационалистами за эту резолюцию, являющуюся фактически вотумом недоверия Керенскому, голосовали и такие умеренные социалисты, как Ф. И. Дан и А. Р. Гоц.

Данные о будущем составе съезда также звучали утешительно, не вызвала сомнения и позиция прибывающих делегатов по вопросу о власти. Согласно предварительному докладу мандатной комиссии, 300 из 670 делегатов, приехавших в Петроград на съезд, были большевиками, 193 — эсерами (из которых более половины были левыми эсерами), 68 — меньшевиками, 14 — меньшевиками-интернационалистами, а остальные или принадлежали к менее крупным политическим группировкам, или вообще не состояли ни в какой официальной организации⁴¹. Подавляющее большинство делегатов (примерно 505 человек) безоговорочно поддерживало идею передачи «всей власти Советам», т. е. выступало за создание правительства Советов, которое отражало бы расстановку политических сил на съезде. 86 делегатов в принципе были готовы голосовать за лозунг «Вся власть демократии!», что означало создание однородного демократического правительства, включающего представителей крестьянских Советов, дум, профсоюзов, кооперативов и т. д. Всего лишь 21 делегат собирался оказать поддержку коалиционному демократическому правительству, в которое бы вошли отдельные представители имущих классов, но не кадеты. 55 делегатов стояли на позиции выдвинувших их избирателей, по-прежнему выступавших в поддержку старой политики Советов, т. е. за коалицию с кадетами⁴².

Значительное усиление левых фракций внутри меньшевистской и эсеровской партий стало очевидным уже в ходе предсъездовских собраний делегатов. Так, на собрании меньшевистской фракции делегатов съезда, проходившем утром 25 октября, большинство делегатов согласилось выступить с призывом к полной реорганизации кабинета, причем особо подчеркивалось, что новое правительство должно будет стать «однородным» и «демократическим»⁴³. На фракционном совещании эсеров, имевшем место примерно в то же время, выяснилось, что левые эсеры представляли значительное большинство фракции. Резолюция, предложенная эсеровским ЦК, была отвергнута 92 голосами против 60, после чего большинство делегатов приняло решение установить контакт с меньшевиками-интернационалистами, очевидно, с целью координации усилий по созданию на съезде многопартийного демократического социалистического правительства⁴⁴. Показательно, что, одержав эту победу, некоторые лидеры левых эсеров не тяряли надежды на то, что на съезде вся эсеровская фракция выступит единым фронтом за программу левых⁴⁵.

Этот дух примирения следует всегда иметь в виду, поскольку иначе будет трудно осознать полностью историческое решение, принятое большевиками по настоянию Ленина ранним утром 25 октября, — немедленно покончить с Временным правительством (хотя довод о том, что Временное правительство может воспрепятствовать проведению съезда, утратил к тому времени какую бы то ни было связь с реальностью). В результате этого решения начало заседаний съезда вечером 25 октября ознаменовалось грохотом артиллерийского орудия, сделавшего выстрел по Зимнему дворцу. Последствия канонады оказались куда более разрушительными для шансов на

сформирование демократического социалистического правительства на широкой основе, чем для самого дворца. Взяв слово для срочного заявления, Мартов, бывший во многих отношениях воплощенной совестью левых сил, потребовал, чтобы съезд своим самым первым шагом сделал попытку найти мирное решение существующему политическому кризису; по его мнению, единственный выход из создавшегося чрезвычайного положения заключался прежде всего в прекращении огня, а затем в начале переговоров с целью создания единого демократического правительства, приемлемого для всей демократии. Мстиславский от левых эсеров и Луначарский от большевиков поддержали предложение Мартова; Каменев, председатель президиума съезда, поставил этот вопрос на голосование, и под гром аплодисментов предложение Мартова было принято единогласно⁴⁶.

Но на этом единодушие делегатов II Всероссийского съезда Советов и кончилось. Как только съезд одобрил идею создания путем переговоров демократического коалиционного правительства, целый ряд ораторов, представлявших ранее доминировавший блок умеренных социалистов, выступил с обвинениями в адрес большевиков. Более того, вслед за этими осуждениями меньшевики и эсеры объявили о своем намерении уйти со съезда. Страсти накалились до предела. В ответ на открыто провозглашенное большевиками восстание меньшевики и эсеры склонились вправо, и пропасть между ними и левыми вдруг снова стала зияющей. В конце концов, со съезда ушли не только правые и центристы из фракций меньшевиков и эсеров, но и Мартов.

Хотя попытки создать многопартийное Советское правительство и закончились жестокой неудачей на II съезде Советов, они не прекратились. Уход умеренных социалистов и меньшевиков-интернационалистов, а также временное нежелание левых эсеров занять министерские посты означали, что на первом этапе временное революционное правительство, сформированное на II съезде будет волей-неволей составлено из одних большевиков. Тем не менее, когда делегаты съезда (в том числе и большевики) утром 27 октября стали расходиться из Смольного, они полагали, что все революционные группировки в скором времени объединятся вокруг правительства, которое они создали, и что правительство это будет реконструировано согласно модели, отраженной в большевистской дооктябрьской платформе, т. е. станет многопартийным правительством, составленным в соответствии с первоначальной расстановкой сил на съезде. Они также полагали, что Совет Народных Комиссаров будет ответственным перед выборным и представительным Центральным исполнительным комитетом, расширенным путем включения в него представителей группировок, которые ушли со съезда, как то было записано в решении самого съезда⁴⁷.

Первоначальная оппозиция однопартийному правительству, сформированному на II Всероссийском съезде Советов, объединилась вокруг так называемого Комитета спасения Родины и революции, созданного Петроградской городской думой 26 октября. В руководство комитетом входили представители городской думы, прежнего Центрального исполнительного комитета, а также умеренные социалисты, ушедшие со II съезда Советов. Наиболее важную роль в деятельности Комитета спасения играли правые эсеры, поддержанные Военной комиссией партии эсеров. Помимо всего прочего, Комитет спасения поощрял проведение сидячих забастовок гражданскими служащими и приступил к организации военного мятежа в Петрограде, что должно было совпасть по времени со штурмом города казачьими частями, которые внешне сохраняли верность Керенскому. Командовал ими генерал П. Н. Краснов.

Тем временем более холодные головы стремились стать посредниками между двумя сторонами. Видное место среди этих посредников занимали меньшевики-интернационалисты и левые эсеры, причем последние представляли собой для большевиков особую ценность в качестве союзников из-за той популярности, которой они пользовались в деревне. Среди сонма рабочих организаций, пытавшихся играть ту же роль, был и Всероссийский исполнительный комитет железнодорожного профсоюза (Викжель) с его председателем левым эсером А. Л. Малицким. Викжель пригрозил начать всеобщую забастовку на железных дорогах, назначив ее на полночь 29 октября, в случае отказа большевиков принять участие в переговорах по созданию однородного социалистического правительства, ответственного перед Советом и включающего в себя представителей всех социалистических группировок⁴⁸.

Столкнувшись с таким нажимом, большевистский ЦК согласился на участие в переговорах под эгидой Викжеля, проявив при этом минимум негативизма (чему, очевидно, способствовал тот факт, что Ленин и Троцкий были поглощены тогда решением военных задач, а остальные члены ЦК в основном сочувственно относились к программе Викжеля). Единодушно высказавшись в пользу расширения состава правительства, ЦК на своем заседании 29 октября особо оговорил, что новое правительство должно будет выполнить декреты о мире и о земле, принятые II съездом Со-

тов, и что, хотя партия и не согласится пойти навстречу требованиям оппозиции о невключении Ленина и Троцкого в состав нового кабинета, некоторые взаимные уступки относительно отдельных кандидатур на места в правительстве, вполне допустимы. И наконец, в интересах укрепления авторитета нового правительства и повышения шансов на его выживание, ЦК, следуя решениям II съезда Советов, также согласился с тем, что состав Центрального исполнительного комитета следует расширить за счет включения в него представителей умеренных социалистических партий, ушедших со съезда, а также таких стратегически важных рабочих организаций, как профсоюзы железнодорожников, почтовых служащих и телеграфистов⁴⁹ (в это время новый ЦИК, председателем которого был Каменев, состоял из 62 большевиков, 29 левых эсеров, 6 меньшевиков-интернационалистов и 4 представителей мелких левых группировок⁵⁰). Значение, придававшееся ЦК переговорам с Викжелем, хорошо отражает тот факт, что представлять большевиков на них было поручено Каменеву, более всех других в партии преданного идее компромисса, а также Г. Я. Сокольникову.

Ирония судьбы — в то самое время, когда заинтересованность в подлинном компромиссе у большевиков была наиболее сильна, совсем обратные чувства питали умеренных социалистов. В первые дни после захвата власти, большевиками правое крыло и центр меньшевиков и эсеров были убеждены, что часы большевистского правления сочтены и что подлинно «демократические» силы вскоре смогут снова взять курс на созыв Учредительного собрания. В начале ноября, после столь неожиданных неудач, как подавление военного мятежа, организованного Всероссийским комитетом спасения Родины и Революции, а также поражение, понесенного генералом Красновым, и консолидации большевистской власти в Москве, умеренные социалисты сделались несколько более сговорчивыми в том, что касалось компромиссов. Однако к этому времени Ленин и Троцкий вновь появились на заседаниях ЦК и стали участвовать в ведущих там рассуждениях. Почерпнув силу в первых победах и в стойком нежелании на местах сколько-нибудь «разбавить» Советскую власть, они смогли сделать свои аргументы неотразимыми для других.

Превратности судьбы, с которыми столкнулись переговоры Викжеля, хорошо отражают эти реалии. Так, например, накануне начала переговоров, созданных Викжелем, ЦК меньшевиков принял резолюцию, запрещающую какое бы то ни было соглашение с большевиками относительно нового правительства «впредь до полной ликвидации большевистской авантюры»⁵¹ (т. е. Октябрьской революции). Более того, на первых сессиях этих переговоров лидеры меньшевиков и эсеров требовали, помимо всего прочего, немедленного отстранения от власти ленинского правительства и замены его чисто «демократическим» коалиционным кабинетом, в который большевики не входили бы, а также принятия принципа, согласно коему все, что было сделано II съездом Советов (и даже сам факт его созыва), объявлялось лишенным какой-либо законной силы. Обобщая, можно сказать, что они добивались отречения от Октябрьской революции целиком и полностью⁵². Большевистские представители на этих встречах, со своей стороны, с жаром поддерживали создание правительства на расширенной основе в соответствии с курсом, выработанным ЦК на заседании 29 октября. Как справедливо указывали советские историки, в пылу дебатов Каменев и родственные ему по духу большевики стали выходить за рамки мандата, выданного им Центральным Комитетом, намекая на то, что особенно противоречивые кандидаты на занятие министерских постов — Ленин и Троцкий — были фигурами, которыми можно было бы и пожертвовать, и даже что требование обеспечить за большевиками большинство в новом правительстве не являлось абсолютным. Кроме того, думается, что представители большевиков на переговорах «спустили на тормозах» требование о том, чтобы новое правительство было ответственно исключительно перед ЦИК и чтобы оно признало правомочность декретов II съезда Советов⁵³.

После подавления военного мятежа в Петрограде и поражения Краснова позиция умеренных социалистов по вопросу о полном исключении большевиков из состава будущего правительства смягчилась, и теперь, когда до заключения соглашения было уже близко, члены большевистской делегации на переговорах пошли еще дальше по пути компромиссу. Умеренные социалисты настаивали на создании абсолютно нового представительного органа под названием «Временный народный совет», перед которым было бы ответственно новое правительство (очевидно, предполагалось нечто вроде Предпарламента, составленного так, чтобы ввести в него ряд либералов и исключить возможность появления большевистского большинства в этом органе). Имеющиеся свидетельства позволяют предположить, что Каменев и Сокольников в частном порядке согласились на создание какого-то нового института такого рода, и что они участвовали в официаль-

ных дискуссиях по вопросу о личном составе членов нового правительства. Эти переговоры, состоявшиеся в ночь с 31 октября на 1 ноября, результатом своим имели исключение Ленина и Троцкого из числа возможных кандидатов на министерские посты; представительство же большевиков в новом кабинете, очень похоже, было решено ограничить несколькими не особенно ключевыми постами⁵⁴

Едва ли стоит удивляться тому, что гнев Ленина, как только обо всем этом стало известно, перешел все мыслимые границы. Полтора месяца он всячески убеждал своих приверженцев в необходимости захвата власти, считая, что революционный режим в России послужит тем запалом, от которого в более развитых странах Европы вспыхнут решающие социалистические революции. Последние 72 часа он и Троцкий неустанно трудились над тем, чтобы выправить казавшееся безнадежным положение своего правительства, руководя военными операциями по его спасению. Поток резолюций, присылаемых заводами, рабочими организациями, частями столичного гарнизона, говорил о том, что на волне этих первых триумфов над контрреволюцией (как уже тогда стало принято называть любые попытки заменить безраздельную власть Советов чем-либо иным) поддержка Советской власти среди рабочих, солдат и матросов Петрограда усилилась как никогда ранее, равно как и их враждебность ко всему, что хотя бы отдаленно напоминало сотрудничество с буржуазией. Если быть точным, преобладающее настроение масс, как и в дооктябрьский период, нельзя было назвать специфически **пробольшевистским**, если подразумевать под этим понятием поддержку или хотя бы предпочтение однопартийной власти большевиков. Однако практические последствия поддержки народом Советской власти теперь решительным образом изменились. В условиях, когда правое крыло и центр эсеровской и меньшевистской партии уже не были представлены в Советах (а эсеры возглавили вооруженное сопротивление Советской власти), когда левые эсеры временно отказывались войти в ленинское правительство и когда, наконец, большевики осуществляли контроль над ЦИК, выступления в защиту Советской власти были, по крайней мере на какое-то время, равнозначны поддержке большевистского режима.

И не удивительно, что расширенное заседание ЦК, состоявшееся 1 ноября, первое, на котором со времени свержения Временного правительства присутствовали Ленин и Троцкий, оказалось одним из самых бурных за весь революционный период⁵⁵. На этом заседании, куда помимо членов ЦК были приглашены представители Петербургского комитета, Военной организации и другие ведущие деятели партии, Ленин и Троцкий обрушились с критикой на предполагавшееся соглашение с Викжелем. Троцкий настаивал на том, что большевики должны доминировать в любом новом правительстве, и что возглавлять его должен Ленин. Для Троцкого в то время задачей первой важности было форсирование грядущей социалистической революции в Европе и укрепление ее шансов на успех; в своем рвении в этой области он, возможно, превосходил даже Ленина. И все его восприятие политической ситуации в России соответствующим образом и формировалось. Со своей стороны Ленин дал абсолютно ясно понять, что он решительно и бесповоротно против любого дальнейшего участия в переговорах с Викжелем, и потребовал, чтобы политике Каменева был немедленно положен конец⁵⁶

Правые большевики — Каменев, Рыков и Д. Б. Рязанов — в не менее прямой форме отстаивали необходимость компромисса. Хотя категорическое неприятие Лениным и Троцким идеи переговоров также оказалось отвергнутым значительным количеством «центристски» настроенных членов ЦК, которые проголосовали 29 октября за участие в дискуссиях под эгидой Викжеля, они были вынуждены признать, что Каменев и Сокольников превысили свои полномочия, причем особо оговаривалось, что такие пункты предложенного соглашения, как исключение Ленина и Троцкого из состава правительства и отмена декретов, принятых на II съезде Советов, являются «абсолютно» неприемлемыми. Незадолго перед концом этого важнейшего заседания ЦК отверг требование Ленина о немедленном прекращении переговоров с Викжелем и принял несколько двусмысленную резолюцию, где заявлялось, что партия принимает участие в переговорах «в последний раз». Минимальнейшие требования большевиков облекались в форму ультиматума (вероятно, чтобы продемонстрировать левым эсерам невозможность заключения соглашения). В ультиматуме, помимо всего прочего, обуславливалось признание новым правительством декретов II съезда Советов, а также признание этого съезда и ЦИК единственным источником правительственной власти, принятие принципа, согласно которому в Центральном исполнительном комитете могли быть представлены только те организации, которые ранее входили в состав Советов. В ультиматуме прямо не говорилось, но явно подразумевалось как принцип, что большевики сохранят большинство

в любом новом Советском правительстве. В целом, хотя расширенное заседание ЦК, состоявшееся 1 ноября, и отвергло безоговорочное неприятие Лениным и Троцким идеи переговоров, оно тем не менее нанесло удар по правым большевикам и серьезно уменьшило шансы на компромисс.

Однако сторонники соглашения, возглавляемые Каменевым и Зиновьевым, упорно пытались (в чем их поощряли левые эсеры) добиться компромисса. После того, как ими в этом направлении были сделаны определенные ходы, Ленин решил принять решительные меры, чтобы раз и навсегда покончить с подобными начинаниями. 2 ноября созывается заседание ЦК, прошедшее весьма бурно; протоколы его никогда не были опубликованы. Оно завершилось принятием предложенной Лениным резолюции, которая резко осуждала правых, отвергала компромисс и в противовес ему превозносила независимый революционный курс⁵⁷ Конечный результат этого заседания представлялся, вероятно, таким неопределенным, что Ленин счел необходимым заручиться помощью радикально настроенного Петербургского комитета, чтобы повернуть ход событий в свою пользу⁵⁸. Огромное беспокойство относительно того, что компромисс все еще остается притягательной идеей для многих его коллег, теперь овладела Лениным, что подтверждается тем, что уже на следующий день, 3 ноября, он обращается с просьбой к каждому члену ЦК, открыто не связанному с Каменевым, подписать официальное заявление о том, что внутрипартийная «оппозиция» должна либо прекратить подрыв политики, проводимой большинством, либо же уйти в отставку со своих партийных и правительственных постов. Заявление подписали Ленин, Троцкий, Сведлов, Сталин, Урицкий, Дзержинский, Иоффе, Бубнов, Сокольников и Муранов⁵⁹ Изучение имеющихся источников позволяет предположить, что, хотя некоторые из подписавшихся по-прежнему видели в компромиссе положительное начало, а ранее очевидно, поддержали резолюцию ЦК от 29 октября, мало кто из них мог отрицать потенциальный вред, который представляли собой серьезные нарушения партийной дисциплины в условиях гражданской войны. С другой стороны, члены «оппозиции», глубоко убежденные в фундаментальной правоте своего дела, не имели иного выбора, кроме как подать заявления о своей отставке из ЦК. Каменев, Рыков, Милютин, Зиновьев и Ногин так и поступили⁶⁰

Их решительное поражение прозвучало погребальным звоном по переговорам с Викжелем; 5 ноября они были приостановлены на неопределенный срок⁶¹ Вопрос о переговорах в последний раз обсуждался ЦИК 6 ноября, но никакие конкретные действия за этим не последовали. Длительная борьба за создание многопартийного демократического социалистического правительства в России 1917 г. пришла к своему бесславному концу.

В завершение вернемся к вопросам, поставленным в начале статьи. Самый важный из них — следующий: существовала ли реальная возможность создать многопартийное демократическое социалистическое правительство в России в 1917 г.? Достаточно многочисленные свидетельства позволяют ответить на данный вопрос безусловно положительно. Этот идеал, воплотившийся в большевистском лозунге «Вся власть Советам!», соответствовал чаяниям революционных масс Петрограда в 1917 г. и поддерживался не только большинством большевиков, но также в несколько отличных формах левыми эсерами и меньшевиками-интернационалистами. Дважды в 1917 г. этот идеал, по-видимому, был очень близок к осуществлению. Первый из этих моментов пришелся на конец августа, последовав за неудавшейся попыткой задушить революцию с помощью войск генерала Корнилова. Внушительная мощь социалистических группировок, объединившихся для борьбы с корниловским движением, стимулировала резкий подъем недовольства народных масс сохранением коалиции с либералами. Этот же фактор способствовал росту поддержки идеи образования многопартийного Советского правительства. Второй момент охватил время проведения II съезда Советов и непосредственно вслед за ним, т. е. конец октября. Подавляющее большинство представителей Советов рабочих и солдатских депутатов, съехавшихся тогда в Петроград со всей России, было готово голосовать на съезде за передачу всей власти Советам.

Вопрос о том, кто несет ответственность за упущенные возможности создать многопартийное Советское правительство, — более трудный. Бесспорно, часть вины ложится на правое крыло и центр меньшевистской и эсеровской партий. По идеологическим, равно как и практическим, соображениям многие выдающиеся лидеры умеренных социалистов предпочитали сотрудничеству с партией Ленина коалицию с кадетами. Запросив непомерно высокую плату за отказ от

своей прежней политики на переговорах под эгидой Викжеля, а еще ранее уйдя со съезда Советов, умеренные социалисты обрекли на провал активные усилия большинства высшего руководства партии большевиков, не говоря уж о левых эсерах и меньшевиках-интернационалистах, предать забвению десятилетия вражды и сформировать широкий объединенный социалистический фронт, ориентированный на немедленное заключение мира и проведение революционных политических, экономических и социальных реформ. Действуя подобным образом, умеренные социалисты, сами того не желая, сыграли на руку Ленину, сразу же вымостив путь к созданию такого правительства, о котором раньше никто и подумать не мог, т. е. чисто большевистского режима под полным контролем Ленина. В своих мемуарах о революции Суханов признает, что уход меньшевиков и эсеров со съезда Советов имел огромное историческое значение. Он пишет: «Мы ушли, совершенно развязав руки большевикам, сделав их полными господами всего положения, уступив им целиком арену революции. Борьба на съезде за единый демократический фронт могла иметь успех... Уходя со съезда < . > мы своими руками отдали большевикам монополию над Советом, над массами, над революцией. По собственной неразумной воле, мы обеспечили победу всей „линии“ Ленина»⁶²

Сказав все это, необходимо признать и то, что Ленин также несет ответственность за неудачу попыток сформировать многопартийное Советское правительство в России 1917 г. И здесь я не ставлю на первое место безоговорочную позицию Ленина и Троцкого по заключению соглашения в начале ноября, поскольку условия, предложенные большевикам на переговорах под эгидой Викжеля, в случае их принятия безусловно означали бы предательство революционной программы партии и могли бы серьезно скомпрометировать большевиков в глазах революционных масс. (Ленин отнюдь не витал в облаках, когда в своей речи 1 ноября он пригрозил «пойти к матросам», если курс на компромисс не будет отвергнут⁶³. Я скорее предпочел бы подчеркнуть важность целеустремленных и увенчавшихся полным успехом усилий Ленина, направленных на свержение Временного правительства силой оружия до начала съезда Советов. В итоге получилось так, что захват власти тесно переплелся с деятельностью съезда, направленной на то, чтобы свести к минимуму оппозицию большевистскому режиму. Этот же захват власти оказался тревожным сигналом, достаточным для пробуждения у умеренных социалистов их старых опасений относительно личности Ленина. Таким образом, было успешно торпедировано казавшееся до той поры неудержимым движение к созданию на съезде многопартийного Советского правительства.

И наконец, какое значение все это имеет сегодня? Начиная с 30-х гг. демократические течения в большевизме 1917 г., как нам кажется, систематически искажались или замалчивались в Советском Союзе (за малыми исключениями) с целью легитимизировать авторитарный сталинский режим. В результате нам еще многое предстоит узнать об этих тенденциях. Тем не менее уже сейчас известно достаточно, чтобы сказать, что ныне происходящие в Советском Союзе реформы отнюдь не чужеродны тому, за что ратовали большевики в 1917 г. Сегодняшнее движение по пути к превращению имеющих демократическую структуру и управление Советов в основное средоточие политической власти глубоко коренится в большевистских идеалах 1917 г. Именно тех идеалов, за которые большевики стояли в 1917 г. А это, по моему мнению, имеет существенное значение для современности.

Примечания

¹ См., напр.: Hasegawa T. *The February Revolution: Petrograd, 1917*. Seattle; London, 1981.

Ведущую роль в начале этого пересмотра сыграл Леопольд Хеймсон. См.: Haimson Leopold. *The Problem of Social Stability in Urban Russia // Slavic Review*. XXIII. 1964. № 4. P. 620—642; XXIV. 1965. № 1. P. 1—22. См. также: Rosenberg W. G. *Liberals in the Russian Revolution: The Constitutional Democratic Party, 1917—1921*. Princeton, 1974.

³ Browder R. P. and Kerenky A. F. *The Russian Provisional Government 1917: Documents*. Stanford, 1961. Vol. 3. P. 1586—1589.

⁴ Подвойский Н. И. Год 1917. М. 1958. С. 23. Взгляды Ленина на развитие революции до его возвращения в Россию в начале апреля см.: Ленин В. И. ПСС. Т. 31. С. 1—78.

⁵ Таким образом, ленинская резолюция о Временном правительстве, принятая на I Петроградской городской партийной конференции в середине апреля, говорит о необходимости длительной кампании по индоктринации масс, которая должна предшествовать передаче власти Советам. См.: Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Петроградская общегородская конференция РСДРП (большевиков). Апрель 1917 года: Протоколы. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М.: Госполитиздат, 1958. С. 200—201.

⁶ См.: Rabinowitch A. *Prelude to Revolution: The Petrograd Bolsheviks and the July 1917 Uprising*. Bloomington; London. P. 121—134.

⁷ Эти дискуссии состоялись в связи с Всероссийской конференцией Советов, проходившей в Петрограде с 29 марта по 3 апреля 1917 г.

⁸ Хотя Троцкий формально и не вступал в большевистскую партию до ее VI Всероссийского съезда, начавшегося в конце июля, его взгляды по самым коренным вопросам совпадали с ленинскими; более того, со времени своего возвращения из эмиграции в мае 1917 г. он всегда выказывал себя верным сторонником Ленина.

⁹ Этот термин использовался для характеристики политики умеренных социалистов, направленной на поддержку военных усилий России при одновременном поиске путей к быстрейшему заключению мира, основанного на компромиссах.

¹⁰ Левые эсеры, меньшевики-интернационалисты и даже многие большевики часто высказывались о природе революционного правительства, которое придет на смену Временному, в терминах расплывчатых и нечетких. Иногда казалось, что они имели в виду правительство, где будут представлены только партии и группы, входившие в состав Советов; иногда же они предусматривали включение в него представителей «демократических» институтов, формально остававшихся за рамками Советов. Такие трудноуловимые различия были выше понимания народных масс Петрограда; в глазах последних весь левый блок стоял за решительный разрыв с имущими классами и за передачу всей правительственной власти в руки чисто социалистических революционных Советов.

¹¹ Ц е р е т е л и И. Г. Воспоминания о Февральской революции. Т. II. Париж, 1963. С. 226—228.

¹² Rabinowitch A. Op. cit. P. 83—84.

¹³ Ц е р е т е л и И. Г. Указ. соч. С. 238.

¹⁴ Rabinowitch A. Op. cit. P. 199—200.

¹⁵ Известия. 1917. 7 июля. С. 3.

¹⁶ Р а б и н о в и ч А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. М.: Прогресс, 1989. С. 50.

¹⁷ Там же. С. 52.

¹⁸ Вторая и Третья общегородские конференции большевиков в июле и октябре 1917 года: Протоколы. М.; Л.: Госиздат, 1927. С. 84.

¹⁹ Районные Советы Петрограда в 1917 году: Протоколы, резолюции, постановления общих собраний заседаний исполнительных комитетов. Т. II. М.; Л.: Наука, 1965. С. 46.

²⁰ См., напр.: Ленин В. И. ПСС. Т. 34. С. 73—78.

²¹ Там же. С. 135.

²² Там же. С. 237.

²³ Там же. С. 222.

²⁴ Там же. С. 221—222.

²⁵ Второе коалиционное правительство либералов и умеренных социалистов, возглавлявшееся Керенским, было распущено 26—27 августа во время подготовки к боевым действиям против Корнилова.

²⁶ Р а б и н о в и ч А. Большевики приходят к власти. С. 179—183.

²⁷ Там же. С. 185.

²⁸ Там же. С. 186.

²⁹ Известия. 1917. 3 сентября. С. 7.

³⁰ Дело народа. 1917. 12 сентября. С. 2; Знамя труда. 1917. 12 сентября. С. 1—2.

³¹ Getzler I. Matrov: A Political Biography of a Russian Social Democrat. Cambridge, Melbourne, 1967. P. 158.

³² Ibid.

³³ Ленин В. И. ПСС. Т. 34. С. 239—247.

³⁴ Б у х а р и н Н. И. Из речи тов. Бухарина на вечере воспоминаний в 1921 г. // Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 319.

³⁵ Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М.: Госполитиздат, 1958. С. 55.

³⁶ Ленин В. И. ПСС. Т. 34. С. 272—283.

³⁷ Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)... С. 83.

³⁸ Там же. С. 85—86.

³⁹ Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году: Сборник материалов и протоколов заседаний Петербургского комитета РСДРП(б) и его Исполнительной комиссии за 1917 г. Под ред. П. Ф. Куделли. М.; Л.: Госиздат, 1927. С. 307—319; Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)... С. 93—105.

⁴⁰ Известия. 1917. 25 октября. С. 4.

⁴¹ Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде / Отв. ред. Фрайман А. Т. 2. Л.: Наука, 1967. С. 353.

⁴² Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д. / Под ред. М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева. М.; Л.: Госиздат, 1928. С. 144—153; Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов: Сборник документов / Под ред. А. Ф. Бутенко и Д. А. Чугаева. М.: Госполитиздат, 1957. С. 386—398.

⁴³ Рабочая газета. 1917. 25 октября. С. 2.

⁴⁴ Новая жизнь. 1917. 26 октября. С. 2.

⁴⁵ М с т и с л а в с к и й С. Пять дней. Берлин, 1922. С. 122—123.

⁴⁶ Р а б и н о в и ч А. Большевики приходят к власти. С. 312.

- ⁴⁷ Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д. С. 79, 92.
⁴⁸ Октябрьское вооруженное восстание... Т. 2. С. 43.
⁴⁹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)... С. 122—123.
⁵⁰ Любимов И. Н. Революция 1917 года: Хроника событий. Т. 6. Октябрь—декабрь. М.: Госиздат, 1930. С. 2.
⁵¹ Разгон А. И. ВЦИК Советов в первые месяцы диктатуры пролетариата. М.: Наука, 1977. С. 115. О позиции меньшевистского ЦК относительно компромисса с большевиками в это время см.: Николаевский Б. И. Большевики в дни Октябрьского переворота. Нью-Йорк, 1962. С. 1—4.
⁵² Вомпе П. Дни Октябрьской революции и железнодорожники. М., 1924. С. 27—29.
⁵³ См., например: Фрайман А. Л. Форпост социалистической революции. Л.: Наука, 1969. С. 84.
⁵⁴ Там же. С. 86. См. также: Любимов И. Н. Революция 1917 года. Хроника событий. Т. 4. С. 39.
⁵⁵ Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). С. 124—130.
⁵⁶ Там же. С. 126.
⁵⁷ Там же. С. 131—132.
⁵⁸ Разгон А. И. ВЦИК Советов в первые месяцы диктатуры пролетариата. С. 148; Ленин В. И. ПСС. Т. 50. С. 2; Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году. С. 341—342.
⁵⁹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). С. 133—134.
⁶⁰ Там же. С. 135—136.
⁶¹ Вомпе П. Указ. соч. С. 40—41.
⁶² Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 7. Берлин; Пб; М., 1923. С. 219—220.
⁶³ Trotsky L. The Stalin School of Falsification. New York, 1972. P. 111.

ДЭВИД Л. РАНСЕЛ. МАТЕРИ НИЩЕТЫ: БРОШЕННЫЕ ДЕТИ В РОССИИ. Принстон, 1988. 330 с. *

Профессор Индианского университета и главный редактор ведущего американского исторического журнала „American Historical Review“ Дэвид Рансел много лет изучает проблему, о которой советские историки полностью забыли, — признание детей, брошенных родителями. Это далеко не первый случай, когда американский историк тратит несколько лет своей жизни, чтобы исследовать вопрос, не имеющий выхода ни в большую политику, ни в теорию и методологию, но представляющий большой гуманитарный интерес для советского читателя не в меньшей степени, чем для американского.

Монография имеет стройную структуру. За Введением, в котором рассказано о развитии институтов, призревающих подкидышей в западноевропейских странах в XIII—XVIII вв., следует краткий очерк об отношении российского общества со времен Киевской Руси до конца XIX в. к незаконнорожденным и нежеланным детям. Основываясь главным образом на законодательных памятниках, Д. Рансел полагает, что детоубийство, в особенности до XVIII в., практиковалось в России, как и в других европейских странах. Однако ввиду того, что вплоть до 1845 г. закон был весьма снисходителен в отношении этого преступления, квалифицируя его как моральный проступок, а не как уголовное деяние, сохранилось весьма мало прямой информации о его бытовании и сделать вывод о степени распространенности детоубийства невозможно (с. 30).

В следующих четырех главах автор изучает государственное признание брошенных детей в России с 1764 г. (с появлением первого воспитательного дома в Москве) до 1917 г. Деятельность двух главных воспитательных учреждений страны для подкидышей — Московского и Петербургского воспитательных домов — исследуется в тесной связи с внутренней политикой царизма в вопросах благотворительности, просвещения, народного образования.

Появление воспитательных домов в России автор связывает с приходом на русскую землю идей Просвещения — новых представлений о ценности человеческой жизни и возможности создания совершенно нового типа личности. Инициатор создания воспитательных домов И. И. Бецкий, взгляды которого разделяла Екатерина II, планировал их в качестве лабораторий социальной инженерии, способных выращивать новое сословие просвещенных граждан, мастеров, ремеслен-

ников, художников. С целью привлечения как можно большего количества детей прием в дома был неограниченным и анонимным.

Сколь благородная, столь же и утопическая идея скоро обнаружила свою полную несостоятельность. Да и наплыв младенцев оказался очень велик. Пришлось большую их часть отправлять в деревни и там оставлять до повзреления. Дать хорошее образование оставшимся в живых оказалось также делом неисполнимым. Однако, чтобы не подорвать веру простого народа в заботливого монарха, с реформой системы Бецкого не торопились. В 30—40-е гг. XIX в. предпринято ее частичное изменение. С этого времени выживших младенцев (а смертность среди подкидышей была колоссальной — в 2—3 раза выше, чем среди младенцев с родителями: в последней трети XVIII в. умирало до 87%, в 40—60-е гг. XIX в. — до 70%, в начале XX в. — до 55% детей. — С. 48, 259, 307) более не ожидала судьба мастеров и ремесленников, они могли стать только государственными крестьянами, солдатами, рабочими или прислугой. Таким путем реформатор тщетно пытался воздействовать на матерей, потенциально готовых сдать новорожденного в воспитательный дом.

В 1891 г. система Бецкого была окончательно упразднена. Дети стали приниматься только с документами; причем строго контролировался, укрепились связь матери с детьми, оставляемыми в воспитательном доме. Все эти меры дали ощутимый положительный результат: уменьшился поток младенцев, уход за ними улучшился, а смертность снизилась.

В двух следующих главах Д. Рансел пытается выяснить, кем были матери брошенных детей, почему они решались на такой отчаянный шаг, кого они чаще оставляли — девочек или мальчиков. Оказалось, что долгое время матери чаще бросали девочек, чем мальчиков. Со временем доля мальчиков среди подкидышей росла, но сравнилась с долей девочек лишь в 1870-е гг. Одновременно изменялся социальный и профессиональный состав матерей, отказывавшихся от детей. В начале XIX в. среди них преобладали солдатские жены и представительницы городских сословий (в их числе до 17% составляли дворянки по происхождению или по мужу), а во второй половине XIX в. — крестьянки, недавние мигранты, работающие в городе по найму (с. 152, 169—170). Д. Рансел обнаружил известную взаимосвязь между выравниванием доли мальчиков и девочек и изменением статуса их матерей. По его мнению, мигрантка, самостоятельно добывающая средства к жизни, не имела возможности воспитывать ни мальчика, ни девочку, поэтому она вынужденно расставалась с ребенком любого пола. Однако это лишь отчасти объясняло рост доли мальчиков среди подкидышей (см. с. 143—149). Основными причинами, заставлявшими женщин бросать своих детей, служили бедность и страх позора для незамужних, невозможность совместить работу и уход за ребенком (с. 171—173).

Последние четыре главы книги посвящены анализу так называемого питомнического промысла в России. Ввиду громадного наплыва детей в воспитательные дома (в Московский дом в среднем ежегодно поступало 1200 детей, в Петербургский — 545, в 1888 г. — соответственно 17,3 тыс. и 9,9 тыс. — С. 303—308) они не могли полностью взять на себя заботу по уходу за ними. Большинство поступавших детей распределялось по деревням, к кормилицам в крестьянские семьи, где они росли и воспитывались за специальную плату от воспитательного дома. Во второй половине XIX в. Московский воспитательный дом одновременно следил за воспитанием более 40 тыс. детей в 30 уездах семи губерний, а Петербургский воспитательный дом осуществлял контроль над 30 тыс. детей в 20 уездах четырех губерний (с. 3, 223, 236). Содержание 70 тыс. детей обходилось казне ежегодно в 1 млн руб. (с. 301). Для распределения детей и контроля за их содержанием была создана специальная служба, которая позволяла крестьянам утилизировать огромные суммы денег. Самое поразительное, считает автор, состояло в том, что главными организаторами питомнического промысла являлись женщины, причем не только в качестве воспитателей, что естественно, но и в качестве маклеров, агентов, комиссионеров и т. п. (с. 214—215). Автор подчеркивает, что воспитательные дома несли через питомнический промысел в деревню не только деньги и медицинские знания, но также болезни (с. 290—293).

В Заключении Д. Рансел подводит итоги, делает интересные выводы, которые рецензент разделяет. Воспитательные дома в России выполняли важные социальные функции:

- 1) действительно служили целям призрения брошенных детей,
- 2) являлись символом императорской заботы о несчастных детях и несчастных матерях и поддерживали миф об отеческой заботе императора о своих подданных,
- 3) служили местом стока тех неприятных отходов деятельности традиционной патриархальной семьи, которые свидетельствовали о ее неспособности контролировать поведение своих членов,

и благодаря этому поддерживали миф о святости церковного брака и патриархальных семейных отношений (с. 294—296).

Автор подчеркивает, что настойчивая поддержка царизмом мифов об отце-императоре и святости патриархальной семьи более 100 лет (!) препятствовала рациональной перестройке деятельности воспитательных домов (с. 297). Только гласность — это дитя великих реформ 1860-х гг. — позволила реформировать воспитательные дома. Когда свободная и независимая пресса подвергла сокрушительной критике состояние и деятельность воспитательных домов, тогда их реформа стала неизбежной (с. 297).

Заслуживает полной поддержки и итоговая авторская оценка питомнического промысла. Д. Рансел видит в этом промысле серьезное доказательство способности русской деревни и особенно крестьянки действовать экономически рационально и по-капиталистически предприимчиво (с. 300).

Итак, мировая славистика обогатилась ценным исследованием по социальной истории России XVIII — начала XX в. История воспитательных домов рассмотрена Д. Ранселем на широком историческом фоне, в социальной, культурной, экономической и политической обусловленности. Благодаря этому частный вопрос поднялся до важной социальной проблемы.

Книга Д. Рансела для советского читателя особенно интересна тем, что в ней дан анализ первой в России государственной попытки реализовать утопические идеи, которыми так богата русская общественная мысль и русский государственный быт XIX—XX вв. Первый социальный эксперимент не принес много зла потому, что правительство вовремя спохватилось и отказалось от желания создать в России новую породу людей. Однако нетрудно себе представить, сколько бед принесли бы обществу воспитательные дома, если бы правительство проявило фанатизм и непреклонную волю.

Монография основана на широком круге источников, как архивных, так и опубликованных. Автор прекрасно знает литературу вопроса. Книга хорошо оформлена, иллюстрирована и снабжена отличной библиографией и указателем.

Позволю себе сделать одно замечание. Книга посвящена призрению брошенных детей в России. Между тем автор ограничился только рассмотрением дела в двух столицах. А как же обстояло дело в провинциальных городах, в сельской местности? — возникает вопрос у читателя. Постараемся дать здесь краткий ответ. Во многих провинциальных городах существовали воспитательные дома по типу столичных. Например, в Тверской губернии действовали подобные заведения в Угличе, Ростове, Рыбинске и Мологе. За 15 лет, с 1828 по 1842 г., туда поступило 3335 брошенных детей, из них 3187 (96%) умерло, 43 передано на воспитание городским жителям, 48 осталось в воспитательных домах, судьба 57 неизвестна¹. В большинстве случаев подкидыши призывались в сиротских домах или детских приютах и содержались там вместе с остальными детьми и при первой возможности отдавались частным лицам за плату². В городах, где не было специальных детских заведений, «призрение их обыкновенно совершалось так: несчастные дети забирались в полицию, которая объявляла по кварталам, не явится ли кто из обывателей взять ребенка на свое попечение без всякого за это вознаграждения, и нередко случалось, что ребенок в ожидании благотворителя, находясь долгое время без надлежащего ухода, питаясь иногда одним разжеванным хлебом, умирал преждевременно»³.

Мне представляется, что читателю также очень интересно знать, какова судьба подкидышей, как они воспитывались, кем становились, где устранивались, как жили? Где успешней проходила социализация брошенных младенцев — в воспитательных домах или в крестьянских семьях, куда многие из них передавались на воспитание? Что могла сделать, но не сделала администрация воспитательных домов, чтобы снизить чудовищную смертность младенцев? Как использовались воспитательные дома для поддержания мифа об отеческой заботе монарха о своих подданных? Как конкретно влияла различная в глазах общества социальная ценность мужчин и женщин на решение матери отдать в воспитательный дом или оставить у себя мальчика или девочку, иными словами, как примерно рассуждала мать, принимая решение оставить младенца? Не являлось ли выравнивание полового состава брошенных детей следствием понижения ценности детей из-за относительного перенаселения и города, и деревни? Думаю, что если бы автор высказал свои соображения на этот счет, читатель был бы ему благодарен.

Б. Н. Миронов

Примечания

* R a n s e l D. L. Mothers of Misery: Child abandonment in Russia. Princeton (N. Y.): Princeton Univ. Press, 1988. 330 p.

¹ Рындзюнский П. Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. С. 398.

² Покровский В. Н. Историко-статистическое описание Тверской губернии. Тверь, 1879. Отдел II: Благотворительность. С. 283; Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба: Казанская губерния. СПб., 1861. С. 537; Минская губерния. СПб., 1864. Ч. 2. С. 509; Пермская губерния. СПб., 1864. Ч. 2. С. 639; Симбирская губерния. СПб., 1868. Ч. 2. С. 548—549.

³ Симбирская губерния. Ч. 2. С. 549.

ПРОБЛЕМЫ УСТНОЙ ИСТОРИИ НА VII МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Очередная международная конференция по устной истории ¹ проходила с 29 марта по 1 апреля 1990 г. в г. Эссене (ФРГ). В ее работе участвовало около 400 ученых из 30 стран.

Впервые на подобных встречах присутствовали ученые из СССР. В состав советской делегации входили исследователи из группы «Устная история» Всесоюзного добровольного историко-просветительского общества «Мемориал», члены Центра устной истории МГИАИ, сотрудники Института этнографии АН СССР.

При всем традиционном многообразии обсуждаемых на конференции тем они определялись резко изменившейся общественно-политической ситуацией в сегодняшнем мире. Особое внимание участников привлекли прежде всего методологические и философские проблемы устной истории: память, ее влияние на общественное сознание, индивидуальная и коллективная память, техника и методика интервьюирования, аспекты анализа текстов интервью, влияние интервьюера на получаемую информацию, толкование воспоминаний, механизм работы памяти, интервьюирование интервьюеров.

В течение четырех дней работы конференции состоялось три пленарных заседания по темам: изменения представлений современности о прошлом; исторические свидетельства и социальная культура: репрессии и опыт; насколько интернациональным был 1968 год?

Пленарные заседания чередовались с секционной работой, тематика которой была чрезвычайно разнообразна: архивы устной истории; динамика элитных групп; перестройка памяти; исторический опыт крестьянства; перспективы взаимоотношений полов; коллективные свидетельства и коллективная память на примере истории рабочего класса; фашизм и переориентация; культура под прессом; мифы и легенды войны; представления о семье; женские судьбы в 40-е гг.; последствия урбанизма; магистральные и маргинальные социумы; насилие и свидетельства; поколения; роль женщин в общественной жизни; миграции и эмиграция; политические движения и некоторые другие. Всего состоялось 24 секционных заседания. Особый интерес вызвали обсуждения тем: толкование воспоминаний, культура под прессом, магистральные и маргинальные социумы, насилие и свидетельство и интервьюирование интервьюируемых.

Устная история сегодня получила колоссальное развитие в мировой научной практике: обычно она трактуется как одно из направлений исторического исследования, базирующееся на использовании источников устного происхождения. Считается, что наибольшее распространение устная история получила в Англии и США еще в довоенное время, тогда как континентальные европейские исторические школы подключились к «новому направлению» сравнительно недавно, их собственные программы и методики чаще всего связаны с изучением эпохи фашизма и второй мировой войны.

Современная устная история не представляет собой нечто совершенно новое, она связана с длительной традицией как донаучного, так и научного исследования прошлого. Начиная с Геродота и римских историков, ученые обращались к свидетельствам современников.

В России это — первые летописцы, а впоследствии — такие значительные фигуры исторического «эксперимента», как Голиков, Пушкин, Бартенев, русские краеведы рубежа XX в., традиции которых были прерваны в конце 20-х гг. В начале XX в. методология устной истории разрабаты-

лась в источниковедческих трудах, прежде всего рассматривавших коллективные анонимные источники устного происхождения — саги, легенды, былины, анекдоты, молву, слухи и другие формы устного исторического повествования. Позже в результате многих сложных общественно-политических процессов, в том числе бюрократизации науки и разрыва ее с живой исторической традицией, метод устной истории был отодвинут на задний план.

С середины 20-х гг. усилилась унитарность мышления, индивидуальная трактовка событий становилась все более неприемлемой: «люди в котлованах», в «домах-муравейниках», в шахтах метро должны были и мыслить, и работать одинаково. Выходящие в то время книги — «Как мы строили метро» (1935), «Канал имени Сталина» (1935), «Как мы спасали челюскинцев» (1934), первые работы серии «История фабрик и заводов» — тоже опирались на устные свидетельства... Торжественный пуск первой линии метро произошел 14 мая 1935 г., а 21 июня уже вышел в свет роскошно изданный с золотым тиснением на обложке том серии «История метро им. Л. М. Кагановича». Работа над историей метро велась параллельно с его строительством. Новая культура была отнюдь не пассивна к собственным достижениям и «созидала» одновременно их историю — и то, и другое, рассчитанное на века. Основным содержанием эпохи становилась ее игра в историю, где, как в детском конструкторе, выстраивались новые фасады, сносились целые этажи, подрывался фундамент. Наспех написанная, но устремленная в вечность история, таким образом, стала главным жанром новой культуры, а основным ее каноническим документом надолго стал «Краткий курс... Как следствие «переплавки» и «перековки», «новые ценности» прочнее заполняли новое «перекованное» сознание — высоты Магнитки и глубины шахт — вместо иных высот и иных глубин.

В то время, когда у нас собирались воспоминания участников революции, создавались источники по истории фабрик и заводов, в Германии или Италии, например, выходили книги типа «Мама, расскажи мне что-нибудь о Гитлере», в других очевидцы излагали путь, пройденный вместе с Муссолини или Франко; собирались воспоминания рабочих — «важнейшей исторической силы новой эпохи».

Характерно, что в странах, не переживших военную оккупацию и ужасы тоталитаризма (например, Англии и США), устная история сфокусировала свои научные интересы на иных сюжетах, в том числе на проблемах социальных и национальных меньшинств. Если первоначально понятия меньшинств определялись по принадлежности к социальным или этническим группам, то вскоре в устных исследованиях меньшинств стала преобладать проблематика, связанная со сменой поколений (роль стариков в обществе, истории их судеб). В США интерес «устных историков» сосредоточился на национальных маргиналах.

И если старт, взятый устной историей в США и Англии, определил дальнейшее поступательное послевоенное развитие этой дисциплины, то в континентальных европейских научных школах, наблюдается обратный процесс, развенчивающий предшествующий исторический опыт, сходный с сегодняшними реалиями Восточной Европы, процесс возврата к темам войны, фашизма, революций, но уже с иных позиций.

Некоторые западные историографы устной истории считают, что на затухании традиции научного использования устной истории в европейских странах сказались еще и отсутствие технических возможностей для быстрой обработки и анализа собранных документов, и, действительно, оживление устной истории уже в новейшее время на Западе связано и с распространением новых технических средств, облегчающих сбор, хранение и обработку материалов.

Специфика устной истории в СССР определена сложившейся ситуацией в советской исторической науке в целом. Историческая правда длительное время отражалась лишь в источниках устного происхождения. В условиях архивного голода, искажения и прямой фальсификации фактов устная история превратилась в едва ли не единственный и действенный метод исторического исследования и поиска.

Но стоит оговориться: в современной историографии по устной истории часто можно встретить концепции, преувеличивающие ее возможности и значение, устная история наиболее эффективна в случаях необходимости заполнения лакун, возникающих когда «уже нет» или «еще нет» письменных или других традиционных источников. Особенное значение она приобретает при исследовании не фактов истории (в их традиционном понимании), а фактов сознания или других процессов, которые трудно исследовать методами и подходами ортодоксальной науки. Образ мышления, поведенческие структуры, аксиологические категории, образ жизни, сферы интимного, структуры повседневности длительное время трактовались как не имеющие истории и не могущие стать предметом ее изучения. Но сегодня необходимость изучения всего того неуловимого и недоступного, что заключено во внеписьменных и нефиксируемых сегментах жизни, стала очевидна.

Необходимо учитывать и некоторые недостатки этого места, в частности, его эмпирический характер: порой этот метод сводится исключительно к накоплению магнитных записей, без достаточно глубокого источниковедческого анализа и серьезной исторической оценки собранных документов. Практически и сейчас многие записанные материалы по устной истории, в том числе и на Западе, остаются недоступными для публичного использования, а накопление пленок подчас выливается в обобщающие исторические или социологические работы весьма слабого научного уровня.

Существенным признаком устной истории являются сложность и полифоничность коммуникативного процесса интервьюирования, поскольку на фазе записи интервью взаимосвязь между историком и свидетелем прошлого является наиболее важным и значимым этапом работы.

Таким образом, в исторической науке возникает такой необычный и одновременно существенный способ получения исторической информации, как «инициативное документирование».

Часто устную историю сравнивают и даже путают с социологическим опросом. Но в устной истории важны не только вопросы исследователя, но и структура его поведения в целом. Историк влияет на создание документа в процессе реконструирования прошлого с его участником. Не только тематика, содержание, но и сам факт опроса часто влияет на сознание информатора, изменяя его. Он, историк, может доминировать или самоустраняться, хотя и в этом случае, в документе очевидно даже т. н. «скрытое присутствие» автора. И здесь во всяком случае всегда решается проблема авторства источника — где найти демаркационную линию взаимовлияний и взаимовоздействий? И именно в процессе коммуникации историка с информантом, а не позже, когда ученый уже будет писать историческое исследование, историк в большей степени участвует в написании, в создании истории.

Особо деликатным остается существенный аспект влияния историка на носителя информации о прошлом, а значит, и на получаемый исторический источник. И именно в этом принципиальное отличие источников устной истории от других исторических источников, отложившихся непосредственно в ходе истории. Поэтому устная история является методом изучения и познания недавнего прошлого, которое можно зафиксировать только с помощью людей, еще живущих, хотя устная история имеет возможность затрагивать и то, что выходит за рамки собственно пережитого.

Успех устной истории в научном мире очевиден. Десятилетия существует Ассоциация устной истории в США. В силу исторического развития, специфики межнациональных отношений устная история приобрела здесь совершенно иной аспект, чем в странах Европы, Азии или Африки. Устная история сейчас охватывает буквально все сферы американской жизни. История Америки в устных свидетельствах — один из наиболее удачных опытов устной истории, так как история нации и ее формирования в этом случае исчисляются жизнью не более трех-четырёх поколений, когда механизм трансляции устной истории нагляден, а не вычисляется гипотетически. Это — доступный и необычный эксперимент для историков.

Европейская традиция проецирует совершенно иную тематику: это прежде всего события, связанные с различными историческими катаклизмами — революциями, фашизмом, войной, дающими неисчерпаемое поле деятельности для историков фактов, событий и структур.

Предметом изучения устной истории становятся политические процессы и события. В широком смысле социополитический подход к ним характерен для исследований прежде всего в Англии, Израиле, Италии, Польше. Можно сказать, что здесь устная история отталкивается от опыта таких наук, как социальная антропология, социология, этнология, политология, социо и психоллингвистика, социальная психология.

Европейцы создали свои научные сообщества в области устной истории. Их объединяет Международный комитет устной истории, который созывает раз в два года международные конференции по устной истории.

Седьмая конференция по устной истории отличалась от предыдущей, как уже было сказано выше, прежде всего иным составом участников. Впервые на ней широко была представлена устная история Восточной Европы и СССР. Это отражало интерес строителей не только к событиям в этих странах, но к новым тенденциям и кардинальным переменам в их исторической науке. Характерно, что среди приглашенных были не только «официальные» историки, но и «неформалы», представители своеобразного андерграунда исторической науки. Именно они в эпоху тотали-

таризма пытались вырваться из зоны официальной науки и из искусственно созданной научной резервации действительно попадали в зону реальную. Объединенные общим стремлением собрать как можно больше устных свидетельств о репрессиях тоталитарных режимов, они на конференции в Эссене создали Временную рабочую группу по изучению проблем истории тоталитаризма Восточной Европы. В нее вошли представители Польши, СССР, ГДР, Венгрии и Болгарии — те, кто начал заниматься устной историей по политическим соображениям и пытался организовать ее как научную дисциплину.

Советские историки из «Мемориала» и МГИАИ, участвуя в работе группы, получили реальную возможность выражения определенных гражданских позиций, политических взглядов и собственного отношения к прошлому.

На первом заседании «Рабочей группы» ее участники решили создать источниковую базу, представляющую собой альтернативу закрытым государственным архивам, которые, несмотря на все призывы и требования общественности, остаются пока за семью печатями.

Возглавивший «Рабочую группу» секретарь «Венгерского комитета исторической справедливости», руководитель Венгерского архива устной истории в Будапеште А. Хагедю отметил, что надо заниматься устной историей, так как нет письменной. Наша задача на данном этапе, подчеркнул он, может состоять лишь в том, чтобы «создать форум гласности для множества взглядов и мнений, чтобы их можно было демократично и честно вызвать на очную ставку с историей». Работа этой группы, а также выступления историков из Восточной Европы придали конференции совершенно новый характер: научные доклады часто заканчивались дискуссиями о тоталитарном мышлении, о влиянии идеологии и политики на память и сознание, о его деидеологизации.

Потребность в этом единении закономерна: серьезное и глубокое изучение системы тоталитаризма в Европе невозможно без доступа к советским архивам и без помощи советских ученых. Колоссальный массив источников, связанных с репрессиями, осуществлявшимися в этих странах, находится в СССР. Общая судьба «солагерников» Восточной Европы, диктует необходимость создания общих программ по устной истории. Еще недавно проблема Катыни и других «белых пятен» истории вставала непреодолимой стеной между советскими и польскими официальными сторонами, и лишь историки-«неформалы» пытались вести совместное исследование. Но прежде это были отдельные частные контакты, тогда как сейчас появилась возможность реализации больших комплексных программ.

И если для Западной Европы преступления тоталитаризма стали фактом истории, то в странах Восточной Европы прошлое реально еще не превратилось в Историю, постоянно напоминая о себе и сегодня.

Западноевропейские участники конференции, в основном представители поколения 1968 г. (по словам одного из них, поколения рок-н-ролла), в прошлом были активистами студенческого движения и пережили крушение леворадикальных иллюзий. Не случайно одно из наиболее важных пленарных заседаний называлось «Насколько интернациональным был 1968 год?» Историки, обычно интервьюирующие свидетелей прошлого, в этой ситуации сами оказались в роли свидетелей, источников информации. Это создало определенную многоплановость в оценке событий и позволило взглянуть на них не только в контексте общего изучения прошлого, но и спроецировать прошлое на судьбы конкретных людей.

Реконструируя историческую атмосферу 60-х, они, таким образом, создали некий полигон устной истории, где сами были и интервьюерами, и интервьюируемыми. Каждый вспоминал собственные впечатления, один дополнял другого, отчетливо возникали отголоски прежних, до сих пор нерешенных споров.

Участники дискуссии о движении 1968 г. сегодня возглавляют основные концептуальные направления и школы устной истории в своих странах. Это — Л. Пассерини (Италия), Д. Берто (Франция), Р. Грил (США), Л. Нитхаммер (ФРГ), А. Ковач (Венгрия) ² Ленинградский историк Л. Лурье рассказал о феномене 1968 г. в СССР.

Дискуссия о 1968 году подвела итог конференции, открыло же ее пленарное заседание, которое называлось «Представления современности о прошлом. Исторические события и социальная культура».

А. фон Плато, вице-президент Международного комитета устной истории и член оргкомитета конференции, выступил с докладом, о судьбах беженцев из Восточной Пруссии в последний год второй мировой войны. Основной упор в докладе был сделан на проблеме воздействия социальных изменений на память. Около 14 млн. человек бежало из Восточной Пруссии и Польши в

Германию. Интеграция людей, начинавших жизнь с нуля,— чрезвычайно серьезный вопрос для послевоенного общества в ГДР и ФРГ. В Восточной Германии эта проблема игнорировалась общественным мнением. Все это и стало отправной точкой для опросов, на основании которых автор сделал выводы об отношении информаторов к своему прошлому.

Вторым на пленарном заседании был доклад Д. Хубовой (МГИАИ), основанный на коллективном устном историческом исследовании Центра устной истории МГИАИ по программе «Последствия коллективизации и голод 1932—1933 гг. на Кубани». Пытаясь реконструировать события локальной истории нескольких казачьих станиц, участники экспедиции собрали интересные данные фактографического, методического и теоретического характера. Большое внимание в докладе было уделено представлениям казачества о своей послереволюционной истории, герменевтическим аспектам исследования.

Интерес вызвали также доклады советских участников, прочитанные на секциях.

Л. Лурье (Музей истории г. Ленинграда) в докладе «Современный эпос как предмет устной истории» остановился на аспектах мифологизации исторических событий в народном сознании. На примере таких тиражированных мифов, как миф о вредителях, многочисленных легенд о Сталине, Хрущеве, Брежнев, Андропове, Раисе и Михаиле Горбачевых, автор предложил создать научную программу сбора и записи рассказов информантов об истории России.

Доклад И. Щербаковой («Мемориал») основывался на опросе советских женщин, переживших сталинские тюрьмы и лагеря и был посвящен женской судьбе при тоталитаризме.

Н. Старков (ВДИПО «Мемориал») рассказал о гуманитарных и научных аспектах деятельности группы «Устной истории» общества «Мемориал». А. Иванкив (МГИАИ) затронул неожиданную для «устных историков» тему — «Анализ истории городского некрополя методом устной истории». А. Шарова (МГИАИ) на основе взятых ею у ряда историков интервью, проиллюстрировала некоторые этапы истории исторической науки в СССР.

Собственно исторических исследований на конференции было немного. В ряде случаев устная история была представлена социологическим направлением. Так, председатель оргкомитета конференции и президент Международного комитета устной истории, директор Института науки и культуры в Эссене профессор Л. Нитхаммер представил доклад «Комментарий устного историка к выборам в ГДР», где сравнил политические прогнозы, сделанные в устных интервью, с реальными результатами выборов. По этим прогнозам победа консерваторов не ожидалась. Однако граждане ГДР предпочли голосовать за существовавшие в прошлом партии, а группа активистов, подтолкнувшая к гибели старый режим, не получила большого числа голосов. В итоге, как сказал известный немецкий писатель Стефан Гейм, вся история ГДР стала лишь сноской к мировой истории. Социологический подход доминировал и во многих других выступлениях.

Интересным, с точки зрения социологии, а также по характеру собранного материала, было выступление ученого из Швейцарии К. Трюба — «Реконструкция мужского начала и образа мужественности в историях жизни мужчин» (на примере массового опроса жителей небольшого швейцарского кантона). К сожалению, из интервью были исключены исторические пласты и сохранены лишь социально-половые аспекты опроса.

Тема выступления исследовательницы из Нидерландов Л. Иновлоки — «Память и традиции в еврейских семьях». Она провела опрос трех еврейских семей из трех различных городов — Амстердама, Роттердама и Гамбурга. Семьи выбирались по единственному признаку — в них должны были быть женщины трех поколений, таким образом, было взято всего девять интервью. Неясна научная мотивировка выбора для интервьюирования семей из разных городов, а число опрошенных семей недостаточно для проведения сравнительно-исторических исследований и научных выводов.

Излишним эмпиризмом отличались многие доклады по «женской проблематике». Здесь были представлены сугубо биографические доклады, фокусирующиеся на историях жизни и содержащие статистические сведения, полученные путем массовых социологических устных опросов, касающихся представлений женщин различных поколений о собственной социальной роли, сексе, политике, воспитании детей, смерти, старости, детстве, о роли мужчины в жизни женщины, семьи и т. д. (И. Банджауэр-Шефман и Э. Хорнунг /Австрия/ — «Женщины послевоенной Вены», М. Устинова /СССР/ — «Представления женщин различных республик СССР о их роли в семье и обществе», П. Шварц /США/ — «Воспоминания французских женщин о Сопротивлении», Э. Фернандес /Бразилия/ — «Женщины и военно-политическое движение 1964 г. в Бразилии», Х. Карен /ФРГ/ — «Сексуальное воспитание», группа исследователей из Ново-Зеландского

архива устной истории — «История Новой Зеландии в воспоминаниях столетних женщин», И. Щербакова /СССР/ — «Судьба женщины при тоталитаризме» и др.).

Большой интерес вызвало сессионное заседание под названием «Перестройка памяти». При этом заметим, что термин «перестройка» был взят из русского без перевода, как общеизвестное политическое понятие. Характерно, что оно применялось не к политическим структурам и событиям, а к памяти, фокусируя, таким образом, внимание на политизации процессов сознания в современном обществе.

На этой секции с докладом выступил Э. Албеков (СССР) — «О месте устных источников в изучении роли неформальных организаций в общественной жизни Азербайджанской ССР». Исходя из противоречивого освещения их деятельности прессой и властями, устная история как метод изучения имеет здесь большое значение. Выводы о распространенности определенных ценностных ориентаций в массовом сознании были сделаны на основе магнитофонных записей выступлений на митингах, а также интервью с участниками и организаторами митинга.

Затем выступили представители исторического направления устной истории из ГДР — Р. Эккерт с докладом «В тени фашизма и сталинизма: опыт ГДР — мотивация поведения пожилых берлинцев во время фашизма и их активность после 1945 года» и М. Штарк со скрупулезным разбором истории жизни женщины, пережившей сталинские лагеря («Биография Фриды, 1938—1956»). Оба доклада представляли собой первые попытки анализа немецкой модели сталинизма, перехода в сознании и памяти от одного типа тоталитарного мышления к другому. Эти исследования показали, что якобы кардинальный перелом в массовом сознании людей в конце концов лишь оказался переодеванием. Коричневый цвет попросту сменили на красный.

В отличие от чисто эмпирических выступлений, прозвучавших на конференции, необычной оказалась попытка анализа венгерским философом и историком А. Ковачем адекватности устных свидетельств венгерской реальности 1956 года на примере ареста Имре Надя. Историк попытался установить, насколько средства устной истории годятся для реконструкции принципиально важных исторических событий. Исследователю важно было выяснить при этом статус личности в иерархии группы. Историк опросил людей, находившихся в одно время в одном помещении и наблюдавших одно и то же событие. На основе их противоречивых рассказов он сделал вывод об относительности устных свидетельств по отношению к реальности. Доклад его так и называется «Похищение Имре Надя и эффект „Рассемена“» (фильм Акиро Куросавы, где одно и то же событие представлено противоречивыми свидетельствами).

Одно из трех пленарных заседаний было посвящено теме «Репрессии и опыт». Дискуссия развернулась в основном вокруг проблемы жертв и палачей, вины и покаяния: интервью как возможность исповедания, осознания содеянного или самооправдания, вытеснения из памяти и сознания прошлого.

На этом заседании Л. Пассерини (Миланский университет) остановилась на характеристике особенностей итальянского фашизма, приведя ряд частных примеров из интервью. На относительность понятий жертвы и палач обратила внимание И. Щербакова, подчеркнувшая сложность этой проблемы в странах с тоталитарным режимом, где часто жертва и палач соединены одной общей виной. Израильский ученый С. Фридендер упомянул об ответственности историка, собирающего устные свидетельства перед информаторами. С. Эль-Нимр из Палестины посвятила свое выступление коллективной памяти и ее идентификации в личности.

Особый интерес вызвал доклад профессора Пекинского университета Ян Ливена о достижениях устной истории в Китае. Он подробно и скрупулезно проследил традиции устной истории от Конфуция до последних общенациональных программ (в частности опросы лиц, пострадавших в период «культурной революции», сбор воспоминаний 90-летних и др.). Ученый отметил, что устная история в Китае в основном специализируется на биографических исследованиях.

В программе конференции были проведены обсуждения нескольких международных исследовательских проектов. Кроме уже упомянутой совместной программы Временной рабочей группы, французской ассоциацией исследований в области истории и общественных наук, а также ассоциацией «Делать историю» (Faire de l'histoire) была предложена общеевропейская программа развития по устной истории, которая ставила бы своей целью создание сети европейских архивов, специализирующихся на сборе и хранении воспоминаний эмигрантов разных периодов и разных стран. Предложенный проект называется «Эмиграция, иммиграция и создание национальных обществ в Европе в XIX—XX вв.».

В небольшом обзоре нет возможности подробно рассмотреть работу всех секций конференции и осветить выступления всех его участников. Итак, специальная процедура исторического исследования и одновременно специальная историческая дисциплина — устная история — ориентируется на любые меньшинства, подавляемые слои общества, на те группы лиц, судьбы которых менее всего фиксировались и оставались «за кадром официальной информации. Устная история становится инструментом познания глубинных слоев прошлого. Занимаясь этническими и религиозными меньшинствами, социальными маргиналами, она становится демократическим направлением в истории, изменяя массовое и обыденное сознание.

Устная история, таким образом, дает возможность услышать голоса тех простых людей и тех сторон жизни, которые прежде не являлись предметом специального исторического исследования, и тем самым расширить поле деятельности ученых.

Итак, если оценивать итоги этого крупного научного форума в целом, следует отметить удачный опыт участия в нем советских ученых. Во время работы конференции состоялось очередное заседание Международного комитета устной истории, членами которого были избраны от СССР Л. Лурье и Д. Хубова. Они также вошли в редколлегия международного ежегодника по устной истории.

Д. Никитина

Примечания

Конференции по устной истории проводятся с 1978 г. (г. Эссекс) международным комитетом раз в два года. Последний состоялся в 1988 г. в Оксфорде, а следующий будет проходить в 1992 г. в Милане.

² По сути 1968 г. был годом международного движения за освобождение от авторитетов. В этом же духе вышеупомянутые ученые стремятся создать и свой журнал, как бы перенося нереализованный дух 60-х гг. в современность. В частности, Д. Берто выступил против академизма, за политическую актуальность и поиски новых методов в выпускаемом ими журнале, основные публикации которого должны быть посвящены проблеме «память и тоталитаризм».

ПАМЯТИ А. П. ТЮРИНОЙ

2 июля 1990 г. ушла из жизни Александра Петровна Тюрина — доктор исторических наук, профессор, видный ученый в области аграрной истории СССР.

А. П. Тюрина родилась в 1934 г. в семье сельских служащих на Вологодчине. В 1954 г. она поступила на исторический факультет МГУ. Уже в студенческие годы у нее проявились значительные способности к научному исследованию — ее доклады и курсовые неоднократно признавались лучшими на конкурсах студенческих работ. Дипломная работа выпускницы Московского университета 1959 г. А. П. Тюриной получила очень высокую оценку ее научного руководителя академика М. Н. Тихомирова.

С 1 июля 1959 г. и до последних дней жизни А. П. Тюрина работала в Институте истории СССР АН СССР — сначала в секторе периода феодализма, а с 1963 г. — в отделе истории советского крестьянства. В 1969 г. она защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата, а в 1984 г. — доктора исторических наук.

Деятельность А. П. Тюриной как ученого весьма разнообразна. Она опубликовала две крупные монографии, несколько научно-популярных работ и множество научных статей. Проблемы социальной структуры советского общества, социально-экономическая история деревни в послевоенные годы и на современном этапе, демографические процессы в крестьянстве, проблема формирования кадров специалистов и организаторов колхозного производства, процесс преобразования колхозов в совхозы — все это далеко не полный перечень тем, в разработку которых А. П. Тюрина внесла существенный вклад. Много сил ею было отдано при подготовке к изданию коллективного многотомного труда «История советского крестьянства», одним из основных авторов которого она была. Ее научные труды отличались глубиной критического анализа, своеобразием видения и понимания проблемы, яркой талантливостью.

В течение 15 лет А. П. Тюрина являлась ученым секретарем Оргкомитета Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории при Отделении истории АН СССР. Здесь, как и в исследовательской работе, проявились ее незаурядные организационные способности. Все сессии Аграрного симпозиума, в подготовке и работе которых участвовала А. П. Тюрина, были прекрасно организованы и отличались высоким научным уровнем обсуждения проблем. Все это способствовало созданию высокого научного престижа Аграрного симпозиума в среде специалистов.

А. П. Тюриной удавалось успешно сочетать научно-исследовательскую работу с преподавательской. Являясь профессором МГПИ им. В. И. Ленина, она подготовила из числа студентов и аспирантов немало специалистов по истории сельского хозяйства и крестьянства. Ее учеников отличают особая исследовательская пылкость и профессионализм.

Особое место в научной деятельности А. П. Тюриной занимала лекторская работа и пропаганда исторических научных знаний. В течение многих лет она была внештатным лектором Всесоюзного общества «Знание». Всем памятли ее блестящие доклады и лекции на заседаниях ученых советов академических институтов, всесоюзных конференциях, школах молодых ученых, методологических семинарах и т. п.

Память об Александре Петровне Тюриной — добром, отзывчивом и справедливом человеке, талантливым ученом — навсегда останется жить в сердцах знавших ее людей.

УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 1990 ГОДУ

Дискуссии и обсуждения

- Берхин И. Б.— Так что же такое «военный коммунизм»? № 3. С. 131—142.
- Дэвис Р. (Великобритания) — Данилов В. (СССР): диалог историков. № 2. С. 91—97.
- Козлов В. И.— Национальный вопрос: парадигмы, теория и политика. № 1. С. 3—22.
- Савченко В. А. (Одесса) — Измена «бабки» Махно и «железная метла» Л. Д. Троцкого (Причины и следствия махновского мятежа 1919 г.). № 2. С. 75—90.
- Шистер Г. А. (Ташкент) — Была ли альтернатива вооруженному восстанию? (В. И. Ленин о лозунге «Вся власть Советам!» и возможности мирного развития революции после разгрома корниловщины). № 4. С. 134—145.

В помощь преподавателям и студентам

*История советского общества.
Краткий очерк (1917—1945 гг.):*

- Гл. 1: Трукан Г. А.— Революция, которая потрясла мир. № 1. С. 78—102.
- Гл. 2: Поляков Ю. А., член-корреспондент АН СССР — Гражданская война в России (Поиски нового видения). № 2. С. 98—117.
- Гл. 3: Дмитренко В. П.— «Военный коммунизм», нэп... № 3. С. 3—26.
- Гл. 4: Лельчук В. С.— 1926—1940 годы: завершенная индустриализация или промышленный рывок? № 4. С. 3—25.
- Гл. 5: Данилов В. П.— Коллективизация сельского хозяйства в СССР. № 5. С. 7—30.

Статьи

- Андреев И. А.— «Сильные люди» Московского государства и борьба дворян с ними в 20—40-е годы XVII века. № 5. С. 77—88.
- Аринин А. Н., Болтушкин В. В. (Уфа) — Современные национальные процессы в Башкирии: особенности, проблемы, пути совершенствования. № 5. С. 31—41.
- Безнин М. А. (Вологда) — Землепользование крестьянского двора в Российском Нечерноземье в 1950—1965 годах. № 3. С. 27—40.
- Бородин Н. П. (г. Куйбышев) — Соотношение капиталистической и отработочной систем в помещичьих имениях Черноземного Центра в 80—90-х годах XIX века (По материалам земской статистики). № 2. С. 31—43.
- Боханов А. Н.— Торговые дома в России в конце XIX — начале XX века (Численность, структура, состав владельцев). № 4. С. 88—101.

- Гаряев Р. М.— Суздаль. Символика русского средневекового города. № 3. С. 55—70.
- Губогло М. Н.— К изучению современной этнополитической ситуации в СССР. № 6. С. 3—13.
- Дмитриев С. Н.— Союз союзов в годы первой мировой российской революции. № 1. С. 40—57.
- Дудзинская Е. А.— Эволюция славянофильских взглядов на пореформенную общину. № 3. С. 41—54.
- Зеленин И. Е.— Осуществление политики «ликвидации кулачества как класса» (осень 1930—1932 гг.). № 6. С. 31—49.
- Земсков В. Н.— К вопросу о репатриации советских граждан. 1944—1951 годы. № 4. С. 26—41.
- Иванов А. Е.— Профессорско-преподавательский корпус высшей школы России конца XIX — начала XX века: общественно-политический облик. № 5. С. 60—76.
- Исаев И. А.— Переходная экономика нэпа (Поиск форм хозяйственно-правовой автономии и централистские тенденции). № 2. С. 15—30.
- Каменский А. Б.— Российское дворянство в 1767 году (К проблеме консолидации). № 1. С. 58—77.
- Киселев И. Н., Корелин А. П., Шелохаев В. В.— Политические партии в России в 1905—1907 гг.: численность, состав, размещение (Количественный анализ). № 4. С. 71—87.
- Куманев В. А.— Судьбы советской интеллигенции (30-е годы). № 1. С. 23—39.
- Кучкин В. А.— Города Северо-Восточной Руси в XIII—XV веках (Число и политико-географическое размещение). № 6. С. 72—85.
- Назаренко А. В.— Русь и Германия при Святославе Игоревиче. № 2. С. 60—74.
- Нежинский Л. Н.— Была ли военная угроза СССР в конце 20-х — начале 30-х годов? № 6. С. 14—30.
- Ненароков А. П.— Из опыта национально-языковой политики первых лет Советской власти. № 2. С. 3—14.
- Никитин Н. И.— К вопросу о социальной природе приборного войска. № 2. С. 44—59.
- Орлов А. С.— СССР и Прибалтика. 1939—1940. № 4. С. 42—57.
- Павлов А. П. (Ленинград) — Земельные переселения в годы опричнины (К вопросу о практической реализации указа об опричнине 1565 г.). № 5. С. 89—104.
- Павлов Д. Б., Петров С. А.— Полковник Акаси и освободительное движение в России (1904—1905 гг.). № 6. С. 50—71.
- Сахаров А. Н.— Политическое наследие Рима в идеологии Древней Руси. № 3. С. 71—83.
- Симонов Н. С.— Советская финансовая

политика в условиях нэпа (1921—1927 гг.). № 5. С. 42—59.

Эргашев Б. Х. (Бухара) — К вопросу о младобухарцах. № 4. С. 58—70.

От редакции. № 5. С. 3—6.

Публикации и сообщения

Русское политическое масонство. 1906—1918 гг. (Документы из архива Гуверовского института войны, революции и мира). Комментарии В. И. Старцева. Окончание. № 1. С. 139—155.

Троцкий Л. Д. История русской революции (Фрагменты из книги). Вступительная статья и комментарии Н. А. Васецкого. № 2. С. 156—174; № 3. С. 143—165; № 4. С. 146—164; № 5. С. 135—146.

Булатов В. Н. (Архангельск) — Роль европейского Севера в прорыве экономической блокады. 1920—1924 годы. № 3. С. 166—170.

Даревская Е. М. (Иркутск) — Завершили спор о С. П. Трубецком? № 5. С. 151—160.

Ефимкин А. П. (г. Горький) — «Мы заплатили немецким империалистам золото...». № 5. С. 147—151.

Кротов П. А. — К вопросу о силах и тактике русского гребного флота в Гангутском сражении 1714 года. № 6. С. 137—150.

Малиновский Л. В. (Барнаул) — Община немецких колонистов в России и ее региональные особенности в XIX — начале XX века. № 2. С. 175—182.

Марасинова Е. Н. — Эпистолярные источники о социальной психологии русского дворянства (Последняя треть XVIII в.). № 4. С. 165—173.

Соколов З. П. — Перестройка и судьбы малочисленных народов Севера. № 1. С. 155—166.

Чумичева О. В. (Новосибирск) — Страницы истории Соловецкого восстания (1666—1676 гг.). № 1. С. 167—175.

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Бородкин Л. И., Свищёв М. А. — Социальная мобильность в период нэпа. К вопросу о росте капитализма из мелкого производства. № 5. С. 105—121.

Ганелин Р. Ш. (Ленинград) — Творческий путь А. Я. Авреха. № 4. С. 102—112.

Герасименко Г. А. — Общественные исполнительные комитеты 1917 года в исторической литературе. № 3. С. 104—115.

Горяева Т. М. — Журналистика и цензура (По материалам советского радиовещания 20—30-х годов. Источниковедческий аспект). № 4. С. 112—123.

Дементьев В. Д. (Москва), Самошкин В. В. (Борисоглебск) — Восстание крестьян на Тамбовщине в 1920—1921 годах (Обзор литературы). № 6. С. 99—110.

Дмитриев М. В. — История отечественной духовной культуры в исследованиях А. И. Клибанова. № 6. С. 124—136.

Жиромская В. Б. — Всесоюзные переписи населения 1926, 1937, 1939 годов. История подготовки и проведения. № 3. С. 84—104.

Злобин Е. В. — К вопросу об авторстве «Записок» декабриста И. И. Горбачевского. № 2. С. 140—155.

Ильясов Ш. З. (Махачкала) — Участие рабочего класса в управлении производством (К вопросу об определении содержания понятия). № 1. С. 103—114.

Кабанов В. В. — Школа А. В. Чайнова, или организационно-производственное направление русской экономической мысли. № 6. С. 86—99.

Каминская С. Г., Каминский Г. Д. — Г. Н. Каминский во главе сельскохозяйственной кооперации. № 2. С. 126—140.

Кирьянов Ю. И. — Стачное движение в России в 1914 — феврале 1917 года (По материалам официальных источников и «хроник» выступлений рабочих). № 5. С. 121—134.

Кусов В. С. — К вопросу о достоверности писцовых книг. Точность измерения земель при межевании в XVII веке. № 4. С. 123—128.

Литвак К. Б. — Перепись населения 1897 года о крестьянстве России (Источниковедческий аспект). № 1. С. 114—126.

Наринский М. М. — Наполеон в современной ему российской публицистике и литературе. № 1. С. 126—138.

Пронштейн А. П. (Ростов-на-Дону) — Историческое источниковедение в трудах К. Н. Бестужева-Рюмина. № 3. С. 115—130.

Ратушняк В. Н. (Краснодар) — Нерешенные вопросы социально-экономической эволюции народов Северного Кавказа в конце XIX — начале XX века (Некоторые итоги и перспективы исследования). № 6. С. 110—123.

Сарбей В. Г., Франко О. Е. (Киев) — Малоизвестная страница биографии В. И. Ленина. № 2. С. 118—126.

Письма в редакцию

Исмаилов Х. — Туркестан в эпоху двух революций. № 5. С. 211—219.

Лурье Я. С. (Ленинград) — К истории одной дискуссии. № 4. С. 128—133.

Стрюченко И. Г. (Владивосток) — Об историографии хасанских событий 1938 года. № 5. С. 207—211.

В Институте истории СССР АН СССР

Отечественная история в современной публицистике. Встреча за «круглым столом». № 1. С. 176—190.

Критика и библиография

Общественные организации в политической системе страны

Коржихина Т. П.— Добровольные общества в Петрограде — Ленинграде в 1917—1937 гг. № 5. С. 161—165.

История и личность

Лурье Я. С. (Ленинград) — Иван Грозный и его время (О книге: В. Кобрин. Иван Грозный). № 5. С. 174—177.

Польский М. П.— Действующие лица: Корнилов, Милюков, Черчилль (О книгах: Г. З. Иоффе. «Белое дело». Генерал Корнилов; Н. Г. Думова, В. Г. Трухановский. Черчилль и Милюков против Советской России). № 5. С. 166—174.

Обзоры

Поletaев В. Е.— Книги о рабочем классе автономных республик Российской Федерации. № 3. С. 171—174.

Черемисина Н. М.— Историография истории народов СССР в библиографических указателях (1987—1988 гг.). № 3. С. 174—179.

Балязин В. Н.— Ю. Н. Жуков. Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры. 1917—1920. № 6. С. 152—154.

Бойко И. И. (Чебоксары) — Т. С. Сергеев. Культура Советской Чувашии. К 70-летию автономии республики. № 6. С. 151—152.

Буганов В. И.— Русское православие: веки истории. № 4. С. 177—179.

Ваксер А. З. (Ленинград) — В. А. Михеев. Решающая сила перестройки. Возрастание активности советского рабочего класса в ускорении социально-экономического развития страны. № 2. С. 183—186.

Воронкова С. В.— Л. Е. Шепелев. Царизм и буржуазия в 1904—1914 гг. Проблемы торгово-промышленной политики. № 4. С. 180—182.

Гроссман А. С.— Г. Я. Тарле. Движение сторонников мира в СССР. № 1. С. 191—194.

Демидова Н. Ф.— Соборное уложение 1649 г. Текст и комментарии. № 2. С. 190—192.

Дик Е. Н., Сизоненко А. И.— Б. Н. Комиссаров. Петербург — Рио-де-Жанейро. Становление отношений. 1808—1828 гг. № 2. С. 202—204.

Дьяконова И. А.— А. Я. Овчинникова. Революционная Россия и Финляндия. 1905—1907. № 1. С. 196—198.

Ивонин А. Р. (Барнаул) — Н. И. Никитин. Служилые люди в Западной Сибири XVII века. № 1. С. 205—207.

Колесников П. А., Притыченко Е. И. (Вологда) — Документальные памятники: выявление, учет, использование. Учебное пособие для студентов высших учеб-

ных заведений, обучающихся по специальности «История». № 2. С. 204—206.

Кондакова Н. И. (Москва), Рябцев А. С. (Тула) — Ю. Л. Дьяков. Капитальное строительство в СССР. 1941—1945. № 4. С. 176—177.

Кондратьев В. А.— В. Р. Копылов. Октябрь в Москве и иностранные интернационалисты. № 2. С. 186—187.

Крикунов В. П. (г. Грозный) — И. Д. Ковальченко, Т. Л. Моисеенко, Н. Б. Селунская. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства европейской России в эпоху капитализма (Источники и методы исследования). № 3. С. 179—181.

Кузнецова И. В.— Л. М. Зак. Дружба рождалась в борьбе. СССР — Франция: страницы истории. № 4. С. 174—176.

Литвак Б. Г.— С. В. Мироненко. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. № 6. С. 160—164.

Милов Л. В.— Николай Павленко. Полудержавный властелин. Историческая хроника. № 1. С. 202—204.

Моисеенко Т. Л., Смоленский Н. И.— И. Д. Ковальченко. Методы исторического исследования. № 6. С. 167—171.

Муравьева Л. Л., Богданов А. Н.— А. П. Пронштейн. Источниковедение в России. Эпоха феодализма. № 4. С. 183—185.

Никитин Н. И.— Старообрядческое население Алтая в XVIII — начале XX века (О книге: Т. С. Мамсик. Хозяйственное освоение Южной Сибири: механизмы формирования и функционирования агропромышленной структуры). № 5. С. 177—186.

Оболенская С. В.— Б. С. Итенберг. Россия и Великая французская революция. № 1. С. 198—202.

Плохий С. Н., Чернов Е. А. (Днепропетровск) — Е. В. Чистякова, А. П. Богданов. Да будет потомкам явлено... Очерки о русских историках второй половины XVII века и их трудах. № 3. С. 181—184.

Попов А. И. (г. Куйбышев) — Н. А. Троицкий. 1812. Великий год России. № 2. С. 187—189.

Пронштейн А. П. (Ростов-на-Дону) — С. М. Каштанов. Русская дипломатика. № 2. С. 197—202.

Пушкарев Л. Н.— Описи Київського намісництва 70—80 років XVIII ст. № 4. С. 189—191.

Селунская В. М.— В. Б. Жиромская. Советский город в 1921—1925 гг.: проблемы социальной культуры. № 1. С. 194—196.

Соболева Н. А., Аксенов А. И.— Вспомогательные исторические дисциплины: историография и теория. № 4. С. 191—193.

Твардовская В. А.— А. Н. Боханов. Коллекционеры и меценаты России. № 6. С. 154—156.

Федоров В. А.— История крестьянской общины 1861—1880 гг. (Документы). № 4. С. 186—189.

- Цыбин М. Ф. (Воронеж) — А. А. Шенников. Червлёный Яр. Исследование по истории и географии Среднего Поволжья в XIV—XVI вв. № 2. С. 192—197.
- Шватченко О. А.— В. М. Воробьев, А. Я. Дегтярев. Русское феодальное землевладение от «Смутного времени» до кануна петровских реформ. № 1. С. 207—211.
- Швейковская Е. Н.— Акты писцового дела (1644—1661 гг.); Акты писцового дела 60—80-х годов XVII века. № 6. С. 164—167.
- Шеремет В. И.— С. И. Данченко. Русско-сербские общественные связи. 70—80-е годы XIX в. № 6. С. 158—160.
- Щетинина Г. И.— В. И. Чесноков. Правительственная политика и историческая наука России 60—70-х годов XIX века. Исследовательские очерки. № 6. С. 156—158.
- История СССР за рубежом**
- Безотосный В. М.— Французские источники по истории Отечественной войны 1812 года. № 3. С. 212—219.
- Бергман Т. (ФРГ)— Фазы постреволюционной аграрной политики в СССР, КНР и Югославии (Попытка сравнительного анализа). № 5. С. 187—197.
- Булдаков В. П., Дмитренко В. П.— Дневник русской гражданской войны. Алексис Бабине в Саратове. 1917—1922 гг. № 1. С. 212—214.
- Гайдук И. В.— Джордж Ф. Кеннан как историк советско-американских отношений. № 3. С. 185—198.
- Гайер Д. (ФРГ)— Проблема и перспективы сотрудничества историков Советского Союза и ФРГ. № 2. С. 207—210.
- Дьяконова И. А.— Х. Накаяма. Царская Россия и иностранный капитал. № 2. С. 213—215.
- Игрицкий Ю. И.— Квантификация плюс сотрудничество (О книге «Забастовки, войны и революции: международный аспект. Стачечные войны в конце XIX — начале XX в.»). № 5. С. 197—203.
- Игрицкий Ю. И.— Концепция тоталитаризма: уроки многолетних дискуссий на Западе. № 6. С. 172—190.
- Йена Д. (ФРГ)— Некоторые проблемы истории русского либерализма. № 4. С. 207—214.
- Коновалов В. С.— Н. Шлейфман. Секретные агенты в русском революционном движении: партия социалистов-революционеров. 1902—1914 гг. № 5. С. 203—206.
- Кудряшов С. В.— К. Андреев. Власов и Русское освободительное движение. № 2. С. 210—212.
- Медушевский А. Н.— Р. О. Крамми. Формирование Московского государства. 1304—1613. № 1. С. 218—221.
- Медушевский А. Н.— Е.-М. Хартенштейн. М. М. Щербатов (1733—1790) как политический идеолог русского дворянства и его утопический трактат «Путешествие в землю Офирскую». № 2. С. 217—218.
- Мионов Б. Н. (Ленинград)— Дэвид Л. Рансел. Матери нищеты: Брошенные дети в России. № 6. С. 207—210.
- Никитина Д.— Проблемы устной истории на VII Международной конференции. № 6. С. 210—216.
- Павлов Д. Б.— Х. Иммонен. Аграрная программа русской партии социалистов-революционеров. 1900—1914. № 1. С. 216—218.
- Поткина И. В., Селунская Н. Б.— Россия и модернизация (В прочтении западных ученых). № 4. С. 194—207.
- Рабинович А. (США)— Попытки формирования многопартийного демократического социалистического правительства в 1917 г. в России. № 6. С. 191—207.
- Соболев Г. Л., Соломещ И. М. (Ленинград)— Т. Вихавайнен. Финляндия в советской прессе. 1918—1920. № 1. С. 214—216.
- Соколов Ю. Ф.— Дж. Скрин. Юнкерское училище в Хельсинки. 1846—1879: Изучение системы подготовки офицеров русской армии. № 2. С. 215—217.
- Филиппова Т. А.— Британские историки о России на рубеже 70—80-х годов XIX века. № 3. С. 199—212.
- Научная жизнь**
- Кондрашин В. В.— Конференция молодых историков по проблемам устной истории. № 5. С. 220—222.
- Морозов Б. Н., Муравьев В. А., Простоволосова Л. Н.— Первая конференция по генеалогии. № 2. С. 219—221.
- Найденова Л. П., Привалова Т. В. (Москва), Сымонович Ч. Э. (Ленинград)— На XXII сессии Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. № 4. С. 215—221.
- Соболева Н. А. (Москва), Давыдов А. Н. (Архангельск)— Конференция в Архангельске. № 3. С. 220—221.
- Памяти А. П. Тюриной. № 6. С. 211.

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Губогло М. Н.— К изучению современной этнополитической ситуации в СССР	3
Нежинский Л. Н.— Была ли военная угроза СССР в конце 20-х — начале 30-х годов?	14
Зеленин И. Е.— Осуществление политики «ликвидации кулачества как класса» (осень 1930—1932 гг.)	31
Павлов Д. Б., Петров С. А.— Полковник Акаси и освободительное движение в России (1904—1905 гг.)	50
Кучкин В. А.— Города Северо-Восточной Руси в XIII—XV веках (Число и политико-географическое размещение)	72

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Кабанов В. В.— Школа А. В. Чайанова, или организационно-производственное направление русской экономической мысли	86
Дементьев В. Д. (Москва), Самошкин В. В. (Борисоглебск) — Восстание крестьян на Тамбовщине в 1920—1921 годах (Обзор литературы)	99
Ратушняк В. Н. (Краснодар) — Нерешенные вопросы социально-экономической эволюции народов Северного Кавказа в конце XIX — начале XX века (Некоторые итоги и перспективы исследования)	110
Дмитриев М. В.— История отечественной духовной культуры в исследованиях А. И. Клибанова	124

Сообщения

Кротов П. А. (Ленинград) — К вопросу о силах и тактике русского гребного флота в Гангутском сражении 1714 года	137
--	-----

Критика и библиография

Бойко И. И. (Чебоксары) — Т. С. Сергеев. Культура Советской Чувашии. К 70-летию автономии республики	151
Балязин В. Н.— Ю. Н. Жуков. Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры. 1917—1920	152
Твардовская В. А.— А. Н. Боханов. Коллекционеры и меценаты России	154
Щетинина Г. И.— В. И. Чесноков. Правительственная политика и историческая наука России 60—70-х годов XIX века. Исследовательские очерки	156
Шеремет В. И.— С. И. Данченко. Русско-сербские общественные связи. 70—80-е годы XIX в.	158
Литвак Б. Г.— С. В. Мироненко. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в.	160
Швейковская Е. Н.— Акты писцового дела (1644—1661); Акты писцового дела 60—80-х годов XVII века	164
Смоленский Н. И., Моисеенко Т. Л.— И. Д. Ковальченко. Методы исторического исследования	167

История СССР за рубежом

Игрицкий Ю. И. — Концепция тоталитаризма: уроки многолетних дискуссий на Западе . . .	172
Рабинович А. (США) — Попытки формирования многопартийного демократического социалистического правительства в 1917 году в России	191
Миронов Б. Н. (Ленинград) — Дэвид Л. Рансел. Матери нищеты: Брошенные дети в России.	207
Никитина Д. — Проблемы устной истории на VII Международной конференции	210
Памяти А. П. Тюриной	217
Указатель материалов, опубликованных в журнале в 1990 году	218

CONTENTS

Articles

Guboglo M. N. — On the Study of Current Ethno-Political Situation in the USSR	3
Nezhinsky L. N. — Was There a Military Threat to the USSR in the Late 20's and Early 30's?	14
Zelenin I. Ye. — The Implementation of the Politics of the „Elimination of the Kulaks as a Class“ (autumn 1930—1932)	31
Pavlov D. B., Petrov S. A. — Colonel Akashi and Liberation Movement in Russia (1904—1905)	50
Kuchkin V. A. — Towns of North-East Russia in the 13th — 15th Centuries (number and political-geographical location)	72

Historiography, Study of Sources, Methods of Historical Research

Kabanov V. V. — A. V. Chayanov's School or Organization/Production Oriented Trend in Russian Economic Thought	86
Dementyev V. D. (Moscow), Samoshkin V. V. (Borisoglebsk)— The Peasant Rising of 1920—1921 in the Tambov Area (survey of literature)	99
Ratushnyak V. N. (Krasnodar) — Unsolved Problems of Socio-Economic Evolution of Peoples in the North Caucasus in the Late 19th — Early 20th Centuries (some results and prospects of research)	110
Dmitriev M. V. — History of Domestic Spiritual Culture in A. I. Klibanov's Studies	124

Communications

Krotov P. A. (Leningrad) — On the Problem of Strength and Tactics of the Russian Rowing Fleet in the Gangut Battle of 1714	137
---	-----

Book Reviews and Bibliography

Boyko I. I. (Cheboksary) — T. S. Sergeev. Soviet Chuvashia's Culture. Toward the 70 Years of the Republic's Autonomy	151
Balyasin V. N. — Yu. N. Zhukov. Formation and Activities of Soviet Bodies for Protection of Historical and Cultural Monuments, 1917—1920	152
Tvardovskaya V. A. — A. N. Bokhanov. Collectors and Patrons of Art in Russia	154
Shchetinina G. I. — V. I. Chesnokov. Government Policies and Historical Science in Russia in 1860's—1870's. Research Essays	156

Sheremet V. I. — S. I. Danchenko. Russian-Serbian Social Contacts. 1870's—1880's	158
Litvak B. G. — S. V. Mironenko. Autocracy and Reforms. Political Struggle in Russia in the Early 19th Century	160
Shveykovskaya Ye. N. — Cadastres (1644—1661); Cadastres (1660—1680's)	164
Smolensky N. I., Moiseenko T. L. — I. D. Kovalchenko. Methods of Historical Research	167

History of the USSR in Foreign Studies

Igritsky Yu. I. — The Concept of Totalitarianism: Lessons of Long-Time Discussions in the West	172
Rabinowitch A. (USA) — Efforts to Establish a Multi-Party Democratic Socialist Government in 1917 Russia	191
Mironov B. N. (Leningrad) — David L. Ransel. Mothers of Misery: Child Adandonment in Russia	207
Nikitina D. Problems of Oral History at the VII th International Conference	210
In Memory of A. P. Tyurina	217
Index of Materials Published in 1990	218

ЗАМЕЧЕННАЯ ОПЕЧАТКА:

В № 5 на с. 180, 2-й стб., 6-я строка снизу следует читать: **деноминации**

Технический редактор *Глинкина Л. И.*

Сдано в набор 06.08.90. Подписано к печати 02.10.90. Формат бумаги 70×100¹/₁₆
 Офсетная печать. Усл. печ. л. 18,2. Усл. кр.-отт. 500,4 тыс. Уч.-изд. л. 24,2 Бум. л. 7,0
 Тираж 27020 экз. Зак. 332. Цена 1 р. 40 к.

Адрес редакции: 103031, Москва, К-31, Кузнецкий мост, 19, тел. 925-34-61
 2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6